

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ВНИЗ ПО ТЕМНОЙ РЕКЕ»

КАРЕН ОДДЕН

УДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ ТЕХ ИЗ НАС,
КТО ЛЮБИТ ПРЯТАТЬСЯ
В ВИКТОРИАНСКОМ ЛОНДОНЕ...

УИЛЛ ТОМАС, ЛАУРЕАТ
ОКЛАХОМА BOOK AWARD

ПОД
СКОРБНОЙ
ЛУНОЙ

МЕТАНОВРОСС

Annotation

Лондон, 1878 год. Новое расследование сталкивает прославленного инспектора Майкла Корравана, родившегося в Ирландии, со своими соотечественниками, Ирландским республиканским братством. Все указывает на то, что именно эта организация причастна к самой страшной морской катастрофе, которую когда-либо видел Лондон, — крушению парохода «Принцесса Алиса».

Корравану необходимо добиться правды, которая, возможно, поколеблет его веру в родину, закон и самого себя.

- [Карен Олден](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Примечания автора](#)
 - [Вопросы для обсуждения в книжном клубе](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Карен Одден

Под скорбной луной

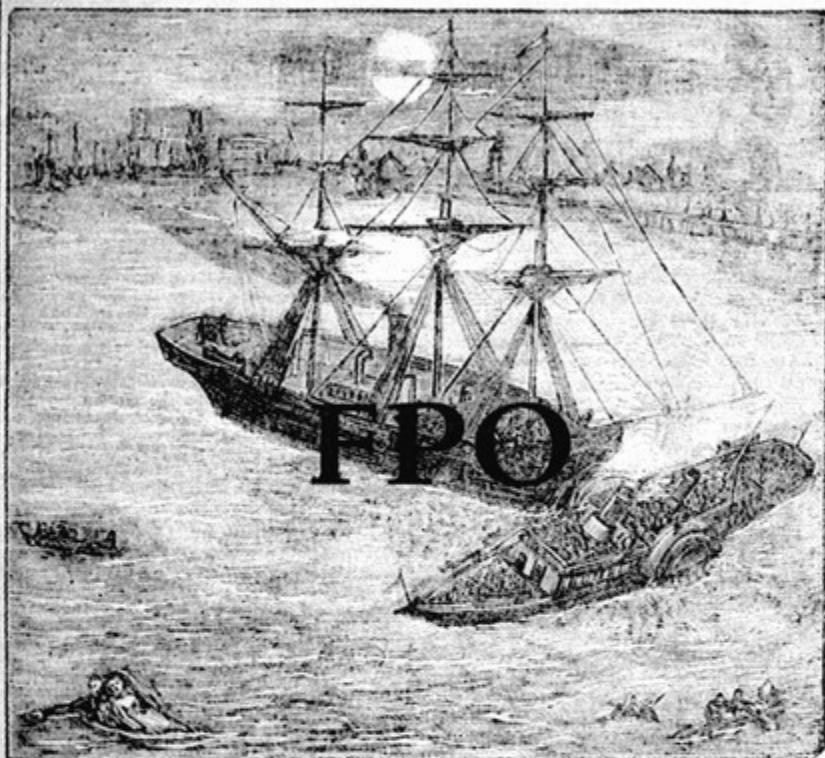
Как всегда, посвящается Джорджу, Джулии и Кайлу, а также добрым учителям и вдохновителям, встречающимся на нашем пути

*Мы — словно облака, полночную
сокрывшие луну;
Летят они бездумно, и трепещут, и
мерцают,
Свеченьем призрачным рассеивая тьмы
ночной волну,
Но вновь густеет мрак, и света проблеск
исчезает.*

*Перси Биши Шелли «Непостоянство»
(1816)*

*Юность — грубая ошибка; зрелость — борьба;
старость — сожаление.*

Бенджамин Дизраэли «Конингсби» (1844)

"Then rose from stream to sky a bill for a while,
Then struck the timber, and stood still the while."

THE LOSS OF THE PRINCESS ALICE

SALOON STEAMER in the THAMES, Sept. 3rd, 1878.

AN AUTHENTIC NARRATIVE by a **SURVIVOR**, not hitherto published.

HEARTRENDING DETAILS—FACTS NOT MADE PUBLIC—NOBLE EFFORTS TO SAVE LIFE—RECOVERING THE DEAD—PARTICULARS AS TO LOST, SAVED, AND MISSING—PLAN OF THE LOCALITY.

SKETCHES BY AN EYE WITNESS.

BEAUTIFUL POEM, specially written on the event,

NOW FIRST PUBLISHED.

/ MEMORIAL FOR ALL TIME OF THIS FEARFUL CALAMITY.

Действующие лица

Речная полиция, Уоппинг-стрит

Майкл Корраван, исполняющий обязанности суперинтенданта

Чарли Дауэр, протоколист

Сержант Трент

Скотланд-Ярд

Говард Винсент, директор Скотланд-Ярда

Гордон Стайлз, инспектор, бывший напарник Корравана

«Принцесса Алиса»

Капитан Гринстед

Фредерик Бонси, старший стюард

Констебль Брискоу, пассажир

Джон Эйрс, рулевой

«Замок Байуэлл»

Капитан Томас Гаррисон

Генри Джон Белдинг, помощник капитана

Питер Даймлоу, инженер

Джон Конвей, рулевой, лоцман

Джордж Перселл, кочегар

Ма Дойл, приемная мать Корравана, проживает в Уайтчепеле

Колин Дойл, сын ма Дойл

Элси Дойл, дочь ма Дойл (сестра-близнец Колина)

Белинда Гейл, писательница и драматург

Гарри Лиш, племянник ма Дойл, живет в доме Корравана

Том Флинн, репортер из «Фалкона»

Уинторп Ротерли, член комитета по расследованию крушений

Эдгар Куотермен, глава парламентского комитета, начальник

Ротерли

Мистер Вуд, сотрудник инспекции речных причалов

Лорд Бейнс-Хилл, член парламента, адвокат
Джеймс Маккейб, главарь банды «Каменщики мыса»
Тимоти Луби, идейный вдохновитель Ирландского
республиканского братства

Глава 1

*Лондон,
сентябрь 1878 г.*

Груз прошлых лет мы несем с собой всю жизнь. Иногда это опыт яркий и заслуживающий уважения, словно лежащая в кармане новенькая монета. Порой же его хочется с себя стряхнуть, как приставшую к одежде ворсинку. Многие из моих воспоминаний вызывают лишь сожаление и стыд, и время от времени я задумываюсь: как нам удастся благополучно жить, несмотря на багаж нелепых и неблагоприятных поступков, которых из жизни не вычеркнуть.

Я совершил немало ошибок с тех пор, как впервые попал в Ламбет и надел форму столичного полицейского. Уж двенадцать лет минуло... Расследование убийств и розыск пропавших людей — не для тех, кто опасается раз за разом ступать на ложный след, прежде чем найти искомое. Подобные промахи возникают в результате неверных гипотез, которые, в свою очередь, основываются на недостаточном знании. Эти оплошности могут обеспечить вам несколько бессонных ночей, и все же они поправимы.

Есть ошибки и другого рода, ошибки непростительные, которые наносят вред близким людям. И уж совсем плохо, когда осознаешь свои просчеты много лет спустя. Частенько в подобных случаях уже ничего не поправить — время потеряно безвозвратно. Тяжело найти себе оправдание, когда задним числом понимаешь: следовало сто раз подумать, к каким последствиям приведут твои поступки. Урок этот не усвоишь заранее. Лишь оступившись, впоследствии представляешь цену своего промаха.

Порой, встречаясь по вечерам с Белиндой, я слушаю, как она зачитывает вслух отрывки из книги, что занимает ее мысли.

Как-то раз она пересказывала мне греческий миф о человеке, потерявшем жену из-за укуса ядовитой змеи. Музыка послужила ему пропуском в подземный мир, и там герой мифа убедил Аида отпустить любимую. Правда, бог царства мертвых выдвинул одно условие: ни сам мужчина, ни его жена не должны оглядываться, покидая загробный мир. Что же сделал глупец? Обернулся, дабы

удостовериться, что супруга не отстала. Не совладал с собой, бедняга... Врата ада открылись, и женщина пропала навсегда.

С другой стороны — как не утратить самообладание, если не помнишь себя от ужаса?

Мне было девятнадцать, когда, лишившись от страха рассудка, я бежал из Уайтчепела, имея при себе лишь сумку с одежкой да горсть монет, что втиснула мне в руку ма Доил. Улепетывал без оглядки. Вот только, в отличие от того человека из мифа, оглянуться как раз следовало.

Поступи я тогда как человек разумный, через тринадцать лет передо мной не разверзся бы ад.

Первого сентября я проснулся с восходом бледного осеннего солнца. В душе царило ощущение внутреннего благополучия. Такое случалось нечасто. Пришлось приложить усилие, чтобы вспомнить: отчего мне так хорошо? Валяясь в постели, я прислушивался к умиротворенной воскресной тишине своего маленького дома. За окном поскрипывали по булыжной мостовой колеса тележки уличного торговца, били колокола расположенной неподалеку церкви Святого Варнавы. Службы я более не посещал, однако веру в Бога не утратил. В Бога разумного и беспристрастного, хотя порой справедливое начало нашего мира меняло знак — подобно тому, как плохо закрепленный на кнехте лодочный канат вдруг разматывается, и лодка плывет в непредсказуемом направлении.

Уставившись в потолок, я с чувством глубокого удовлетворения собрался с мыслями. Уже три месяца мне приходилось исполнять обязанности суперинтенданта речной полиции. На днях мы раскрыли дело контрабандистов, совавших взятки работникам таможи. Те в ответ занижали вес груза, соответственно уменьшая сумму налога. Целый месяц я трудился без продыха, а теперь испытывал заслуженное облегчение. С моей шеи словно свалилось тяжелое ярмо — так бывало всегда после окончания важного расследования. Вчера в газетах даже отозвались о наших действиях вполне положительно. Господь не даст соврать: благожелательность публики нам требовалась как воздух.

При воспоминаниях о прошлогоднем судебном процессе о взятках в полиции я до сих пор поеживался. Как дружно проклинали тогда нас,

детективов, за мошенничество... Заголовки газет кричали, как очистился бы Лондон, окажись вся наша шайка на дне реки.

А потом мы распутали случай с апрельскими убийствами на Темзе, да еще призвали к ответу контрабандистов, и отношение к полиции потихоньку стало налаживаться. Разумеется, репортажи о наших успехах содержали множество неточностей. Конечно, никто не вспоминал об утомительном следствии, ложных уликах и бесчисленных часах, проведенных на улице — так что особой достоверностью газеты не грешили. Тем не менее полиция представляла в выгодном свете.

Открылась дверь соседней спальни, которую занимал Гарри. Его быстрые ноги застучали по лестнице, и я выбрался из кровати. Камин в моей комнате давно прогорел; было холодно и сыро — давали о себе знать отголоски дождливого августа.

Стоя у окна в ночной рубашке, я поглядывал на двухэтажные кирпичные домики через дорогу, стоявшие стена к стене, как и на моей стороне улицы. Золотистый солнечный свет, напоминающий цветом корочку хорошо пропеченного хлеба, отражался от окон верхних этажей, и я прищурился. Черт, приятно сознавать, что на сегодня планов нет! Ну, разве что забежать на чашечку чая к Дойлам... Совсем закрутился с расследованием и своими новыми обязанностями на Уоппинг-стрит — уже месяц не видел ни ма, ни Элси с Колином. Соскучился...

Внизу засвистел вскипевший чайник.

Гарри... Готовит себе чай, мне кофе. Наверное, я придерживался привычек прошлого столетия, ибо слабеньких напитков по утрам пить не умел. Научил Гарри заваривать кофе как следует, тем более что он сам сказал: сделает все, чтобы я на него не ворчал.

Гарри Лиш, племянник ма Дойл, переехал ко мне в Сохо полгода назад после смерти отца. Мать его умерла еще раньше. Некоторое время он кантовался у Дойлов, а потом ма пришла к выводу, что Уайтчепел — не его место. Слишком хорошо образован, да и речь его скорее уместна в Мейфэре, нежели в Мерсисайде. Мальчишке едва исполнилось шестнадцать, а он уже был серьезно настроен изучать медицину, так что я подыскал ему место в госпитале Святой Анны, у моего приятеля, Джеймса Эверетта — отличного врача, хирурга,

который заведовал отделением мозговых травм и умственных расстройств.

Завтра Гарри собирался уехать на пару недель на стажировку в Эдинбургский госпиталь. Такую возможность предложил ему Джеймс, который нашел в мальчике прилежного и внимательного ученика.

Я натянул рубашку и брюки со специальным карманом для короткой дубинки. Память о днях, когда носил форму полисмена... По воскресеньям у меня был выходной, однако Дойлы жили в самом центре Уайтчепела, а там уши надо держать на макушке. Плеснув горсть воды в лицо и пробежавшись расческой по волосам, я прихватил дубинку и спустился на первый этаж.

— Доброе утро, Микки! — приветствовал меня Гарри.

— Доброе. — Я принял из его рук чашку. На столе лежала записная книжка, которую Гарри всегда брал с собой в госпиталь. — Сходишь со мной к Дойлам?

— Я бы с удовольствием, — виновато моргнул мальчик, — но у нас сегодня намечается особая операция.

— В воскресенье?

Он кивнул, и его карие глаза загорелись.

— Доктор Эверетт будет делать трепанацию черепа женщине с кровоизлиянием в мозг.

Вкус кофе вдруг показался мне кисловатым. Впрочем, не стоит остужать научный пыл молодого медика.

— Полагаю, ты будешь только наблюдать?

— Да, со специального балкончика, — с сожалением кивнул Гарри и тут же просиял: — Ассистировать будет Ричард!

Ричард — студент второго курса университетского колледжа — уже служил в госпитале. Гарри он взял под свою опеку.

— Как же это случилось? — поинтересовался я. — Как кровь оказалась в голове?

— Наша больная упала с лестницы. Если не сделать операцию, то кровяные сгустки начнут давить на внутренние участки мозга. — Он приложил палец к виску. — У пациентки уже проявились вторичные симптомы: судороги, спутанность сознания и так далее.

— Ого... А во сколько операция?

Запрокинув голову, Гарри допил свой чай.

— В десять утра, но я хочу прийти пораньше, к анестезии.

— Ну да, разумеется.

Наверняка зрелище увлекательное...

Скрывая улыбку, я спрятал лицо за чашкой.

— А потом, вряд ли тетя Мэри ждет меня в гости, — пробормотал мальчик, потянувшись за пальто. — Я ведь был у них во вторник, застал тетю и Элси, — добавил он, продевая руку в рукав. — Колина не было. Впрочем, как всегда.

Наверное, мне следовало насторожиться при изменении его тона, в котором сквозили боль, напряжение и подавленность. Почему я не заподозрил неладного? Увы, момент для далеко идущих выводов был совершенно неподходящим. Гарри уже побежал вверх по лестнице, бросив на ходу:

— Подожди меня, я быстро.

Я же во время разговора шарил по столу, разыскивая под газетами свой блокнот — черт, куда он запропастился? — и сигнал тревоги остался незамеченным.

Допив остатки кофе, я удовлетворенно кивнул: осадка на доньшке не было. Педантичный мальчишка, наверняка добьется успеха в профессии, требующей особой точности. Блокнот наконец нашелся, и я натянул пальто. Ботинки Гарри застучали по лестнице; я махнул ему от входной двери и отпер замок.

Мы вместе дошли до угла, где и распрощались. Я постоял, провожая взглядом его худощавую мальчишескую фигуру. Торопится, даже шапку не надел... Понятно, не хочет пропустить самого интересного.

Улыбаясь, я развернулся. Мальчик мне нравился, и мы наконец научились понимать друг друга. Белинда говорила, что у нас с ним много общего: оба сироты, оба умны, однако есть и не слишком приятные черты — ни один из нас терпеть не может быть кому-то обязанным. Так что походили мы друг на друга куда больше, чем я готов был признать. В глубине души я соглашался с Бел, хотя различия у нас с Гарри тоже имелись. Порой в голову приходили печальные мысли: кем бы я стал, будь у меня такое же образование? Чего добился бы под присмотром таких специалистов, как Джеймс? Нет, родная мать тоже учила меня грамоте, а после того, как она пропала, я освоил и арифметику, помогая в лавочке ма Дойл.

Но... Я вспоминал, как Гарри порой ронял фразочки то на французском, то на латыни или рассказывал что-то любопытное из истории. Точно так же вели себя и Джеймс, и мой бывший напарник Стайлз — и вовсе не потому, что кичились своей ученостью. Просто всплывало, вот и все. А я все больше убеждался: человека из нас делает прошлое и через голову прыгнуть невозможно.

С другой стороны, я сделал карьеру в полиции. Сделал себя сам и тем гордился.

Глава 2

День для пешей прогулки выдался чудесный, и я направился в свой любимый паб — единственный в пределах мили от дома, где подавали отличный пирог с румяной корочкой. Я любил посидеть там в воскресенье, обложившись газетами, к тому же знал, что сегодня Дойлы меня раньше двух или трех не ждут.

Мой обычный стол заняли двое мужчин, и я выбрал другой, у окна, где лежало несколько мятых газет — явно кто-то уже читал их до меня. Перебрав стопку, нашел «Таймс» с жирным заголовком на первой полосе: «Катастрофа в Ситтингборне». Чуть ниже — изображение поезда с паровозом, угольным и двумя опрокинутыми на бок пассажирскими вагонами. Вокруг — обычная в таких случаях толчея и вывалившиеся на пути вещи.

Я подавил тихий стон.

Ситтингборн находился в пятидесяти милях от Лондона, на южном берегу Темзы, недалеко от того места, где река впадает в Северное море. Я быстро просмотрел статью. Особых подробностей не было. Поезд потерпел крушение предыдущей ночью, тридцать первого августа, на ветке Лондон — Чатем — Дувр. Скоростной состав, перевозивший туристов из Ширнесса и прочих мест, сошел с рельсов. По всей видимости, причиной послужила просадка грунта либо прогнившая шпала, вот рельс и потерял устойчивость. Точно такой же случай произошел в марте прошлого года в Морпете, да и помимо этого я мог вспомнить десяток похожих катастроф за последние несколько лет. Предварительные отчеты говорили о трех погибших и шестидесяти двух пострадавших. Наверняка их число еще возрастет. Завершалась статья обычными в таких случаях мрачными сентенциями: до тех пор, пока парламент не установит стандарты безопасности при пользовании железной дорогой, путешественники так и будут погибать в подобных крушениях.

Я встал и направился к соседнему столу, где нашел другую газету. Здесь имелись новые подробности: оказывается, по неясной причине поезд шел по второстепенной ветке, проложенной в ста ярдах от станции, тогда как должен был двигаться по основной. Уточнялось

количество погибших — пять, а не три. На второй полосе газетчики дали зловещие описания изуродованных тел и разбросанных по путям поломанных детских игрушек, снабдив их иллюстрациями.

Несчастные родственники туристов... Что за жуткое окончание приятной экскурсии!

Свернув газету, я ощутил, как по спине пополз тревожный холодок. Белинда должна была через несколько дней вернуться поездом из Эдинбурга. Моя любимая на месяц уезжала к двоюродной сестре. Так надолго мы за три года не расставались ни разу — с тех самых пор, когда я впервые появился в ее доме, расследуя проникновение со взломом. Я представил себе, как Бел попадает в железнодорожную катастрофу, и холодок перебрался со спины в сердце.

Впрочем, страхи мои были безосновательны. По маршруту Лондон — Эдинбург Белинда ездила не меньше десятка раз; эта линия — одна из недавно построенных и достаточно надежных. Газетчики могут писать что угодно, но парламент еще до крушения потребовал навести порядок с процедурами безопасности. Вне всяких сомнений, катастрофа в Ситтингборне потребует создания еще одного парламентского комитета, а департаменту инспекции железнодорожных путей в ближайшее время предстоит дать показания и составить огромное количество отчетов. Словом, им не позавидуешь.

Прикончив пирог, я еще немного посидел, листая другие газеты, затем оделся и вышел из паба. Направившись в восточную часть города, пересек Леман-стрит и попал в Уайтчепел. На многих узких, покрытых выбоинами улочках табличек с названиями не было, однако я вырос в этих кривых переулках. Верхние этажи зданий здесь нависали над немощеными проходами и причудливой формы двориками. Я поворачивал то направо, то налево и наконец добрался до улицы, где находилась лавочка ма Дойл. По воскресеньям она обычно открывалась в час дня, после мессы, и я уже предвкушал, как увижу обычную суету у дверей.

Забитое досками окно стало для меня неприятной неожиданностью. По спине побежали мурашки.

Кражи со взломом в Уайтчепеле были явлением довольно обычным, но от Дойлов грабители всегда держались в стороне. Целью, как правило, выбирали владельцев лавочек, опрометчиво оставивших

на ночь товар в витринах, а еще личностей непопулярных или повздоривших с «Каменщиками мыса». Жертвами становились и противники ирландской банды из Севен Дайлс, которая, распространив свое влияние на восток, занималась здесь азартными играми, вымогательством и тому подобными делишками. Я представить себе не мог, чтобы кто-то из них покусился на лавочку ма Дойл. Ее всегда знали в квартале как добрую соседку, всегда готовую предложить бесплатную чашку чая и толику сочувствия. Кроме того, ма была слишком проникательна, чтобы сказать слово поперек «Каменщикам мыса», которыми командовал Джеймс Маккейб.

Приблизившись к одному из двух открытых окон, я оглядел внутренние помещения. Вроде бы все как обычно: человек десять посетителей в выходной одежде после мессы болтают и посмеиваются, прицениваясь к свечкам, чаю и прочим мелочам. Сын подруги ма, Иман Кейси, стоит за прилавком, заворачивая покупки в коричневую бумагу. До сегодняшнего дня я видел его лишь дважды, однако успел составить о нем мнение как о весьма приличном молодом человеке, неглупом и рассудительном. Наверное, в воздухе витали какие-то флюиды, ибо я с первого взгляда понял, что двадцатитрехлетний Иман влюблен в Элси. В ее чувствах мне, правда, пока разобраться не удалось.

Я наблюдал в окошко, как парень отсчитывает сдачу. Молодец — нашел время перекинуться парой слов с одной из старых подруг ма. Слушает, кивает в ответ.

Из торгового зала шла лестница наверх, в жилые помещения, однако проходить у всех на виду я не захотел. Вместо этого обошел дом, рассчитывая подняться по лестнице со двора. Хлипкая нижняя ступенька качнулась под моим тяжелым ботинком, однако остальные держались крепко, хоть и поскрипывали. Все как раньше. Я дважды постучал и вставил в замок свой ключ.

Еще не успев отпереть дверь, услышал голоса близняшек. Разговаривали они на повышенных тонах — Элси с ноткой разочарования в голосе, Колин же довольно сердито. Странно... Я перешагнул порог. Детиными они часто подначивали друг друга, дразнились, но при мне никогда не ссорились.

Колин восседал на кухонном стуле, откинувшись на задних ножках и поставив башмак на перекладину. На сестру он смотрел

недобро, а та стояла по другую сторону стола, сжимая в руках выцветшее полотенце. Подбородок вздернут — знакомая поза.

— Привет! — поздоровался я. — Что тут у вас происходит?

Они одновременно обернулись и в один голос пробормотали:

— Да так, ничего.

Мало что изменилось с той поры, когда им было по пять лет. Я вспомнил выражения лиц близняшек, когда их поймали за поеданием варенья, припрятанного за жестяной банкой с мукой. На лице Колина сегодня красовалась подозрительная припухлость. След от удара?

Парень с грохотом опустил стул на передние ножки и оттолкнулся от стола.

— Ладно, у меня дела.

Он сдернул с вешалки пальто — не привычное, выцветшее, а новенькое — и, выйдя за порог, захлопнул за собой дверь.

Я повернулся к Элси, вопросительно подняв брови.

— Изображает из себя придурка, как и все мужчины, — скорчила гримаску она.

Ее голосу сегодня недоставало обычной теплоты; я бы сказал, что девушка была по-настоящему зла. Господи, да что случилось?..

— Где ма? — спросил я.

— Пошла вниз за чаем.

Элси отошла к буфету и поставила чайник на плиту. Ее рукав зацепился за ручку, и я заметил на запястье белую повязку.

— Поранилась?

— А, упала на лестнице. Такая вот я неуклюжая.

Разбитое окно, внезапный уход Колина — как тут не насторожиться? Впрочем, беззаботный тон Элси меня так и так обмануть не мог. Голос ее всегда выдавал.

— Нет, куда ты не падала, — возразил я.

Стоя спиной ко мне, девушка бросила через плечо:

— Да ничего страшного не случилось, Микки.

Я подошел и, нежно взяв Элси за локоть, развернул к себе лицом.

— Дай-ка гляну.

Она неохотно закатала рукав. На запястье красовался длинный синяк — такой остается от удара дубинкой или металлической трубой. По краям кровоподтек уже начал желтеть.

— Кто это сделал? — хрипло осведомился я, посмотрев ей в глаза, и девушка выдержала мой взгляд.

— Микки, не пялься на меня так. Было темно, и я не думаю, что меня ударили специально.

— Господи Иисусе, Элси... — Я не хотел на нее слишком давить. Пусть придет в себя. — О ком ты говоришь?

— Я не знаю, кто это был. В среду вечером была в гостях у Мэри, а когда возвращалась домой, попала в самый центр драки — человек двадцать парней скандалили и размахивали кулаками. Я быстро отошла в сторону, но один из них успел заехать мне по запястью. Я даже упала.

— Почему ты возвращалась одна затемно? Где был Колин?

Элси пренебрежительно фыркнула.

— Если б я знала! Иногда он приходит домой чуть не за полночь. Бывает, что и вовсе не придет.

Я вспомнил слова Гарри.

Колина не было. Впрочем, как всегда.

Кстати, во время моих последних визитов к Дойлам Колин тоже частенько отсутствовал: ма говорила, что он работает на строительстве новой набережной. Но стройка завершилась в июле... Где же он болтается? И где, интересно, взял деньги на новое пальто?

На внутренней лестнице зазвучали шаги ма, и Элси быстро шепнула:

— Не говори ей... — Повязку она предусмотрительно прикрыла рукавом. — У нее и без того забот полон рот. Обещай, Микки!

Я поклялся, гадая, что там за заботы такие, и, услышав скрип двери, быстро изобразил приветливую улыбку.

В комнату вошла ма с мешочком чая в руках.

— О, Микки! Как хорошо, что ты пришел! — Она просияла, отбросив со лба медно-рыжую прядь. Окинув взглядом комнату, со вздохом спросила Элси: — Колин ушел?

— Только что, — ответила та.

Их взгляды скрестились, и я тут же инстинктивно ощутил: это не случайно. У тех, кто пытается предвидеть беду еще до того, как она случится, развивается своего рода шестое чувство. Увы, подозрение так и осталось подозрением: Элси пожала плечами, и ма переключила внимание на меня. Изучив мое лицо, констатировала:

— Ну, сегодня ты похож на человека. — Одобрительно потрепав меня по плечу, обратилась к дочери: — Элси, принеси-ка варенья, а я вскипячу чайник.

— Я сам, ма.

Подойдя к плите, я подбросил в нее несколько кусков угля и с лязгом закрыл металлическую дверцу. Наполнил чайник, пока Элси резала хлеб, а ма тем временем достала с полки три чашки и блюдечки.

Напряжение сохранялось. Внешне и ма, и Элси были вполне спокойны, однако что-то явно грызло их изнутри. Что-то изменилось в моем семействе. Я не мог понять, что именно, потому и начал с самого очевидного:

— Что случилось с окном?

— Ах, окно... — отозвалась ма, расставляя посуду. — Окно разбилось на прошлой неделе. Завтра придет стекольщик, наведет порядок.

Выдвинув стул, я уселся, и одна ножка подкосилась под моим весом. Я осторожно сменил позу, опасаясь, как бы стул совсем не развалился. Ну, Колин! Мальчишка вполне мог справиться с ремонтом — я сам учил его устранять мелкие поломки. Неужели ма должна его просить специально?

Элси сняла чайник с огня и налила нам по полной чашке.

— Ой, Микки, ты чуть не упал!

— Ничего, — отозвался я, — потом почию.

— Ну уж нет! Попрошу Колина, он займется, — возразила ма, устраиваясь напротив. — Он давно хотел, просто все время занят.

Элси скорчила недоверчивую гримасу, поставила чайник на подставку и уселась за стол. Выспрашивать о Колине я не стал. Ма никогда не обсуждала одного из близнецов в присутствии другого.

— А когда разбили окно? В какое время дня? — продолжил я.

— Во вторник, поздно вечером, — ответила Элси. — Мы уже легли, когда раздался звон, а потом еще и крики. Так и не уснули — боялись, что подожгут дом, но, слава богу, хулиганы убрались.

— Почему не послали за мной? — сердито выпрямился я.

— Ах, Микки... — вздохнула ма. — Никто ведь не пострадал, а у тебя и без нас есть чем заняться.

Элси хотела что-то вставить, однако передумала. Скорее всего, она рассказала бы мне все как на духу, но ма поднимать шум не

любила.

— Почему выбрали нашу лавочку?

— Не только нашу, — поправила меня Элси. — На следующее утро выяснилось, что досталось еще четверем магазинчикам, да еще и одного человека убили.

Слухи по Уайтчепелу расходятся быстро, однако на Уоппинг-стрит до сих пор ничего не знали. С другой стороны, последнее время я безвылазно сидел на таможне и в архивном управлении выше по реке, а преступлениями в Уайтчепеле занимался отдел «Эйч».

— Убили кого-то из знакомых?

— Какого-то Шона Дуна. Я лично это имя слышу первый раз, — покачала головой Элси.

Фамилия распространенная, однако Шон Дун и мне не был известен.

— Где находятся остальные пострадавшие лавочки?

— На Уикли-стрит — это по пути к Бойд.

Ничего удивительного, что я не наткнулся на эти магазинчики. Уикли-стрит начиналась за следующим углом и тянулась на юго-восток, а я пришел с противоположного направления. Между прочим, всеми лавочками на этой улице владели ирландцы, и я ощутил внезапную тревогу.

— Полиция была?

— Конечно, была, — вздохнула Элси, — только с полисменами никто разговаривать не стал.

Ма смела крошки со стола в свое блюдце и добавила:

— Преступники украли свечи и сахар. Ничего серьезного. Украли и украли.

Она поджала губы, и мы поняли намек: ма не собиралась больше обсуждать неприятную тему. Попить чай — это пожалуйста.

— Ага, — согласилась Элси, намазывая варенье на хлеб. — Разбитое окно — это худшее, что случилось той ночью. Представляешь, как хлопотно было заметать осколки? — Она скривила губы. — Жаль, что поработал не звездобой^[1]. Было бы меньше мороки.

Я сообразил, что Элси подшучивает над моими прежними воровскими временами, и, подыгрывая ей, невесело ухмыльнулся и взмахнул салфеткой. Хитро прищурившись, спросил:

— Видел за прилавком Имана... У него все в порядке?

Элси бросила в мою сторону сердитый взгляд и зарделась.

— В порядке, в порядке, — добродушно вклинилась ма, явно желая предотвратить ссору до того, как та началась. — Прекрасно управляется и в торговом зале, и в кладовой, в подсказках не нуждается. Народ его любит.

Элси глянула на нас через край чашки.

— Все потому, что он позволяет покупателям судачить прямо у прилавка! На днях минут двадцать слушал, развесив уши, как миссис Коннелли рассказывает о своей домашней птичке.

Ма с упреком постучала по столу.

— Не забывайте, эта канарейка — все, что у нее есть. А с кем ей еще поговорить, если дочь вышла замуж и съехала? — Помешав сахар, она добавила: — А Иман к ней добр.

— Да знаю, — отозвалась Элси. — Старухам-сплетницам такое отношение очень даже нравится.

— А тебе? — поднял бровь я.

— Ну хватит! — возмутилась девушка и пошла к плите за горячим чайником.

Мой взгляд случайно упал на ма. К моему удивлению, наша перепалка даже не заставила ее улыбнуться. Посматривая на Элси, она явно глубоко задумалась — иначе откуда бы эта вертикальная морщинка на переносице? Я тоже глянул на девушку. Ее руки, обычно такие ловкие, никак не могли совладать с ручкой чайника. О, да у нас тут, как говорят речники, мутный водоворот...

Похоже, ма не возражала против отношений Элси и Имана. Однако не из-за молодого ли человека ссорились близнецы? Неужто Колин не одобрял кандидатуру Имана? Должно быть, ему было не по себе от мысли, что сестра выскочит замуж и уйдет из дома... Ведь ма Дойл — не миссис Коннелли, ворковать дома с птичкой не в ее характере.

Воцарившуюся в кухне тишину бодро прервала ма:

— Во вторник заходил на чай Гарри. Он тебе не рассказывал? Мальчик так волновался из-за человека, который выпал из поезда и раскроил себе череп... Все же он без ума от своей работы в госпитале.

— Даже чересчур, — бросила вернувшаяся к столу Элси и поставила заварочный чайник, накрыв его сложенным вдвое

полотенцем. — Обожают рассказывать во время еды, как мозги бултыхаются в раскрытой черепушке.

Я хмыкнул.

— Джеймс отправляет его на пару недель в Эдинбург на стажировку по хирургии. Оттуда — сразу в лечебницу в Суррее. Говорит, что Гарри — настоящий талант. Хочет через годик послать его в Королевский колледж Эдинбурга, обещает оплатить обучение.

— Похоже, Джеймс и впрямь заинтересован в нашем мальчике, — ахнула ма. — Я ему так благодарна!

— У него ведь нет детей, Микки? — поинтересовалась Элси и запихнула в рот последний кусок хлеба с вареньем.

— Нет, — ответил я, продолжая краешком глаза наблюдать за девушкой.

Синие глаза, тонкие черты лица, густые каштановые волосы. Хорошенькая, можно даже сказать — красавица. Элси было девятнадцать, а в таком возрасте многие уже выходят замуж. Действительно ли ей нравится Иман? Может, есть и другие ухажеры? Дело касалось исключительно моей семьи, и все же во мне проснулся детектив. Кстати, Белинда говорила, что как раз своих родных разгадать сложнее всего.

— Элси, милая, — непринужденно сказала ма, — раз уж ты допила чай, сбегай вниз, дай небольшую передышку Иману.

Девушка глянула на часы, как раз пробившие половину четвертого, и с готовностью встала.

— Конечно, ма.

Она направилась к двери, и ма проводила ее взглядом, в котором сквозили нежность и тоска.

Дверь закрылась, и я тут же спросил:

— У них с Иманом все серьезно?

— Ах, да кто его знает... Как бы там ни было, мне их пара нравится. Иман — хороший парень. Уж точно не такой, как все остальные, — поморщилась она.

Ага, значит, другие ухажеры все-таки есть...

— И сколько их, остальных? — полушутя, полусерьезно спросил я.

Ма мрачно махнула рукой.

— Пэдди Кофлин, Финн Райли, Ангус Маккей, Маркус Макбрайд — помнишь его старшего брата? Джон ведь твой ровесник. Кстати, женился на Мэри Уоллес.

Я кивнул.

— Половина местных парней якшается с «Каменщиками мыса», — пренебрежительно хмыкнув, продолжила ма, — а остальные — юные глупцы, у которых в голове только карты да желание прокутить свой заработок. — Она поставила чашку на блюдце. — Если кому-то интересно мое мнение, то Иман станет лучшей для Элси партией. Он человек рассудительный. Не буду говорить, что Иман не любит мою девочку — на самом деле любит, еще как! — но безрассудно связывать себя отношениями не станет, пока все не обдумает.

— Что же тебя тогда беспокоит? Колин? — Ма заколебалась. На улице вдруг послышались сердитые возгласы, и она метнула взгляд на окно над раковиной. Шум улегся, и я продолжил: — Или эта история с разгромленными лавочками и убитым человеком?

— Чепел изменился, Микки, — вздохнула ма.

— Изменился? Как?

— В Лондоне к нам всегда относились не очень, но здесь? В Уайтчепеле живут не только ирландцы, но мы тут все держимся вместе. Сейчас в нашем квартале появляются русские, поляки и... — Она махнула рукой в сторону окна. — Господь свидетель, я не виню их за то, что они перебираются к нам. Значит, на родине им заработать на жизнь сложно, однако ведь и тут не легче.

— Стало меньше работы?

— Да нет, — поморщилась ма. — Полно этих чертовых объявлений, а за последние месяцы их становится все больше.

Я знал, о чем она говорит. На многих объявлениях о найме присутствовала короткая аббревиатура: «ИНТ». *Ирландцы не требуются...*

— Поэтому Колин и ходит злой?

— Не только он, Микки. Работа на доках есть, но получить больше пары дней в неделю непросто.

Я испытал невольное облегчение. Проблема есть, но решить ее можно.

— Я мог бы подыскать ему кое-что за пределами Чепела.

— Подумывала к тебе обратиться, — признала ма. — Тем более ты — живой пример, как начать жизнь заново в другом квартале Лондона.

— Думаешь, он захочет переехать?

— Не знаю, Микки. Только с каждым годом Колин выглядит... — Она опустила взгляд на свои натруженные, покрасневшие руки. — Выглядит все менее счастливым. Особенно с тех пор, как умер Пэт.

При упоминании этого имени у меня перехватило дух, и я с трудом выдохнул.

— Знаю, что Колин тяжело пережил его смерть.

Ма кивнула, не поднимая глаз. Она нечасто вспоминала в разговоре своих погибших сыновей — Фрэнсиса и Пэта. Фрэнсиса, старшего, я не знал — Дойлы подобрали меня уже после его смерти, а вот Пэт был моим сверстником, почти братом. Мы жили в одном доме, вместе работали в доках и друг за друга стояли стеной. Пэта убили в глупой, бессмысленной поножовщине через два года после того, как я бежал из Уайтчепела.

Вздохнув, ма посмотрела мне в глаза, и в ее взгляде я увидел скорбь и ту затаенную боль, что преследовала и меня.

— Если Колину не удастся устроиться в доки, чем же он занимается? Набережную вроде уже построили...

— Он особо ничего не рассказывает.

— Но с Элси-то общается?

— Постольку поскольку, — поморщилась она, — но от нее отделаться сложнее, чем от меня.

Тут ма права.

— Я с ним поговорю. Когда пришел, они с Элси ссорились, и Колин быстро выскочил из дома. По-моему, мне он был не слишком рад.

Ма поникла, и я проклял себя за последнее замечание. Она молча встала из-за стола, убрала чайные принадлежности в буфет, закрыла банку с вареньем и завернула остатки хлеба в коричневую бумагу. Открыв шкаф, достала свою коробку с шитьем, синюю юбку Элси, носки и брюки Колина. Вернулась за стол, разложила на коленях юбку и ловкими пальцами продела нитку в иглу.

— Ну, что мы все о плохом, Микки? — сказала она с улыбкой.

Желая исправить свою оплошность, я перевел разговор на Гарри и его успешное обучение в госпитале. Следующие пару часов мы с ма болтали то о ее подругах, то о прихожанах и священниках церкви Святого Патрика. Разговаривали о моей работе — а мне было что рассказать. Ма смеялась до слез, услышав историю о налете полиции на бордель на прошлой неделе, когда трое клиентов сбежали через заднюю дверь публичного дома в чем пришлось: напялили на себя едва доходившие им до колена юбки проституток.

— Да хранит тебя Господь, Микки! — проговорила ма, вытирая глаза концом передника, сложила заштопанные вещи в стопку и поднялась. — Рассказчик из тебя хоть куда.

— Твоя школа, — усмехнулся я.

Она отмахнулась от комплимента, но мы оба знали: это правда.

Родная мать всегда читала мне вслух, а ма Дойл по вечерам, когда мы собирались вокруг ее кровати, рассказывала ирландские легенды. Она обладала удивительным даром: ее слова взмывали в воздух подобно блестящим звонким монетам, заставлявшим нас забыть о чувстве голода после скудного ужина. Ее голос снижался до шепота, когда она повествовала о великих воинах — Кухулине и Финне Мак Кумале, и поднимался ввысь, когда рассказ доходил до фей, мучивших Джонни Фриля. Лишь много позже я понял, что именно эти мифы пробудили во мне тайную гордость за свое происхождение. Одна из любимых моих историй описывала приключения великана Финна Мак Кумала, который пересек горы, чтобы убить гиганта Кухулина огромной дубинкой в его собственном доме. Жена Кухулина, Уна, была женщиной умной. Она подсказала мужу забраться в детскую кроватку и, когда на пороге появился Финн Мак Кумал, попросила его присмотреть за ребенком. Финн, глянув в кроватку, тут же выскочил из дома, ужаснувшись: если уж дитя его врага — настоящий колосс, каков же сам Кухулин?

Персонажи древних ирландских эпосов всегда были умными и могучими героями, хотя порой совершали откровенно глупые поступки. Ма рассказывала блестяще, и мы каждый раз внимали ей с тревожным ожиданием. Белинда как-то заметила, что ее истории стали для меня неоценимым подспорьем для написания окончательных рапортов по раскрытым делам. Возможно, она была права, хотя мои отчеты выстраивались совсем не так, как сказки ма или романы той же

Бел: начинались они будто с середины, а фрагменты сменяли друг друга бессистемно, словно тяжелые капли срывающегося дождя.

На улицу опустились пропитанные туманом сумерки, и я встал помочь ма вытереть посуду.

— Как твоя мисс Гейл? — поинтересовалась она.

Дойлы о Белинде знали, хотя и не были с ней знакомы — а все обещание Бел, которое она дала своему недоверчивому и заботливому отцу перед его кончиной. Уже почти три года мы не афишировали наши отношения. Только прошлой весной, когда случилась серия убийств на реке, нам пришлось приоткрыть завесу тайны самым близким друзьям, и то лишь потому, что Бел нуждалась в защите Скотланд-Ярда.

— Она сейчас в Эдинбурге, но через несколько дней вернется. Ее двоюродная сестра упала и сломала лодыжку, так что Бел пришлось мчаться к ней на помощь.

— Добрая женщина, — заметила ма и тут же нахмурилась, словно ее посетила тревожная мысль. — Значит, она возвращается железной дорогой?

— Мне это тоже не слишком нравится, — кивнул я.

— Ничего, Микки. Я считаю, что все будет в порядке. Крушения поездов сейчас случаются не так часто, как раньше. — Ма пристально посмотрела мне в глаза. — Надеюсь, мы скоро с ней познакомимся.

— Конечно, — пообещал я и положил на полку последнюю чашку.

Ма забрала у меня полотенце и улыбнулась.

— Что ж, уже поздно...

— Да, пойду, пожалуй.

Сняв пальто с вешалки, я чмокнул ма в щеку, поклялся поговорить с Колином, как только представится возможность, и вышел на лестницу. Спустившись, краем глаза заметил неясную тень в переулке. Возникло чувство, что ко мне подкрадываются сзади. Положив руку на рукоять дубинки, я оглянулся.

Стоящий за спиной человек поднял руки.

— Это всего лишь я...

Колин слегка запинаясь — похоже, выпил две, а то и три кружки эля, — но все же за речью старался следить. Подойдя ближе, он опустил руки и сунул их в карманы пальто. Вечерний бриз с реки,

припахивающий дымком и свежим мясом с бойни, взъерошил кудрявые волосы парня.

Должно быть, поджидая меня, он некоторое время прятался в переулке. Вспомнив разговор с ма и ее тревогу, я постарался говорить мягко.

— Почему ты убежал, Колин? Мне так хотелось с вами посидеть как полагается...

— М-м-м. — Парень передернул плечами, будто перемещая тяжелый груз. — Элси вечно на меня ворчит, как чертова мегера. — Последнее слово вышло смазанным. — Ждал тебя, чтобы передать сообщение.

Я с Колином согласиться не мог. Какая мегера? Элси за него переживала точно так же, как и ма, только проявлялось ее беспокойство несколько иначе. Все же от Колина пахло виски, а не элем, и, глядя в его упрямые глаза, я начал понимать: повод для тревоги и вправду есть.

Немного переместившись, я заставил парня отступить так, что теперь свет из окна расположенного рядом с домом паба падал на его лицо. Давненько не видел Колина вблизи, зато хорошо помнил, каким он был в шесть лет: худощавым светловолосым мальчишкой со сверкающими любопытством глазами. Было время, когда я учил его вырезать деревянные свистки и вязать стопорные узлы, которые в жизни не соскользнут.

Глаза у него и сейчас были ярко-синие — такие же, как у старшего брата, хотя Пэт никогда не смотрел на меня с подобной опаской.

— Только не ругайся, хорошо? — буркнул Колин.

— Похоже, что вот-вот начну? — не повышая голоса, спросил я.

Парень скорчил гримасу, и я вздохнул:

— Уговорил, не буду. Что за сообщение?

— От О'Хагана.

О'Хаган...

Всего-то три слога, а я вернулся на тринадцать лет назад, когда был одним из боксеров одиозного ирландца. Кулачные бои без перчаток проходили в подземном помещении — тесном загоне под лестницей, где земляное покрытие пола не успевало впитывать пролитую кровь и лужи дешевого виски. Я бился за О'Хагана до того памятного вечера, когда он приказал мне сдать бой. Я тогда взбрыкнул

и совершил глупый поступок, почему потом и бежал из Уайтчепела. Ночевал на улицах, пока более-менее не встал на ноги.

— Почему он послал тебя? Почему не явился сам?

Я презрительно ухмыльнулся, дав Колину понять, что мне отвратительно трусливое поведение О'Хагана.

— Он знает, что ты когда-то у нас жил, — пробормотал Колин, оглянувшись на дом. — Наверное, думал, что ко мне ты прислушаешься. Иначе ты мог вообще плюнуть на его просьбу, — фыркнул он.

Я нахмурился. У нас с О'Хаганом много лет назад сложилось нечто вроде перемирия. Я не преследовал его за содержание подпольных боксерских залов и нелегальной букмекерской конторы, а взамен получил возможность беспрепятственно передвигаться по Уайтчепелу. Разумеется, о приятельских отношениях речь не шла, но с чего Колин взял, что я проигнорирую сообщение О'Хагана? Впрочем, сейчас смысла задавать подобные вопросы нет.

— Ему надо с тобой встретиться, — продолжил Колин. — Хочет поговорить.

Быстро прокрутив в голове несколько предположений, я осведомился:

— И о чем же?

Колин отвел глаза и пожал плечами.

— Там что-то насчет «Каменщиков мыса».

Я напрягся.

Выходит, О'Хаган примкнул к «Каменщикам»? Впрочем, ничего удивительного. Маккейб, помимо всего прочего, заправлял и боксерскими залами. Подобно главарям прочих лондонских банд, он требовал от своих людей безусловной преданности. Что же за обстоятельства могли побудить О'Хагана обсуждать дела «Каменщиков мыса» со мной, полицейским?

— Продолжай.

— Недавно погибли двое «каменщиков». Их убили, Микки, — искоса посмотрел на меня парень.

У меня екнуло сердце. После памятного взрыва в Клерккенуэлле полиция и вправду преследовала и уничтожала членов банды «Каменщики мыса». Было это лет десять назад, и наверняка ни О'Хаган, ни Маккейб о тех временах не забыли.

— Они винят полицию?

— Не знаю.

Его ускользающий взгляд заставил меня поежиться.

— Колин, ты ведь не связан с «Каменщиками»?

Последовала короткая пауза, затем парень удивленно вскинул голову и пренебрежительно дернул подбородком.

— Нет.

Секундное замешательство Колина давало основания его дожать, однако меня словно дернула за пальто невидимая рука Белинды. *Терпение...* Еще будет возможность расспросить парня, пусть только протрезвеет.

Опять же, если я выполню просьбу Колина, наверняка он проникнется ко мне доверием.

— Хорошо. — Сделав шаг вперед, я обнял его за плечи и на секунду прижал к себе. — Скажи О'Хагану, что я с ним встречу.

В глазах Колина мелькнуло облегчение.

— Он хочет, чтобы ты пришел завтра вечером.

Интересно, куда? Явно не к Дойлам, и вряд ли в один из его старых боксерских залов. Полиция накрыла их вскоре после моего побега.

— Где его найти? — вопросительно склонил голову я.

— В «Гусаке и гусыне», — сказал Колин.

Ага, паб неподалеку от доков, где мы впервые познакомились с О'Хаганом. Я испытал легкое раздражение. Будь на его месте кто-то другой — без разницы. Но старый ирландец явно хотел мне напомнить, кто тринадцать лет назад диктовал условия.

— Ладно, я там буду. Если вдруг встретиться не удастся, пусть пришлет мне сообщение на Уоппинг-стрит. Время и место, больше ничего не нужно. Может не подписываться, я и так пойму.

— Договорились.

Колин кивнул на прощание и собрался уходить, а я едва сдержал желание положить руку ему на плечо, не отпуская. Не совладав с собой, спросил вдогонку:

— Как у тебя дела, Колин?

— Все отлично, — бросил он, и его лицо на миг озарилось знакомой улыбкой.

— Ну, доброй ночи, — попрощался я, снова воспротивившись порыву задержать мальчишку.

Как жаль, что он выпил... Сейчас бы поговорить, предложить ему работу...

— Пока, — откликнулся парень.

Я наблюдал, как он уходит. Много лет назад Колин был бойким мальчишкой, болтливым и временами безрассудным. Порой я видел, что он пытается быть похожим на нас с Пэтом: подражает нашей походке, примеряет наши кепи, играет с нашими ножами. Пэта его поведение бесило, и он частенько шугал Колина, а вот я нисколько не возражал, поскольку, будучи в свое время самым юным членом банды воришек Симмса, сам перенимал манеры старших ребят. Оказавшись в одиночестве на тихой улице, корчил из себя взрослого бандита. Так что я лишь подмигивал малышу, а тот отвечал мне плутоватой улыбкой.

Ничего от прежнего мальчика не осталось. С другой стороны, ему почти двадцать — столько было и мне, когда я покинул Чепел.

Силуэт Колина растворился в темноте, и я пошел в другую сторону, гадая, в чем причина его странного поведения дома. Должно быть, боялся, что я не обрадуюсь, услышав про сообщение от О'Хагана? Что ж, он не ошибся. Но почему Элси была на взводе? Наверняка Колин не рассказывал сестре о своей миссии. Может, высказывала брату за то, что тот выпил? Хотя на кухне никакого запаха от него я не почувствовал.

Куда больше меня беспокоил ускользающий взгляд Колина после моего вопроса — почему О'Хаган именно ему поручил передать весточку. Плюс его странное удивление, когда я спросил, не связан ли он с «Каменщиками мыса»... Если Колин солгал, а двое из «каменщиков» мертвы...

Насколько близко подобрался к моей семье О'Хаган и его подручные? При одной мысли об этом у меня стало тяжело на сердце.

Глава 3

Полицейский участок на Уоппинг-стрит располагался на северном берегу Темзы, в шести милях от Скотланд-Ярда, где я прослужил несколько лет. Участок речной полиции построили в конце восемнадцатого века по приказу местного судьи, желавшего положить конец разграблению судов из Вест-Индии, встававших на якорь в Лондонском Пуле. Главный вход в трехэтажное кирпичное здание всегда находился на Уоппинг-стрит, однако и в те времена куда большее значение имел черный ход, смотревший на доки, где стояли многочисленные суда.

Выбравшись из кэба у парадной двери, я, как и каждое утро, сперва прошел по узкому проходу между участком и примыкавшим к нему складом. Вчерашний дождь оставил на брусчатке мелкие лужицы. Продолав три четверти пути, я добрался до каменной плиты, с которой начиналась ведущая на илистый берег Темзы лестница. Спустился вниз на несколько ступенек, стараясь не поскользнуться на склизкой грязи, и выбрался из прогала между двумя зданиями. Речной бриз тут же захлопал лапами моего пальто. Здесь пахло солью, маслом, аммиачными и щелочными растворами: ниже по течению стояла фабрика по выделке шерсти. Добравшись до самого низа, я двинулся в восточном направлении и вышел на пирс — длинную деревянную площадку над водой. На волнах покачивались четыре готовые к отплытию полицейские лодки. Снимаешь швартов с кнехта — и вперед.

Мои ботинки глухо застучали по сырому деревянному настилу, за долгие годы насквозь пропитавшемуся речной водой. Много лет назад, еще до Скотланд-Ярда, я уже служил на Уоппинг-стрит, и мой бывший начальник Блэр непременно проводил здесь с утра четверть часа. Настраивался на реку перед началом рабочего дня.

Блэр попался на взятках и недавно был освобожден от должности, после чего меня назначили временно исполняющим обязанности суперинтенданта. Так или иначе, его замечательная привычка к своеобразной утренней вахте пришлась мне по душе.

Встав почти у самого края, я окинул взглядом находившийся ниже по течению пирс Темзенского туннеля, затем посмотрел на другой берег — на вздымающиеся над темно-коричневой жижей причалы и лестницы Ламбета и Саутворка. Повернулся в противоположную сторону, где выше по течению располагалась таможня. Лодки вокруг нее сновали даже в такую рань.

Я вырос на Темзе, и мои жизненные ритмы были настроены на ее волны, приливы и отливы. Ребенком плескался в грязной воде у берегов, потом работал на доках, плавал на плашкоуте. Побывал у воды, на воде, и — самое страшное — под водой. Реку я видывал разную: и яркую, отражающую в солнечный день корпуса судов, и бесцветную, какой она становилась в середине зимы. Сегодня было погожее сентябрьское утро, и солнце сверкало на бортах трудяг-буксиров, прогулочных пароходов и маленьких плашкоутов. Величаво шли по реке огромные углевозы — самого разного размера и водоизмещения. Суда двигались каждое со своей скоростью, перевозя пассажиров и почту, специи и шелка, металлические изделия и посылки — словом, все, от чего зависит современная жизнь. Экономисты заявляли, что Англию настигла депрессия, однако с того места, где стоял я, об этом догадаться было невозможно.

Громадный углевоз продвигался вниз по течению по самой середине реки; его могучий корпус отбрасывал на воду пятидесятифутовую тень, а в пенном кильватерном следе покачивалось несколько суденышек поменьше. Большая волна ударила в нос баржи, ползшей в двадцати футах от берега, и та пронзительно свистнула, предупреждая маленькую барку, идущую против течения. *Право на борт, уходи от волны...* Матросы обоих судов, расходясь по фарватеру, обменялись неприличными жестами.

Я отвернулся от реки, и меня тут же перехватил сержант Липп.

— Прошу прощения, Корраван... сэр! — выпалил он, запнувшись перед последним словом.

Я сделал вид, что не заметил заминки. Мы служили вместе четыре года в рядовых чинах, поэтому я и сам еще не привык к новому званию.

— Что случилось, Липп?

Сержант дернул подбородком в направлении южного берега.

— Обнаружен труп на лестнице у Ист-лейн, сэр!

Саутворк... Криминальный район — впрочем, как и любой другой на той стороне.

— Убийство или несчастный случай?

— Не могу знать. — Липп заколебался. — Кого пошлете?

— Поеду сам.

Ничего срочного у меня с утра не было, к тому же мой бывший начальник никогда не просиживал штаны в участке, если на реке находили мертвое тело. И эту его привычку я перенял тоже.

— Понятно, сэр. Возьмете одну из этих лодок?

Я кивнул.

— Захватчу Чарли Дауэра. Если тело не опознано, поручу ему нарисовать портрет прямо на месте. Не вижу смысла тащить труп сюда — все равно придется вернуться: нужно найти человека, способного опознать погибшего. — Я открыл дверь черного хода, и Липп проследовал за мной. — Найдите констебля и собирайтесь сами.

Последние годы в речной полиции обсуждалась тема покупки паровых катеров, однако время шло, а мы так и передвигались на обычных гребных лодках — двадцатисемифутовых посудинах с тремя местами для гребцов. Точно на такие же полагались наши предшественники начиная с конца восемнадцатого века. Взяв подходящие весла, мы спустили на воду одну из лодок.

Чарли Дауэр служил в Уоппинге уже почти два десятка лет обычным клерком. Коротышка с жизнерадостным лицом обладал каллиграфическим почерком и имел талант к рисованию. Чарли, Липп и констебль сели на весла, я занял место на корме, за рулем, и мы пошли вверх по течению, аккуратно пробираясь сквозь утреннее скопление судов.

— Ого, там уже толпа, — заметил Чарли, когда мы приблизились к берегу.

В основном у лестницы стояли портовые рабочие и речники, однако я заметил в толпе несколько дамских шляпок; слышался возбужденный лепет детей. Выйдя из лодки, я остановился на нижней ступени. Ко мне присоединились Чарли и Липп, оставив констебля караулить наше суденышко.

— Дорогу! Полиция! — крикнул я.

Никто не шелохнулся — пришлось повторить еще раз, уже громче.

За счет своего роста — почти шесть футов — я возвышался над собравшимися на добрую голову, и люди с недовольным ворчанием расступились. Липп и Чарли двигались у меня в кильватере, пока наша троица не подошла к телу. При виде трупа мое сердце екнуло. Тело мужчины лежало распростершись на второй, третьей и четвертой ступенях сверху. Лет сорока, одет прилично: хорошие брюки и ботинки, а на каштановых волосах, судя по смятой прическе, похоже, до падения сидела шляпа. Головной убор часто был полезен при расследовании — на подкладке мы нередко находили клеймо галантерейщика или даже имя владельца.

— На нем была шляпа? — спросил я, оглянувшись вокруг.

В толпе раздалось неясное бормотание, из которого мы сделали вывод, что шляпу сняли и, по всей видимости, уже заложили.

Вздыхнув, я склонился над трупом. Осмотр начал с головы. На грязном сером камне — лишь несколько мазков крови. Учитывая наличие раны на виске, следовало предположить, что убийство произошло не здесь; тело перенесли и бросили на лестницу, чтобы скрыть место преступления. С другой стороны, мужчина мог поскользнуться и удариться головой, а кровь смыл вчерашний дождь. Густой запах джина, исходивший от погибшего, перебивал поднимающуюся с реки вонь.

— Сэр, — шепнул Липп, указав на левую руку трупа.

Два его пальца были расплющены — традиционное наказание игрока, вовремя не выплатившего карточный долг.

Я осмотрел и вторую руку: колец нет. Обшарил карманы. Несколько монет, пара булавок, две квитанции. Бумага промокла, текст не разобрать. Документов не было — а значит, нам следовало выяснить, где этого человека последний раз видели живым.

Пьяница и игрок... Стало быть, придется проверить определенные заведения, клиенты которых не слишком расположены к добровольным признаниям.

— Чарли, сделай с него рисунок. Заберу с собой, посмотрим — может, его кто-то и опознает. Еще один отправишь в Ярд. Возможно, там есть заявление о пропавшем мужчине. Липп, вы с констеблем

потом перевезете тело в морг. Спрóсите там Оукса — скажите ему, что я зайду завтра утром.

— Слушаюсь, сэ́р.

Чарли уже достал карандаш и альбом. Через десять минут ему удалось добиться хорошего сходства, разве что рану наш художник предпочел опустить. Вырвав лист, вручил его мне.

— Молодец, — похвалил его я, скатал рисунок, а Чарли уже принялся за второй портрет.

Липп вернулся к лодке и достал из нее брезентовые носилки, на которых обычно уносили тела жертв с места происшествия. Дождавшись, когда Чарли закончит, я помог положить на них труп, и Липп с констеблем, взявшись за рукоятки, осторожно перенесли жертву в наше суденышко.

День я провел, переходя из одного паба в другой. По пути заглядывал и в игорные заведения. Начал с тех, что ближе к реке, и постепенно продвигался дальше. В какой-то момент остановился: ведь если мужчина был пьян, вряд ли ему удалось бы проделать длинный путь до реки, а привести его туда силком, даже вдвоем — задача не из легких.

Кому-то подобная работенка покажется утомительной, однако я против обычной полицейской рутины ничего не имел. Упорство, как правило, приносило результат. Однако я обошел уже тринадцать заведений, а погибшего так никто и не опознал — ни бармены, ни посетители, ни проститутки.

Что за дьявол...

Я критически взглянул на рисунок. Портрет хороший. Что же это за человек, которого никто не знает? В моем плане на сегодня остался последний паб.

На рисунок там смотрели с сожалением, покачивали головами, и я, плюнув на все, заказал себе тушеной говядины и эля. Взял с соседнего стола «Стэндард». Сразу под сгибом газетного листа шла заметка о вчерашнем ночном происшествии в Уайтчепеле: три человека пострадали, сгорела лавочка. Еще одна... Заметка завершалась обычным в таких случаях выводом: «характерная для ирландцев воинственность». Нахмурившись, я доел свое блюдо, а когда вышел из паба, колокола церкви на Ямайка-роуд отзвонили пять.

Пора обратно на Уоппинг-стрит. О встрече с О'Хаганом я не забыл, однако сперва следовало занести события дня на бумагу.

Тем не менее, возвращаясь к реке, я заглянул в закусочную, в табачную лавку и в аптеку. Везде показывал портрет жертвы, однако успеха не добился. Очень похоже, что человек этот совсем из другого района Лондона. Видимо, и впрямь его тело перенесли в Саутворк, чтобы скрыть обстоятельства смерти. Оставалось надеяться, что кто-то уже принес заявление о его исчезновении в Скотланд-Ярд. Впрочем, есть люди, которые никому не нужны, и мне всегда становится грустно от подобных мыслей.

Стоя на лестнице, где нашли погибшего мужчину, я скользнул взглядом по реке. Солнце уже скрывалось за кромкой темной воды, однако обычный лондонский день все еще продолжался: десятки судов спешили по своим делам, стремясь к портам назначения.

В принципе, труп могло принести к Ист-лейн течением — смотря сколько часов назад произошло убийство. Не исключено, что тело приплыло даже из Уайтчепела. Уж не связано ли это происшествие с недавно произошедшими там случаями насилия? С другой стороны, мне приходилось сталкиваться и с более необычными совпадениями.

Глава 4

Завершив составление рапорта, я покинул Уоппинг и пошел мимо лондонских доков в направлении Слоун-стрит, где на перекрестке с Хэкфорд находился паб «Гусак и гусыня». В памяти всплыли те деньки, когда мы с Пэтом Дойлом, разжившись несколькими заработанными в порту шиллингами, заглядывали сюда на огонек. Мы обходили стороной такие заведения, как «Английская жемчужина» или «Барабан и чертополох», расположенные по соседству, а здесь ирландских докеров ждал радушный прием. Стены зала с низкими потолками были украшены ржавыми мечами; над камином красовался кельтский крест. Подхватывая фривольные напевы посетителей, мы с Пэтом после пары пинт чувствовали себя настоящими мужчинами, ирландцами, принадлежащими к дружному сообществу. С сожалением признаю, что мне нравилось, когда из заведения выпроваживали англичан.

Жизнь на доках была нелегкой. Начальник порта, Смитсон, обычно нанимал нас с Пэтом вместе — знал, что вдвоем мы осилим вчетверо больший объем работ, чем отдельно взятый портовый рабочий. И все же наши достоинства не мешали ему обходиться с нами как нельзя хуже. Если оказывалась свободной хромоногая тачка с болтающимся колесом, она обязательно доставалась нам, причем на целый день. Попытавшись заняться ее ремонтом, мы немедленно получали штраф за простой. Порой тачки нам не выдавали вовсе, и мы с Пэтом таскали грузы на своем горбу. Иногда лопались поврежденные тюки с чаем; понятно, кто оказывался крайним. Мы с Пэтом в основном держались наособицу, хотя и подружились с несколькими ирландцами постарше, которых начальство нанимало регулярно. Выполняли свою работу, на рожон не лезли, никому не мешали, и все же Смитсон нередко обзывал нас чертовыми ирландскими недоумками. Подобные случаи заставляли меня здорово нервничать, потому что Пэт каждый раз порывался сбросить с плеч мешок — так чесались кулаки. Приходилось ему напоминать, что деньги нас интересуют куда больше, чем месть Смитсону. Мне и самому осточертело такое отношение, однако выбора у нас не было.

Именно в доках я понял, что значит быть ирландцем в Лондоне, ибо в сплошь ирландском Уайтчепеле мы с предубеждением не сталкивались. Когда в Ирландии наступили голодные годы, мои родители, как и сотни их соотечественников, отплыли из Дублина в Ливерпуль. Вдоль берегов реки Мерси образовалась достаточно крупная диаспора, и англичане там почти не встречались.

Отец, хороший мастер по серебру, в Ливерпуле работы по специальности не нашел — таких умельцев там было не счесть, — и они с мамой переехали в Уайтчепел. В Лондоне в то время царили антиирландские настроения, так что синеглазого брюнета по фамилии Корраван, говорившего с типичным акцентом графства Арма, нанять никто не разбежался. Мама меня в их дела никогда не посвящала, но отец занялся тем же, чем и многие соотечественники. От своего ремесла он не отказался, просто стал фальшивомонетчиком. Штамповал в каком-то подвале пенсы с шиллингами, и ночью, когда появлялся дома, от его одежды исходили едкие пары. Умер отец, когда мне исполнилось три года, и я его толком не помнил. Впрочем, запахи прогорклого жира и масла, а также горький привкус цианида отложились в моей памяти навсегда.

В процессе едва ли не первого расследования во время службы в Ламбете я наведаясь в один дом и мигом признал характерный душок, который был знаком мне не хуже, чем аромат чая, хмеля или лука. Только тогда до меня дошло, чем зарабатывал на жизнь отец.

Предубеждение против ирландцев меня порой бесило — ведь на самом деле мы нападок в свой адрес не заслуживали. Четыре года назад два ирландца швырнули зажигательную бомбу в детский приют известного филантропа Барнардо. Так диаспора приняла решение парламента, запретившего ирландцам основывать собственные детские дома. На следующее утро на улице подле приюта лежали тела двадцати шести детишек. Фото напечатали все лондонские газеты. Несколько месяцев после этого безобразного происшествия я просто сгорал от стыда. Не мог смотреть людям в глаза.

И все же неправильно чесать всех ирландцев под одну гребенку. Тяжело было читать желчные статьи в лондонской прессе. Со временем я научился откладывать газету, едва заметив в ней хоть малейший намек на подобную злобу, однако, порой перечитывая воззвания «озабоченных граждан» и «истинных англичан» от первого

до последнего слова, хотел уяснить, в чем еще нас хотят упрекнуть. Потом понял, что печатное слово может стать ядом. Не могу сказать, что о нас с каждым разом говорили все хуже, просто мерзких замечаний становилось все больше. Так и не смог забыть заключительные строки одного письма — наверное, настолько они были нелепыми: «Ирландцы — осадок на дне бочки. Хуже них нет ничего. Они убивают наших отцов, насилюют наших сестер, пожирают своих детей. Им что кровь, что картофель — все едино. Одно слово — дикие звери».

Ни к одному из знакомых мне соотечественников этот пасквиль отношения не имел. Положив ладонь на ручку двери «Гусака и гусыни», я твердо знал, что найду здесь ирландцев, играющих в карты и поглощающих обычную человеческую пищу.

Толкнув дверь, я поприветствовал девушку за стойкой бара и спросил, появлялся ли О'Хаган.

— Пока нет, — покачала головой она. — Обычно приходит около восьми.

Я заказал пинту эля и выбрал стол в углу зала, где нас никто не подслушал бы, к тому же отсюда хорошо просматривался вход. Через полчаса дверная ручка крутанулась. Судя по тому, как осторожно приоткрылась дверь, прибыл не кто иной, как О'Хаган.

Он почти не изменился. Может, чуть прибавил в весе да лицо стало еще более мясистым. Впрочем, он всегда был мужчиной крупным, потому и не казался слишком толстым. Те же суровые темные глаза, привычно просчитывающие слабости и потребности собеседника. Кстати, в юности, когда О'Хаган появился в порту, присматривая себе новых бойцов для боксерского клуба, я этой его особенности не уловил. Тогда мне польстило, что выбор его пал на меня. Каким же я был глупцом...

Глянул он на меня с той же ухмылкой, что и тринадцать лет назад. Только сегодня О'Хаган напал не на восемнадцатилетнего юнца в поисках заработка. Мне от него ничего нужно не было, хотя имелся один вопрос, на который я предпочел бы получить прямой ответ.

Симус О'Хаган подошел к стойке бара, заказал пинту и проследовал к моему столу. Остановился, рассматривая меня.

— Корраван...

— Здравствуй, О'Хаган, — кивнул я и, грея в ладонях кружку эля, указал на стул напротив.

Сейчас мне требовался ясный ум, потому кружка все еще была наполовину полна.

Он сел и бросил на меня оценивающий взгляд.

— Выглядишь неплохо.

Я кивнул.

— Где сейчас, в Уоппинге?

— Пока да. — Я сделал глоток. — Колин сказал, что ты хотел поговорить. У меня не так много времени, надо еще кое-куда наведаться.

О'Хаган грузно откинулся на стуле, и тот скрипнул под его весом.

— Слышал об убийствах в Чепеле? Одного человека положили на Бойд-стрит, другого — на Фолгейт.

Бойд находилась через один перекресток от жилища Дойлов, так что, видимо, речь шла о том погибшем, которого упоминала Элси. Фолгейт была немного дальше. Я вспомнил заметку, которую читал сегодня в пабе, где говорилось о пожаре в одной из лавочек. Впрочем, название улицы там не фигурировало, ничего не говорилось и о жертвах.

— Пока не слышал.

За соседним столом раздался взрыв смеха, и взгляд О'Хагана метнулся к группе гуляк.

— Убили наших людей.

— «Каменщиков мыса», — кивнул я.

Симус дернул головой, подтвердив мою догадку.

— Одно из убийств расследует Стайлз. Сомневаюсь, что в Ярде знают о втором.

До разговора я ожидал, что О'Хаган сообщит о своей принадлежности к банде Маккейба, однако к тому, что всплывет имя моего бывшего напарника, готов не был.

Мое замешательство польстило Симусу, и на его лице заиграла злорадная улыбочка.

— Что, думал, я его не знаю?

— Так ты посыльный от Маккейба, — бросил я, облокотившись о столешницу. — И что же ему нужно?

Улыбка О'Хагана исчезла так же быстро, как появилась.

— Хочет с тобой встретиться. Есть разговор о наших ребятах.

Господи... Неужто Маккейб считает себя настолько неуязвимым, что не боится вызывать на встречу офицера полиции? Опять же, что такого особенного в этих двух смертях? Драки между членами разных банд — обычное дело, и главарь «Каменщиков» знал об этом не хуже меня.

— Маккейб решил помочь полиции? — фыркнул я. О'Хаган поджал губы, но промолчал. — Он кого-то подозревает?

— Не знаю.

Осушив кружку, я поставил ее на стол.

— Если он желает меня увидеть, почему бы не заглянуть на Уоппинг-стрит, как обычному гражданину?

— Не пытайся казаться глупее, чем ты есть, — усмехнулся О'Хаган. — Он хочет, чтобы я доставил тебя к нему.

— Говорю же, я почти ничего не знаю. Уже несколько недель не был в Ярде, да и Стайлза давно не видел.

Симус скорчил недоверчивую гримасу, и я решил сменить тему:

— Скажи, каким боком в это дело попал Колин?

О'Хаган ответил мне равнодушным взглядом.

— Маккейб попросил передать тебе сообщение. Я знаю, что ты когда-то жил в доме Дойлов, вот и подумал, что так будет проще всего с тобой связаться.

Я хмыкнул, дав ему понять, что не верю. Впрочем, какая разница? Мысли мои перескакивали с одного на другое. Если Колин связан с «Каменщиками мыса», то О'Хаган в жизни мне об этом не скажет. Наверняка Маккейб не хочет, чтобы его подручный распускал язык. А вот из самого Маккейба правду вытащить можно.

Значит, надо его повидать, только сперва следует поговорить со Стайлзом. Разумеется, я не собирался становиться инструментом мести в руках Маккейба. И неважно, кто убивает его людей. Впрочем, чего бы он от меня ни хотел, ошибку я допустить не имею права. Разговор со Стайлзом позволит понять, где лежат подводные камни.

— Допустим, — согласился я. — Однако мне не слишком хочется встречаться в темном переулке, где меня убьют неведомо за что. Например, за то, что мои слова не устроят твоего шефа.

О'Хаган хрипло рассмеялся и закатил глаза.

— За такие вещи он человека из Ярда убивать не собирается. — Мой старый знакомый запрокинул кружку, выцеживая из нее последние капли, и стукнул доньшком о стол. — Пойдем, Корраван.

— Не сегодня, — возразил я. — Завтра.

— Он желает увидеться прямо сейчас, — прищурился Симус.

— Я ведь говорил: у меня есть дела.

Мой собеседник скривился от раздражения. Перспектива прийти к Маккейбу с отказом его не воодушевляла.

— Ладно, завтра так завтра, — сплюнул он.

— Я подойду сюда.

Если Маккейб вынашивает идею покончить со мной, то вряд ли решится на убийство, понимая, что я мог кому-то сообщить о предстоящей встрече...

Глава 5

Утро выдалось солнечным, а вот к вечеру полил проливной дождь. Зонт, как всегда, остался дома. Торопясь к дому Стайлза, я съежился в тщетной попытке не дать холодным каплям проникнуть под воротник.

В период службы в Скотланд-Ярде именно Гордон Стайлз вечно напоминал мне прихватить зонт из металлической стойки в вестибюле. Впрочем, недоставало мне бывшего напарника не только по этой причине. Мы с ним проработали в паре почти год, и Стайлз помог мне раскрыть серию убийств на реке. Спокойный дружелюбный человек с хорошим образованием, которого мне так не хватало, Стайлз имел подход к людям. Он был почти на десять лет меня младше, и все же именно его я предпочел бы видеть рядом в трудные времена, уж не говоря о том, что бывший напарник умел хранить тайны.

Я постучал в дверь, и из прихожей тут же раздался знакомый голос:

— Кто там?

— Это я, Корраван!

Дверь распахнулась, и Стайлз, окинув меня удивленным, но теплым взглядом, расплылся в улыбке. В гостиной горел яркий свет, бросая блики на его волосы. На инспекторе была белая, расстегнутая у ворота рубашка с подвернутыми манжетами. В правой руке он держал бокал, на полдюйма наполненный янтарной жидкостью.

— Ради бога, Корраван, что заставило вас высунуть нос из дома в такую непогоду? Входите, входите! Вешайте пальто, я сейчас принесу вам полотенце.

Я расстегнул пуговицы и бросил мокрое пальто на вешалку. Вытащив дубинку, положил ее на скамеечку. В доме Стайлза мне приходилось бывать лишь однажды, когда тот оправлялся от тяжелой пневмонии. Тогда я еще удивился, что коллега, оказывается, совсем неплохо устроился. Если мой дом был прост и удобен, то в жилище Стайлза царил комфорт. Хорошее зеркало, приятное освещение, толстый ковер под ногами...

Глянув на свои заляпанные грязью ботинки, я примостился на скамеечке и разулся, а Стайлз тем временем уже прибежал с полотенцем. Я вошел в гостиную, где весело пылал камин, и погрузился в кресло. На столике лежала открытая книга, рядом стояла тарелка с остатками ужина. Похоже, бывший напарник закусывал пирогом.

— Боюсь, у меня нет вашего любимого сорта кофе, зато я вскипятил чайник. — Он сел напротив. — Так что вас привело?

— Возвращаюсь из Уайтчепела, выпил там пинту эля с О'Хаганом, бывшим владельцем боксерского клуба, где я выступал. Похоже, старик теперь работает на Маккейба. — Я пожал плечами. — А может, всегда работал, как знать.

Стайлз задумался, откинувшись в кресле, и сплел пальцы в замок.

— Значит, он из «Каменщиков мыса»...

Бокал коллеги, похоже, оставил в другой комнате. Я крепкие напитки терпеть не мог: влияли они на меня совершенно неподобающим образом, так что в такте Стайлзу не откажешь.

— Чего хотел от вас О'Хаган?

— Сказал, что Маккейб желает поговорить со мной о двух убитых каменщиках. Упомянул, что вроде бы одно из убийств расследуете вы. — Я помолчал. — Между прочим, назвал вас по имени.

— Его ввели в заблуждение. С этим делом работаю не я.

— Не вы?

— Следствие ведет Уинн, — покачал головой Стайлз. — Я последние пару недель был в Сассексе.

— А, дело о похищенных драгоценностях... — вспомнил я рассказ директора Ярда Винсента.

— Мы поймали вора и скупщика краденого. Почти все удалось вернуть.

— Отлично! — Я отхлебнул чая. — Уинн что-нибудь рассказывал об этих убийствах?

— Кое-что. Мы с ним виделись вчера. — Стайлз поставил чашку на стол. — Не уверен, что он знает о втором случае, но пока ведет расследование по делу некоего О'Фаррелла. Убийство произошло в пятницу ночью.

— Кто такой этот О'Фаррелл?

— Молодой парень — лет девятнадцати-двадцати. Собирал для Маккейба выручку из игровых залов, от скупщиков краденого и так далее.

Снова «каменщик»...

— Кстати, его застрелили, — поморщившись, добавил Стайлз.

Я удивленно хмыкнул. Обычно бандиты пользуются холодным оружием... Его легче достать, да и дешевле. Меньше шума, меньше вероятности привлечь внимание полиции.

— Где его обнаружили?

— На Фолгейт-стрит, за одним из ломбардов Маккейба. Лежал ничком около мусорных баков — на него наткнулся констебль. Место открытое, любой мог увидеть. В затылке — пулевое отверстие. Похоже на своего рода послание.

На кухне тихо свистнул чайник, и Стайлз поднялся. Вернувшись еще с двумя чашками, мне он долил молока, себе же разбавлять не стал. Я приподнял чашку в знак благодарности, сделал глоток и заговорил.

— Второй — Шон Дун. На самом деле его убили первым, во вторник, на Бойд-стрит. Не знаю, правда, каким оружием там пользовались. В ту ночь поблизости от места преступления еще ограбили пять лавочек. Между прочим, одна из них принадлежит Дойлам.

— О господи, Корраван, — округлил глаза Стайлз. — Я об этом ничего не слышал.

— Это меньше чем в миле от Фолгейт. Странно, что Уинн не связал эти два происшествия.

— Сам удивлен. Он весь последний месяц работал в Чепеле. Утром ему скажу. — Инспектор отхлебнул чая. — Когда вы встречаетесь с Маккейбом?

— Завтра вечером. Собственно, поэтому я к вам и зашел. Думал, этим делом занимаетесь вы. Вслепую на встречу идти не хочется. Вероятно, по результатам разговора я смогу разжиться кое-какими полезными для Ярда сведениями. Все-таки с Маккейбом не каждый день поболтаешь.

— Да уж, — усмехнулся Стайлз. — Вы с ним лично знакомы?

— Нет. Скорее всего, меня к нему приведут с завязанными глазами, так что второй раз я его просто так не найду.

— Вам требуется подстраховка, — нахмурился Стайлз.

— Если Маккейб хочет получить от меня какую-то услугу, то я нужен ему живым, — заявил я, хотя большой уверенности не испытывал. — Кстати, чем Уинн целый месяц занимался в Чепеле?

— Последнее время там гораздо больше случаев насилия и грабежей, чем обычно. — Помолчав, Стайлз продолжил: — Драки на улицах, кражи со взломом, бандиты с огнестрельным оружием... Едва ли не каждую ночь — новое происшествие.

У меня побежали мурашки по коже.

— Что-то новенькое... Удалось выяснить причину происходящего?

Стайлз поднялся и, подбросив угля в камин, ответил:

— Возможно, новая банда покушается на интересы Маккейба.

Я слегка разомлел от тепла и погрузился глубже в кресло.

— Стало быть, Маккейб защищается, а конкуренты в отместку убивают О'Фаррелла и, вероятно, Дуна? Но что это за новая банда?

Стайлз пожал плечами.

— В конце июля на Кобб-стрит один русский убил своего соотечественника.

— Совсем недалеко от Фолгейт... Полагаете, это звенья одной цепи?

— М-м-м... — задумчиво пробормотал Стайлз. — Оба погибших застрелены с близкого расстояния. Однако русский получил две пули в область сердца, не в голову. — Он помрачнел. — Так или иначе, мы знаем, что оружие в Лондон попадает нелегально. По счастливой случайности Скотланд-Ярд обнаружил на прошлой неделе ящик с тридцатью пистолетами. Пока не знаем, кому они предназначались, но, судя по тому, что рассказывает Уинн, боюсь, груз направлялся в Уайтчепел.

— Тридцать пистолетов? — Для Уайтчепела это серьезно... — Как вы их нашли?

— Ящик прятали под коробами с джином в поезде из Бирмингема. В Ливерпуле товар выгрузили, и забрать его должен был некий мистер Морган. Вероятно, имя вымышленное. Нам повезло, что оружие прямо на станции обнаружила полиция, и то лишь потому, что один из коробов со спиртным развалился. Когда вытаскивали бутылки, наткнулись на пистолеты.

— Пришел ли за грузом Морган?

— Нет, и в накладной был указан ложный адрес, хотя отправитель утверждает, что с ним расплатились подлинными банкнотами.

— Хм...

— Возможно, Маккейб в курсе дела, — предположил Стайлз. — Не исключено, что он вам расскажет некоторые подробности, особенно если оружие направлялось не ему. Похоже, так оно и есть, если убивают его людей.

Допив чай, я поставил чашку с блюдечком на стол.

— Передам вам все, что он мне сообщит. — Я поднялся и кивнул на открытую книгу. — Что читаете?

— «Премьер-министра», — застенчиво улыбнулся бывший напарник. — Последнее произведение Энтони Троллопа.

— Белинда любит его книги.

— Много политики и интриг — о таком лучше читать в книге, чем видеть в реальной жизни.

Он поднялся, но я махнул рукой:

— Не провожайте.

— Возьмите один из моих зонтов, — сказал мне вдогонку Стайлз.

Благодаря его заботливости домой я прибыл через пятнадцать минут пусть и не сухим, но все же не столь мокрым, как час назад.

Глава 6

Посетив на следующее утро морг, я с полчаса дожидался хирурга Оукса, который занимался с каким-то трупом. Наконец он пригласил меня взглянуть на тело найденного в Саутворке человека. В зале было холодно; мертвец лежал на изрезанном, покрытом пятнами деревянном столе. Пальто и брюки с него сняли, оставив лишь нижнее белье и рубашку.

— Бог ты мой, Корраван, — хмыкнул Оукс. — Уж не из винокурни ли вы его вытащили?

— Ну да, мы вчера заметили, что от него разит. — Я обошел стол и встал напротив хирурга, с той стороны, где находилась голова трупа. — Его обнаружили на лестнице у Ист-лейн, на южном берегу. Это к востоку от верфей Глендиннинга. Обратили внимание на его руку?

— Старая травма, — кивнул Оукс. — Полагаете, карточный долг?

— Не исключено.

Глянув на голову погибшего, он взял кусок влажной фланели и протер запачканное лицо.

— Голова лежала на краю ступеньки? Видите, на щеке характерный кровоподтек, — указал Оукс. Я рассмотрел не то что синяк, а так — бледно-серое пятно. — Не могу сказать наверняка, — продолжил хирург, — но, возможно, это след от падения. Впрочем, его могли и ударить твердым предметом.

— На какой версии вы остановились бы?

— Лестница у Ист-лейн в приличном состоянии? — фыркнул он.

— Ну, ремонтировали ее лет пять назад.

— Что ж, тогда я сказал бы, что травма нанесена округлым предметом. Вряд ли это был удар о край ступеньки.

Значит, убили его в другом месте, затем волны выбросили труп на лестницу. Зачем разумному человеку на ночь глядя нанимать экипаж до этого района Саутворка? Скорее всего, погиб он где-то выше по течению реки, а за ночь тело доплыло до Ист-лейн.

— Что скажете о его руках? Если он падал — не пытался ли смягчить падение?

— Таких признаков не наблюдаю. Впрочем, если он был пьян, то вряд ли предпринял бы подобную попытку. У нетрезвого человека реакции замедлены. И все же я не уверен в сильном опьянении. — Оукс взял пальто погибшего и поднес его край к носу. — Фу... Одежда воняет джином, но... — Отбросив пальто, Оукс нагнулся над телом, изучил кончик носа и по очереди заглянул в каждую ноздрю. — Не вижу расширенных сосудов ни на носу, ни на щеках.

Он задрал на трупе нижнюю рубашку и несколько раз надавил ладонями на живот.

— Не похоже, что этот человек был хроническим алкоголиком. В его возрасте некоторые симптомы уже проявились бы. Печень и поджелудочная не увеличены. Живот не вздут, мышцы в тонусе.

Оукс выудил из кармана металлический инструмент, открыл рот трупа и посмотрел внутрь.

— Признаков эрозии пищевода не вижу, так что предположил бы, что джина куда больше на одежде, чем в крови.

Я не слишком удивился. Убийства нередко маскируют под несчастный случай. Однако почему убийца просто не сбросил тело в Темзу? Зачем было перетаскивать его на лестницу?

— Было при нем что-то ценное?

— Кольцо. Я нашел его за подкладкой пальто. Скорее всего, провалилось в дырку в кармане, о чем наша жертва даже не догадывалась. Металл блестит как новый, на пальцах характерных вмятин нет. Значит, либо кольцо действительно новое, либо носили его нечасто. Возможно, оно даже не принадлежало убитому, хотя размер вроде бы подходящий.

Отойдя к шкафу, Оукс взял кольцо с маленького лотка и положил его в мою ладонь. Обычное золотое колечко, не слишком тяжелое, однако добыча для вора, безусловно, ценная. Я рассмотрел его внутреннюю поверхность, но гравировок не обнаружил. Женат или вдовец? Почему не носил кольца? И почему его не украли? Любой мало-мальски смыслящий в своем деле воришка нашел бы его обязательно, просто прощупав подкладку.

Меня вдруг осенило, и я внимательно осмотрел правый манжет пальто жертвы. Обшлаг потертый; скорее всего, пальто было приобретено несколько лет назад.

— Как считаете, он был правой или левой?

— Судя по развитым мышцам кисти, я бы сказал — левшой, — ответил Оукс.

Я вывернул манжет наизнанку и удовлетворенно хмыкнул. Вот и потайной кармашек для карты.

— Это еще для чего? — осведомился хирург.

— Для козырного туза, — объяснил я и бросил пальто на стул. — Дайте мне знать, если найдете еще что-нибудь интересное. Нам следует выяснить имя жертвы до похорон.

— Знаю, знаю, — пробурчал Оукс. — Помогите мне его перевернуть, пока не ушли.

Мы переложили тело на живот. Оукс снял с покойника рубашку и указал на синяк на правом плече, рядом с шеей. Похоже, след от дубинки...

Что ж, надо будет отправить сообщение в Скотланд-Ярд. Вряд ли это несчастный случай, скорее всего — действительно убийство.

В участке речной полиции меня приветствовал сержант Трент.

— К вам посетитель, сэръ. Представился как мистер Флинн, — сообщил сержант и с некоторым сомнением добавил: — Из «Фалкона». Приехал около половины одиннадцатого. Сказал, что будет вас ждать, так что я определил его в первую комнату.

Недоверие полисмена к газетчикам меня несколько не удивило, однако я лишь улыбнулся. С Томом Флинном мы не виделись несколько месяцев. Большую часть лета Том был в поездке — сопровождал Дизраэли и маркиза Солсбери в Берлин, где состоялось подписание договора о разделе территорий по итогам Русско-турецкой войны.

Подобно Ярду, участок речной полиции имел три комнаты для допросов или содержания лиц, которым мы готовились предъявить обвинение. Двери помещений были закрыты, лишь первое стояло нараспашку.

Заглянув внутрь, я увидел стоящего у окна мужчину. Репортер любовался Темзой, поблескивающей под слабым осенним солнцем. Том был невысоким и крепким, с круглой головой, вздернутым носом и оливково-зелеными пронизательными глазами, взгляд которых порой становился вызывающим. Руки он засунул в карманы длинноватого пальто. Я всегда знал его как чертовски смелого и умного человека, в

голове которого хранилось все что угодно — от точных цитат речей политических деятелей до финансовых выкладок. Работал он с раннего утра и до позднего вечера, материал в печать не давал до тех пор, пока лично не убедится в фактах, и не раз мне здорово помогал.

Я знал Тома несколько лет и считал себя его должником. Доверял ему: когда мог — делился информацией, и Том никогда меня не упрекал, если сделать этого не удавалось. В «Фалконе» он освещал самые разные темы, однако в основном интересовался делами парламента и внутренней — а с недавних пор и внешней — политики. Пользовался доверием как минимум нескольких членов парламента из разных партий, среди которых были и тори, и виги, рядовые парламентарии и члены кабинета, умудренные опытом и совсем молодые политики, еще не произнесшие ни единой публичной речи. В политике он разбирался, в отличие от меня. Мне все это представлялось чертовой неразберихой. Все эти партии, которые то делились, то снова объединялись — возьмите хоть вигов и сторонников Роберта Пиля, которые в итоге стали либеральной партией. Что ж, некоторые события способствуют созданию самых неожиданных союзов, говаривал Том.

Он обернулся со своей обычной, немного кривой улыбкой, и его глаза засветились.

— Корраван!

— Здравствуйте, Том. Как съездили в Берлин?

— Та еще поездочка! Горячо было, как в аду.

Я повесил пальто на крючок, затем протянул руку за его потрепанным плащом. Том подал его мне, не забыв вытащить из карманов блокнот и карандаш.

— Что вас привело в Уоппинг?

— Хотел за вас порадоваться, например. Я ведь говорил, что Винсент направит вас сюда, как только уволят Блэра.

— Умный вы человек, Том, — фыркнул я.

Мы уселись, и я внимательно его изучил. Том нередко надевал маску бесстрастия и выглядел в ней совершенно естественно, однако сегодня был обеспокоен и этого не скрывал.

— Так что случилось?

— Позвольте? — мотнул он головой в сторону открытой двери.

Я кивнул, и Том, плотно прикрыв дверь, снова сел.

— До нас дошли сведения об участившихся случаях насилия в Уайтчепеле. Вообще это не совсем мой профиль, однако для парламента подобный всплеск может иметь далеко идущие последствия.

Я задумался. Уже три раза за последние три дня мне приходилось слышать о насилии в Уайтчепеле. Ни ма Дойл, ни Стайлз, ни Том не были склонны поднимать тревогу по пустякам; за всем этим что-то крылось. Не вдаваясь в изложенные Стайлзом подробности, я решил кое-что рассказать.

— Знаю, что на прошлой неделе там было два случая применения огнестрельного оружия. Ограблено несколько лавочек, в том числе и магазинчик Дойлов. Я расспрашивал ма, но она сказала только, что Чепел меняется. Там появились новые люди. Ярд выясняет, не могло ли произойти столкновений между новыми и прежними бандами. Сами чем-то располагаете?

— Наш источник сообщает, что причиной беспорядков могли быть ирландцы. — Том помедлил и снова заговорил: — Я имею в виду Маккейба и «Каменщиков мыса».

Ну да. Другое дело, что убивают как раз людей Маккейба... А он никогда не будет подбивать свою банду на излишнее насилие — зачем ему внимание полиции? Маккейбу есть что терять...

— По-моему, я вас не убедил, — заметил Том.

Я откинулся на спинку стула.

— Как по-вашему, Маккейб зачинщик или он лишь отбивается? С чего бы ему лезть на рожон?

— Не могу сказать, — мрачно ответил Том. — Шайка у него чертовски злобная и коварная. Они ведь всегда готовы нагнать страху, чтобы никто против них и слова не проронил.

— Да, согласен.

— У вас есть соображения, зачем это нужно Маккейбу? Вы с ним не знакомы? Может, понимаете ход его мыслей?

Вот завтра и пойму...

— Я ведь вырос в Уайтчепеле, не в Севен Дайлс. А «Каменщики» в Чепеле появились уже после моего побега, так что с Маккейбом мне сталкиваться не приходилось.

— Да я догадываюсь, что он держится подальше от полиции, — криво усмехнулся Том.

— Маккейб заправляет ломбардами и игровыми залами. Под ним ходят фальшивомонетки. Обычно он держит ситуацию под контролем, и до тех пор, пока его действия не угрожают остальному Лондону, мы не вмешиваемся.

— Поэтому вы удивлены, что Маккейб может оказаться зачинщиком беспорядков, — закончил за меня Том.

Он прищурился. Похоже, обдумывает материал для будущей статьи.

— А при чем тут парламент? — поинтересовался я.

Ответил Том после долгого молчания:

— Только никому, договорились?

Я кивнул.

Он уперся локтями в колени и, наклонившись ко мне, понизил голос:

— В течение последних пяти месяцев группа парламентариев умеренного толка провела несколько тайных встреч. Они пытаются найти способ восстановления самоуправления Ирландии.

Я насмешливо хмыкнул. Восемьдесят с лишком лет назад, когда Актом об унии был распущен ирландский парламент, парламентарии начали перемещаться в Лондон, на новое место службы. Поскольку они составляли безусловное меньшинство, их чаяния в основном игнорировали; в результате мы получили десятилетия притеснений ирландского народа и бездушную политику Лондона. Идея реставрации самоуправления всплывала не раз: некоторые политики признавали, что наделение ирландских парламентариев правом распоряжаться делами своей республики снизит недовольство и уровень насилия в самой Англии. И все же большинство членов парламента считали моих соотечественников сбродом, которому нужна твердая рука, поэтому подобные предложения неизменно встречали бурное сопротивление. За десять последних лет Ирландское республиканское братство не раз прибегало к террору и угрозам, пытаясь заставить парламент восстановить автономию Ирландии. Достигли они обратного эффекта: насилие лишь укрепляло решимость британцев не допустить самоуправления республики.

— Это ничего не даст, — покачал головой я. Однако Том не разделял моего скепсиса. Смотрел он на меня искренне, серьезно и даже с надеждой.

— Я прекрасно знаю: многие думают, что это невозможно. — Он поднял руку. — Но на этот раз все иначе. Поговаривают, что в следующем году на пост премьера вернется Гладстон. Разумеется, при Дизраэли о самоуправлении Ирландии не могло быть и речи. Он ирландцев терпеть не может.

— Невзирая на то, что консерваторам свойственно поглядывать на моих соотечественников с подозрением, не более?

— Ну да. Вот что он писал в своем письме в «Таймс». — Том воздел изуродованный указательный палец и заговорил напыщенным тоном: — «Ирландцы ненавидят наш порядок, нашу цивилизацию и развивающуюся промышленность, а также религию. Это дикая безрассудная раса, ленивая, неуверенная и суеверная. Никакой симпатии к английскому укладу жизни они не испытывают». — Том махнул рукой. — Дальше он продолжил в том же духе — прошелся по ирландской клановости и природной грубости.

— Неужели он написал это письмо, будучи премьер-министром? — недоверчиво спросил я.

— Нет, до того. Причем под псевдонимом.

— Господи...

— Дизраэли не из тех, кто склонен преуменьшать опасность, не так ли? — Том скорчил гримасу. — В парламенте немало политиков, которые не любят ирландцев...

— Зато любят деньги, которые приносят им ирландские фабрики и возделанные поля, — продолжил за него я.

— Именно, — признал репортер. — Кстати, наши промышленники содрогаются при упоминании о деятельности «Молли Магуайр»^[2] в Соединенных Штатах.

Я знал об этом движении, которое зародилось в Ливерпуле в тридцатых годах нашего века, но никогда не слышал, чтобы оно переместилось за океан.

Видимо, Тому бросилось в глаза мое замешательство.

— Они перебрались в угольный бассейн Пенсильвании еще в пятидесятых. После обвала в двух шахтах создали профсоюз, сражающийся за лучшие условия труда и справедливую заработную плату. В прошлом году двадцать его участников вздернули за мятежи. — Он помолчал. — Англичане владеют десятками фабрик в Ирландии.

— Значит, самоуправление Ирландии повлечет за собой принятие законов о более высокой оплате труда и мерах безопасности...

— И это обойдется недешево, — поджал губы репортер.

— Выходит, члены парламента, владеющие фабриками и промышленными предприятиями, исключаются, — заметил я. — А также те парламентарии, которые просто ненавидят ирландцев. Кто же тогда вел тайные переговоры? Несколько не имеющих политического веса либералов?

— Не совсем так, — поправил меня Том. — Парламентарии с обеих сторон.

— И консерваторы, и либералы? — усомнился я. — Что выиграют консерваторы от восстановления автономии Ирландии?

— Вы удивитесь, — вздернул брови Том. — Нет, публично своего участия они не признают. Не захотят оттолкнуть своих выборщиков. Их действительно мало — в основном потому, что многие опасаются стать жертвами теории заговора. — Он вздохнул. — Я имел в виду, что в этой маленькой группе есть и англичане, и ирландцы. Не просто рядовые члены парламента, но и члены кабинета.

Хм. Самые могущественные политические фигуры, надо же...

— Можете назвать имена?

— Например, Джон Брайт.

— Председатель комитета по торговле? Да бросьте!

Том лишь кивнул.

— Еще лорд Гранвилл и лорд Бейнс-Хилл, влиятельные люди, лидеры своих партий. Кроме них, пять вполне умеренных ирландцев.

— Недостаточно, чтобы протолкнуть закон.

— Нет, но ситуация изменится, когда уйдет Дизраэли. Вот тогда может родиться соответствующее соглашение. Многие предполагают, что оно никогда не будет достигнуто — вот в чем беда прямо сейчас. Вернее, половина беды.

— Но, если Гладстон на несколько лет займет пост премьера, потом все равно вернется Дизраэли. Во всяком случае, так принято считать.

— Вполне возможно, — пожал плечами Том. — Поговаривают, что лидером консерваторов может стать лорд-канцлер Кэрнс или даже член парламента Арчибальд Хоутон. Оба — состоятельные владельцы фабрик, однако ни тот, ни другой не разделяют презрения Дизраэли к

ирландцам. Впрочем, я сомневаюсь, что они одобряют тайные переговоры.

— Вы говорили, что эти встречи держат в секрете, — нахмурился я, — однако как можно делать из них тайну, если собираешься чего-то добиться?

Том развел руками.

— Пока эта группа потихоньку прощупывает почву, изучает возможность привлечения достаточного числа сторонников. — Помолчав, он добавил: — Разумеется, в том смысле, что самоуправление коснется лишь внутренних дел Ирландии и никоим образом не будет влиять на империю.

— А как же, — сухо заметил я.

— Ну а чего вы ожидали? — несколько нетерпеливо бросил Том. — У многих свежи в памяти события шестьдесят седьмого в Клеркенуэлле. А театр Мэйфер? Взрыв там случился лишь пять лет назад.

Я испытал угрызения совести, вспомнив тот день, когда во время театрального представления взорвались три бомбы. Погибли десятки людей, и две принцессы королевского дома уцелели лишь чудом.

— Те бомбы были заложены Ирландским республиканским братством, Том. Обычные ирландцы — и даже «Каменщики мыса» — тут ни при чем.

— Да, да. — Репортер снова посерьезнел. — Лондонцам свойственно забывать об этом нюансе, когда они думают о погибших и раненых на столичных улицах.

— Стало быть, если в Уайтчепеле учащаются случаи насилия со стороны ирландцев — люди пугаются, и сочувствие к идее самоуправления Ирландии уменьшается. И неважно, кто тому виной — Братство или «Каменщики».

Том потер подбородок.

— Полагаете, они могут действовать заодно?

Я скептически усмехнулся.

— Корраван, я знаю, что подобные предположения задевают вас за живое. И все же...

— За живое меня задевает жестокость. Мне нет разницы, кем является преступник — ирландцем или англичанином.

— Многие ведь считают, что ирландцы — тоже англичане, — испытующе глянул на меня Том.

— Только не те, кто вырос в моем районе Уайтчепела.

— Понимаю, — вздохнул он.

— Посмотрю, чем смогу вам помочь, — сказал я. — Слабо представляю, чтобы Маккейб мог начать заваруху ни с того ни с сего. Братство обычно берет на себя ответственность за акты террора, однако этого до сих пор не случилось. Возможно, мы имеем дело с обычным совпадением: квартал перенаселен, вот люди и сражаются за место под солнцем.

Том хлопнул ладонями по подлокотникам стула и встал.

— Дайте мне знать, если вам что-то станет известно.

Я передал репортеру пальто, и он, нахлобучив потрепанную шляпу, попрощался.

Проводив его, я задумался о предстоящей встрече с Маккейбом. Интересно, что он скажет о последних событиях в Уайтчепеле. Хорошо, что удалось поговорить не только со Стайлзом, но и с Томом. Нередко случалось, что его озарения направляли меня на верный путь, и часто это случалось в самый нужный момент.

Усевшись за стол, я очередной раз осознал, что суперинтендант Блэр был гораздо ниже меня ростом. Надо бы поменять стул — этот слишком высок. С другой стороны, я лишь исполняющий обязанности. Пока потерпим.

Я провел несколько часов за изучением своих записей и наконец вышел на улицу. Пора поужинать, подкрепиться перед составлением еженедельного отчета для директора Скотланд-Ярда.

Рапорт уже близился к завершению, когда в дверь постучали. На часах было половина девятого.

— Войдите! — крикнул я.

Дверь приоткрылась, и на пороге возник сержант Трент с покрасневшимся встревоженным лицом.

— У нас происшествие, сэр! На Темзе столкнулись два судна.

Я отложил ручку.

— Где именно?

— Почти напротив Галеонс-рич. Один из кораблей называется «Принцесса Алиса».

Я тихо застонал. «Принцесса Алиса» была судном, принадлежащим к небольшому флоту экскурсионных пароходов, ходившим на расстояние сорока пяти миль вверх и вниз по Темзе. С утра она отчаливала от Лебединой пристани у Тауэрского моста. К полудню прибывала в Ширнесс, где река впадает в Северное море, и возвращалась обратно уже затемно. Всего за два шиллинга пассажиры могли сесть на борт любого из пароходов и провести часть дня в знаменитых Садах Рошервилля или в мюзик-холле Грейвзенда.

— Насколько серьезным было столкновение? — спросил я, надевая пальто.

— «Принцесса» затонула, сэр.

Глава 7

— Затонула? — выдавил я. — Что за дьявол в нее влетел?

— Углевоз. Название не знаю.

— Черт... — пробормотал я.

Корпус «Принцессы Алисы» был деревянным; весу в ней, вероятно, не более двухсот тонн. Никакого сравнения с углевозом — там восемьсот-девятьсот тонн, плюс полная загрузка... Все равно что неуправляемый железнодорожный состав, столкнувшийся с прогулочным экипажем. «Принцесса» наверняка пошла на дно в считанные минуты.

— Погодка сегодня что надо, — мрачно заметил сержант. — «Принцесса» точно была забита под завязку.

Я представил обзорные деревянные палубы вдоль колесного кожуха. Сотни людей, слоняющиеся вокруг дети... Экскурсанты висят на поручнях, подпевают бравурной музыке маленького судового оркестра. Наслаждаются приятным вечером...

Пока застегивал пальто, меня словно током ударило: мы не знаем фамилий пассажиров. Реестра экскурсантов на прогулочном пароходе в жизни не велось. С моих губ слетело проклятие.

— Идите сюда, — приказал я, и Трент кивнул. Открыв шкаф, где мы хранили припасы, я достал перевязанный тюк одеял и вручил его сержанту. Еще одну скатку взял сам и, прихватив два больших фонаря, отправил Трента ловить кэб. Сержант выскочил на улицу и заторопился к перекрестку, на ходу вытаскивая из кармана полицейскую сигнальную трещотку.

Галеонс-рич находился в семи милях к востоку от Уоппинга. После Вест-Индских доков улицы, к счастью, обезлюдели, и кэбмен пустил лошадей вскачь. В этой глуши не было церквей, но я и без колокольного звона определил время по положению луны. Начало одиннадцатого... Ноздри забивала вонь аммиака и серы — побочных продуктов производства газового завода Бэктона, хотя огни на его ретортных цехах и вышках еще не показались. Далеко впереди раздавались крики и плач собравшихся у кромки воды людей. На

подъездах к берегу стояло не меньше дюжины брошенных на дороге экипажей и колясок. Люди, забыв об опасности, сновали прямо перед нашим кэбом. Лошадь пронзительно заржала, и мы остановились.

— Дальше не могу! — крикнул кэбмен. — Боюсь на кого-нибудь наехать.

Мы с сержантом выбрались наружу с нашими одеялами и фонарями. Я расплатился. В воздухе висели ароматы реки, и Трент тихонько чертыхнулся. Здесь, в Эрите, находился водосброс лондонской канализации. Вокруг него и в лучшие времена местность была заболочена и зловонна, но сегодня пахло здесь особенно мерзко.

При свете многочисленных ламп и фонарей мы протиснулись вдоль пятифутовой каменной стены, защищавшей город в период подъема уровня реки. Избегая толчков отчаявшихся людей, добрались до пролома в стене и остановились, изучая обстановку. Луна скрылась за облаком, и, кроме огоньков да мечущихся в темноте теней, ничего толком видно не было. Наконец облачная завеса ушла в сторону, и я смог рассмотреть то, что делалось на реке. На фоне темного неба возвышалась черная громада углевоза. Вокруг сновали мелкие суда и лодчонки. Три шлюпки с фонарями на носу направлялись к берегу.

Ни следа «Принцессы Алисы»... Вероятно, все ее пассажиры оказались в реке, а вода сейчас настолько холодна, что у несчастных людей наверняка моментально перехватило дыхание.

— Дайте света, сержант! — отрывисто скомандовал я и зажег свой фонарь.

Поднял его над головой и, ступив на берег, осветил небольшой участок у воды. В прибрежном иле распростерся мужчина с кровоточащей раной на лбу. Еще двое, оба мертвы: глаза открыты, нижняя челюсть отвисла. В воде у берега лицом вниз плавало детское тело. Мимо проковылял человек, придерживая согнутую под неестественным углом руку.

— Луиза! — надсадно крикнул он.

Мой взгляд упал на женщину, причитающую и баюкающую неподвижного ребенка — девочку с длинными темными волосами.

*Шарлотта! Шарлотта Амброс! Энтони! Уильям! Генри Блайт!
Луиза! Мэри! Элизабет!*

Вокруг меня эхом металась крики только что подъехавших людей, карабкающихся по каменистому берегу. Каждый в отчаянии выкрикивал

своих друзей и родственников.

Мое сердце глухо забилося в груди.

— Матерь божья... — хрипло прошептал сержант.

Совсем рядом с нами мужчина, обхватив за талию даму, пытался помочь ей выбраться на сухое место, однако промокшие тяжелые юбки заставили ее опуститься у самой воды.

— Оставь меня! Беги, Джеймс! Ищи Самюэля!

Джеймс неохотно оторвался от жены и побрел в темноту, а женщина с рыданием скорчилась между камней.

Вытащив из стопки одеяло, я накинул его даме на плечи.

— Давайте я вам помогу...

С искаженным от отчаяния лицом она схватила меня за плечи. С трудом выговаривая слова — так стучали зубы, — взмолилась:

— Найдите моего Самюэля! Найдите его! Пожалуйста, прошу вас, помогите моему мужу найти сына!

Я ощутил в уголках глаз предательскую влагу.

— Мы спасем всех, кого сможем, мэм.

Поднявшись с колен, я встретил взгляд сержанта. Мы с ним прекрасно знали, что отливное течение в этот час особенно сильно. Выжившим ни за что не найти в ночи своих родственников — несчастных разбросало вдоль длинной темной береговой линии.

Холодный ветер пробрал меня даже через толстое пальто, а ведь я-то, в отличие от потерпевших крушение, не промок...

— Надо увести людей с ветра, иначе им грозит смерть от переохлаждения.

— Лучше на ту сторону стены, — кивнул сержант.

— Или в крытые экипажи, — отозвался я. — Хорошо бы найти что-нибудь похожее на носилки.

— Пока раздам одеяла, сэр.

Трент забрал мою скатку. Лица его я не видел, но тут и видеть нечего — сержант в шоке. В речной полиции он служил два десятка лет и, казалось бы, видел все дары Темзы: и грязь, и смерть, однако сегодняшнее происшествие было из ряда вон. Страшнее, чем крушение поезда. Там пассажиры хотя бы имели возможность спастись, выползти из вагона. А здесь, напротив узкого участка берега, утонули не десятки — сотни людей.

Трент со своей ношей отошел в сторону, а я помог женщине добраться до стены и вернулся к воде. Две лодки вытащили на камни; я наблюдал, как двое мужчин выводят на сушу женщину. В плашкоуте неподвижно лежало еще три тела. Сержант уже подбежал к спасенной женщине, завернул ее в одеяло и направил ее вместе с сопровождающими в укрытие.

Я снова осмотрел берег и, заметив человека в форменной одежде, подошел к нему.

— Речная полиция. Вы с газового завода?

— Да, верно! Я видел, как все случилось! Я ночной сторож, будка тут рядом.

Он ткнул пальцем через плечо, и я разглядел очертания небольшой башенки на возвышении у самой кромки воды.

— Какого дьявола здесь произошло?

— Это все чертов «Замок Байуэлл»! — с негодованием воскликнул сторож. — Летел на полной скорости вниз по течению и разбил «Принцессу Алису» вдребезги.

— Кто-то из экипажа «Принцессы» выплыл на берег?

— Никого не видел, но где-то тут бродит констебль.

Лицо сторожа омрачилось.

— С семьей?

— Да, но они, похоже, утонули, — кивнул он. — На пароходе были его жена и сынишка.

— Где он? — спросил я, почувствовав, как сердце дало сбой.

— Поплыл через реку, пытается их разыскать. — Он мотнул головой в сторону южного берега и Пламстедских болот в районе Вулиджа. — Оттуда уже пришло несколько лодок.

Я кивнул.

— Старшего помощника или капитана не видели?

— Нет, — помотал головой сторож. — Впрочем, не знаю. На помощь сразу подоспело два-три суденышка, и на проклятом «Байуэлле» поняли, что натворили: тут же начали бросать в воду концы, спускать шлюпки... Примерно в половине девятого прибыл «Герцог Текский», взял на борт часть спасшихся и доставил их к Лебединой пристани.

«Герцог» принадлежал к тому же флоту прогулочных судов, что и «Принцесса Алиса». Слава богу, что он здесь появился. Впрочем, глядя

на мешанину лодок и лодчонок, крутившихся на месте крушения, я понимал: и тела погибших, и выжившие сейчас разбросаны вдоль реки по обоим берегам. Высаживали спасенных где придется, и помочь людям найти друг друга было выше наших сил. Самое главное — увести их с холода, пострадавших доставить в госпиталь, а дальше — искать тех, кто способен вразумительно объяснить, как это могло случиться.

— Сэр! — окликнул меня Трент.

К берегу причалила еще лодка, и сторож побежал на помощь.

— Что, сержант?

Тот указал на подошедшего с ним молодого мужчину.

— Он с газового завода.

На человеке было изящное пальто и новенькая шляпа с отражавшим свет фонаря шелковым верхом.

— Меня зовут Brentlinger. Можем предложить людям временное укрытие — два ангара.

— Спасибо! — отозвался я. — Два ангара, говорите?

— Да, обычно там стоят наши вагонетки, но мы их убрали, чтобы освободить место. — Он осмотрелся вокруг и добавил извиняющимся тоном: — Ангары не обогреваются, но там в любом случае лучше, чем на берегу.

— Да, тем более что собирается дождь, — поддакнул Трент.

Снова раздались крики, и мы дружно обернулись к берегу. Два речника вытаскивали на отмель лодку, на дне которой лежали три безжизненных тела. Какая-то женщина, перегнувшись через планшир, схватила одного из мертвецов за плечи, и его голова безвольно качнулась. Женщина испустила долгий бессвязный крик, который быстро перешел в стон.

Лицо сержанта сморщилось в страдальческой гримасе; человек с газового завода с ужасом наблюдал за происходящим.

— Brentlinger... — Тот, застыв на месте, меня не слышал. — Brentlinger!

Мужчина дернулся и с трудом оторвал ошеломленный взгляд от лодки.

— Мы должны поместить спасенных в один ангар, а тела погибших — в другой, — сказал я. — Выжившим потребуются одеяла,

горячая еда и чай. В первую очередь позаботьтесь о живых. Затем займемся всем остальным.

Брентлингер снова вздрогнул, словно получив удар.

— Конечно, — пробормотал он. — Сделаю все, что могу.

Несколько следующих часов мы с сержантом провели на освещенном слабым светом луны берегу, помогая людям забраться в фургоны, которые затем доставляли их во двор газового завода. К нашему облегчению, ангары, расположенные не дальше чем в полумиле, оказались просторными, сухими и даже довольно теплыми. В меньшем из них было много места на платформах по обе стороны от узкоколейки. Люди в промокшей одежде, с вымазанными грязью лицами сбились в плотные кучки. Плакали, завернувшись в грубые одеяла, общались между собой тревожным шепотом.

Через некоторое время мы получили подкрепление от комитета по крушениям при парламенте, который отвечал за ликвидацию последствий подобных катастроф. Ротерли, глава комитета, на место не прибыл, однако появился один из его заместителей, а с ним тридцать человек, которые тут же занялись перевозкой пострадавших. Трупы мы укладывали на носилки, и речники таскали их в большой ангар, где, в соответствии с моим приказом, тела женщин и детей размещали по одну сторону от рельсов, мужчин — по другую.

Луна зашла за тучу, и до наших ушей откуда-то с востока донесся раскат грома. Только бы не хлынул ливень, пока не распределят по ангарам живых и мертвых... Столкнувшись с сержантом, я отправил его домой и сам залез в кэб. В Уоппинг вернулся почти в четыре утра и нашел в участке молодого человека, спящего сидя на одной из лавок у входа. В его руке я заметил сложенный пополам листок бумаги.

— Заявил, что у него важное сообщение, — сказал дежурный сержант. — Хотел отдать лично в руки.

Положив руку парню на плечо, я слегка его встряхнул.

— Просыпайтесь.

— Вы — Корраван? — замигал он сонными глазами.

Я кивнул.

— У меня для вас письмо, — сказал парень, неловко протянув мне записку.

— Ты мог оставить его дежурному.

— Мне не заплатят, если не принесу ответ, — решительно покачал головой он.

Развернув листок, я прочел:

Ну и где ты?

О. Х.

— Вот черт! — невольно вырвалось у меня.

— О чем-то забыли? — с ухмылкой спросил парнишка.

— Отнесешь ему обратно, — буркнул я, не отвечая на вопрос, взял карандаш с соседнего стола и, перевернув бумажку, нацарапал:

«Принцесса Алиса» столкнулась с углевозом и затонула напротив Галеонс-рич. Шестьсот погибших. Мне нужно два дня. Увидимся в пятницу.

Маккейбу не понравится задержка, однако ничего не поделаешь.

Я написал еще одну записку, на этот раз — Винсенту, и попросил немедленно доставить ее по домашнему адресу. В сообщении пояснил, что выезжать к Галеонс-рич не нужно, так как сейчас в этом никакого смысла уже нет. Прочесывать реку лучше при свете дня — тогда и начнем работу по извлечению тел с илистого дна Темзы.

Глава 8

Очутившись дома, я урвал три часа сна и, выпив две чашки кофе, приготовился к долгому дню. Парламентский комитет по крушениям будет поднимать со дна «Принцессу Алису» и определять причину катастрофы, а Винсент тем временем попросит меня поделиться впечатлениями сегодняшней ночи. Наверняка прикажет речной полиции оказать всемерную помощь. Директора Скотланд-Ярда я знал прекрасно и не сомневался, что тот появится в Уоппинге затемно. Стало быть, мне нужно прийти на службу еще раньше.

И все же, перешагнув порог участка, я обнаружил Винсента в моем кабинете. Худощавая фигура директора четко вырисовывалась на фоне выходящего на Темзу окна.

Мы с ним были ровесниками. Второй сын баронета, он получил образование в частной школе и к тридцати одному году успел поработать корреспондентом «Дейли мейл». Наш директор строго придерживался этического кодекса, разработанного парламентским комитетом в целях восстановления репутации Скотланд-Ярда после скандала, случившегося осенью прошлого года. Я не всегда оценивал его по достоинству, впрочем, как и он меня. Как-то мне пришлось провести тридцать неприятных минут в его кабинете, в течение которых я удостоился нелестного эпитета: «дикий медведь, проламывающийся сквозь бурелом». И все же в процессе расследования убийств на реке мы нашли общий язык и теперь доверяли друг другу — во всяком случае, настолько, что Винсент назначил меня исполняющим обязанности суперинтенданта.

Я перешагнул порог, и директор обернулся, держа в руках дорожную шляпу. В его голосе сквозило сочувствие и сожаление.

— Судя по всему, вам выпала чертовски трудная ночь.

— Когда мы приехали, все уже было кончено, — вздохнул я, снимая пальто. — «Принцесса» затонула, и нам осталось лишь раздать одеяла и перевезти людей в укрытие. Спасибо рыбакам и шкиперам грузовых плашкоутов, иначе жертв было бы больше. Еще подоспели люди от главы комитета по крушениям.

Я имел основания недолго любить Ротерли, однако где молодец — там молодец.

— Газовый завод Бэктона предоставил нам два сухих ангара. Слава богу, иначе многие умерли бы от переохлаждения.

— В таких случаях снова начинаешь верить в людей, правда? — заметил Винсент. — Прекрасно, когда все объединяются перед лицом несчастья.

— Я полагаю, что у многих лондонцев были знакомые на борту «Принцессы». Сложность в том, что у нас нет их списка.

— Понимаю.

Директор бросил шляпу на стопку бумаг и, раздевшись, уселся. Пальто у него было модное, брюки — из тонкой серой шерсти, сшитые по мерке. Под белым накрахмаленным воротничком повязан шелковый галстук.

— Имеете представление о том, как это случилось? — спросил он.

Я покачал головой. Что толку повторять слова сторожа, заявившего, что виновен «Замок Байуэлл», летевший вниз по течению на полной скорости? В подобных случаях гражданские всегда винят тот корабль, который больше, независимо от обстоятельств.

— Кроме того, что изложил в записке, больше пока ничего не знаю.

— Спасибо, что отправили ее при первой возможности, — кивнул Винсент.

Я невольно улыбнулся, и в глазах директора зажегся ответный огонек. Было время, когда он предъявлял мне претензии за то, что я не направлял ему сообщения «своевременно». Как говорила ма Дойл — «Винсент не горит желанием отхватить кусок пирога первым, но хочет точно знать, когда его достанут из печи». Пришлось мне перестроиться.

— У двух служащих Ярда были родственники на борту «Принцессы», — тускло сообщил директор. — У одного племянник, у другого — зять.

— Они спаслись?

Винсент огорченно нахмурился.

— Парня пока так и не нашли, а племянник точно погиб. Ему едва исполнилось семь, и плавать он не умел...

Все верно. Большинство лондонцев действительно были никудышными пловцами. Темза — не то место, где захочешь заниматься плаванием. Сам я плавать научился, да и то не по своей воле, в шестнадцать лет. Меня тогда сбросили в реку, привязав к поясу веревку. Начальник порта говорил, что груз он спасать полезет, но, черт возьми, не собирается прыгать в воду за мной, если я упаду с плашкоута.

— А женщины в юбках... — вздохнул Винсент.

— Да, юбки тянут на дно, — согласился я. — Выплыть в них почти невозможно.

Директор опустил руки на подлокотники и, сложив пальцы домиком, глянул мне в глаза.

— У нас есть предварительная оценка, сколько пассажиров погибло?

— Более пяти сотен. При вечернем отливе скорость течения составляет три-четыре узла, так что тела будут разбросаны вдоль обоих берегов.

— Боже правый! «Принцесса» взяла на борт столько народа?

— Денек был погожий — как раз для экскурсий, — с сожалением объяснил я.

— Нас в Ярде совсем завалили. Многие не могут найти родственников и друзей и пишут заявления о пропавших без вести.

— Хорошо бы перевезти тела с южного берега, чтобы людям не приходилось несколько раз пересекать реку.

Винсент в замешательстве нахмурился.

— Я полагал, это уже сделано? Вы ведь сказали, что трупы размещают в ангарах газового завода...

— Невозможно перевезти неопознанное тело из одного графства в другое, — покачал головой я. — Это старый закон, далеко не все его помнят.

— Не думаю, что в его применении часто возникает необходимость, но сейчас это, безусловно, серьезная помеха. Полагаю, мы на время можем приостановить действие закона. — Винсент закинул ногу на ногу, расправив отглаженную штанину. — Знаю, что подобными делами обычно занимается комитет по крушениям, и все же поручаю вам держать руку на пульсе расследования. Обо всем происходящем докладывайте лично мне. — Я напрягся, но директор

словно не заметил моего недовольства. — Разумеется, вам придется действовать в связке с Ротерли. Он займется практическими вопросами — поднятием судна, извлечением тел, будет помогать с опознанием погибших родственниками. От имени Хоум-офиса прошу вас выяснить причины катастрофы.

Ротерли точно взбесится. Наша с ним нелюбовь была взаимна, так что он воспримет мое назначение как личную обиду и угрозу своим полномочиям.

— Могу поинтересоваться почему? — спросил я.

— Боюсь, случай на Темзе связан с крушением поезда в Ситтингборне.

Я запнулся на полуслове.

Мне подобная связь в голову не приходила. Однако обе катастрофы унесли жизни обычных лондонцев — и простых, и состоятельных, которые решили совершить увеселительную поездку к морю.

— Понятно... — вздохнул я, откинувшись на спинку стула. — Считаете, что это звенья одной цепи? То есть несчастный случай исключается?

Лицо Винсента приобрело бесстрастное выражение, однако я знал, что это свидетельствовало лишь о его предельной озабоченности.

— Под одним из вагонов сработал заряд динамита, — наконец ответил он. — Похоже, его использовали, чтобы повредить железнодорожные пути. Этот факт выявили лишь вчера, когда закончили разбирать обломки. В подобных случаях расследование становится прерогативой Хоум-офиса и Ярда, а не только железнодорожных следователей и комитета по крушениям.

— Динамит... — тупо повторил я.

Винсент не хуже меня знал, что раздобыть динамит в Англии могли лишь члены Ирландского республиканского братства. Взрывчатку им поставляли фении, являвшиеся родственной организацией Братства в Америке. Ситуация там серьезно отличалась от нашей. Члены Братства в Штатах свободно собирали деньги на дело независимости Ирландии и выступали открыто. После завершения гражданской войны они завербовали в свои ряды тысячи ветеранов с воинскими навыками и доступом к оружию и взрывчатке. Дошло до того, что использование динамита стало фирменным знаком Братства;

ни одно из других движений к нему не прибегало, чтобы не вносить неразбериху.

Мое сердце дало сбой при мысли, что за железнодорожной и речной катастрофами могли стоять ирландцы.

— Братство приняло на себя ответственность за преступление?

— Нет. — Директор вновь нахмурился. — Однако, Корраван, вы ведь помните взрывы в Эдинбурге полтора года назад?

— Помню. В течение двух недель их было четыре.

— А предшествовало им несколько месяцев учащения насильственных преступлений в Каугейте, — напомнил Винсент.

Каугейт, ирландский квартал Эдинбурга...

Я встревоженно заерзал на стуле.

— Так вы считаете, что рост насилия в Уайтчепеле и крушение в Ситтингборне связаны? И случай с «Принцессой Алисой» в том же ряду?

— Вы не можете не признать, что модель одна и та же, — ответил директор. — Похоже, Стайлз считает, что преступления в Уайтчепеле — дело рук «Каменщиков мыса», а не ИРБ. Однако, учитывая, что участвовавшие преступления сеют страх среди лондонцев, «Каменщики» вполне могут действовать сообща с Братством.

Я замолчал, обдумывая аргументы Винсента. Сомнительно, что Маккейб пытается таким образом привлечь к себе внимание. Да, и в его шайке, и в политическом движении Братства сплошь ирландцы, однако вряд ли они заодно. Но и отвергать подобную версию нельзя; все же я многого не знаю.

— Буду иметь в виду эту гипотезу, — неохотно сказал я. — Однако, насколько мне помнится, в Эдинбурге никто не погиб. Взрывы-то произошли в пустых лавочках и в церкви. Несколько раненых — и все. Похоже, у Луби была единственная цель — показать, на что он способен. Что же касается Ситтингборна и «Принцессы Алисы» — здесь совсем другой размах и другие последствия.

— Да, я знаю, — пожал плечами Винсент. — И все же в Ситтингборне использовали динамит. Помните, после теракта в Эдинбурге Тимоти Луби выступил с заявлением, что больше не может полагаться на слова и предпочитает доносить свои сообщения иначе? «Только действие», — говорил он. Его выражения можно истолковать как угодно.

Значит, катастрофа на реке — второй эпизод серии... А Луби не выступит с заявлением, пока не завершит задуманное.

— Надеюсь, вы понимаете, насколько это важно? — сказал директор.

Мы на минуту погрузились в молчание.

— Случайно не знаете, где может скрываться Луби?

— Не имею представления, — ответил Винсент. — Мы его ищем. Наши подразделения в Эдинбурге и Манчестере на чеку, однако Луби умеет залечь на дно.

— По времени совпадение налицо, согласен. Но есть ли у нас доказательства, что крушение «Принцессы Алисы» спланировало Братство?

— Пока нет. — Винсент рассеянно провел рукой по борту жилета. — И был ли динамит на борту — выяснится не сегодня и не завтра. Я просил комитет по крушениям повременить с поднятием судна и сосредоточиться на опознании тел. — Заметив мой кивок, он продолжил: — Прошу вас проследить за работой по составлению списков выживших и погибших. Если катастрофа вызвана преступными действиями, я хочу знать, не являлись ли их целью конкретные пассажиры.

Видимо, у меня на лице отразилось уныние, потому что Винсент быстро добавил:

— Понимаю, что на борту были сотни людей. Я оставил в Ярде сообщение для Стайлза, чтобы он немедля выдвигался в Уоппинг. Переведу его на временное усиление вашего участка. Думаю, его помощь вам очень пригодится.

Я вздохнул с облегчением.

— Стайлз может заняться составлением списков, и еще надо организовать поиск членов семей погибших.

— Списки утонувших я пока намерен хранить в тайне, — предостерег меня Винсент. — Что касается живых — их фамилии можно публиковать в газетах, это поможет их родственникам. Фамилии погибших какое-то время предавать огласке не следует. Некоторые тела могли настолько пострадать, что с опознанием возникнут сложности. Не хотелось бы допустить ошибку.

— Разумеется, — согласился я. — Если Стайлз возьмется за эту задачу, я начну изучать причины произошедшего.

У меня в уме уже вырисовывался круг людей, с которыми нужно поговорить: оба капитана — это в первую очередь. Дальше — старшие помощники, стюарды, лоцманы с каждого судна, смотря кто из них уцелел. Если не спасся никто, опрошу выживших пассажиров и свидетелей с берега.

— Отлично. — Винсент шумно выдохнул и с видом человека, решительно настроенного довести дело до ума, продолжил: — Капитан «Замка Байуэлл» сегодня с утра ждал меня в Ярде. Естественно, он в полном смятении. Я привез его сюда и оставил в одной из комнат для допросов.

Как раз один из людей, с которыми мне очень хотелось бы встретиться...

— Желаете присутствовать при разговоре?

— Я с ним уже беседовал в кэбе по пути в Уоппинг, — покачал головой Винсент, — хотя его рассказ получился довольно бессвязным. Сегодня утром мне еще предстоит отчитаться в наблюдательном комитете парламента. Там уже хотят знать подробности катастрофы на реке, впрочем, как и в Ситтингборне. К тому же я должен объяснить, почему поручил расследование именно вам. Вне всякого сомнения, в комитете начнут ворчать, и я обязан сделать все, чтобы снять любые возражения.

Директор поднялся, и я, вскочив со стула, подал ему пальто. У двери он обернулся.

— Держите меня в курсе дела. Сообщайте о ходе следствия как можно чаще. Если не сложно — каждый день.

— Слушаюсь, сэр. Кстати, как зовут капитана?

— Гаррисон. Томас Гаррисон.

— А о капитане «Принцессы Алисы» ничего не слышно? Он жив?

— Пока новостей нет, и меня это чрезвычайно тревожит, — сказал Винсент, надевая шляпу. — Его фамилия — Гринстед. Боюсь, как бы он не погиб.

— Надеюсь, что нет.

Разумеется, я беспокоился не только за судьбу капитана — мне требовался его подробный отчет.

Директор кивнул и вышел из кабинета.

Усевшись за стол, я проводил его взглядом. В дверях они столкнулись со Стайлзом, обменялись приветствиями, и инспектор

поспешил ко мне.

— Здравствуйте, Корраван, — поздоровался он, с мрачным видом перешагнув порог. — Какое ужасное событие!

— Я чертовски рад, что вы здесь, Стайлз.

— Боюсь, нам придется потратить не одну неделю, чтобы распутать это дело. — Инспектор расстегнул пальто. — Винсент сообщил, что у вас еще неопознанный труп — вероятно, убийство.

Крушение парохода заставило меня полностью забыть о человеке, найденном на лестнице у Ист-лейн.

— О да. В любом случае, сейчас нам следует сосредоточиться на «Принцессе» и начать составлять списки погибших и выживших.

— Конечно, — отозвался Стайлз уже обычным деловым тоном. — Что можете рассказать о катастрофе?

Я сообщил ему о событиях прошлой ночи и вкратце пересказал разговор с Винсентом. В заключение добавил:

— Я пообщаюсь с капитаном «Замка Байуэлл» и попрошу Эндрюса разыскать капитана «Принцессы», если тот жив. Если нет — значит, старшего помощника или главного стюарда. Надеюсь, хотя бы один из них уцелел.

— Будет жуткая чехарда, сомневаться не приходится, — поморщился Стайлз. — Свидетели с двух кораблей... Начнутся противоречия в показаниях и тому подобное.

— Ночью в темноте и вправду была неразбериха, — отозвался я. — Пошлю с утра всех, кого смогу выделить, на подмогу людям из комитета по крушениям. Надо извлекать тела из реки. Газовый завод Бэктона предложил нам два своих ангара — один для выживших, а второй — для трупов, причем его разделили на две части. В одной положим мужчин, в другой — женщин. Это облегчит дальнейшие процедуры. Дальше перейдем к составлению списков. Этот этап я и прошу вас взять на себя. Имена спасенных будем публиковать в прессе. Список погибших пока придержим для служебного пользования.

— Не дай бог совершить ошибку при опознании, — кивнул Стайлз. — Чем дольше тела лежат, тем больше разлагаются, и неважно — в воде или в ангаре.

— Вот именно. Винсент сказал, что Ярл завалили заявлениями о розыске родственников. — Я сделал паузу, вспомнив о трупе в

Саутворке. — Кстати, вчера никто не заявлял о пропавшем мужчине?

Стайлз, как обычно, понял меня с полуслова и покачал головой.

— На этой неделе зарегистрированы заявления о двух исчезнувших женщинах, и никаких мужчин. Насколько вы уверены, что это убийство?

— Одетая жертва куда лучше, чем обычный пьяница. В левом рукаве у него обнаружен потайной карман.

— Ага. Значит, игрок?

— Как ни странно, в радиусе полумили его не смог припомнить ни один человек. Оукс полагает, что его ударили твердым округлым предметом, а край ступеньки точно не мог быть причиной травмы. Есть характерный кровоподтек. — Порывшись в бумагах, я нашел рисунок. — Вот его портрет, может, пригодится.

— Спасибо, Корраван. Вторую копию я оставил в Ярде — вдруг объявится кто-то из родственников. — Он тщательно сложил рисунок и убрал в карман. — Тело еще в морге?

— Насколько мне известно, да. Сейчас там дел будет по горло.

— Не сомневаюсь.

Его лицо вновь омрачилось.

Звуки голосов в соседней комнате заставили меня глянуть на часы. Половина девятого... Наверняка все уже собрались, готовятся к нелегкому дню.

— Дайте объявления во все крупные газеты с предложением членам экипажей обоих судов явиться для дачи показаний, — сказал я. — Это сэкономит нам время. Не будем их вылавливать поодиночке.

Стайлз кивнул.

— И сообщите капитану Гаррингтону, что я зайду к нему через несколько минут. Он в первой комнате. Не хотелось бы заставлять его ждать, но мне сперва нужно проинструктировать людей.

— Да-да, конечно. Но... он разве не Гаррисон?

— Ах да. — Я с силой потер виски, пытаюсь привести в порядок свои мысли. — Ваша правда...

Собрав людей перед большой картой, я показал им точное место кораблекрушения и рассказал, что уже сделано. Оставил в участке сержантов Трента и Эндрюса, а остальных разослал с разными поручениями: кому-то придется помогать с извлечением тел из реки, другим — организовывать опознание. Попросил сообщать Стайлзу

ставшие известными имена живых и мертвых. Все пятнадцать речников бодро кивнули, несмотря на мрачную перспективу и начавший стучать в окна дождь.

Участок опустел. Я приказал Тренту занять место дежурного и записывать фамилии обращающихся в участок родственников пассажиров «Принцессы», а также сообщать возможным свидетелям, что переговорю с ними, как только представится возможность. Закончив с Трентом, повернулся к Эндрюсу.

— Сможете разыскать капитана «Принцессы Алисы»? Зовут его Гринстед. Винсент предполагает, что он мог пойти на дно со своим кораблем. Если это действительно так, найдите мне старшего помощника, стюарда или лоцмана.

— Слушаюсь, сэр.

Итак, теперь послушаем капитана Гаррисона...

Глава 9

Зайдя на кухню, я налил две чашки горячего чая: в комнате для допросов по утрам было нежарко.

Капитан сидел у стола, положив голову на скрещенные руки, и тут же поднял взгляд, когда я хлопнул дверью. Сперва он глянул на чашки, а уж потом на меня. Лет пятидесяти, круглолицый, глаза синие; залегающие в углах рта морщинки свидетельствовали о жизнерадостном характере. Впрочем, сейчас лицо капитана было поникшим и усталым. От темного шерстяного пальто пахло речными испарениями. Видимо, большую часть ночи Гаррисон провел на берегу, пытаясь помочь пострадавшим, и вряд ли урвал хоть минуту сна.

Поставив перед ним чашку, я представился:

— Инспектор Корраван, временно исполняющий обязанности суперинтенданта речной полиции.

— Капитан Гаррисон, «Замок Байуэлл».

Он медленно поднял чашку и сомкнул вокруг нее пальцы, словно пытаясь согреться. Хрустящий воротничок и манжеты рубашки выдавали в нем человека довольно состоятельного. А вот руки наводили на мысль о старом лодочнике: развитая мышца между большим и указательными пальцами, обветренные кисти, толстые веревки вен и старый шрам на первом суставе пальца. У меня был такой же — подобные повреждения зарабатываешь, неумело наматывая швартов на кнехты. Похоже, ошибка молодости.

— Промерз до мозга костей, — вздохнул капитан, отхлебнув чая. — Благодарю вас.

— Простите, что заставил ждать, — извинился я, усаживаясь за стол.

— Мистер Винсент упомянул, что вы знаете реку куда лучше многих лондонцев, — заметил капитан.

— Я вырос на Темзе, на ней и работал. Сначала портовым рабочим, потом перевозил грузы на плашкоуте. Четыре года провел в речной полиции, еще пять — в Скотланд-Ярде, и вот снова вернулся в Уоппинг.

Гаррисон прищурился, словно припоминая события, сопутствовавшие моему переводу из речной полиции в Ярд. Впрочем, сейчас эти воспоминания никакого значения не имели.

— Капитан Гаррисон, сможете рассказать подробно все, что помните о событиях сегодняшней ночи? Директору пришлось уехать — ему предстоит отчитаться перед парламентом, так что я хотел бы услышать все непосредственно от вас.

— Да-да, разумеется. — Он облизал губы и провел по ним заскорузлой ладонью. — Мы шли вниз по течению вдоль Галеонс-рич. Курс держали на норд-ост, чтобы пройти ближе к Трипкок-пойнт.

— С какой скоростью? — перебил его я.

— Пять узлов, — ответил он. — Возможно, шесть.

С учетом течения — не так уж и быстро. Разумеется, если Гаррисон говорит правду.

— Было темно, — продолжил капитан, — и слева по борту мы видели огни газового завода Бэктона на северном берегу. Там выстроилось для разгрузки несколько углевозов, так что мы отошли в сторону, ближе к южному берегу, благо глубина позволяла.

Он помолчал, ожидая моей реакции, и я кивнул.

— А потом из-за мыса вынырнула «Принцесса Алиса». Я стоял у поручней, недалеко от своего впередсмотрящего. Заметив, что «Принцесса» приближается к Баркинг-бич, светя красными огнями по левому борту, я предположил, что она пойдет вдоль северного берега. Так что мы дали право руля и прижались к южному, у Трипкок-пойнт.

Мне стало не по себе, поскольку я уже сообразил, что произошло дальше.

По международным правилам два парохода должны расходиться левыми бортами. Другое дело, что правилами навигации на Темзе занималось несколько разных организаций; вырабатываемые ими предписания применялись нерегулярно, особенно когда им противоречили местные обычаи. При сильном отливном течении и загруженном большими судами северном берегу небольшие пароходы, идущие вверх по реке, привычно держались ближе к тому берегу, где течение не столь сильно. Среднюю часть фарватера оставляли тяжелым кораблям — тем для маневра требуется и место, и глубина. Судя по всему, «Принцесса» делала при возвращении остановки исключительно у южного берега, где каждый раз сталкивалась с

отливным течением. Скорость его, насколько я знал, составляла три-четыре узла, и для «Замка Байуэлл» это было прекрасным подспорьем — ведь он двигался вниз по реке. «Принцесса» шла вверх, и сильное течение для нее становилось серьезной помехой. Лебединая пристань находилась дальше к востоку от Галеонс-рич. Миновав газовый завод с толпившимися у причала углевозами, «Принцесса» вылетела на стремнину и должна была уйти к северному берегу, однако по какой-то причине переменяла решение и нырнула еще ближе к южному.

— И вы не заметили зеленый сигнал по ее правому борту?

— Сперва нет. А потом, клянусь, на «Принцессе» резко переложили штурвал влево и направились напрямиком на нас. Черт, странная история! — Гаррисон покачал головой, словно все еще был озадачен. — Как только мы поняли, что она делает, я приказал застопорить машину и тут же дал полный назад. — Он тихо вздохнул. — А «Принцесса» даже не подумала остановиться.

— Знаю, — подтвердил я. — А в «Байуэлле» ведь не меньше восьмисот тонн...

— Девятьсот, — поправил меня капитан. — И это не считая груза. Я кивнул.

— Что произошло дальше? Момент столкновения помните?

— Каждую секунду, — твердо ответил Гаррисон. — Мы по инерции шли вперед, и до меня донеслись крики снизу. Кричали с «Принцессы»: «Тише! Куда прешь?» Но «Байуэлл» еще двигался. — Он замолчал, сильно потер рукой лицо и, вздохнув, продолжил: — Сначала корпус «Принцессы» исчез из вида — под носом углевоза я ее уже не видел. А потом раздался удар. Хруст дерева, скрежет, треск, вопли! — хрипло сказал капитан и уткнулся взглядом в чашку.

— Что было потом?

Он помолчал, не поднимая головы, и я его окликнул:

— Капитан...

Гаррисон прерывисто вздохнул и глянул на меня заплывшими от слез глазами, затем вытер лицо ладонью.

— Я приказал экипажу делать все возможное. Впрочем, у меня в команде все опытные речники, им советы не нужны. Они побросали в воду концы, чтобы люди могли подняться на борт. Вниз полетели спасательные буи, спустили шлюпки. Мы готовили одеяла, лестницы

— все, что попадалось под руку. Старший помощник сигналил во всю мочь, призывая на помощь другие суда.

Открыв блокнот, я, руководствуясь рассказом капитана и собственными представлениями о катастрофе, изобразил реку, точку у южного берега и примерное положение обоих судов на момент столкновения.

— Насколько точна эта схема?

Гаррисон изучил мой рисунок и ткнул толстым пальцем в правый борт «Принцессы».

— Да. Вот сюда мы ее и ударили, как раз в район колесного кожуха.

Выпив горячего чая, он слегка порозовел.

— Давайте вернемся немного назад. Расскажите о вчерашнем дне. В каких местах вы приставали к берегу? Не было ли чего-то странного, необычного?

Гаррисон нахмурился и вытащил из кармана сложенный носовой платок.

— Не понимаю, что вам это даст.

С чего бы такое нежелание? У меня зародились подозрения, и я молча ждал его ответа.

Наконец капитан вытер нос и заговорил:

— На прошлой неделе мы останавливались в Миллуолле. Встали в сухом доке на покраску. Судов там было полно. То да се — словом, ушли мы с задержкой на три часа.

Его лицо исказила раздраженная гримаса. Я прекрасно понимал Гаррисона. Задержишься — значит, пропустишь вечернее отливное течение.

— Куда направились из Миллуолла?

— В Ньюкасл. Там надо было забрать партию угля, а дальше — в Александрию, в Египет.

— Стало быть, вы приписаны к порту на Тайне?

— Да, как правило, мы ходим из Ньюкасла в Египет.

Видимо, Гаррисон заметил, как изменилось мое лицо, когда я понял, что обычно «Замок Байуэлл» по Темзе не ходит. Он сухо добавил:

— Мы взяли на борт лоцмана, ориентирующегося на Темзе, хотя по закону я делать это не обязан. Парня зовут Конвей. Джон Конвей.

Я замер. С подобной фамилией лоцман вполне мог оказаться ирландцем. Впрочем, от вопросов я пока воздержался. Ни к чему Гаррисону задумываться, с чего это меня интересуют подобные сведения. В любом случае, с Конвеем мы вскоре встретимся.

— Был ли на борту еще кто-то из новеньких?

Капитан снова обхватил чашку, словно пытаясь выпить в себя остатки ее тепла.

— Да почти все. Старый экипаж я рассчитал, потому что решил набрать в Ньюкасле новую команду. Остался только Белдинг, мой помощник, остальные нанимаются то на одно судно, то на другое. Впрочем, с некоторыми из них я раньше работал, они люди хорошие. Не мне вам рассказывать.

— Да, конечно.

В Лондоне действительно имелась категория матросов, которые устраивались исключительно на короткие рейсы, не желая надолго расставаться с семьями. Вполне надежные, опытные и серьезные люди.

— Как полностью зовут Белдинга?

— Генри Джон Белдинг, — ответил капитан и дал мне его адрес в Ламбете, который я немедленно занес в блокнот.

— А вот Конвей... Что можете о нем сказать?

— Спокойный парень. Вроде бы знающий. За штурвал углевоза сразу взялся так, словно всегда за ним стоял.

— Понятно. — Я помолчал. — Давали ли вы гудок, спускаясь по течению?

— Каждые полмили, как и принято в темноте.

Стало быть, «Принцесса Алиса» не могла не слышать, что навстречу ей идет углевоз...

— Ничего необычного больше не припоминаете?

Капитан, не сводя с меня взгляда, угрюмо покачал головой.

— Помню-то я все, даже слишком отчетливо. Крики, детей... Их визг раздавался из темноты под носом моего судна. — Его голос дрогнул. — А потом наступила тишина.

Я проводил Гаррисона до экипажа. Вернувшись в кабинет, записал основные пункты нашего разговора, не забывая посматривать на свою схему, изображавшую положение столкнувшихся кораблей. По

моим ощущениям, капитан чего-то недоговаривал, однако об этом я писать не стал. Все-таки Гаррисон был искренне расстроен и в любом случае крушение устроил не намеренно. Я уже завершал отчет, когда в дверях появился Трент.

— Капитан «Принцессы» — мистер Гринстед — утонул, сэр.

— Эндрюс видел тело?

Сержант покачал головой.

— У нас в участке старший стюард с «Принцессы», Фредерик Бонси. Он опознал труп еще утром. Бонси служит на «Принцессе» четыре года. Кстати, он готов к разговору — отвести его в комнату для допросов, сэр?

— Не стоит. Поговорю с ним здесь. В допросных сегодня холоднее обычного. — Я на секунду задумался. — Трент, дайте мне знать, как только появится Джон Конвей, лоцман с «Замка».

— Слушаюсь, сэр.

Через некоторое время Трент вернулся с Бонси — высоким человеком с редующими каштановыми волосами и несчастным выражением лица.

— Мне очень жаль, что случилась такая трагедия, — начал я.

— Он умел плавать, — пробормотал Бонси, усевшись на стул со шляпой в руках.

Он не сводил с меня пристального взгляда покрасневших глаз.

— Что, простите?

— Мистер Гринстед умел плавать! — нетерпеливо повторил Бонси. — Только он меньше всего думал о себе. Капитан помогал женщине с ребенком выбраться с судна, а после этого я его не видел.

Старший стюард затих и отвел глаза. Его взгляд рассеянно устремился в пустоту. Я последовал его примеру, представив себе капитана и раздумывая, могло ли все быть иначе.

— Сможете рассказать о своих впечатлениях? С самого начала, если можно.

Бонси глубоко вдохнул, выпустил воздух и заговорил:

— Когда мы обогнули Трипкок...

— Нет, давайте начнем с Ширнесса, — перебил его я.

— С Ширнесса... — тупо повторил он.

— Именно.

Мой собеседник собрался с мыслями.

— Ну... вышли мы оттуда в четверть пятого, как всегда. Пассажиров было больше обычного — далеко не все сейчас желают ехать до Лондона поездом.

— Из-за катастрофы в Ситтингборне, — вставил я.

— Да, точно. Так вот, в Ширнесе мы взяли на борт несколько новых пассажиров с багажом, возвращающихся с курорта. Среди них был полицейский, констебль. Кажется, Брискоу. Он и на курорт ехал на «Принцессе» неделю назад.

— Констебль, говорите?

Не тот ли самый, что поплыл на другой берег в поисках жены и сына?.. Я сделал пометку в блокноте, проставив фамилию старшего стюарда и дату.

— Не знаете, в каком подразделении служит Брискоу?

— По-моему, в Финсбери, в подразделении «G», — подумав, отозвался Бонси.

— Благодарю. Продолжайте.

— Мы ненадолго задержались у Блайт-Сэндз: пришлось расходиться с большой баржей с грузом пороха. До Грейвзенда добрались еще до шести, и Хопгуд, наш постоянный рулевой, причалил к берегу. Его сменил за штурвалом приятель, Джон Эйрс. Это в порядке вещей. Эйрс — хороший человек. Часто водит вверх по течению «Герцога Текского» и «Герцога Кембриджского». Это такие же прогулочные суда, как и наше. Дальше мы продолжили путь к Нортфлиту и там подобрали еще пассажиров.

В Нортфлите находились сады Рошервилля, предоставлявшие множество развлечений: стрельба из лука, озеро с утками, прогулки по утесам. Желающие могли посетить медвежью яму, театр и прогуляться по променаду с видом на форт Тилбери.

— Потом прошли доки Тилбери, миновали болота и район складов.

— Значит, добрались до Эрита, — со знанием дела кивнул я.

Лицо Бонси сморщилось от омерзения.

— Обогнули мыс перед Хафуэй-рич и вышли к Кросснесской насосной станции. Выглядит она что твой дворец, но вонь на реке стоит отвратительная, особенно при южном ветре. Вчера как раз южный и был.

— Да, знаю.

— Потом дошли до Трипкока, — вздохнул Бонси. — Я наблюдал за буксиром, который шел чуть впереди и тянул баржу так, что ее нос высовывался из воды.

— Вот так? О барже я не слышал.

— Да, была там баржа, — ответил старший стюард. — Кстати, после крушения именно тягач подоспел первым, пытался помочь тонущим.

— Вы все это время находились на палубе?

Бонси кивнул.

— Вообще-то мое место внизу, однако один из пассажиров остановил меня с расспросами — что это, дескать, за жуткие запахи на реке. А потом я услышал крики, и прямо над нами навис корпус огромного корабля. Мы и пальцем шевельнуть не успели.

— Мне рассказывали, что «Принцесса Алиса» вроде бы поменяла курс. Сперва дала право руля, затем вдруг лево.

Бонси, нахмурившись, наклонился ко мне.

— Слушайте, «Замок Байуэлл» шел куда быстрее, чем следует. Учтите, что было темно, да еще сильное отливное течение... Каждое судно, идущее вниз по реке, должно следить за скоростью, чтобы не преподнести сюрприз тем, кто идет навстречу.

— Я в курсе.

— Луну то и дело скрывали облака, и освещение было так себе. Конечно, мы слышали гудок «Замка», но полагали, что он держится середины реки, как обычно делают большие корабли.

— Стало быть, «Принцесса» прижалась к южному берегу? Уходили от сильного течения?

Похоже, Бонси слегка растерялся, поняв, что мне известны совершенные ими маневры.

— А, ну да, — признал он. — К тому же пришлось держаться в стороне от углевозов, выстроившихся у газового завода. В это время там всегда стоит на якоре не меньше дюжины. Если не стоят, значит, идут вниз по реке.

— Вообще-то подобный маневр противоречит правилам навигации, — заметил я, хотя наперед знал, что ответит Бонси.

— Таков обычай, — возразил он. — Да и какая разница? Мы с тем же успехом могли развернуться к северному берегу — тогда получили

бы удар в другой борт. Невозможно было уйти от этой громадины. Углевоз шел слишком быстро.

— Что помните о самом моменте столкновения?

— «Замок» врезался носом в правый борт «Принцессы», в районе колесного кожуха. Раздался жуткий скрежет, и наша деревянная палуба встала на дыбы. «Принцессу» просто разрезало. — Он развел руки, показывая, как все произошло. — Корма поползла назад и затонула, а передняя часть на ходу зарылась носом в воду, и пассажиры полетели в реку. Многие не умели плавать...

— А вы?

Бонси бросил на меня одновременно пристыженный и вызывающий взгляд.

— Я поплыл к «Замку», поймал конец и взобрался на борт. — Он с отвращением потряс головой. — Капитан «Замка» приказал дать полный назад, пытаюсь отойти в сторону, но я крикнул, чтобы он этого не делал, иначе погубил бы барахтающихся в воде пассажиров «Принцессы». Он возразил, что тогда его отнесет к берегу, а я ответил, что лучше сесть на мель, чем убить еще больше людей.

Заявления Бонси подтверждали слова Гаррисона, что тот дал задний ход. Впрочем, капитан «Замка» настаивал, что предпринял маневр еще до столкновения, и не упомянул, что отменил команду по просьбе Бонси. Получается, что Гаррисон намеренно ввел меня в заблуждение? Впрочем, пережитые опасности играют странные шутки с человеческой памятью.

— Потом я помог спустить на воду одну из спасательных шлюпок, — продолжил старший стюард. — Сел в нее и вытащил из реки четверых тонущих.

— Вы смелый человек, — мягко сказал я. — Расскажите о мистере Эйрсе. Где был он?

Бонси задрал подбородок.

— У штурвала, где же еще? И не смейте его винить!

— Не знаете, удалось ли ему спастись?

— Не знаю. Не видел, что с ним стало.

— Понятно... — Я положил перед старшим стюардом карандаш и лист бумаги. — Не смогли бы вы составить список членов экипажа?

Через минуту Бонси придвинул ко мне лист, на котором написал дюжину фамилий.

— Я поставил крыжик напротив тех, кто наверняка погиб.

— Откуда вам знать?

— Они не умели плавать.

Половина списка... Против фамилии Эйрса галочки не было.

— Как вас найти, если возникнут дополнительные вопросы? — осведомился я.

Бонси нацарапал свой адрес, и я проводил его к выходу.

Стоявший за порогом Трент сделал шаг в сторону, пропуская старшего стюарда, и, как только тот вышел, заговорил:

— Простите, сэр. Мы разыскали констебля Брискоу с «Принцессы». Он сейчас в первой комнате. — Поколебавшись, сержант добавил: — Ему удалось спасти сынишку, а вот жена погибла.

Я застонал, и Трент мрачно кивнул.

С одной стороны, я испытал облегчение при мысли, что смогу перепроверить показания Бонси, с другой — опасался лишней раз напоминать об ужасных событиях человеку, перенесшему подобное горе. Однако выбора не оставалось. Я вошел в комнату с чашкой чая и поставил ее перед констеблем. По сравнению с утренними часами в допросной немного потеплело. Брискоу, круглолицый человек с копной каштановых волос и пышными усами, был на несколько лет младше меня — лет двадцать семь или двадцать восемь. Он глянул на меня налитыми кровью карими глазами и скомкал в руке носовой платок.

— Здравствуйте, констебль.

— Здравствуйте, сэр.

— Приношу вам соболезнования.

Лицо Брискоу ожесточилось.

— Мне пришлось трижды пересечь реку — все надеялся ее найти. Тела разбросаны повсюду!

— Мы пытаемся собрать их в одном месте, — со вздохом кивнул я, — но...

— Я знаю законы, — сердито сверкая глазами, перебил меня констебль. — И все же... Разве нельзя было сделать исключение? Господи, да это ведь ежу понятно!

— Мы ищем способы обойти правила, — спокойно ответил я. — Где вы сели на «Принцессу», констебль?

Я не просто так обращался к Брискоу по званию — это помогло ему взять себя в руки.

— В Ширнессе, — уже обычным тоном, хотя и невесело ответил он. — Мы провели несколько дней у моей сестры.

— Насколько я понимаю, особых происшествий во время плавания не было, пока вы не добрались до Трипкок-пойнт.

— Пожалуй, — пожал плечами Брискоу.

— Потом начались странности. Что в первую очередь бросилось вам в глаза?

— Мы слышали низкий гудок, и, похоже, встречный пароход был куда ближе, чем допустимо. Я осмотрелся, но ничего не увидел. Мы огибали мыс, так что вид на реку за поворотом еще не открылся. Там слепая зона.

— Да, верно, — отозвался я.

— Мы с женой и сынишкой были на корме, и я не обратил особого внимания на гудок: следил, как бы Томми не перелез через поручни. Ему всего четыре годика, — объяснил констебль, и я кивнул. — Потом я почувствовал, как рулевой резко выкрутил штурвал влево. Салли тоже так показалось. Она еще удивленно на меня посмотрела.

— А затем вы увидели углевоз...

— Мы как раз вышли из-за мыса, и «Замок» невозможно было не заметить. — Брискоу поднял брови. — Кто-то крикнул, что надо остановиться, но уже через несколько секунд мы очутились в тени углевоза, а потом его нос поднялся прямо над нами.

Он откинул голову, взглянув на потолок, словно снова видел момент столкновения.

— Мы сразу поняли, что спасения нет. Я схватил ребенка, и мы с Салли побежали к шлюпкам, где экипаж держал спасательные круги. Матрос уже раздавал их пассажирам, и я чудом успел накинуть один на сынишку. Можете себе представить, как люди хватались за спасательные средства... Я сказал жене держаться за меня обеими руками — она ведь, в отличие от меня, не умела плавать. Надеялся, что мы сможем вместе добраться до берега.

Его голос надломился, и в уголках глаз показались слезы.

— Что произошло дальше?

— Дальше был удар. Нас сбilo с ног. Пароход просто разорвало на части, дерево трещало и ломалось. — Констебль ошеломленно

покачал головой. — В воде было так холодно, что у меня перехватило дыхание. Не могу вдохнуть, и все тут.

Знакомое чувство...

Брискоу прижал руки к лицу и глухо продолжил:

— Люди были везде. Они врезались в нас, хватались за все, что могло удержать их на плаву. Мы вынырнули на поверхность. Над головой ревели двигатели углевоза, и вода казалось просто ледяной. Я чувствовал, что Салли за меня держится. А потом на нас что-то упало — наверное, кусок деревянной обшивки с борта. Эта штука ударила Салли, а меня с мальчиком даже не задело. Она отпустила руки и пропала из вида.

Течение наверняка быстро утащило женщину...

— Потом вы с сыном выплыли на берег?

Брискоу отнял руки от лица; его набрякшие глаза были полны страдания.

— Я знал: Салли хотела, чтобы я спас сына. Ради него готова была умереть, лишь бы он жил. Томми сейчас плачет не переставая.

Да, их горе пройдет нескоро... Я закрыл блокнот.

— Вы нашли тело жены?

— Нет, — тяжело вздохнул констебль. — Реку еще продолжают прочесывать.

— Будем искать, пока не найдем всех до единого.

— Самое ужасное, что мы в Ширнесе едва не опоздали на «Принцессу», — мрачно сказал Брискоу. — Томми обронил одну из своих игрушек, пришлось за ней бежать обратно. Я на него злился. Глупо, правда? Все равно через сорок пять минут к причалу подошел бы «Герцог», вполне можно было и обождать. Наверное, Господь нас предупреждал, да только мы к нему не прислушались. — Он тяжело облокотился на стол и вперил в меня пристальный взгляд. — Вы уже знаете, который из кораблей виноват в катастрофе? Углевоз, так ведь?

Я прекрасно понимал его чувства: Брискоу желал найти причину несчастья, ему требовалось на кого-то возложить вину. Однако истина лежала на поверхности — похоже, ошибку допустили оба капитана. Такая правда понравится не всем, так что я сделал вид, будто не расслышал вопроса.

— Это ужасная трагедия... Я рад, что вам удалось спасти сына. Столько детей погибло!

— Да, пожалуй, мне следует считать себя счастливым, — горько ответил констебль.

Разумеется, я не это имел в виду, но что толку оправдываться? У меня в жизни тоже была утрата — такая утрата, что не поддавалась разумным объяснениям. Словами выразить ее невозможно, и, сколько бы меня ни утешали, соболезнования не имели для меня ни малейшего значения.

Глава 10

На следующее утро я заскочил на Уоппинг-стрит — просмотреть составленные Стайлзом списки погибших и выживших. Первый был куда длиннее второго. Там же я ознакомился с двухстраничным отчетом комитета по крушениям, подготовленным неким Тернером и подписанным Ротерли. Отчет содержал технические подробности извлечения тел из реки и прочесывания отмелей. Продвигались поиски куда лучше, чем ожидалось, и я, с облегчением вздохнув, попросил сержанта Трента подготовить копию документа для Винсента. Добавил к нему две страницы своего рапорта, повествующего о моих открытиях, и отправил конверт с посыльным в Скотланд-Ярд. Слава богу, что мне не пришлось посылать рапорт Ротерли: его точно не устроили бы выводы о том, что оба судна и виноваты, и в то же время не виноваты в случившемся. Внедрение правил навигации отчасти являлось задачей комитета по крушениям, а значит, вину за катастрофу в каком-то смысле можно было возложить и на него.

Сделав дело, я отправился в Ламбет в надежде застать старшего помощника «Замка» Генри Белдинга по продиктованному мне Гаррисоном адресу. Перешагнув порог маленького пансиона, я сразу обнаружил Белдинга в потертом кресле в углу темной гостиной. Окно украшала половина занавески, вторая отсутствовала; почерневшее по краям зеркало висело криво. В руках старший помощник держал открытую газету — «Обсервер». На второй полосе я разглядел броский заголовок: «Превысивший скорость углевоз стал причиной страшной катастрофы на Темзе». Белдинг, хмуро сдвинув брови, уставился на меня поверх газетного листа.

Я вполне мог понять его раздражение. Во время каждого подобного расследования газеты становились для меня настоящим проклятием. Некоторые из них публиковали статьи, где содержалась полуправда, а то и откровенная ложь, вводившая публику в замешательство, возбуждавшая злобу и панику — словно в тазу с грязной водой помешали палкой. Другие, похоже, злорадствовали,

отмечая, как быстро падает престиж Скотланд-Ярда и Уоппинга в глазах общества.

Взгляд Белдинга напомнил мне, что неплохо бы ознакомиться с прессой. Время от времени газеты публиковали крупницы правды, которые могли помочь в расследовании.

Шагнув через порог, я представился и пояснил, что адрес дал мне капитан Гаррисон. Хмыкнув, Белдинг сложил газету и убрал ее в сторону, а я придвинул стул, чтобы сесть поближе. Выяснилось, что под ним скрывалось коричневое пятно на ковре. Думать о его происхождении отчего-то не хотелось.

— Зашел побеседовать о ваших впечатлениях от катастрофы, — начал я.

Белдинг сердито покачал головой.

— В газетах говорят, что виноват наш углевоз, поскольку мы шли слишком быстро. По-моему, людям просто хочется найти крайнего, и неважно, верны ли эти догадки. Главное, что их это не касается. Все, что пишут в прессе, полная чепуха!

— Никогда не доверял газетам, — ответил я. — Собственно, с утра ничего и не читал.

Белдинг, прищурившись, глянул мне в глаза.

— Вы ведь говорили с капитаном? Он человек честный. Вряд ли я смогу что-то добавить.

— Таков порядок. Мы обязаны собрать показания с как можно большего количества свидетелей, чтобы получить ясную картину. Не могли бы вы рассказать о том, что происходило, начиная с доков Миллуолла? Похоже, вы там задержались?

— Так и было. Черт, не повезло! Не стукни мы проклятую баржу, не было бы никакой задержки, и ничего не случилось бы...

Баржу? Хм...

Белдинг заметил мое удивление и нахмурился, выпятив нижнюю губу.

— Ах, зачем я вообще об этом сказал... Никакого отношения к катастрофе тот случай не имеет.

— Скорее всего, тем более что произошла она через несколько часов и совсем в другом месте. И все же мне хотелось бы послушать ваш рассказ.

Он вытер руки о колени.

— Рассказывать особо и нечего. Мы выходили из внешнего дока, а баржа пересекла нам путь. Кроме нее, никто не виноват, да и «Замок» повреждений не получил. Через некоторое время нам позволили продолжить плавание.

Баржа явно меньше и маневренней углевоза, так что ей следовало уступить дорогу большому кораблю. Тут не поспоришь. Однако почему промолчал Гаррисон?

— Сколько подобных происшествий случилось с «Замок Байуэлл» на протяжении, скажем, последних нескольких лет?

— Ни одного! — задрал подбородок Белдинг. — То-то и странно! У нас один из лучших капитанов на моей памяти. Как-то в Александрии он причалил, имея всего пару футов свободного места. Мистер Гаррисон очень осторожен. Видите ли, у него есть собственный интерес.

— Вы имеете в виду — к судну?

— Капитану принадлежит его доля, — кивнул мой собеседник.

— Это из-за баржи вы пропустили начало благоприятного течения?

— Ну да, к тому же нам еще пришлось ждать лоцмана. Тот, кого мы наняли, не появился, так что капитан нашел другого.

— Джона Конвея?

— Имени не помню.

— Впередсмотрящий у вас был? — небрежно спросил я.

Капитан вроде бы на этот вопрос ответил утвердительно, однако следовало перепроверить его слова. На углевозе подобный человек точно требовался, поскольку бак корабля задран вверх и у рулевого не самый хороший обзор.

Похоже, мои сомнения оскорбили Белдинга.

— А как же! Парень по фамилии Харди.

— Из тех, кто по краткосрочному найму?

— Да, но человек он хороший, — кивнул старший помощник.

— А где был капитан?

— Стоял на мостике, как полагается.

— Значит, лоцман был у штурвала, а мистер Гаррисон отдавал ему команды? — Дождавшись кивка Белдинга, я продолжил: — Можете его описать?

— Огненно-рыжие волосы, синие глаза. Примерно моего роста, лет сорока.

Должно быть, выражение моего лица изменилось, потому что Белдинг, покосившись на меня, осведомился:

— А что вы так напряглись? Ну да, ирландец, и что с того? Дело он знает. И капитан ничего против ирландцев не имеет! Кстати, к чему все эти вопросы насчет нашего экипажа? Виноваты в крушении не мы. Мы имели право находиться там, где шли, и скорость никто не превышал! — Он бросил раздраженный взгляд на газету. — А вот «Принцесса» шла там, где ей быть не положено!

— На «Принцессе» тоже служат достойные люди, — возразил я. — Знаете, что их капитан утонул, спасая пассажиров?

Мой выпад произвел желаемый эффект: Белдинг опечалился.

— Да, я слышал. Чертовски жаль... — Он опустил взгляд на свои тяжело лежащие на коленях руки и, прищурившись, посмотрел на меня. — Я вчера был на газовом заводе, помогал раскладывать тела.

— Это добрый поступок.

— Знаете, останки уже начали попахивать. — Старший помощник поморщился. — Некоторые жертвы почти без одежды... Нехорошо, что женщины смотрят на них в таком виде... Знаю, что комитет по крушениям предлагал поместить тела в закрытые гробы, чтобы родственники опознавали их по драгоценностям и так далее.

Хм, а мысль недурна. С подобной процедурой опознания мне сталкиваться до сих пор не доводилось, хотя и катастрофы такого масштаба я припомнить не мог.

Дальнейший наш разговор полностью подтвердил рассказ капитана Гаррисона, однако по пути в Уоппинг я вновь запнулся о важное несоответствие. Возможно, Гаррисон и впрямь не придавал значения инциденту с баржей; в конце концов, он действительно не имел отношения к тому, что произошло позже. Хотя задержка-то произошла, почему «Замок Байуэлл» и подвергся риску столкновения с «Принцессой Алисой». На его пути встретилось еще полдюжины коварных мест, где эта вероятность увеличивалась. Впрочем, Гаррисон вполне мог просто забыть о мелкой неприятности. До того ли ему было после катастрофы...

Интересно, в какое время по плану должен был «Замок Байуэлл» миновать Трипкок-пойнт? Из-за двух непредвиденных задержек он

выбился из графика. Фредерик Бонси винил в крушении именно углевоз, утверждая, что тот превысил разумную скорость. Возможно, Гаррисон торопился, пытаясь нагнать упущенное время, не пропустить вечерний отлив? Надо бы расспросить капитана более подробно. Впрочем, были к нему и другие вопросы.

Получив показания Гаррисона и Белдинга, я все же желал услышать рассказ лоцмана с «Замка Байуэлл» и надеялся, что Джон Конвей в ближайшее время объявится.

Вернувшись на Уоппинг-стрит, я сразу спросил Трента насчет Конвея, но тот лишь помотал головой.

— Не появлялся. Зато пришли два других человека, уже давно вас ждут. Мистер Эйрс в первой комнате, а мистер Ротерли — в вашем кабинете. — Трент запнулся. — Мистер Эйрс сидит здесь уже почти два часа.

Искушение поговорить сперва с Эйрсом было велико, однако я не сомневался, что Ротерли воспримет подобный шаг как личное оскорбление. Обязательно нажалуется своему начальнику, Куотермену. Поблагодарив сержанта и собравшись с духом, я перешагнул порог своего кабинета.

Уинторп Ротерли, долговязый мужчина тщедушного сложения с выставленной вперед — совершенно по-птичьи — головой и вечно прищуренными серыми глазами, был членом парламентского наблюдательного комитета. Обязанностью этой структуры являлась оценка деятельности Ярда после скандала со взятками. Ротерли использовал свою должность для удовлетворения собственных политических амбиций и, словно попугай, повторял каждое слово Куотермена. Твердил, что стоит за полное закрытие Скотланд-Ярда и увольнение детективов в штатском из всех полицейских подразделений.

В прошлом году я провел в его обществе мучительных два часа. Ротерли несколько раз заявил, что нет смысла рассчитывать на человека, «выросшего в определенном квартале Лондона и не получившего должного образования». Говорил, что я никогда не смогу работать в цивилизованной манере, и выразил сомнение в моей профессиональной пригодности. Я с удовольствием сделал вид, что не понимаю таких сложных выражений.

— Наконец-то, Корраван!

Судя по тону, Ротерли предполагал, что я спал допоздна, затем неторопливо откушал, после чего прогулялся пешочком на службу. Тем не менее он поприветствовал меня чопорным кивком, показывая, что уж ему-то цивилизованные манеры не чужды, а вот мне следует стыдиться своего поведения.

— Добрый день, мистер Ротерли.

Я не спеша расстегнул пальто. Дух противоречия заставил меня тщательно повесить его на плечики вместо того, чтобы поспешно накинуть на крючок, как я обычно и делал.

— Готовы отчитаться? — осведомился Ротерли.

— Нет. Торопиться не следует, — ответил я, усевшись и сложив руки на груди.

Ротерли, уставившись на меня, остался стоять.

— Корраван, парламентский комитет имеет право точно знать, что случилось и кто виноват.

Бедняга Ротерли... На этот раз мальчиком для битья в парламенте будешь именно ты. Доволен?

Он вытащил из кармана свернутый листок бумаги и швырнул его на стол.

— Вот такое сообщение я получил сегодня утром.

Развернув записку, я прочел:

Ирландец Конвей у штурвала «Замка Байуэлл»
представлял несомненную опасность. Изучите его прошлое.

Озабоченные граждане

— О господи...

— Вам известно, что анонимные обвинения не могут быть использованы в качестве улики, — заявил я. — Ярд получает подобные записки десятками, и, как правило, почти все они лишь вводят нас в заблуждение.

— И все же вам следует присмотреться к этому Конвею.

— Мы уделяем внимание каждому значимому факту. И каждому фигуранту дела.

— Я провел небольшое собственное расследование, — сказал Ротерли, сцепив руки за спиной.

А как же...

— Так вот, «Замок Байуэлл» не переложил штурвал влево, потому и не смог пройти мимо «Принцессы», — объявил он. — Углевозу ничто не мешало свернуть к северному берегу!

Разумеется, я мог бы кое-что возразить. Например, у северного берега находилось уже несколько углевозов, ожидающих разгрузки у газового завода. Однако выкладывать козыри рано. Я надел на лицо маску покорного терпения.

— Если вы затянете расследование, это все осложнит — и не только для комитета по крушениям. Для всего города! — Ротерли продолжил, раздувая ноздри: — Людям требуется уверенность, что путешествие по Темзе не представляет опасности. Представляете, как катастрофа затруднила движение на реке? Пробка стоит от Блэкуолл-рич до Баттерси!

— Не сомневаюсь.

— У торговцев серьезные затруднения — они не в состоянии выгрузить товар в порту. А лондонские судовладельцы? А люди, жизнь которых зависит от доставки товаров? — Он указал рукой на восток. — Сто семьдесят кораблей встали в бутылочном горлышке между Лондоном и Ширнессом. Товары испортятся и потеряют в стоимости, если суда не смогут разгрузиться! Тысячи фунтов убытка!

Ага, а тебе предстоит отчитаться перед комитетом по торговле... Судовладельцы и торговые компании открыто выражают свое недовольство — тут и думать нечего. Общеизвестно, что все они пополняют казну претендентов на политические посты. Сегодняшняя пробка может стоить Ротерли места при новых выборах в палату общин.

— А потом... есть ведь вопрос безопасности, — снова заговорил Ротерли. — Из-за этих заторов капитаны судов лишаются возможности нормально маневрировать, что приведет к еще большему количеству инцидентов.

Я продолжал помалкивать.

В кабинете воцарилась тишина, а потом с Ротерли сошел наносной лоск вежливости.

— Думаете, я не понимаю, чем вы занимаетесь, Корраван? — кисло пробормотал он. — Это подло и непрофессионально. Пытаетесь мне отомстить за вполне законное расследование взяточничества в Скотланд-Ярде!

— А вы меня торопите, поскольку задержка судоходства может отразиться на ваших политических амбициях, — парировал я.

Ротерли поджал губы.

— Как будто у вас нет амбиций! Вы специально задерживаете отчет, искусственно создаете сложности. Пытаетесь добавить себе веса, доказать свою незаменимость на новом посту? Корраван, вы его не заслуживаете!

Во мне поднялась горячая волна гнева.

— Мне не нужно доказывать свою пригодность!

— Нет, нужно, если хотите остаться суперинтендантом! — возразил Ротерли. — Вы — кандидатура Винсента, но даже ему не удастся вас отстоять, если вы все испортите. Поверьте, я в любой момент могу настроить против вас всех членов комитета! — Он сделал рукой широкую дугу, словно те собрались в моем кабинете. — Не только я предполагаю, что вы не желаете винить лоцмана потому, что тот — ирландец.

— Приказы отдавал капитан Гаррисон, — процедил я. — И он ни слова не сказал о том, что Конвей его ослушался. Так что если и были допущены ошибки, то точно не по вине лоцмана-ирландца.

Ротерли презрительно фыркнул.

Господи сохрани... Подражая Винсенту, я пытался не выйти за рамки формальной вежливости. Что он сказал бы в подобном случае?

— Я отказываюсь предоставлять отчет, построенный на ложных допущениях. Мы все будем выглядеть недоумками.

Сжав зубы, я замолчал.

— Разумеется, мы заинтересованы в правде, — усмехнулся Ротерли. Его поведение вдруг изменилось — словно на судне резко переложили штурвал. Мой гость поднял руку, будто предлагая перемирие, и заговорил примирительным тоном: — Допустим, расследование еще далеко от завершения. Однако что вам стоит обозначить хотя бы наиболее вероятного виновника? Поделитесь теми уликами, которые уже удалось обнаружить. Мы могли бы дать

информацию в прессу. Народ успокоится, поняв, что мы не бездействуем.

— Необходимо переговорить со всеми свидетелями — только после этого можно делать выводы, — сказал я, глянув на дверь. — Кстати, меня сейчас ожидает один из членов команды «Принцессы».

Ротерли выпрямился, так что его голова заняла нормальное — не птичье — положение, и шумно выдохнул.

— Ну что ж, не буду отрывать от дел. Но если выяснится, что вы утаили хоть крупицу правды при составлении отчета из-за неуместного желания выгородить соотечественника, я обвиню вас в введении следствия в заблуждение.

Он надел шляпу, подхватил трость с набалдашником из слоновой кости и закрыл за собой дверь.

И слава богу. Никому в общем зале не стоило слышать слова, что я прошипел ему вслед.

Мои выражения, как заявил бы Ротерли, были исключительно непрофессиональными.

Эйрса, подменного рулевого с «Принцессы», я обнаружил расхаживающим по комнате для допросов. Здесь все еще было довольно холодно, так что я пригласил его в свой кабинет. Эйрс, худощавый человек среднего роста, с короткими светло-каштановыми волосами, казался смущенным. Усевшись, он оперся локтями о колени и уставился на зажатую в руках шляпу.

Я поблагодарил его за визит, и рулевой тут же слегка встряхнулся и поднял на меня взгляд. Выглядел он несчастным и снедаемым чувством вины.

— Когда вы сели на борт «Принцессы»? — спросил я.

— В Грейвзенде. — Его голос был полон сожаления. — Мы сели вместе со сводным братом, Кридом.

— Кто из вас стоял у штурвала?

— Я стоял, а брат помогал.

— Расскажите, какой вы взяли курс, приближаясь к Галеонс-рич.

— Как только мы обогнули Трипкок-пойнт, капитан скомандовал держаться правее.

— Чтобы уйти от сильного встречного течения?

Эйрс кивнул.

— Значит, до тех пор вы шли ближе к южному берегу?

— Да, — подтвердил он. — Однако, как только мы вышли из-за мыса, я увидел, что «Замок Байуэлл» летит прямо на нас, и понял, что нам необходимо изменить курс, чтобы с ним разойтись. Вот только в этот момент я почувствовал, как штурвал повело влево.

— Как бывает, когда заденешь дно? Или вас потащило течением?

— Ни то, ни другое. — Он твердо покачал головой. — Знаете, словно что-то случилось с румпелем.

Неисправность механического характера? Я откинулся на спинку стула.

— Понимаю, как звучит мой рассказ. Будто я лгу, чтобы прикрыть свой промах, но ведь это правда! — упрямо добавил он.

— От неисправностей никто не застрахован, — признал я. Внезапный поворот влево подтверждался и показаниями Брискоу. — Что было дальше?

Эйрс поднял руки, словно положив их на штурвал, и крутанул воображаемое колесо по часовой стрелке.

— Я выкрутил штурвал обратно, но в этот миг «Замок Байуэлл» уже навис над нами. Нам не хватало времени... Даже если румпель послушался бы, столкновение было неизбежно.

— Значит, вы не поворачивали штурвал влево?

Он подался вперед, широко распахнув глаза.

— Я ведь говорю вам — нет! Ни оборота, ни пол-оборота! Что-то было не так с румпелем...

— Не воспринимайте мои слова как оскорбление, но... Вы с Кридом не употребляли крепкие напитки?

— Разве что пинту эля с пирогом — до того, как поднялись на борт, — напрягся Эйрс. — Я был ни в одном глазу.

— Очень хорошо. — Я сложил руки на груди. — Что случилось потом?

— Я крикнул Криду, что надо раздать пассажирам спасательные круги, спустить шлюпки и отвести людей от колесного кожуха. Казалось, что «Байуэлл» ударит именно туда. Клянусь богом, так оно и вышло! — Он тяжело сглотнул, припоминая события вчерашней ночи. — Пассажиров «Принцесса» взяла на борт слишком много. Им просто некуда было деться, и железный форштевень углевоза разрубил нас, словно «Принцесса» не судно, а хлипкий плот. Палуба под моими

ногами треснула и начала крениться. Люди попадали. Крик был ужасный. А затем...

Он нахмурился.

— Что «затем»?

— Случилось странное. Вы верите в духов, мистер Корраван?

— Нет, — пожал плечами я.

— А я вот верю, — решительно сказал Эйрс, округлив глаза. — Это произошло еще до столкновения. Я стоял у штурвала, но смотрел вверх, так что видел, как на нас надвигается углевоз. Наверное, вы думаете, что я уже ни на что другое внимания не обращал, но меня словно предупредил кто: за спиной опасность!

В потусторонний мир я и вправду не верил и все же признавал, что в подобном состоянии у Эйрса и впрямь могли появиться глаза на затылке. Опыт свидетельствовал: когда жизни угрожает опасность, все чувства обостряются.

— Прошло не больше секунды после удара, — продолжил рулевой, — когда меня кто-то схватил сзади.

— Возможно, один из пассажиров пытался спастись, уцепившись за вас?

— Нет, — раздраженно отмахнулся Эйрс. — Он сдавил мне горло, намереваясь удушить, — чем бы такой поступок ему помог? Этот человек точно хотел свалить меня с ног. Я крепко держался за штурвал, потому и не упал, когда наше судно накренилось. Но как только отпустил одну руку, чтобы отмахнуться, он оттащил меня в сторону и швырнул за борт.

— Вы умеете плавать?

— О да. Вырос на реке, в маленьком городишке неподалеку от Слау. Там все умеют плавать.

— Запомнили внешность того мужчины?

Эйрс заколебался.

— Примерно моего телосложения. Светлые волосы — в лунном свете они казались почти белыми, словно у призрака.

Я кивнул, запомнив его слова.

— Где вам удалось выбраться на берег?

— У самого края болот, на южном берегу.

— Больше ничего важного не припомните?

Эйрс мрачно покачал головой.

— Я не считаю, что в крушении есть моя вина, но... — Он испустил тихий стон, уставившись в потолок. — Страшно жалею, что меня занесло на борт «Принцессы». То и дело просыпаюсь, словно над ухом звучит гудок углевоза, и чувствую, что во сне кричал — так саднит горло.

— Понимаю вас.

— Не хочу больше об этом думать...

— Что ж, спасибо вам.

Я встал, дав Эйрсу понять, что не собираюсь продолжать допрос.

Он со вздохом облегчения поднялся со стула и побрел к выходу. Посмотрев ему вслед, я подошел к столу, за которым временно устроился Стайлз. Перед ним лежало несколько листов, исписанных четким наклонным почерком.

— Здесь у вас живые или погибшие? — спросил я.

— Погибшие, в том порядке, как мы извлекали тела из воды, — поднял голову коллега. — Сержанта Трента я попросил занести все фамилии пассажиров в журнал по алфавиту. Он обязательно проставляет даты обнаружения тела, опознания или объявления выжившего. — Стайлз поморщился. — Боюсь, полного списка нет ни в нашем реестре, ни в газетах. К тому же случаются ошибки в документах.

— Так или иначе, будем делать все, что от нас зависит.

Стайлз перевел взгляд на дверь, из которой только что вышел Эйрс.

— Он смог добавить что-нибудь существенное?

Я кратко рассказал все, что было известно к текущему моменту, не забыв о двух причинах, по которым «Замок Байуэлл» выбился из графика.

Стайлз задумался.

— Значит, пока у нас нет одного лоцмана.

— Да, того, что должен был плыть на «Замке», — согласился я, удивившись, что именно эта подробность привлекла внимание бывшего напарника, и он тут же объяснил ход своих мыслей:

— Просто подумал о трупе, который обнаружили в Саутворке.

Я придвинул стул и уселся.

— Я сегодня был в морге, — продолжил Стайлз. — Оукс дал мне увеличительное стекло, чтобы рассмотреть руки погибшего. Так вот, я

разглядел на них небольшие шрамы. — Он указал на сустав и ямку между большим и указательным пальцами. — Наподобие ваших, только на левой руке. Вспомнил еще ваш рассказ о том, что лодочники делают татуировки якоря.

— Да, верно, — сказал я, хоть и не помнил, что у нас был такой разговор. У меня подобный якорек имелся, и у Пэта тоже. Сделали мы татуировки в один день, в лавочке у рынка Спиталфилдз. — Отлично, что вы об этом подумали.

— Татуировка была у него на шее, под волосами. Возможно, погибший начинал работать на плашкоуте, но, судя по одежде, я сказал бы, что он как минимум рулевой на судне. То есть был рулевым, — поправился Стайлз.

— Кстати об одежде. Его пальто воняло джином. Оукс по-прежнему считает, что погибший не был пьяницей?

— Да, похоже, кто-то вылил джин на его пальто, — кивнул инспектор. — Вероятно, хотели замаскировать убийство под несчастный случай.

— Однако, если мы говорим об убийстве, зачем тащить тело на лестницу? Почему бы просто не бросить его в Темзу?

— Может, труп — своеобразное предупреждение другим игрокам? — предположил Стайлз. — Правда, тогда снова возникает вопрос: зачем потребовалась инсценировка?

У меня ответа на этот вопрос не было.

— Самое главное, что убийство, скорее всего, произошло в понедельник. Возможно, погибший кому-то задолжал, или его поймали на шулерстве. Стало быть, если жертва все же являлась лоцманом «Замка», понятно, почему Гаррисону потребовалось в последнюю минуту нанимать Конвея.

То есть Конвей изначально и не должен был оказаться на борту «Замка»... Я невольно испытал удовлетворение.

— Капитан мог бы опознать своего лоцмана, верно? — спросил инспектор. — Раз уж пользовался его услугами не раз.

Я не мог не согласиться с бывшим напарником.

— Конечно, я понимаю, что лоцман — всего лишь один человек, а нам надлежит опознать десятки тел, — вздохнул Стайлз.

— Это важно, — перебил его я. — Тем более у него наверняка есть семья, которая тревожится по поводу его исчезновения.

Стайлз сложил свои записки в аккуратную стопку и отодвинул их на край стола.

— Где можно найти капитана? Я сперва показал бы портрет ему, а уж потом навестил семью погибшего.

Я продиктовал ему адрес пансиона, в котором остановился Гаррисон. На том мы и попрощались.

Оставшиеся несколько часов я провел, записывая основные моменты бесед со свидетелями. Уйти со службы хотелось пораньше — надо было повидать Белинду; та обещала вернуться из Эдинбурга на поезде, прибывающем во второй половине дня.

Дописав последние строчки, я промокнул бумагу и уже сунул руки в рукава пальто, когда в дверь постучал Чарли Дауэр. Выглядел он озабоченным.

— Сэр, не будет ли у вас минутки? Хотел, чтобы вы кое на что взглянули.

В руке он сжимал газету, и мое сердце екнуло. С момента крушения минуло уже почти сорок восемь часов. Опыт подсказывал, что именно спустя двое суток проходит первый шок, и в отсутствие новых фактов начинают распространяться слухи. Газетчикам нужно продавать свою продукцию, а лондонцы желают услышать новости, пусть даже и непроверенные. Такова человеческая натура.

Я молча протянул руку, не обращая внимания на гримасу Чарли. Судя по всему, изложенные в газете домыслы мне не понравятся.

Заголовок на первой полосе «Сентинел» гласил:

Пьяный ирландец у штурвала
«Замка Байуэлл»!

Беззвучно выругавшись, я углубился в заметку.

Пока речная полиция расследует кошмарное крушение «Принцессы Алисы», нам стали известны тревожные факты. По словам кочегара «Замка Байуэлл», во время столкновения экипаж углевоза был почти поголовно пьян, а сильнее всех набрался ирландский рулевой.

Вскоре после катастрофы кочегар, мистер Джордж Перселл, спустился с тремя своими товарищами на борт спасательного катера «Замка Байуэлл». Матросы надеялись спасти хотя бы пару десятков тонущих, поскольку катер мог вместить тридцать человек. Однако к тому времени, когда они вышли на воду, в живых оставалось всего пятеро пассажиров. Их подняли на борт, извлекли из воды еще четыре тела и двинулись по течению. Причалив в Эрите, мистер Перселл в разговоре с полицейским констеблем обвинил экипаж в пьянстве. Полисмен записал имена и адреса выживших. Рапорт констебля также содержит показания мистера Перселла.

— Будь все проклято, — пробормотал я.

Понятно, как люди истолкуют заметку. Однако репортеры не общались ни с одним человеком с «Замка», кроме кочегара. Ни с капитаном, ни со старшим помощником Белдингом, ни с самим Конвеем. Словом, ни с кем из тех, кто упомянут в статье. Читателю предлагали рассказ единственного члена экипажа, и он вполне мог обернуться большой бедой: как только возникали основания в чем-то обвинить ирландца, непременно поднималась волна насилия.

Господи Иисусе, ну что за бардак...

Чарли тихо кашлянул.

— Похоже, эта статья не облегчит нам жизнь...

— Точно, Чарли, — хрипло пробормотал я и вернул ему газету. — Спокойной ночи.

— До свиданья, сэр.

Застегнув пальто, я закрыл за собой дверь кабинета. Разговаривать с людьми типа Перселла особого смысла не было. Знакомый типаж: сплетник, разглагольствующий о всякой ерунде тем громче, чем больше людей его слышит. А вот с Конвеем встретиться очень важно. Проклиная себя за то, что раньше не поручил Стайлзу разыскать лоцмана, я задержался у стола инспектора. Нацарапал записку с вопросом, не нашел ли он Конвея, и положил ее на видное место.

Уже у выхода дежурный сержант передал мне конверт.

— Только что принесли, сэр.

Безупречный почерк — сообщение от Винсента.

Заеду завтра в Уоппинг к десяти утра.

Смысл письма понятен: директор и сам не любил, когда его заставляли врасплох, так что счел хорошим тоном предупредить меня о своем визите заранее. К тому же он желал иметь уверенность, что я буду на месте. Мне, напротив, не хотелось портить себе сон ожиданием утренней встречи с начальством. Разговор явно будет нелегким: тут и рассказ Перселла, и подозрения Винсента насчет участия Братства в происходящих событиях, и мое ирландское происхождение...

Глава 11

У черного входа в дом Белинды с вбитого в стену тяжелого железного крюка свисал зажженный фонарь.

Меня ждали.

Несмотря на тревоги последних двух суток, настроение мое поднялось. Открыв дверь своим ключом, я обнаружил в прихожей еще одну лампу, освещающую длинный коридор.

Ничто так не греет душу, как осознание: тебя хотят видеть.

Я изгнал из головы крутившиеся в ней страшные картины.

На лестнице в конце коридора зацокали каблучки. Сперва я увидел черную блестящую туфельку, затем светло-зеленую юбку, и наконец в проходе появилась Белинда с маленьким фонарем. Остановилась, придерживаясь одной рукой за перила, и я невольно подумал: свет и равновесие... Ни один скульптор не смог бы передать характер Бел точнее, чем она только что сделала сама.

Ее лицо осветилось теплой улыбкой.

— Майкл!

Четыре быстрых шага — и я оказался у подножия лестницы. Бел стояла на несколько ступенек выше, и я посмотрел на нее, запрокинув голову, впитывая в себя ее образ. Темные волосы она распустила по плечам; карие глаза сверкали ярко, отражая свет фонаря. Белинда глянула на меня, и ее улыбка померкла.

— Милый, похоже, у тебя было несколько ужасных дней...

Я шагнул вверх, и мы встали лицом к лицу. Сжал руками ее виски, посмотрел в глаза, и душевное напряжение спало. Наконец-то, первый раз со дня ее отъезда, я вдохнул полной грудью. Бел отняла руку от перил и обняла меня за плечи. Я ее крепко поцеловал, пытаюсь наверстать месяц разлуки, зарылся руками в ее волосы, и губы Бел приоткрылись, встретившись с моими. Сколько мы так простояли? Словно весь мир сосредоточился на двух ступеньках черной лестницы. Часто дыша, Белинда отстранилась.

— Здесь холодно, — шепнула она. — Может, поднимемся?

— С тобой — куда угодно, — хрипло сказал я, и Бел тихонько захихикала.

Мы поднялись на два пролета, и Белинда поставила фонарь на столик в холле. До кровати мы добрались и без света.

Мы подперли головы руками, удобно устроившись на мягкой постели. Бел зажгла лампу, так что мы наконец смогли рассмотреть друг друга, и предложила сделать нам по чашечке кофе, который молола специально для меня, однако я отказался. Накрутил на палец ее блестящий каштановый локон, не желая отпускать любимую. Хотел слышать, как она разговаривает, внимать ее голосу. Как прошла ее поездка?

— Странный получился визит, — призналась Бел. — С самого детства мы с Кэтрин и Маргарет были очень близки — до тех пор, пока Маргарет не переехала в Эдинбург. И вот прошло несколько лет, и, каждый раз, когда я вижу сестру, она...

Белинда заколебалась.

— Что она?

— Всегда словно бы не в духе. О, конечно, перелом лодыжки — штука неприятная. Понятно, что нога болит и Маргарет раздражена. Но дело не только в этом. Она взволнована, возбуждена и несчастлива, отчасти из-за сына, Эдгара.

Кажется, Бел рассказывала, что Эдгар то ли поступил в Оксфорд, то ли готовится поступить в следующем году.

— Что с ним не так?

— Эдгар — избалованный юноша. Мы всегда это знали, а вот Маргарет прозрела не так давно и сознает, что в каком-то смысле это ее рук дело. — Бел машинально разгладила простыню. — Но я ее винить не могу. После того, как сестра потеряла двух детей, похоже, она... стала испытывать чрезмерную благодарность Богу за Эдгара. Потакала ему во всем. Ты ведь знаешь, каковы дети. В результате сын у нее вырос эгоистом. Нет, — пожалала она плечами, — у него хорошие манеры, и он использует их тогда, когда ему выгодно. Умен — весь в своего покойного отца, Филипа. Только Эдгар не умеет уважать других и жесток с собственной матерью. Вряд ли он посмел бы с ней так обходиться, будь жив Филип.

Белинда горько вздохнула, жалея сестру.

— Разумеется, Маргарет не хотела его баловать, а теперь слишком поздно. Эдгар не слушает мать, да и разговаривает с ней только по

большим праздникам.

До нашей спальни словно докатилось эхо слов ма Дойл, и я невольно вспомнил о Колине.

— Что такое, Майкл?

Я покачал головой.

— Да нет, ничего. Эдгар уже поступил в университет?

— Вскоре поступит. Но тут еще одна сложность. Нет у него тех качеств, которыми обладает Гарри. Ни подлинного интереса к учебе, ни желания работать. — Бел снова вздохнула. — Маргарет опасается, что сын станет одним из этих молодых людей без царя в голове, для которых нет в жизни ничего, кроме азартных игр да опиекурилен, в которых они сидят до зари.

Я до нашего разговора и не думал, как мне повезло с Гарри. Вот кого не приходилось ни страшать, ни уговаривать. Серьезен, даже слишком — так отзывался о нем Джеймс.

— А как в целом прошла поездка? — спросил я.

Лицо Белинды прояснилось.

— О, очень приятно. У Эдинбурга есть свои поводы для беспокойства, но тамошний замок да и виды на город просто великолепны. Я выходила каждый день. Были званые обеды, маленькие концерты в гостиной, да еще Кэтрин приехала на недельку, и нас ее появление взбодрило. Несколько раз выезжали за город: Маргарет передвигалась в кресле на колесиках, и они с Кэтрин делали там зарисовки, а я читала или писала. Словно снова очутились в детстве, в милом Хертфордшире.

Бел тихо засмеялась. Я любил ее смех и сам невольно улыбнулся. Однако уже в следующую секунду любимая помрачнела.

— Расскажи мне о «Принцессе Алисе», Майкл.

В прежние времена я замкнулся бы, попытался скрыть свои неуверенность, расстройство и раздражение, тем более дело было запутанным, что вообще характерно для ранних стадий расследования. Однако Белинде приходилось видеть меня в разном настроении — и в подавленном тоже. Ее озарения порой помогали мне довести следствие до логического завершения, как, например, в случае с убийствами на реке прошлой весной. Слушала она внимательно, в нужных местах понимающе кивала, и я поведал ей все, что случилось со вторника.

— Конечно, мне следует поспешить с определением виновника крушения, потому что Ротерли рвет и мечет, — завершил я свой рассказ. — Не желает вызвать недовольство парламентского комитета.

Бел нахмурилась, стараясь припомнить обладателя упомянутой мною фамилии.

— Это не тот, что был в комитете, который?..

Я кивнул.

— Он заявил, что я задерживаю рапорт, чтобы придать себе веса и защитить лоцмана-ирландца с «Замка Байуэлл».

— Господи ты боже мой!

— Парламенту срочно нужен результат расследования, однако я сомневаюсь, что здесь все так просто. С одной стороны, «Принцесса Алиса» нарушила официальные требования навигации, хотя так делают многие малые суда во время отлива. С другой — подозреваю, что «Замок Байуэлл» превысил допустимую скорость движения в ночное время. Кроме того, все же существует вероятность, что экипаж углевоза пьянствовал и один, а то и оба рулевых были недееспособны. Ничего не известно наверняка, но у меня такое чувство, что крушение вызвано сразу несколькими причинами.

— Скорее всего, комитет желает возложить вину на кого-то одного, — сказала Белинда, — чтобы не допустить подобных катастроф в дальнейшем. Хотя это скорее теория, чем практика.

— А пока, в отсутствие четкого ответа, газеты нагнетают остановку, выдумывают разные истории, что только усложняет расследование и невольно заставляет людей сомневаться в том, что они действительно помнят.

— Что ж, Майкл, ты ведь способен сочинить историю получше, — улыбнулась Бел. — Ты это делал не раз.

— Легко сказать, — пробурчал я. — Это тебе позволено выдумывать небылицы.

Она засмеялась и тут же осеклась.

— Читала вчерашнюю статью о том, что на «Замке Байуэлл» все были пьяны.

— Вот это небылица и есть. Как минимум в отношении лоцмана подобный факт не подтвержден. Разве что я чего-то пока не знаю... Конвей до сих пор не объявился. — Я заерзал в кровати, отбросив подушку. — Меня раздражает, что газеты даже не задаются этим

вопросом. Сочинили заголовок — и вся недолга. А между тем, судя по показаниям капитана, Конвей был трезв и за свои действия вполне отвечал.

Мне вспомнились слова Гаррисона: «За штурвал сразу взялся так, словно всегда за ним стоял».

Белинда поморщилась.

— Заголовок, достойный сожаления. Но, во всяком случае, появился он только в «Сентинел», большие газеты об этом не писали. Знаешь, как разыскать этого человека, Перселла?

— Капитан наверняка в курсе, однако я не собираюсь забивать себе голову этими глупостями. Парень несет чушь. Капитан точно не выглядит склонным к пьянству, а потом — у него имеется финансовый интерес в «Замке».

— Весьма безответственно со стороны прессы заявлять, что лоцман ненадежен лишь потому, что он ирландец, — вздохнула Бел. — Тем более что подобные разговоры способны вызвать волнения в обществе.

— Не сомневаюсь, что именно с этого завтра и начнет Винсент. Так и слышу его слова: «Не могли бы вы сделать вид, что не имеете отношения к Ирландии?»

— Ты думаешь, Майкл? По-моему, Винсент вовсе не хочет, чтобы ты притворялся, зато желает убедиться в твоей беспристрастности.

Она нежно высвободила локон из моих пальцев и откинулась на подушку. Забросила руки за голову, сверкнув мягкой белизной внутренней стороны предплечий, и я не сдержался, провел по ее коже пальцем.

— И то лишь потому, что ему требуется заверить скептиков типа Ротерли: разговор на эту тему он с тобой провел.

— Да, конечно.

Я перекатился на спину. Лепнина в месте стыка потолков со стенами в искусственном освещении приобрела совсем иной вид, чем днем. В мерцающем свете лампы резные завитушки отбрасывали странные тени, которые то исчезали, то появлялись снова. Гипсовые цветы и листья, украшавшие изысканные карнизы в углах комнаты, порой словно съеживались и двигались из стороны в сторону.

— Так или иначе, все это не означает, что любой ирландец готов утопить шесть сотен невинных людей, что каждый из моих

соотечественников принадлежит к банде. Большинство ирландцев всего лишь пытаются прокормить себя и своих близких.

Белинда перевернулась на бок и, нахмутив брови, посмотрела мне в лицо.

— Никто не винит всех ирландцев скопом. Те, кто принадлежит к «Каменщикам мыса» или Братству, составляют меньшинство. — Я не ответил, и Бел встревожилась: — Что тебя беспокоит, Майкл?

— Даже не знаю, — пожал плечами я. — Надеюсь, Винсент не считает, что я стану выгораживать ирландского лощмана.

— Он умный человек, — успокоила меня Белинда. — Работаешь ты не за страх, а за совесть, так что в первую очередь он видит в тебе инспектора, а уж затем ирландца.

— Я добросовестно тружусь не только по этой причине, — метнул я на нее быстрый взгляд.

Почувствовав, что я напрягся, Бел тут же согласилась:

— Конечно, нет. — Усевшись, она натянула простыню на колени и обхватила их руками. — Но люди встревожены действиями ирландских движений. В Эдинбурге только об этом и судачат.

— Неудивительно, учитывая произошедшие там в прошлом году взрывы. — Я помолчал. — Что-то конкретное говорят?

— На прошлой неделе лорд Бейнс-Хилл с супругой Франсис были у нас на обеде. Я раньше встречалась с ними пару раз, а Франсис и Кэтрин хорошо знакомы.

Лорд Бейнс-Хилл... Мое сердце забилося. Именно о нем упоминал Том как о лидере переговоров.

— Что ты так смотришь? — удивилась Бел.

— Мне известно это имя. Он что-то говорил об ирландских делах?

Белинда посмотрела на меня вопросительно, словно чувствовала, что я недоговариваю, однако ответила:

— Он рассказывал, что эдинбургское отделение Братства называет себя «Зеленой лигой». Знал об этом?

Я покачал головой.

— Так вот, лорд довольно убедительно объяснил, что взрыв в театре Мэйфер в семьдесят пятом научил Братство кое-чему очень важному: отдельными актами террора ничего не добьешься, даже если угрожаешь самой королевской семье. Братство поняло, что ему требуется продемонстрировать свою способность к целой серии угроз.

Потому-то они и устроили взрывы сразу в четырех местах — один за другим. И цели своей безусловно добились: общество сообразило, что ирландский вопрос на самом деле существует.

— Да, так и есть.

— Теперь Бейнс-Хилл опасается, что следует ожидать подобных акций и в Лондоне. Чем скорее мы начнем обсуждать вопрос самоуправления Ирландии, тем лучше, утверждает он, однако беспокоится, что до возвращения мистера Гладстона на пост премьера шансов немного.

Я застонал, уставившись на лепной медальон в центре потолка, с которого свисала люстра.

— Что такое, Майкл? — Она смотрела на меня с удивлением и нежной заботой. — Считаешь, что Братство могло быть причастно к крушению «Принцессы Алисы»? Полагаешь, это начало серии?

Я едва сдержался, чтобы не ляпнуть: похоже, катастрофа на реке — на самом деле второй эпизод, а то и третий, если учесть происшествие в Ситтингборне и случаи насилия в Уайтчепеле.

Хотя... вдруг все эти события совпали по времени по воле случая?

Вполне возможно, однако лорд Бейнс-Хилл мыслит верно: планы и методы Братства эволюционируют. В Клеркенуэлле бомбисты допустили целую череду нелепых ошибок. Не там заложили динамит, не сумели подорвать тюремную стену. В «Мейфэре» же акция была исполнена практически безупречно — четыре заряда были спрятаны в каждом из углов здания театра. Пусть одна из бомб и не сработала, зато три остальных взорвались в течение минуты, вызвав паническое бегство публики к выходу. В итоге сорок человек погибло и сотни пострадали. Я не сомневался, что за прошедшие годы Братство стало более искусным в подготовке террористических актов, научилось лучше планировать и претворять свои идеи в жизнь.

Мне вспомнился погибший в Саутворке лоцман, и на душе стало тревожно. Что, если я заблуждаюсь? Вдруг его убили намеренно, чтобы посадить Конвея на «Замок Байуэлл»? Неужели убийцы хотели поставить у штурвала ирландца, члена Братства?

— Майкл, что случилось? Ты побелел, словно простыня...

Встретившись с Бел взглядом, я постарался обуздать свою фантазию. Не стоит видеть заговор там, где имеет место обычное совпадение. И все же...

Она придвинулась, изучая мое лицо.

— Ты уже предполагал, что это дело рук Братства, правда, Майкл? Я сглотнул ком в горле.

— Если забыть об ирландце Конвее на борту «Замка», то никаких доказательств тому нет. И я не намерен считать Конвея членом Братства и виновным в крушении до тех пор, пока с ним не переговорю. Хоть бы он наконец объявился... — тяжело вздохнул я.

Белинда слушала молча.

— Возможно, газетчики правы и лоцман действительно был пьян. Но... если Конвей — участник заговора, то какой в этом смысл?

— Вряд ли бы он тогда напился, — согласилась Бел.

— Кроме того, Луби пока и словом не обмолвился насчет «Принцессы».

Я припомнил рассказ Винсента о том, что Луби после Эдинбурга заявил: хватит слов, переходим к делу.

— Я понимаю, что тебе ненавистна сама мысль об участии ирландцев в последних событиях. — Белинда потерела краешек простыни. — Кстати, я так не думаю. По-моему, будь Братство причастно к крушению «Принцессы Алисы», оно уже взяло бы на себя ответственность. Зачем им хранить молчание? Но... что, если тут действовала другая группа? Вдруг конкурент судоходной компании, который хочет перехватить у нее экскурсионные туры? Или, например, на борту были конкретные люди, которых и пытались убить таким образом?

Я пожал плечами.

— Кроме того, — добавила Бел, — не факт, что «Принцесса» является началом серии. Может, и вправду — несчастный случай, результат нескольких мелких оплошностей? У тебя ведь есть такая версия. А общий настрой против ирландцев заставляет людей сочинять самые пугающие истории.

Да, с подобным эффектом мне приходилось сталкиваться и раньше.

— Чем дольше я буду вести следствие, тем быстрее расползутся слухи.

— Люди напуганы, Майкл. Они пытаются понять, что происходит. Настолько жуткого происшествия в Лондоне не было долгие годы. Даже в железнодорожных катастрофах и обвалах на шахтах не

припомню такого количества жертв, а ведь большинство из них — женщины и дети. Вся страна следит за развитием событий.

Конечно, Бел права... Бог свидетель — почти все англичане склонны предполагать самое худшее; они нас презирают и боятся.

— Подобную историю газетчикам народу скормить несложно, — резко бросил я. — Даже если в ней нет ничего, кроме выдумки.

— Ты найдешь истину, — твердо сказала Белинда. — Потребуется время, но ты всегда выводишь виновных на чистую воду.

Не факт, и не всегда вовремя для того, чтобы предотвратить следующую беду... Я не стал делиться своими мыслями. Белинда ко мне добра, и нет никаких причин огрызаться.

Бел сползла с подушки и провела пальцами по моим волосам. Взъерошила их, улыбнулась и снова расправила спутанные пряди.

— Ты ведь не забыл о своем обещании насчет субботы?

— Ты о приеме? Нет, конечно, нет.

Белинда впервые пригласила меня на еженедельный званый вечер, решила представить своим друзьям. Мы со смехом признавались друг другу, что оба немного нервничаем, но когда-то это должно было случиться. Ее возвращение из Шотландии — подходящий момент для подобного события. Народа будет много; значит, на меня внимания обращать особо не станут.

— Я уже приготовил новый костюм, висит в спальне.

Белинда легонько коснулась моего лба своим.

— Спасибо, Майкл.

Я позволил себе закрыть глаза и раствориться в поцелуе любимой. Даже уснул, однако сны мои были полны страха перед возможными слухами, расползавшимися по Лондону подобно зловонным миазмам, возбуждающим ярость и ужас.

Глава 12

На следующее утро, перед тем как выдвинуться в Уоппинг, я направился на газовый завод Бэктона. Решил посмотреть воочию, как комитет по крушениям справляется с опознанием тел.

Уже перед ангарами мой нос уловил запах разлагающихся останков, и я поспешно полез за платком. Ладно, раньше дело начнешь — раньше и закончишь. Я решительно зашел в тот ангар, где лежали трупы. Останки были аккуратно выложены четырьмя рядами на голом полу. В каждом ряду — по сорок тел. Мужчины с одной стороны узкоколейки, женщины — с другой. Там и сям образовались свободные места — значит, покойника уже забрали. В помещении я углядел всего одного чиновника из комитета. Тот стоял с мужской стороны, рядом со склонившейся над телом женщиной. Бедняжка прижала руки ко рту, пытаясь подавить рыдание.

Желудок мой скрутило в узел, и я, отвернувшись, пошел во второй ангар, где обнаружил сержанта Трента и еще нескольких людей из комитета. Среди них мелькал седовласый человек в черном одеянии с белым воротничком. Священник... Смятенной толпы в промокшей одежде, рыдающей и кутающейся в одеяла, здесь уже не было. В просторном помещении висела странная тишина. По одну сторону от рельсов стояли длинные столы, заполненные небольшими открытыми коробками, походившими на миниатюрные гробы. Несколько маленьких групп людей ходили вдоль них, заглядывая то в одну коробку, то в другую, порой вытаскивая дрожащими руками какую-либо вещь.

Мы встретились взглядами с сержантом, и тот, отклеившись от стены, направился ко мне.

Тем временем я взял один из ящичков с ближайшего стола и, наклонив его, рассмотрел содержимое. Несколько монет, булавка, три одинаковые костяные пуговицы — вероятно, от пальто — и простенькое серебряное колечко. Судя по размеру — мужское. Как же мало осталось от человека! В рядах коробок тоже встречались просветы. Наверняка вещи забрали люди, которые знали жертву столь близко, что опознали ее по подобным пустяковым предметам.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Трент.

— А неплохая мысль, — хрипло пробормотал я, поставив ящичек на место. — Все лучше, чем разглядывать тела...

— Это предложил мистер Стайлз.

— Вот как...

Собственно, ничего удивительного. Разумеется, Стайлз нашел подходящий способ опознания жертв, соблюдая должную степень тактичности.

— Мы собрали драгоценности, пуговицы, очки, карманные часы, табакерки и тому подобную дребедень, — рассказал Трент. — Номер на коробке соответствует номеру на запястье трупа. Так проще. Сами знаете, мертвецы выглядят не совсем так, как при жизни.

— Прошло несколько дней, тела разлагаются, — согласился я.

— Опять же людям не приходится пересекать реку, чтобы искать погибших родственников на той стороне. Вещи-то нам позволили забрать, а вот останки — нет.

— Знаю, — сказал я, пытаюсь скрыть раздражение. — Винсент хотел попытаться...

Меня прервал вопль молодой женщины.

— Это вещи Тома! — Ее голос надломился. — Его кольцо...

Она показала дрожащим пальцем на предмет на своей ладони, затем сжала кулачок, отвернулась и спрятала лицо на груди немолодой дамы. Ее плечи тряслись, а рыдания напомнили мне крики попавшегося в ловушку маленького зверька. Голос пожилой женщины был сдавленным и невыразительным. Наверное, мать...

Я подавил стон. Что за чертова служба...

Человек из комитета прихватил коробку и помог женщинам сесть за стол у стены. Девушка устроилась напротив него, и чиновник начал вынимать вещи из ящичка своими толстыми пальцами, выкладывая их на стол. Пожилая дама вяло наблюдала за процедурой совершенно пустыми глазами.

Уже уходя, я услышал еще один крик боли. На этот раз — мужчина, опознавший предметы в другой коробке.

Кто бы ни приложил руку к страшной катастрофе — интересно, смог бы он поступить так же еще раз, заглянув в этот ангар и увидев, какие страдания доставил лондонцам?

Если мы все же имеем дело с несчастным случаем, то распускающиеся в обществе сенсационные слухи лишь оскверняют горе родственников погибших, становятся форменным издевательством над их чувствами.

Глава 13

Появившись на службе, я обнаружил на столе записку. Почерк Стайлза! Я поспешно развернул лист и прочел несколько адресованных мне строк:

Капитан Гаррисон сообщил, что наш мертвец на реке — именно тот лоцман, которого он обычно нанимает. Зовут его Уильям Шмидт. Родители Шмидта живут за границей, супруга умерла. Я попросил его тестя — мистера Бенджамина Дэвиса — опознать тело. Сегодня он занят, однако завтра я провожу его в морг. Мистер Дэвис никогда не слышал, чтобы У. Ш. чрезмерно увлекался картами или спиртными напитками. Смерть зятя не слишком его взволновала: видимо, большой любви между ними не было. Выясню все, что смогу.

С.

P. S. К сожалению, пока никаких сведений о Джоне Конвее. Неясно, жив он или мертв. Продолжу поиски.

Я снова сложил записку и вошел в кабинет, думая о Шмидте.

Допустим, лоцман утаивал от тестя свои вредные привычки. Ничего необычного в этом нет. Но если его пороки не испортили отношения с Дэвисом, то почему же между ними пробежала кошка? Я надеялся, что Стайлзу удастся установить правдоподобный мотив убийства. У меня здорово полегчает на душе, если Шмидта прикончили по причинам, связанным исключительно с его личными грехами, а не для того, чтобы внедрить Конвея на борт «Замка Байуэлл».

Но куда же он, черт возьми, пропал? Почему до сих пор не объявился?

Стоило мне устроиться за столом, как петли входной двери в участок скрипнули, створка распахнулась и тут же хлопнула с такой силой, что задребезжали стекла. Прямо ко мне шел капитан Гаррисон, грозно, словно дубинкой, помахивая туго свернутой в трубочку газетой. Как и вчера, капитан был полон достоинства, однако щеки его

покраснели, а глаза пылали от негодования. За ним следовал еще один человек — молодой, хрупкого телосложения. Спутник Гаррисона сжимал в руках шляпу и с любопытством озирался по сторонам, будто никогда в жизни не попадал в полицейский участок.

— Мистер Корраван, вы это видели?

Капитан развернул газету, и при виде заголовка на первой полосе мое сердце упало. На этот раз — не «Сентинел», а «Бикон», гордившийся способностью публиковать самые зловещие истории. Я не раз вступал в конфликт с Фишелом, одним из наиболее падких на сенсации репортеров этой газетенки. Его статьи нередко ставили мои расследования на грань краха.

Пьяный ирландец у штурвала!

Мне с трудом удалось подавить стон.

— Уже видел нечто в этом роде в «Сентинел»...

Я жестом пригласил обоих присесть, однако Гаррисон, гневно выпрямившись, встал у стола, а молодой человек скромно держался чуть позади. Возможно, лоцман? Лицо интеллигентное, производит впечатление профессионала.

— Мистер Корраван, я понимаю, что у вас дел по горло, однако подобную клевету следует публично опровергнуть! — Капитан покраснел еще больше. — Джордж Перселл — лжец! Вот, привел с собой инженера — он мои слова подтвердит.

Ага, инженер... Ну да, я сразу понял, что не простой матрос.

— Как вас зовут? — повернулся я к молодому человеку.

— Даймлоу, сэр. Питер Даймлоу.

— Сколько вы уже работаете на Темзе?

— Почти пятнадцать лет. Джорджа Перселла я знаю. В тот день он поднялся на борт здорово навеселе. — Инженер бросил быстрый виноватый взгляд на Гаррисона. Судя по всему, от начальства ему уже досталось. — Однако я счел, что кочегар справится со своими обязанностями и в таком состоянии. Процедуры там вполне рутинные.

— Как вы отреагировали на его заявление о том, что на борту все были пьяны?

Даймлоу покачал головой.

— Перселл пытался ложью прикрыть собственную непростительную слабость. С капитаном Гаррисоном я ходил в плавание несколько раз и ни разу не видел его даже под легким хмельком. Все остальные члены экипажа также были трезвы.

Я обратил внимание на шляпу в руках инженера. Не дрожат ли его пальцы, выдавая либо смятение, либо сомнение? Нет, котелок совершенно неподвижен.

— Если честно, Перселл — хвастливый недоумок, хотя в обычных обстоятельствах это неважно. Знай себе греби уголь лопатой.

— Однако обстоятельства не были обычными, — перебил его капитан. — Хуже обстоятельств не бывает.

— Простите, мистер Корраван, — продолжил Даймлоу, — но я хотел сказать, что сам Перселл был пьян в дым и потому пытался сочинить как можно более сенсационную историю. Я слышал, что к следующему утру он еще не протрезвел.

— Логически рассуждая, бред кочегара не выдерживает никакой критики, — горячо добавил Гаррисон. — Как мог экипаж предпринять столь героические усилия для спасения утопающих, если был поголовно пьян? А чего стоят его заявления о том, что ирландцы склонны заложить за воротник? Я плавал со множеством уроженцев Ирландии, и все они были уравновешенными и непьющими людьми!

— Некоторые дают интервью газетам в надежде почувствовать себя важными персонами. — Я расстегнул пальто и кинул его на крючок. — Не стоит так переживать. Люди, подобные Перселлу, не воспринимаются в суде достойными доверия свидетелями. Обычно газеты платят им за этакое откровения либо покупают им выпивку.

Даймлоу вздохнул с облегчением, да и капитан, похоже, несколько смягчился.

— У меня несколько вопросов к вам, мистер Гаррисон. Боюсь, что это конфиденциально.

Мне не хотелось, чтобы у капитана возникло ощущение, что ему следует доказывать правдивость своих предыдущих показаний в присутствии Даймлоу. Гаррисон кивнул инженеру, тот в ответ почтительно склонил голову и, выйдя из кабинета, плотно прикрыл дверь. Я предложил капитану присесть на соседний стул.

— Благодарю, что помогли опознать мистера Шмидта, — начал я. — Мистер Стайлз сегодня общался с его семьей.

Гаррисон грузно обмяк на стуле.

— Вот ведь чертова петрушка, вдобавок ко всему прочему... Я знал его как хорошего лоцмана.

— Каким он был человеком?

Капитан на секунду задумался.

— Должен признать, что не слишком симпатичным. Однако с нами Шмидт совершил три рейса — и никаких неприятностей я от него не видел. — Он пожал плечами. — Пруссакам сейчас, после войны, приходится нелегко, однако я никогда не сужу о человеке по национальности.

— Так он из Пруссии?

— Там родился. Его отец служил рулевым, ходил по Рейну, так что ремесло у Шмидта в крови. В Англию он приехал семнадцатилетним мальчишкой и начинал как перевозчик грузов по реке.

— Шмидт никогда не рассказывал, где изувечил пальцы?

— Говорил, что еще в юности рука попала между бортов двух лодок, — поморщился Гаррисон.

Стало быть, изуродованная рука — еще не доказательство, что лоцмана наказали за невыплаченный карточный долг. Впрочем, Гаррисона он мог и обмануть, поскольку тот, похоже, азартные игры не одобрял.

— Никогда не видели его навеселе?

— Ни разу. — Капитан наклонился ко мне. — Я могу позволить себе кружку эля за обедом, но не больше, и от своих людей требую подобной же умеренности. — Он рубанул рукой воздух. — Жаль, не знал, что Перселл пьян! Ни за что не пустил бы его на борт, что бы там ни говорил инженер.

— Что известно о личной жизни Шмидта? О покойной жене, о семье?

— Боюсь, крайне мало, — вздохнул Гаррисон.

Я уперся локтями в столешницу и сплел пальцы.

— Вы не упомянули о столкновении с баржей при выходе из Миллуолла.

Капитан на мгновение растерялся.

— Ну, тот инцидент вряд ли имел отношение к «Принцессе Алисе». Да и не столкновение там было, а так, тычок. На барже

признали свою вину — они ведь пересекли наш курс. Пришлось подписать несколько бумаг, и нам разрешили следовать дальше. — Он задумчиво поскреб подбородок. — Я в свое время год служил в портовой комиссии по расследованиям и оттуда вынес убеждение, что следует сосредоточиться на главной задаче. Излишняя информация лишь мешает.

Что ж, справедливо...

— Насколько мне известно, вы — один из владельцев «Замка Байуэлл».

— Владею одной шестьдесят четвертой.

— Пытались ли вы прибавить скорость, чтобы не упустить отлив?

Гаррисон побарабанил пальцем по подлокотнику стула.

— Мистер Корраван, нам все равно не удалось бы нагнать потерянное время, так что нет. Не пытался. Попали бы в благоприятное течение — так тому и быть. Однако безопасность важнее скорости. Нельзя жертвовать одним ради другого. Это редко окупается.

— Расскажите о подменном лоцмане — Конвее. Как вышло, что вы его заполучили?

— Я, как обычно, отправил сообщение мистеру Шмидту за три дня, просил его прибыть на судно к девяти утра. Было уже половина десятого, и я решил: лоцмана что-то задержало. По счастью, под рукой оказался мистер Конвей.

— Как вы его нашли?

— Он сидел в приемной начальника порта, ожидал расчета за предыдущий рейс. Все получилось совершенно случайно.

Случайно? Или кто-то срежиссировал появление Конвея? Во мне вновь зашевелились подозрения.

— Он был единственным свободным лоцманом в порту?

— Ну, во всяком случае, в конторе других не было. Я зашел — он сидит на лавке. Там что-то перепутали с суммой выплаты, так что Конвею пришлось дожидаться клерка. Впрочем, мне показалось, что он, в отличие от многих в подобных обстоятельствах, особо не нервничал.

Искал причину задержаться в конторе, рассчитывал на приглашение на борт «Замка Байуэлл»? Мои подозрения усилились.

— Что еще можете сказать о Конвее?

— Да собственно, ничего, — вскинул брови капитан. — Я ведь только там с ним и познакомился. Начальник порта за него поручился, показал его послужной список. Двадцать лет, четыре сотни рейсов вверх и вниз по Темзе. Мне этого было достаточно.

— Конвей выполнял ваши указания?

— До последней запятой.

— Никаких признаков опьянения?

— Совершенно никаких!

— После столкновения вы его видели?

Гаррисон заколебался.

— Было темно, на борту царила неразбериха... Сразу после крушения я побежал на корму — надо было спускать спасательные шлюпки. Возможно, Конвей последовал за мной, ведь мы все равно встали на якорь. Но вроде бы он мне на глаза не попадался.

— Нам пока не удалось его разыскать, — объяснил я. — Прошло два дня, а от Конвея ни слуху ни духу. У вас нет предположений, где он может быть?

— Ни единого, — с удивлением произнес Гаррисон. — Учитывая заголовки в газетах, я на его месте попытался бы обелить свое имя. У меня есть его адрес. Поскольку Конвей выполнял с нами первый рейс, я хотел занести его данные в судовой журнал. — Он вытащил из кармана потрепанную записную книжку и полистал страницы. — Локмьюз, номер три.

Я сделал пометку в блокноте, надеясь, что адрес подлинный.

— Нанесу ему визит.

Было уже почти десять. Я поблагодарил капитана и проводил их с Даймлоу до кэба. Как только они отъехали, у дверей появился еще один экипаж, и на землю спрыгнул Винсент.

— Доброе утро, Корраван.

— Доброе утро, сэр.

Мы прошли в кабинет. Винсент тихо прикрыл дверь и аккуратно поставил стул, который только что освободил Гаррисон, прямо напротив стола. Усевшись, заговорил:

— Заметил, что от вас вышел капитан Гаррисон. Наверное, вы обсуждали публикации в прессе?

— Они на пару с инженером клянутся, что Перселл — завзятый пьяница. — Я развел руками. — Капитан настаивает, что не пил ни

капли, и за экипаж ручается. У меня нет причин сомневаться в его словах, сэр.

— А лоцман-ирландец, мистер Конвей? — вопросительно глянул на меня директор.

При слове «ирландец» я невольно напрягся.

— Гаррисон говорит, что Конвей все время был у штурвала и приказам подчинялся беспрекословно. Никаких признаков опьянения капитан за ним не заметил.

Винсент глянул мне в глаза.

— Хотел выяснить, полагаете ли вы, что его национальность имеет значение, учитывая инциденты в Ситтингборне и Уайтчепеле.

Я понял, куда клонит директор, и мне это не понравилось.

— У меня такого предубеждения нет. Неужели вы считаете важным сигналом анонимное письмо, которое получил Ротерли?

— Вовсе нет. Мы с вами прекрасно знаем, что на анонимки полагаться нельзя.

Винсент слегка наклонился ко мне. Впрочем, с ним все иначе, чем со мной. Чем незначительнее жест, тем сильнее чувства, которые он выражает.

— И все же, Корраван... Я обязан задать вам вопрос, который интересует не столько меня, сколько тех, кто может сунуть нос в наше расследование. — Дождавшись моего кивка, он продолжил: — Сможете ли вы забыть о своей естественной лояльности к соотечественникам на время следствия?

Я приложил немалое усилие, чтобы мой голос звучал бесстрастно. Постарался изгнать из него нотки оборонительного тона.

— Мне противна сама мысль, что ирландец или группа ирландцев решили сотворить подобное. — Я помолчал, вспоминая жуткую ночь на Темзе и тот кошмар, что только-только предстал перед моими глазами в ангаре газового завода. — Те ирландцы, которых я знаю, сделать этого не могли. С чистой совестью задержу любого, кто приложил руку к катастрофе. Если на реке имела место спланированная акция, то это не что иное, как убийство невинных людей.

Теперь помолчал Винсент.

— Что вы знаете о Тимоти Луби? Точно ли он сумасшедший, как порой говорят?

Меня удивил его вопрос, и ответ пришлось обдумать.

— Нет, — медленно начал я. — Сомневаюсь, что Луби сумасшедший. — Похоже, директор ждал продолжения, так что я припомнил некоторые речи Луби, которые без всяких купюр читал в ирландских газетах. — С его методами согласиться невозможно, однако считаю, что он доведен до крайности.

— Неужели? — вскинул брови Винсент.

— Когда в Ирландии не уродилась картошка, за пять лет от голода, дизентерии и тифа умерло не меньше миллиона ирландцев, потому что Англия не помогла республике зерном.

Я остановился, ожидая, когда до директора дойдут мои слова.

— Вместо этого зерно продали за границу, — мрачно подтвердил Винсент, и я кивнул.

— С точки зрения Луби, несчастья ирландцев на протяжении последнего столетия являются следствием политики полной ассимиляции, присоединения территорий и принуждения к повиновению, которую избрала Англия. Все это привело к нищете и насилию.

Директор со вздохом откинулся на спинку стула.

— Мне представляется позорным тот факт, что в основном трагедия республики связана с неверными методами управления, которые исповедуют представители наиболее славных английских семей. — Он удрученно покачал головой. — И все же я не могу смириться с террором, развязанным против жителей Лондона.

— Конечно, сэр.

Сложив пальцы домиком, Винсент поднес руки к подбородку.

— До сего дня Луби не сделал заявления относительно «Принцессы Алисы». Боюсь, он хранит молчание до тех пор, пока не завершит серию, ведь в таком случае его требования получат еще больший вес. Если Ситтингборн — первый эпизод, а «Принцесса» — второй, где же ждать третий?

— Все же не исключено, что крушение «Принцессы Алисы» — трагическая случайность. Динамит ведь не нашли...

— Он и не требовался, — перебил меня директор. — С Конвеем у руля «Замок Байуэлл» мог стать настоящей бомбой.

— Однако капитан настаивает, что их встреча с Конвеем в конторе начальника порта была стечением обстоятельств. Лоцман пришел за

расчетом за другой рейс. Как я могу сделать вывод, что Конвей — член Братства, пока с ним не поговорю? Пока мне вообще хоть что-то не будет о нем известно?

— Конвей наверняка понимает, что у нас имеются к нему вопросы, — заметил Винсент. — Признайте, тот факт, что он скрывается, будет истолкован далеко не в его пользу.

— Возможно, лоцман попал в госпиталь либо лежит дома, приходит в себя, а семья и не сообразила, что следует уведомить полицию.

Директор скептически усмехнулся.

— Как Конвей мог пострадать, будучи на углевозе? Насколько я понимаю, там даже толчка не ощутили.

— Он мог получить увечье уже после — например, во время спуска спасательных шлюпок. У нас ведь нет полного представления о том, что происходило той ночью.

Похоже, мне удалось посеять в Винсенте зерно сомнения, и я, приободрившись, продолжил:

— Так или иначе, мы его скоро разыщем, клянусь.

— Ну, удачи вам, — сказал директор, поднимаясь со стула.

— Спасибо, сэр.

Жилище Конвея оказалось маленьким и хорошо ухоженным. Находилось оно на коротенькой улочке, где было всего четыре дома. Я постучался, но безрезультатно. Обошел дом сзади, заглянул в окно. Впечатление такое, что хозяин отсутствует уже несколько дней.

Вернувшись к двери, я огляделся. Вокруг никого.

Винсент никогда не одобрил бы моих дальнейших действий. И любые улики, которые мне удастся обнаружить, в рапорт не включишь.

Вытащив из кармана набор отмычек, я выбрал две подходящие по форме и размеру и быстро открыл дверь. При падавшем из окон тусклом свете обыскал дом. Ни портмоне, ни денег — вообще ничего стоящего. Разве только кое-какая одежда, заставляющая предположить, что хозяин намерен вернуться.

Проклятье... Очень похоже на поспешное бегство.

Так я думал, пока не наткнулся на полочку у кровати, на которой в кожаной рамке стояла фотография молодой женщины. Рядом лежало золотое колечко и локон каштановых волос, перевязанный выцветшей

ленточкой. Взяв кольцо, я внимательно его изучил. Вряд ли мужское — слишком маленькое. Скорее всего, принадлежало покойной супруге.

Если, не приведи господь, умерла бы Белинда, я ни за что не оставил бы в доме памятные вещицы на время длительной отлучки.

Женщина на фотографии была хорошенькой. Каштановые волосы, милое лицо. На стекле ни пылинки, видимо, протирают его регулярно.

Я проникся уверенностью, что участие Конвея в бедствии на реке не было преднамеренным и заранее обдуманым, поскольку покинуть дом он явно не планировал. Если не погиб — значит, в госпитале или скрывается. А в самом деле, как он мог пострадать на борту углевоза? А если прячется, то почему? И от кого?

Глава 14

О встрече с Маккейбом в пятницу вечером я не забыл, однако, когда переделал все дела, уже пробило половину восьмого. Одет я был по-прежнему в штатское, однако дубинку прихватил, спрятав ее в специальный кармашек на брюках, а сверху прикрыв длинным плащом.

О'Хаган назначил встречу в пабе «Лодочник», и я прибыл туда в девятом часу. Старый ирландец уже сидел у очага в компании двух парней, которые напряглись при моем приближении к столу. Один что-то пробормотал сквозь зубы. О'Хаган на дюйм приподнял руку и опустил ее на стол, словно успокаивающий собак охотник.

Я осмотрелся. Атмосфера здесь царила приятная. В «Лодочнике» мне пару раз бывать приходилось. В задней его части имелась тихая комната, в которой можно переговорить без свидетелей, однако Маккейба тут наверняка не будет, поэтому шляпу я снимать не стал. Этот паб — место промежуточное. Главварь «Каменщиков» просто хотел убедиться, что я пришел один.

Остановившись у стола, я молча ждал, не выказывая признаков нетерпения. Страх и неуверенность всегда доставляли О'Хагану удовольствие, точно так же как и нервная дрожь его боксеров перед боем. Он подчеркнуто неторопливо допил свою пинту и поднялся. Я проследовал за ним через черный ход; парни потянулись за нами. Их тени на миг окружили меня и тут же исчезли в свете, падавшем из окон второго этажа. Мы пересекли переулок, затем узкий проезд, жилой двор, еще проезд. Места все были знакомые, и наконец наша компания остановилась на безымянном перекрестке, где сильно воняло протухшей рыбой.

О'Хаган молча протянул руку. Расстегнув плащ, я отдал ему дубинку и вытащил из ботинка маленький нож. Ирландец бросил оружие одному из сопровождающих и провел ладонями по моим бокам.

— Ради бога, О'Хаган, — вздохнул я.

Наконец он закончил обыск, и теперь уже я протянул руку, вызвав у него хриплый смех. Получив от него глухой черный капюшон, я

удовлетворенно улыбнулся: шляпу со специальными жесткими полями мне предсказуемо оставили, так что кое-какое оружие у меня имелось. Я натянул грубую ткань на голову, повернув капюшон так, чтобы шов не проходил через лицо, и перехватил шляпу в правую руку. Черная материя пахла дешевым табаком — явно ее на кого-то недавно надевали. Немного света сквозь нее все-таки просачивалось.

Зазвучали, удаляясь, шаги О'Хагана; парни подхватили меня под руки — видимо, чтобы не спотыкался — и повели вперед.

Сначала мы двигались по Беттс-элли — совсем узкому проходу между домами. Через тридцать шагов повернули направо, затем налево. Шли вперед, возвращались обратно и сделали столько поворотов, что я перестал их считать, сосредоточившись на доступных мне ощущениях. Сначала под ногами шли немощенные дорожки, потом начался булыжник, потом — снова утоптанная земля. Я принюхивался: запах подгоревшего хлеба, вонь кошачьей мочи, характерный аромат, который остается за телегой мусорщика. Наконец мои сопровождающие замедлили шаг, и нос мне забил едкий металлический запах. Узнать его потом будет несложно.

Я ощутил, как чужие руки на моих запястьях сжались сильнее. Парни напряглись, озираясь по сторонам. Мы стояли молча, ожидая бог весть чего — наверное, сигнала, что кругом спокойно, можно входить.

Я испытал странное нетерпение. Интересно получается: за пять лет службы в Скотланд-Ярде мне ни разу не доводилось увидеть лицом к лицу одну из самых одиозных личностей лондонского преступного мира. Никогда еще наши дорожки не пересекались. Понятно, что Маккейб прикладывал все усилия, чтобы держаться подальше от полиции, — потому мы мало что о нем знали. И все же я постарался вспомнить некоторые известные факты.

Джеймс Маккейб попал в Севен Дайлс со своим дедом, печально известным мошенником, заправлявшим сетью ростовщических контор и скупок краденого, где ворованные вещи можно было продать или вернуть законным хозяевам за вознаграждение. Об отце Маккейба я почти ничего не слышал, но после смерти деда юный Джеймс, решительный и предприимчивый молодой человек, расширил маленькую империю подпольных ломбардов, дешевых пансионатов, игорных домов, опиекурилен и боксерских клубов. Подчинялись ему и

фальшивомонетки, а вот с борделями Маккейб не связывался: ходили слухи, что его мать была проституткой, и с этой стороной жизни Джеймс ничего общего иметь не желал.

За последнее десятилетие клешни Маккейба дотянулись до Клеркенуэлла, квартала Святого Луки, Спиталфилдз и Уайтчепела. В своей преступной деятельности он руководствовался определенным кодексом. Люди понимали его требования, и до тех пор, пока им подчинялись, Маккейб не пытался их менять на свое усмотрение. Если кто-то осмеливался играть не по правилам, месть была быстрой и беспощадной: дома двурушников сгорали дотла, вора́м отрубали руки. Осведомителям всаживали нож в спину и оставляли валяться в переулках, набив рот перьями. В отличие от других лидеров преступного мира вроде Мерфи из Саутворка или Шелтона из Ламбета, ярость Маккейба никогда не выливалась в безрассудные вспышки. Он все просчитывал, и это качество, по моему мнению, делало его вдвойне опасным.

Откуда-то спереди раздался тихий свист, и парни еще крепче сжали мои руки. Мы двинулись вперед; я неуверенно заковылял по короткому, покрытому мелкой щебенкой спуску. Парень слева от меня дважды резко стукнул в деревянную дверь и со скрипом открыл ее внутрь. Меня толкнули за порог, дверь закрылась, и я содрал колпак с головы.

Маккейб стоял за столом в рубаше с закатанными рукавами, тяжело опираясь о спинку деревянного стула. Он был десятью или пятнадцатью годами меня старше и на несколько дюймов ниже, однако мощные плечи заставили меня вспомнить бои на ринге. Типичные синие ирландские глаза — как и у меня — смотрели из-под нависших век. Лицо бледное, едва ли не аристократически белое, словно на улице главарь «Каменщиков» появлялся крайне редко, а вот руки могучие и обветренные. Он указал мне на один из стульев напротив, и я различил на его ладони несколько шрамов.

Бывают ситуации, когда не догадываешься, что известно твоему собеседнику и что, по его мнению, знаешь ты. В подобных случаях я предпочитаю не брать слово первым.

Маккейб долго меня изучал — да сколько угодно! — и наконец слегка дернул левым глазом. На его лице появился слабый намек на улыбку.

— Чем могу вам помочь, мистер Маккейб? — наконец прервал я молчание.

— А ты чертовски вежлив, — хмыкнул он. — Так, значит, вас учат в Ярде?

— Почему бы мне и не быть вежливым? Мы сейчас просто два частных лица.

Маккейб хрипло фыркнул и, сложив руки на груди, уселся. Его улыбка исчезла.

— О'Хаган о тебе рассказывал.

— Полагаю, он немало обо мне знает.

Последовала короткая пауза.

— Знаешь, я ведь сам начинал звездобоем, — словно продолжая дружескую беседу, сказал Маккейб.

Его слова резанули меня ножом по сердцу. Откуда О'Хагану знать о том, как я воришкой вынимал стекла из окон? Господи, мне тогда едва исполнилось тринадцать, а в банде у Симмса таких мальчишек была сотня... С другой стороны, преступный мир Лондона — настоящая паутина разнообразных связей. Вполне возможно, что Симмс был знаком с О'Хаганом. С чего Маккейб заговорил о моем прошлом? Вот что самое главное. Видимо, хотел показать, как далеко способен запустить свои щупальца — не только в Уайтчепел, но и в мое детство.

Маккейб неторопливо отошел от стола, будто желая меня убедить, что не намерен причинять мне вред. Двигался он упруго и беззвучно, и все же в глаза бросалась легкая хромота — скорее всего, последствия старого ранения. Менее уверенный в себе человек постарался бы скрыть физический недостаток, но Маккейбу было все равно. Наконец он обернулся ко мне:

— Прости, если задерживаю.

— У меня есть время, — развел руками я.

— Знаешь, откуда я вообще взялся?

— Из Севен Дайлс, насколько мне известно.

— Да-да, только я не о месте, — криво ухмыльнулся Маккейб.

Я снова развел руками, показав, что внимательно его слушаю.

— Мой дед был мошенником. Слышал о нем?

Я издал неопределенный звук.

— Во времена первой профессиональной полиции, которая зародилась при мировом суде на Боу-стрит, он частенько ловил воришек и отпускал их за выкуп. — Маккейб скривился. — Дед уже тогда видел, насколько выгодно держать на коротком поводке воров и иметь прикормленных полицейских, скупки краденого, барыг и ростовщиков. А уж когда это все работает как единый механизм... Дед научил меня многому.

— А что отец? — любопытствовал я.

Он уселся, скрипнув стулом.

— Отец был жокеем. Упал с лошади. Умер рано, как и твой, когда я был еще совсем малышом.

Откуда он столько обо мне знает? Говорил ли я о судьбе отца О'Хагану? Может, и говорил... С другой стороны, Маккейб в курсе, что я жил у Дойлов. Логично предположить, что я сирота.

Он положил руки на стол и рассеянно растер суставы пальцев. Такое впечатление, что в разговоре со мной главарь «Каменщиков» пробирался на ощупь, словно по темному переулку, когда стараешься не торопиться, чтобы не угодить в яму.

— Ты ведь сейчас не в Ярде?

— Нет, в Уоппинге. Во всяком случае, на какое-то время. Там потребовался исполняющий обязанности.

Маккейб дернул уголком рта — видно, до него дошли слухи о позорной отставке Блэра.

— Некоторое время назад в Уайтчепеле была стрельба, шалили русские. Слыхал?

— Да, знаю.

— Они потихоньку перебираются к нам — русские, поляки... Люди из далеких, загадочных мест.

Неужели Маккейб винит русских и поляков в смерти своих людей? Интересно...

— Тебе нужны их имена?

— Если вы желаете, чтобы я знал, то пожалуйста.

— Убитого звали Йовановичем. А пристрелил его Бельский. — Маккейб поджал губы. — Высокий парень, хоть и ниже тебя. Высокий и худой. Волосы черные, карие глаза, примерно твоего возраста. Мощный подбородок, на щеке шрам.

— Полагаете, он убил и каменщиков?

— Да нет, — протянул он. — Просто передай своим дружкам в Ярде. Если Бельский устраивает тут заварухи, я за него отвечать не собираюсь.

— Хорошо, — ответил я. — Передам.

Маккейб отвел взгляд, затем снова посмотрел на меня.

— А что говорят в Ярде насчет трех моих парней?

Стало быть, с понедельника здесь произошло еще одно убийство...

— О'Хаган упоминал о двух, да и о тех я ничего толком не знаю.

— Совсем ничего? — недоверчиво прищурился он.

— Я ведь в Ярде не показывался уже три месяца. Там двадцать инспекторов, и у каждого по тридцать дел на руках. Откуда мне знать об этих убийствах? Да и занят я был последнее время по уши. Если хотите что-то выяснить, выражайтесь яснее.

Маккейб пожал плечами, словно соглашаясь.

— За последние две недели пристрелили троих. Может, это ребята из Ярда орудуют?

Я не стал изображать из себя оскорбленного.

— Понимаю, что вы не можете забыть Клеркенеуэлл. Но сейчас у руля Скотланд-Ярда новый человек — директор Винсент. Он законы чтит и никогда не допустит, чтобы люди из Ярда кого-то убивали. Такие фокусники тут же попадут под арест.

По лицу Маккейба пробежала и тут же исчезла скептическая улыбка.

— Винсент — человек чести, но даже если бы это было не так, он все равно не может позволить случиться еще одному скандалу.

Подобную логику главарь шайки понимал вполне. Немного поразмыслив, он сказал:

— Есть тут человек... Говорит, что видел, как инспектора Ярда прикончили одного из троих.

Хм. Свидетель? Меня пронзило ужасное предчувствие. Еще и не один инспектор, а несколько? Я откинулся на спинку стула.

Маккейб задрал подбородок и глянул на меня сверху вниз.

— А ты, значит, считаешь, что это русские решили выкурить меня из Уайтчепела?

Судя по тону Маккейба, мне устроили небольшое испытание. Похоже, он хотел проверить, ухвачусь ли я за шанс отвести подозрения

от Скотланд-Ярда. Говорить о том, что Стайлз уже присматривается к русским, я не стал и лишь покачал головой.

— Не хочу строить догадки, которые могут ввести вас в заблуждение.

Он удовлетворенно кивнул.

— У меня есть причины не доверять парню, который наплел мне про людей из Ярда.

— Он из «каменщиков»?

Маккейб неопределенно хмыкнул, и его горькая улыбка пробудила мое любопытство. То есть этот человек отделился от «Каменщиков»? В банде случился раскол? Или кто-то из молодых вильнул хвостом?

— Как его зовут? — небрежно спросил я, стараясь не выдать своего интереса.

— Финн Райли.

Маккейб не сводил с меня пристального взгляда, но мне не было смысла изображать равнодушие. Имя звучало знакомо, однако мало ли Райли в Уайтчепеле?

— О'Хаган говорит, что первых двоих нашли на Бойд и Фолгейт, — заговорил я. — А где убили третьего?

— На Дил-стрит.

— Как их звали?

Он заколебался, взвешивая, стоит ли мне доверять, и пожал плечами.

— Шон Дун и Том О'Фаррелл. — Маккейб откашлялся, словно второе имя далось ему тяжелее первого. — Третий — Иан Двайер.

Третье имя мне ни о чем не говорило.

— Когда прикончили Двайера?

— Два дня назад.

— Как именно их убили? Сколько было выстрелов?

— Каждый из троих получил по одной пуле в затылок. — Маккейб нахмурился. — Вот что я тебе еще скажу: говорят, в Уайтчепел всю везут оружие. Десятки стволов.

Я помрачнел.

— Решил, что тебя это может заинтересовать. — Он уперся мощными локтями в столешницу. — Я это оружие не заказывал. Пистолеты — такая же головная боль для меня, как и для Ярда.

— Согласен. Откуда идет оружие, как думаете?

— Не могу сказать, — вздохнул Маккейб.

— Сообщи коллегам, — пообещал я.

— Спасибо, Микки, — с легким презрением пробурчал он, словно ожидал от меня более решительных действий. — Ты уж передай.

Уже третий раз он дал мне понять, что неплохо меня знает, и сейчас я занервничал больше, чем в начале разговора. Все же после того, как я сделал отсюда ноги, имя «Микки» навсегда осталось в Уайтчепеле.

Маккейб полуприкрыл глаза, хотя взгляд его остался суровым, и перевернул руку ладонью кверху, как делал уже два раза. Мне сразу пришли на ум ирландские истории, которые любила рассказывать ма Дойл: сказочных великанов всегда удавалось победить с третьей попытки. Наконец главарь «Каменщиков» слегка дернул подбородком.

Понятно, аудиенция окончена. Я встал и постучал в дверь. Как только ее открыли, надвинул на глаза капюшон.

За моей спиной щелкнул замок, и мы снова вышли на холодную улицу. Парни О'Хагана почти полмили вели меня, не говоря ни слова. Мы снова совершили целую серию поворотов. Наконец колпак скинули, дубинку и нож молча вернули, и оба моих сопровождающих растаяли в уличных тенях.

Я приспособил оружие на положенное ему место и глянул на небо. Прямо над головой взошел серебристый месяц, напомнив мне металлическую чашу на портовых весах. Затем луну закрыло облако; стало темно.

Меня страшно беспокоила возможность обвинения Ярда в убийствах. Оставалось лишь надеяться, что мне удалось убедить Маккейба в том, что Райли ошибается. Если же он остался при своем мнении и «Каменщики» нанесут ответный удар, то Скотланд-Ярд тут же закрутит гайки: начнется уничтожение и аресты бандитов, как случилось четыре года назад в Саутворке с бандой Мерфи.

Что-то еще меня встревожило в последних словах Маккейба. Прокрутив в голове последние реплики, я понял, что именно. Он сказал «Микки»...

О'Хаган обычно обращался ко мне по фамилии, точно так же, как и ребята в порту. Уменьшительное имя было в ходу лишь в доме Дойлов. Так звал меня Колин с тех пор, как избавился от детских дефектов речи — раньше звук «к» ему не давался.

Мое сердце сбилось с ритма и глухо застучало в грудной клетке.

Стало быть, Маккейб дал мне понять, что знает Колина, причем настолько близко, что ему известно, как меня звали дома. Значит, Колин теперь больше предан главарю «Каменщиков мыса», чем мне.

Сознавать это было больно, и я предпочел загнать тревожную мысль поглубже.

Надо найти Колина.

Надо понять, насколько глубоко он увяз в бандитском болоте.

Глава 15

В «Лодочнике» было куда более оживленно, чем пару часов назад.

О'Хаган теперь сидел за другим столом, перекидываясь в картишки. Поймав его взгляд, я мотнул головой, приглашая на разговор без свидетелей. Сперва мне показалось, что старый черт откажется, однако он поднялся, оставив на столе кружку с элем, и направился ко мне.

— Где Колин? — спросил я.

— Откуда мне знать... — Он потер свой красный нос. — Разговаривал с Маккейбом?

Я кивнул, и О'Хаган бросил на меня заинтересованный взгляд, вопросительно приподняв брови. Я не стал ходить вокруг да около.

— Если Маккейб захочет, чтобы ты узнал о нашем разговоре, он тебе сам все расскажет. Так где все-таки Колин?

— Я ему не нянька, — хмыкнул О'Хаган. — Может, он не желает, чтобы ты его нашел.

— Колин — моя семья. Я за него в ответе.

— Парню почти двадцать!

— Скажи мне, где он, или я заявлю Маккейбу, что отказываюсь от сделки.

О'Хаган зыркнул на меня, скрестив руки на груди.

— Попробуй зайти к Пинтону. Там сегодня играют.

У меня по спине пробежал холодок. Кивнув, я вышел на улицу. В пабе «У Пинтона» на втором этаже имелся серьезный игровой зал. Там работали шулеры, которые заманивали новых игроков в ловушку, дав им выиграть в нескольких партиях, а потом раздевали бедняг до нитки. Я знал нескольких человек, которым приходилось занимать деньги у ростовщиков на Чипуэлл-стрит после пары-тройки вечеров, проведенных у Пинтона. Какого дьявола делает там Колин?

Толкнув дверь паба, я направился к черной лестнице. У ее подножия, словно сторожевые псы, стояли двое крупных парней, потягивая из кружек эль. Заметив постороннего, один из них шагнул вперед, готовясь развернуть меня обратно.

Держа руки в карманах пальто, я остановился в нескольких футах от здоровяка.

— Я не буду подниматься наверх. Мне просто нужно поговорить с Колином Дойлом. — Я перевел взгляд с одного громилы на другого. — Никому доставлять неприятностей не собираюсь, мы просто когда-то жили вместе. Меня зовут Микки Корраван.

— Гляну, здесь ли он, — буркнул парень, передав свою кружку приятелю.

Через несколько минут он вернулся вместе с Колином, и мы, не сговариваясь, отошли в тихий угол.

— Встречался с О'Хаганом? — небрежно спросил он, словно разговаривал о пустяках.

— Встречался. — За одним из столов раздались крики, однако мне было не до этого. — Оказалось, что со мной желает поговорить Маккейб. Беседа получилась довольно интересная.

Колин по-прежнему смотрел равнодушно, однако по его лицу промелькнула тень. То ли вина, то ли тревога...

— И давно ты с ним якшаешься? — тихо осведомился я.

— Кто это сказал? — сердито глянул на меня мальчишка.

— Маккейб знает, что я когда-то был звездобоем.

— Наверное, О'Хаган ему сболтнул, — поморщился Колин.

— Он назвал меня «Микки», — перебил я. Лицо Колина изменилось, и гримаса сожаления заставила его на короткий миг превратиться в прежнего мальчишку. Я заговорил мягче: — У меня не осталось сомнений, что Маккейб слышал это от тебя.

Его глаза забегали, и парочка у лестницы, похоже, заинтересовалась нашим разговором. Положив руку парню на плечо, я предложил:

— Давай выйдем на улицу.

Мы остановились в нескольких футах от входа, подальше от окна. Холодный ветер разметал волосы Колина, открыв бледный лоб.

— Ну и какие задания ты для него выполняешь?

Потупившись, Колин пошаркал ногой, затем привалился к кирпичной стене.

— Господи... — раздраженно пробормотал я. — Просто расскажи, никто ведь не собирается на тебя кричать, хотя твоя глупость того заслуживает.

Он гордо поднял голову, и все признаки стыда и раскаяния исчезли из его взгляда. Глаза блеснули в свете, падавшем из окна соседнего дома, и Колин выпалил:

— Какое ты вообще имеешь право на меня кричать? С чего ты взял, что можешь меня упрекать?

— Ради бога, Колин, ты ведь мне как брат. Ближе вас у меня никого нет.

Он упрямо отвернулся, и я тихо застонал.

— О чем ты только думаешь? Как ты мог связаться с подобными людьми?

— Странно слышать это от тебя, — парировал Колин. — Не ты ли почти год боксировал в клубе О'Хагана?

Я фыркнул.

— С каких пор ты решил делать глупости только потому, что когда-то так же поступил я?

По его лицу пробежала тень неуверенности, быстро сменившись раздраженной ухмылкой.

— Значит, когда глупости совершаешь ты — это ничего особенного, а если дело касается маленького Колина — следует бить тревогу?

Не потрудившись ответить на его вопрос, я проговорил:

— Тебе вообще не следовало...

— А что было делать после того, как ты ушел? — отрезал он.

Я молча вытаращился на мальчишку. Слова словами, но горечь, прозвучавшая в его тоне, похоже, копилась годами. Меня словно холодной рукой схватили за сердце. Очевидно, у Колина была причина для обиды. Я отступил на шаг: надо дать ему выговориться.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты сбежал, и мы лишились денег, в которых нуждались. Почему ты о нас не подумал?

— Там было два фунта и двенадцать шиллингов, и я отдал их в течение года!

— Я не об этом! — скривился Колин. — Ты ведь зарабатывал в боксерском зале и в порту! А у нас протекала крыша. Шон и Пэдди Бирны помогли нам ее починить, а за ремонт заплатить оказалось нечем. Они высмеивали меня несколько месяцев, пока мы не оплатили их работу. — Он тяжело сглотнул, словно его до сих пор душил

давнишний позор. — Кроме того, ма откладывала деньги на запас товаров, а оказалось, что накоплений не хватает. Ей пришлось занимать под проценты у ростовщика с Чипуэлл-стрит. Сам понимаешь, что это за люди. Мы выпутывались из долгов несколько лет.

Ма о тех затруднениях не говорила мне ни слова. Даже не намекала. Впрочем, ничего удивительного — она не желала, чтобы я чувствовал себя виноватым.

— Понятия об этом не имел, — с трудом выдавил я.

— Разумеется! — презрительно бросил Колин. — Ты ведь ушел не оглядываясь. Похоже, плевать хотел на то, что с нами будет.

Я поежился, и дело было не в сыром ночном ветре.

— Это неправда, Колин... Я вспоминал о доме каждую ночь! Как ты можешь такое говорить?

Он пожал плечами и отвел глаза.

— Нам не показалось, что ты о нас думал.

Мне вдруг стало нехорошо; перехватило дыхание, как будто меня ударили в солнечное сплетение. Ладно, с этим разберемся позже. Сейчас главная задача — убедить Колина в том, что у него есть иные возможности, что я могу ему помочь найти себя в жизни.

— Что бы я ни натворил в молодости, работа на О'Хагана и Маккейба — это большая ошибка, Колин.

Он оттолкнулся от стены.

— Меня ждут.

— Погоди... — Я решил сделать еще одну попытку. — Чем он заставляет тебя заниматься? Сбором выручки?

— Какая разница?

— Не хочу, чтобы твой труп нашли в подворотне.

— Ты имеешь в виду — как Пэта? — процедил Колин.

Пэт... Прикрыв глаза, я мысленно перед ним извинился за то, что недосмотрел за Колином.

— Ну что, наконец понял, кто во всем виноват? — выпалил парнишка. — Вижу, что дошло...

— Ты о его смерти? Господи, Колин... Как ты смеешь меня за это винить! Меня ведь там не было, я вообще в Уайтчепел не совался несколько лет!

— Вот именно! — взорвался он. — Не сбеги ты, Пэт остался бы жив. Он никогда не связался бы с теми людьми!

— Он ведь сам выбрал свою судьбу!

— Нет, Микки! Это ты не оставил ему выбора. Сам знаешь, как бывает в доках. Там в одиночку делать нечего.

— Но... в порту ведь были и другие ирландцы! — запротестовал я. — Чем я помог бы Пэту? Тем, что остался бы и умер в каком-нибудь богом забытом переулке?

Колин недоверчиво покачал головой.

— О'Хаган тебя не убил бы. Он говорит, что готов был дать тебе шанс объясниться.

— Это он тебе так говорит. А ты, значит, и уши развесил?

— Я ему верю.

— А вот я поверил ма. Она в тот день прибежала в порт, сказала: О'Хаган подозревает, что я навел на него полицию. Настаивала, что мне нужно бежать. И я ушел.

Колин сжал губы в жесткую линию.

— И у тебя все получилось, правда? — хмыкнул он, словно меня беспокоила только моя участь, и сделал шаг к двери паба.

Я вытянул руку, пытаясь его задержать.

— Колин, я могу вырвать тебя из лап Маккейба, из Уайтчепела. У тебя еще есть возможность. Можешь меня ненавидеть сколько угодно, но смири свою гордыню: ты допустил ошибку и пока можешь все изменить.

Колин увернулся от моих рук и бросил через плечо:

— Не надо обо мне беспокоиться!

Он не пытался меня уговаривать. Сказал — как отрезал. Колин не желал моей помощи ни под каким видом.

— Подожди! Я просто...

Он даже не обернулся. Открылась дверь; изнутри донеслись голоса и взрывы хохота. Щелкнул язычок замка, и я остался в одиночестве. С минуту постоял в растерянности, рассматривая показавшийся в окне силуэт Колина, его упавшие на лоб темные волосы и крепкую фигуру.

На сердце залег камень, и я пошел прочь.

По пути домой не раз ловил себя на том, что останавливаюсь за поворотами, а порой смотрю в витрины или оглядываюсь через плечо.

Было чувство, что за мной следят, и оно меня не покидало, пока я не добрался до своего жилища. Даже у собственной двери остановился еще раз, окинул взглядом пустую улицу и наконец вставил ключ в замочную скважину.

Все-таки никто за мной не шел.

Возможно, на темных лондонских улицах меня преследовало мое прошлое. Напоминало, что оно никуда не делось.

Глава 16

Проснулся я со страхом, давившим на грудь, словно мешок с зерном. Такое уже бывало, и не раз, хотя в основном подобные чувства возникали в связи с очередным делом.

Из дома я вышел в дурном настроении и поднял руку, останавливая кэб. Кэбмен притормозил, однако, глянув на меня, покачал головой и поехал дальше. Что за дьявол? Насупившись, я двинулся пешком к Уингейт-стрит, где всегда стояла длинная вереница свободных кэбов. По дороге мне встретился жующий булочку мальчишка-газетчик. Сунув ему монетку, я взял «Стэндард», забрался в кэб и прочел заголовок на первой полосе:

Человек из Ирландского братства у штурвала «Замка Байуэлл»!

Лондон ждут новые акты террора!

Кэб потряхивало на неровной мостовой, и разобрать мелкий шрифт не было никакой возможности, так что я крикнул кэбмену остановиться. Тот, похоже, меня не слышал. Пришлось рывкнуть:

— Останови кэб, черт тебя побери!

Он натянул поводья, и я быстро пробежал глазами три абзаца, выхватывая наиболее важные строки.

Тимоти Луби хранит упорное молчание по поводу атак Ирландского республиканского братства. Однако из анонимного сообщения, доставленного в редакции газет, стало известно, что ИРБ использовало взрывы в Эдинбурге в марте 1877-го в качестве подготовки к нападению на Лондон.

Джон Конвей, лоцман «Замка Байуэлл», является членом ИРБ. Его имя не раз встречалось в регистрационных книгах Братства, в которых записывают участников его собраний.

Мы уже убедились, что Братство не ограничивается одним нападением; за ним каждый раз следуют новые. Раскаяния от ИРБ ожидать не следует.

Я побледнел и, чувствуя, как затряслись руки, крикнул кэбмену:

— Поехали!

— Слушаюсь, сэр, — раздался грубый голос сверху, и колеса кэба снова загрохотали по булыжнику.

Я сильно сомневался, что кто-то умудрился задать Луби вопрос насчет последних событий. Скорее всего, местонахождение его неизвестно. «Анонимное сообщение» с его паническими догадками во внимание принимать не стоило. Последние строки — глупость, явно рассчитанная на сенсацию и возбуждение в лондонцах чувства страха. А вот упоминание о Джоне Конвее я перечитал еще раз.

В Лондоне наверняка проживает не один человек с таким именем. Однако где газетчики узнали, как зовут лоцмана? Гаррисон им не рассказал бы. От Перселла?

Я застонал. Отмахнуться от факта таинственного отсутствия Конвея невозможно. Как бы ни была мне противна эта мысль, разумно предположить, что лоцман — член Братства. Вероятно, скрывается, чувствуя свою вину в гибели шестисот невинных человек.

Закрыв глаза, я припомнил его дом: аккуратно прибранное жилище вдовца с портретом покойной жены на полочке.

С другой стороны, кто сказал, что дама на фотографии — супруга Конвея? Да пусть даже так — однако она умерла, и, возможно, утрата свела лоцмана с ума, хотя безумие свое он тщательно скрывал. Может, ее убили? Тогда Конвей мог возненавидеть англичан, а особенно лондонцев. Или, допустим, он истово верил в цели ИРБ в части возрождения автономии республики.

Что толку гадать? Конвея надо найти — вот и все.

Субботнее утро я посвятил поиску тела лоцмана «Замка Байуэлл» среди мертвецов в ангаре газового завода. Потом перебрался через реку и посетил мастерские «Карстейрс», где трупы были выложены в длинном бараке без окон, наполненном запахами разлагающейся плоти. Бродить среди мертвых тел — то еще занятие, однако Конвей нужен был мне позарез, и следовало убедиться, что он остался в живых. Цвет волос лоцмана существенно облегчал поиски. Я нашел лишь двух покойников с ярко-рыжими шевелюрами: женщину и ребенка лет восьми. Комитет по крушениям почти справился с задачей

извлечения трупов из реки, на что ушло четыре дня. Закончив осмотр, я получил более-менее твердую уверенность, что Конвей жив.

Дальше мне предстояло отправиться по госпиталям. Подобных заведений в Лондоне десятки, и я начал с южного берега, раз уж меня сюда занесло. Первое из них находилось в полумиле от мастерских. Пострадавших, соответствовавших моему описанию, у них не было, зато мне дали адреса еще восьми госпиталей на этой стороне реки, куда доставляли людей после крушения. Ни в одном из них Конвея обнаружить не удалось. Со вторника рыжих ирландцев здесь не принимали и не выписывали.

Солнце уже клонилось к горизонту, на улицы упала вечерняя тень, и я решил прекратить свою экспедицию. День получился долгим, изматывающим, и все же я не мог отправиться домой, не навестив ма Дойл. Следовало поговорить с ней насчет Колина, выяснить, что ей известно. Вдруг мы вместе сумеем найти способ убедить мальчишку, что я способен вызволить его из лап Маккейба?

С самого утра, путешествуя по городу, я прокручивал в голове его слова и гримасы, толковал наш разговор и так, и этак. Как я сам на месте Колина воспринял бы свой побег из Уайтчепела? Что произошло за то время, пока меня здесь не было? Я помнил Колина жизнерадостным плутоватым ребенком. Почему все так изменилось? Конечно, за эти годы я видел его множество раз, но так и не удосужился обратить внимание на копившуюся в нем горечь.

Поднявшись по лестнице к черному ходу, я постучался, но мне никто не открыл. Достав свой ключ, отомкнул замок и толкнул дверь, однако та даже не дрогнула — похоже, изнутри ее чем-то подперли.

— Ма! Элси! С вами все в порядке?

— Иду, иду, Микки! — раздался голос девушки.

Через секунду за дверью что-то заскрежетало, и вход освободился.

Перешагнув порог, я указал на отставленный в сторону стул.

— Это еще зачем?

— Я сегодня одна дома, — пожала плечами Элси, — поэтому заклинила ручку для спокойствия.

— Его что-то могло нарушить? — озадаченно глянул на девушку я.

— Обычная предосторожность.

Я снял пальто и бросил его на стул.

— Где ма?

— Пошла в гости к миссис Маккиббен.

Элси добавила угля в печку.

Хм. Конвея я не нашел, а теперь и ма не застал дома. Что за день такой...

— Чайку? — спросила через плечо Элси. — Боюсь, у нас нет этой горькой гадости, которую ты обычно пьешь.

— От чая не откажусь, — с улыбкой ответил я. — Когда я отказывался?

Элси сверкнула ответной улыбкой и потянулась за чайником. Захлопотала, заваривая чай и расставляя чашки, и все же я заметил, что она искоса на меня поглядывает. А может, и ничего, что ма нет дома... Элси — девушка наблюдательная и практичная, вся в мать, и наверняка о брате-близнеце знает побольше. Ма ведь прошлый раз упомянула, что Колин больше общается именно с сестрой.

Я выдвинул стул. Заметил, что шатающуюся ножку так никто и не починил, и на всякий случай поменял его на другой, крепкий.

— Элси, я вчера вечером видел Колина.

— Неужели?

Она заперла дверь и уселась напротив.

— Нашел его у Пинтона.

Лицо девушки омрачилось.

— Часто он там бывает?

Ее лоб прорезала вертикальная морщинка — в точности как у ма.

— Не знаю, где он проводит время, Микки. Дома появляется редко, иногда даже ночевать не приходит. Значит, говоришь, у Пинтона? — Элси вздохнула. — Я подозревала, что Колин играет. В прошлом месяце он дал ма денег и... хм...

Я понял, о чем она думала. Денег было больше, чем Колин мог заработать.

Другое дело, что источником дохода игру в кабаке считать нельзя, как бы ни был умен Колин. Если он просто собирал выручку с заведений Маккейба, подобным занятием много не заработаешь. Где же он брал деньги? Я почувствовал укол страха.

Боже, надеюсь, Колин не обсчитывает Маккейба... Этак он подпишет себе смертный приговор.

Я заговорил как можно более непринужденно:

— Ма говорила, что Колин всего день-два в неделю работает на доках. Кажется, его постоянное место там занял другой человек.

— Какой там день-два... — усмехнулась Элси.

— Хочешь сказать, что он вообще лишился работы?

Если так, неудивительно, что мальчишка связался с О'Хаганом и Маккейбом.

— Ма ничего не знает, но на доках его нанять отказались.

— За драку? — догадался я.

— Колин кого-то там ткнул ножом. Говорят, этот человек попал в госпиталь.

Я припомнил синяк на его щеке.

— Поэтому вы и ссорились в воскресенье? Мне показалось, что ты его отчитывала.

— Да нет...

Чайник издал низкий свисток, и Элси, обернув его ручку сложенным вдвое полотенцем, залила кипяток в заварку.

— Он пытался меня поучать, а я этого терпеть не могу.

— Насчет чего он тебя поучал?

— Настаивал, что вместо Имана мне следует встречаться с одним его дружкой. Еще чего! Этот парень — мерзкий тип.

— А Иман тебе нравится, я не ошибаюсь? А ты ему?

Элси кивнула, и ее черты сразу смягчились, сказав мне о многом.

— Только Колин его недолюбливает, — продолжил я.

Девушка сверкнула глазами.

— Говорит, что Иман скучен, как телеграфный столб, но это неправда! Я сказала Колину: если под скукой он имеет в виду надежность и порядочность, то ему самому не помешало бы хоть немного такой скуки.

Я тут же представил, как Колина задела ее слова.

Она разлила чай.

— Братцу хочется быть в самой гуще событий. Желает чувствовать себя важной фигурой.

— Это я уже понял.

А ведь Элси права. Желания Колина она угадала точно.

Девушка добавила в мою чашку молока и придвинула ее ко мне вместе с блюдечком. Я сделал глоток. Чай был крепким — в самый раз.

Элси откинулась на спинку стула, покусывая ноготь большого пальца. Похоже, еще не выговорила — надо просто подождать. Я поставил чашку, и блюдце тихо звякнуло — привычный, знакомый звук, который я слышал в этом доме сотни раз. За моим плечом встал призрак Пэта. Я услышал, как наяву, его смех и скрип отодвигаемого им стула.

— Пэт очень тяжело воспринял твой побег, — нарушила тишину Элси. Я глянул на нее; девушка смотрела мне прямо в глаза. — Но Колин переживал еще больше.

— Еще больше? — недоверчиво повторил я. — Но ведь он был совсем ребенком.

— О чем ты говоришь, Микки! — Элси бросила на меня недоуменный взгляд.

Я озадаченно примолк, а она всплеснула руками — точь-в-точь как ма.

— Он тебя боготворил! Господи, Микки... Неужели ты этого так и не понял?

Я в замешательстве уставился на нее.

— Он воображал, что его имя — просто сокращение от «Корраван», — продолжила девушка, перевернув руки ладонками вверх, словно изображая чаши весов. — Колин наблюдал, как ты строгаешь дерево, а потом от него приходилось прятать все ножи в доме, иначе он искромсал бы себе пальцы. Когда ты приходил домой перевязанный после бокса, Колин тоже требовал, чтобы ему наложили повязку. Разве не помнишь? — Она удивленно округлила глаза. — Я сама была еще малышкой, но помню все прекрасно.

Я помотал головой, словно пытаюсь прийти в себя после удара. Встав из-за стола, подошел к окну. С улицы просачивался холодный воздух, и я несколько раз глубоко вдохнул, избавляясь от зародившегося в груди горячего стыда. Прикрыл глаза и услышал эхо гордого мальчишеского голоса Колина: «Видишь, Микки? Я тоже потерял пуговицу с рубахи!» Я тогда ответил: «Знаешь, нам обоим следует быть более внимательными. Бедной Элси теперь придется пришивать новые».

Открыв глаза, я бросил взгляд на зубчатую линию крыш за окном.

— Ма рассказывала ему, что заставило меня бежать?

— Конечно, нет, — горько усмехнулась девушка. — Брат не умел хранить секреты даже ради собственной безопасности. Он ведь болтал

с кем угодно, мог, например, рассказать, где ма прячет дневную выручку. С него глаз нельзя было спускать.

Я вспомнил чистый, открытый взгляд Колина. Мальчишка настолько доверял людям, что без задней мысли общался с любым встреченным на улице незнакомцем. В то время я списывал его доверчивость на природное дружелюбие, но, вполне возможно, Колин и вправду желал чувствовать свою значимость.

— Да, я помню, Элси.

— О'Хаган не должен был услышать, что мы помогли тебе уйти, — продолжила она. — Он сразу решил бы, что мы знаем, где ты скрываешься. Колин тогда приставал к ма весь вечер, и она наконец сказала, что тебе просто надоело работать в порту. Куда ты ушел, она, мол, не знает, но наверняка ты пришьешь весточку после того, как устроишься.

— Что он ответил? — обернулся я к Элси.

Она глянула на меня с сожалением, словно решала, стоит ли рассказывать, но я не сводил с нее глаз.

— Ничего. Вообще ничего не сказал. Потом я слышала, как он плакал ночью в постели. И не один раз, Микки...

Значит, мы с ним оба чувствовали себя несчастными первое время после моего побега.

Мои мысли перенеслись в тот день, когда мы вновь увиделись с Колином. О'Хаган выяснил, что полицию на боксерский клуб навел не я, и заявил, что не будет меня преследовать, если мне вздумается вернуться. Я тогда сразу прибежал к Дойлам, и ма с Пэтом и Элси бросились меня обнимать прямо у порога. Колин же сидел на стуле у очага, выстругивая себе свисток или что-то в этом роде. Я вытащил из кармана полицейскую трещотку — думал, ему понравится. Мальчик взял ее, пару раз потряхнул и, поблагодарив, вернулся к своей поделке. Я взъерошил его волосы, полагая, что он просто увлекся. А на самом деле получается, что его деланое равнодушие было признаком глубокой обиды.

Я вспомнил вчерашний разговор с Колином. Похоже, мальчишка по-своему, окольными путями, намекал, что я уделял ему недостаточно внимания. Тут не поспоришь. Вот только какой период он имел в виду — свое детство? Или последнее время?

Вернувшись к столу, я поднял чашку. Чай уже остыл, но горький привкус во рту удалось заглушить.

— А ты что знала о моем уходе?

— Ну, я — другое дело. Я ведь была здесь, когда все случилось. Мы с ма стояли в лавочке за прилавком, а потом пришла миссис Мерфи с новостями.

Я смутно вспомнил тучную женщину с туго закрученным на затылке пучком темно-рыжих волос.

— Она сказала ма: «Мэри, в заведении О'Хагана вчера вечером прошла облава, и теперь его люди разыскивают Микки». — Элси нервно крутила завязку своего передника, пока не скатала ее в тугой клубок. — Я-то была еще маленькой, а ма тут же поняла, что это значит. Она побледнела, испугалась, и до меня дошло: случилось что-то очень плохое. Но ты ее знаешь. Ма быстро приняла решение — попросила миссис Мерфи присмотреть за лавкой, а сама полезла в кассу, достала деньги и на секунду замерла. Наверное, опечалилась, что там не слишком много.

У меня в горле встал комок, и я, дважды сглотнув, выдавил:

— Там было достаточно. Более чем достаточно...

— Ну вот, она схватила меня за руку и потащила наверх. Сказала собрать твои вещи и сложить их в мешок, который лежал у нее под кроватью. Я быстро содрала твою одежду с крючков и свернула ее аккуратно, как могла. Еще помню, как подумала: хорошо, что сегодня понедельник — все еще чистое после субботней стирки. Вытащила твой нож из-за сундука и бросила его на дно мешка. Ма тем временем завернула тебе еду и положила ее сверху.

Я мысленно представил себе эту сцену: ма Дойл проворно режет сыр и хлеб длинным ножом и закликает Элси поторапливаться.

— Я спросила, все ли с тобой будет нормально, и она замерла вот здесь. — Элси указала на конец стола. — Приложила руки к животу, будто вдруг почувствовала себя плохо. «Господь защитит Микки, — сказала она, — но мы тоже должны ему помочь».

Элси криво улыбнулась, от чего у нее на щеках образовались ямочки.

— Не знаю, кому ма собиралась помочь — тебе или Господу, но, похоже, до нее дошло, что мне обязательно нужно объяснить, в чем тут дело. Я ведь могла к кому-нибудь пристать с расспросами, если она

промолчала бы. Она спросила, помню ли я, как ты рассказывал про О'Хагана. Я ответила, что да, помню. Ма прошептала, что тот хотел заставить тебя делать очень плохие вещи, а ты отказался. Тогда О'Хаган разозлился, поэтому тебе и приходится бежать. Конечно, это была лишь часть правды, но мне этого вполне хватило.

В глазах Элси заплескалась печаль.

— Я знала, что ты боксировал в его клубе, и думала, что вы друзья, но ма сказала: «О'Хаган ни с кем не дружит. Он — настоящая змея». Посмотрев ей в лицо, я поняла, что тебя убьют, если ты не скроешься.

Она тяжело вздохнула.

— Потом она взяла меня за плечи, глянула мне в глаза и заявила, что ты не хочешь нас покидать, но такова судьба. На время тебе придется уйти, и нам не следует из-за этого грустить и не нужно на тебя злиться. А еще никому нельзя рассказывать, что мы слышали про облаву и помогли тебе убежать. Особенно Колину. — Элси перевела взгляд на шкаф у плиты. — Ма нашла пару старых папиных ботинок, сказала, что они придутся тебе как раз впору, а у моих братьев нога меньше.

Я вспомнил эти ботинки. Коричневые, с хорошей толстой подошвой. Мне еще тогда подумалось — откуда они вдруг взялись? Я давно о них забыл. Ботинки сто лет как пришли в негодность — сначала появились дырки на подошвах, а потом, когда они стали тесны, разошлись швы.

— Она дала мне деньги, которые на самом деле не могла себе позволить отдать, — пробормотал я.

— Ага, и еще забрала у меня семь пенсов, которые я заработала вышивкой, — улыбнулась Элси. — Можешь теперь меня поблагодарить.

Она шутила, но в глазах у меня запекло так, что пришлось отвернуться и долить кипятка в заварочный чайник. Девушка с сожалением хмыкнула:

— Я шучу, Микки. Очень рада, что смогла поучаствовать, тем более ма утверждала, что мои семь пенсов тебе обязательно помогут. Так что я была очень горда.

Совершенно в стиле ма: она всегда давала понять, что видит твой вклад в общее дело, и всех нас в таких случаях и впрямь переполняла

гордость.

— Потом она оставила меня с миссис Мерфи и побежала искать тебя в доках, — завершила свой рассказ Элси.

Я снова вернул чайник на плиту, а заварку поставил на стол.

— Каким же я был глупцом! Даже представить себе не мог, как тяжело вам дался мой побег. Мне чертовски жаль, Элси...

— Не надо, Микки, — возразила она. — Твоей вины тут нет. Ты всего лишь послушался ма. — В ее голосе звучало сожаление. — Она говорила, что ее рассказ в порту заставил тебя испугаться. Потом жалела об этом — вроде как не следовало нагонять на тебя страху. Но, с другой стороны, если ее слова побудили тебя найти безопасное убежище — значит, все было сделано правильно.

— Ты сказала, что Пэт и Колин тяжело приняли мой уход, — вздохнул я. — А что потом чувствовала ты, Элси?

Она отхлебнула из чашки.

— Ах, я ведь девочка, у меня не такая потребность в старшем брате, как у мальчишек. Тем более ты до побега научил меня счету и грамоте, так что потом я уже могла учиться сама.

— Ты всегда была самой умненькой из нас.

— Когда ты учил меня умножению, говорил совсем другое, — ухмыльнулась Элси. — И все равно я его в итоге освоила.

— Терпения мне всегда не хватало, — смущенно заморгал я.

Склонив голову к плечу, она посмотрела на меня совершенно как Белинда. Ощутив на себе подобный взгляд, понимаешь: женщины — средоточие добра и понимания в этом мире.

— Ты терпел меня, как умел, Микки. И мне этого было достаточно.

Я поблагодарил ее кивком и обвел взглядом комнату.

— О'Хаган меня тогда не искал? Сюда не заявлялся?

— Во всяком случае, я об этом ничего не знаю, — вдруг испугавшись, пробормотала девушка. — Ма ничего такого не говорила.

— Хм...

— Должно быть, он быстро сообразил, что ты его не выдавал.

— А такой план у меня был, — признался я. — Только ма твердила, что это верный способ сыграть в ящик. О'Хаган того не стоил. Зачем из-за него умирать?

— Верно, Микки.

Элси вновь наполнила наши чашки дымящимся кипятком.

— Ма ведь рассказала Пэту, почему мне пришлось уйти?

— Рассказала. Через некоторое время он согласился, что это правильно.

— Согласился... — повторил я.

Пэт никогда не давал понять, что на меня сердится, наоборот: говорил, как рад, что я остался в живых. Я все еще видел его яркую улыбку и чувствовал его дружескую руку на своем плече.

— Он сначала настаивал, что тебе не следовало бежать, — вздохнула Элси. — Да ты ведь знаешь Пэта. Он не сомневался, что вдвоем вы дадите отпор О'Хагану и уладите недоразумение.

Да, в этом был весь Пэт — считал, что любую проблему можно решить кулаками.

— Ма заявила, что он просто чертов придурок, — покачала головой девушка. — А потом ты написал, что у тебя все хорошо, и Пэт перестал нести чушь. Разумеется, в тот день, когда от тебя пришло письмо, ма пришлось удерживать его силой, иначе он сорвался бы в Ламбет.

Я посмотрел на свои руки. Большие натруженные кисти со шрамами и разбитыми суставами, которые ныли в непогоду. У Пэта руки были меньше и тоньше, зато ловчее моих. Помню, как он подпирал колесо левой ногой, перекидывал мешок с плеча на деревянную тележку и привязывал его плоским узлом так быстро, что дольше об этом рассказывать.

— Микки... — неуверенно произнесла Элси, и я поднял взгляд. — Почему ты ушел именно в Ламбет?

По выражению ее лица я понял: причины моего побега девушка знала, однако до сих пор гадала, имелось ли у меня намерение рано или поздно уйти, разработал ли я план заранее.

— Ноги привели. Дальше сил бежать не было.

За окном стемнело, и в свете лампы большие глаза Элси поблескивали любопытством. Похоже, за то время, что я молчал после ухода из Уайтчепела, здесь бродили самые разнообразные догадки — в основном неверные. Сейчас мне ничто не мешало рассказать о прошлом. Дело давнее, и острота переживаний уже поблекла.

— Я бежал два дня подряд. Знал, что О'Хаган отрядил своих людей прочесывать Уайтчепел и Севен Дайлс, так что пришлось отправиться на другой берег. Переночевал в подвале какого-то склада, где кишели крысы, и понял, что нужно немедленно найти работу. Припасы закончились, а деньги проедать не хотелось — кто знает, что меня ждало впереди. Вдруг придется уехать еще дальше... Можно было сесть на поезд и покинуть Лондон, но...

— Значит, у тебя был план, — заметила Элси.

— Я не собирался уезжать далеко от вас, так что на следующее утро снова пошел пешком.

— Ну да, конечно.

— Что ты хочешь сказать? — откинулся я на стуле.

— Ты всегда начинал бродить, если тебя что-то беспокоило. — Она улыбнулась, заметив мое удивление. — Ма говорила, что прогулки помогают тебе проветрить голову. Помню, как-то ночью спала с ней, а она точно бодрствовала — я могла сказать по ее дыханию. Ждала, когда ты придешь домой.

— Все-то ты подмечала...

— Ну, чем еще было заняться маленькой девочке? — Элси разлила остатки чая. — Как же ты нашел работу в полиции?

— Прошел мимо или около того и наткнулся на полицейский участок Ламбета. У входа стоял молодой парень в форме, и он... — Я заколебался. — Он ничем от меня не отличался.

— Тоже ирландец?

— Нет, такого же роста, и сложен как боксер. Я прошел внутрь и вежливо осведомился, не ищут ли они новых полисменов, а сержант отвел меня к мистеру Гордону, суперинтенданту. Мы поговорили, и он спросил, не в бегах ли я.

— Ты рассказал?

Я коротко усмехнулся, припоминая свой первый день в Ламбете.

— Сперва решил скрыть, потом стал путаться, а мистер Гордон поднял руку и предложил начать сначала.

Элси хмыкнула.

— Я все-таки собирался наплевости ему с три короба, но, слава богу, передумал. Конечно, о некоторых подробностях умолчал, но признался, что участвовал в кулачных боях и сбежал, потому что владелец клуба приказал мне сдать бой. Сказал, что ослушался, и

хозяин на меня жутко разозлился. Поэтому, мол, я и решил подыскать что-нибудь получше. Не стал говорить, что О'Хаган заподозрил меня в крысятничестве и вознамерился прикончить.

— И что было дальше? — с любопытством спросила Элси.

— Он поинтересовался, знаю ли я счет и грамоту, и я показал, что владею и тем, и другим. Гордон заставил меня письменно пересказать одну газетную статью. Потом попросил побоксировать с сержантом Лэндри, чтобы убедиться, что я могу за себя постоять. Вот, собственно, и все. — Я улыбнулся. — Мне повезло, что в тот день в участке был Гордон, а не старший инспектор Мосс. Тот ненавидел ирландцев и наверняка вышиб бы меня на улицу, но Гордон никакого предубеждения не выказал. Мне подобрали комплект формы, и моя служба началась. На деньги, которые дала ма, я оплачивал жилье, пока не получил первый заработок.

— Ты никогда об этом не рассказывал, — заметила Элси.

— Ты никогда не спрашивала.

Мы немного помолчали, а потом я наконец задал вопрос, с которым пришел в дом Дойлов:

— Насколько глубоко увяз Колин? Я имею в виду его связь с Маккейбом.

Элси замерла.

— С Маккейбом? По-моему, Колин не входит в его шайку. Он забирает выручку из букмекерских контор, которыми управляет О'Хаган. — Она поморщилась. — Едва выбила из него это признание.

— Элси, — сказал я как можно мягче. — О'Хаган передал мне с Колином записку, просил встретиться. Только на самом деле поговорить со мной желал Маккейб, а тот никогда не поручил бы О'Хагану привлечь Колина, если они лично не знакомы.

— И ты... виделся с Маккейбом? — побледнела девушка.

— Вчера вечером.

Она съежилась на стуле, и мое сердце облилось кровью при виде ее несчастного лица.

— И что... что от тебя хотел Маккейб? — сглотнув комок в горле, выдавила Элси.

— Рассказал, что в Чепеле убивают его людей. Спрашивал, не замешаны ли в этом детективы из Ярда, а они, естественно, тут совершенно ни при чем.

— Он как-то упоминал имя Колина?

— Нет, ни разу, — честно ответил я.

Элси облегченно вздохнула.

— Понимаю, почему он тебя расспрашивал. Все-таки четверо убитых за последние две недели.

— Четверо? Маккейб вроде говорил о троих...

— Еще одного нашли сегодня утром в садах Святой Девы Марии с пулей в голове, как и прочих. Я слышала об этом от миссис Макгарри, а потом еще прочла в газете. Один из четверых застреленных — племянник Маккейба.

Хм, значит, тут дело личное. Интересно, который из четверых?

— Газета сохранилась?

— Нет, прости. Потратила, когда разжигала очаг.

— Что еще там было написано?

— Ну, что ирландцы сцепились между собой, — неуверенно ответила Элси. — Правда, погибли только люди Маккейба, так что, по моему, это вряд ли. Никто не пойдет против Маккейба. — Она подперла подбородок ладонью. — Ведь так, Микки?

Ирландцы против ирландцев? Я сказал бы, что такое невозможно. Другое дело, если внутри банды произошел раскол.

— А что за газета? — спросил я.

— «Обсервер».

Снова «Обсервер»!

На церкви Святого Ботольфа зазвенели колокола, напомнив, что час уже поздний. Вечерние приемы у Белинды по субботам начинались точно в восемь, а мне хотелось увидеть ее до того, как соберутся гости. Я поднялся и снял пальто со стула, которым Элси заклинивала ручку двери.

— Так почему ты на самом деле строила баррикады? Неужели сюда заявлялся О'Хаган? А если не он, то кто? — По лицу девушки пробежала странная тень, и я спросил тверже: — Элси, кто здесь был? И когда?

— В среду вечером, — призналась она. — Заходили лишь раз, и я не уверена, что это люди О'Хагана. Они не представились.

— Сколько их было?

— Трое.

— Господи Иисусе... — присвистнул я. — Они тебе угрожали?

Элси поспешно покачала головой — на мой взгляд, слишком поспешно.

— У одного из них был пистолет. Вот здесь, — она тронула пояс своего платья. — Но он до оружия даже не дотронулся. Эти парни хотели знать, где Колин.

Снова огнестрельное оружие в Уайтчепеле... По моему телу прокатилась волна страха, заставив затрястись кончики пальцев.

— Как они вошли? Дверь была не заперта?

— Я только вернулась с рынка с полными сумками, и они ворвались вслед за мной.

У меня по спине снова пробежал холодок.

— Элси...

— Знаю, знаю! — перебила она. — Просто такого никогда не случалось! Было еще светло — всего-то половина четвертого.

М-да, верно говорила ма: времена меняются.

Я тяжело выдохнул. Уже не первый раз пожалел, что не могу убедить Дойлов перебраться поближе ко мне или просто в другой район. Ма твердила одно и то же: у них здесь вся жизнь — и лавочка, и церковь, и друзья.

— Почему ты мне сразу не рассказала?

— А что ты сделал бы? Это как раз был день после крушения «Принцессы Алисы»! К тому же они не собирались причинить мне вреда.

В тот раз — не собирались... Я перевел взгляд на запястье Элси и снова посмотрел ей в глаза.

— Ма знает?

— Нет. — Девушка вскинула голову. — И ты ей не говори. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Не буду. Но обещай меня известить, если такое еще раз повторится. И домой заходи через вход в лавочку.

— Я так обычно и делаю.

— Скажешь ма, что меня видела? — попросил я, натягивая пальто. — Буду думать над тем, как помочь твоему брату.

Судя по тому, что рассказала Элси, уход Колина из банды пойдет Дойлам во благо.

— Конечно, Микки. — Она протянула мне шляпу. — Спокойного тебе вечера.

Я остановился, положив ладонь на ручку двери. Элси стояла рядом, приготовившись запереть за мной замок и забаррикадироваться.

— Хорошо, что удалось тебя застать. — Я обнял ее за плечи и чмокнул в макушку. — Ради бога, будь осторожна.

Она кивнула, и я вышел на лестницу. Шагнув на третью ступеньку, услышал, как Элси возится со стулом.

Ужасно, что ей приходится принимать подобные меры...

Глава 17

Моя работа, особенно в Ярде, сводила меня с людьми из самых разных слоев общества. Преступный мир действует круглые сутки, и потому я на удивление хорошо знал, как следует правильно одеваться утром, днем и вечером, чтобы не ударить в грязь лицом в лучших домах. Едва Белинда заикнулась о том, что неплохо бы мне посетить один из ее приемов, я тут же наведалься на Сэвил-роу. Поручив себя заботам умелого портного, поклялся, что не буду спорить и даже глазом не моргну из-за цены. В первом я преуспел, однако мастер, выставив счет, поморщился при виде моей гримасы.

Попав домой, я помылся, оделся и взял кэб до Белгравии, вспомнив вечер несколько месяцев назад, когда стоял в тени могучего платана за воротами дома Белинды. За день до того мы серьезно поругались, и я пребывал в самом жалком состоянии. Наблюдал, как экипажи, прибывая к ее крыльцу, выгружают элегантно одетых пассажиров. Дверь открывалась не меньше дюжины раз, выпуская в ночь аккорды струнного квартета. Потом она захлопывалась, и у меня в душе возникало щемящее чувство, что я теряю нечто очень ценное.

Впрочем, сегодня прятаться в тени не придется. Я приглашен, только вот неизвестно, насколько получится задержаться на званом вечере — слишком беспокоили мысли о Колине. Вряд ли мне в подобном состоянии удастся долго поддерживать светскую беседу. Объяснения Элси дополнили ту картину, что сложилась у меня после нескольких обрывочных фраз Колина. Теперь, составив себе мнение о происходящем, я готов был снова переговорить с мальчишкой и считал, что на этот раз справлюсь лучше.

Пришел я рановато и все же решил постучаться. Дверь открыл лакей Коллинз. Слуга церемонно поклонился, словно видел меня в доме чуть не каждый день, и принял пальто и шляпу.

— Я доложу мисс Гейл, что вы прибыли.

Из гостиной донесся низкий приятный голос Белинды:

— Простите, Стивенсон. Мне следовало сказать об этом раньше. Мистер Уэллс решил отложить поездку в Манчестер ради сегодняшнего вечера, и мне хотелось бы посадить его рядом с мисс

Годдард. Нет-нет, по левую руку. К миссис Уоллес он совершенно равнодушен.

— Отлично, мэ. А куда посадим мистера Браунли?

— Рядом с миссис Фрэнкс, пожалуйста. Они дальние родственники, так что никто не обидится.

Коллинз заглянул в гостиную, и я услышал тихий удивленный возглас Белинды. Уже в следующий миг она возникла на пороге, схватившись за косяк двери. На ней было шелковое зеленоватое платье; темные волосы ниспадали на плечи мягкой густой волной. Ее удовлетворенная улыбка сразу уступила место озабоченности. Сделав несколько быстрых шагов, она приблизилась ко мне и испытующе посмотрела в глаза.

— Майкл, что случилось?

При Коллинзе начинать рассказ не хотелось, и Бел потащила меня за руку в свой кабинет. Здесь было тихо, разве что тикали в углу высокие напольные часы с лаконичной резьбой — наследство от отца. Бел метнула на меня быстрый взгляд.

— Знаю, что пришел раньше... — начал я.

— Не говори ерунды. — Встав прямо подле меня, она провела кончиками пальцев по моему плечу, улыбнулась и уронила руку. — Выглядишь великолепно.

Я попытался улыбнуться в ответ.

— Все-таки что стряслось? Новости по «Принцессе Алисе»?

— Колин связался с О'Хаганом и Маккейбом. — Я помолчал. — Хуже всего то, что за свою глупость он винит меня.

— Как это? — округлила глаза Белинда.

Я кратко пересказал ей содержание разговоров с Колином и Элси и был поражен тем, как она сразу встала на мою сторону.

— Несправедливо обвинять тебя за то, что происходило после твоего побега, — с негодованием заявила Бел. — Разумеется, ты сожалел, что причинил своим уходом боль Колину — да и Пэту тоже, однако у тебя не было выбора! Допустим, Колин тогда этого не признавал, но теперь-то!

Я взял в ладони ее теплую руку и нащупал мозоль на среднем пальце. Такие оставляет ручка, когда долго пишешь.

— Что будешь делать? — спросила она.

— Колин может выйти из банды. То есть я могу помочь ему выйти. Еще не поздно все поправить.

— Как ты выкупишь его у Маккейба? — с некоторым сомнением проговорила Бел.

— Ну, много я ему обещать не буду. Уж точно ничего такого, что могло бы помешать какому-либо расследованию Ярда. Я должен что-то сделать.

Она прикусила губу.

— Я ведь не задумывался, каково им, Бел. Был так ошарашен, когда ма прибежала в порт, что подчинился ей без звука. Бежал не оглядываясь. Но никогда не намеревался...

Я невольно примолк, глядя на любимую.

— Господи, конечно, нет. Уж кто-кто, только не ты! — неожиданно пылко воскликнула Белинда.

— Что ты хочешь сказать? — удивленно спросил я.

— Майкл... — пробормотала она, словно я должен был понять ее мысль с полуслова.

— Не пойму тебя, Бел, — признался я.

— Ты ведь бежал без всяких объяснений. Просто исчез.

— Потому что ма Дойл сказала мне, что медлить нельзя.

Она положила ладошку мне на руку и нежно заговорила:

— Я хочу сказать, что... точно так же поступила твоя родная мама.

Я оцепенел, и Белинда в замешательстве прошептала:

— Ох, Майкл, прости. Я думала... ведь ты рассказывал... — У нее перехватило дыхание. — Я думала, что именно это ты и имел в виду. Что никогда не поступишь так же по своей воле.

Мое сердце сбилось с ритма. Я опустил руки и застыл в неподвижности. Давно не вспоминал о тех временах, а теперь они обрушились на меня неумолимо летящим скоростным составом.

Целыми днями я тогда бегал по улицам и, едва заметив походившую на мать женщину, бросался к ней. Каждый раз выяснялось, что обознался. С каждым днем моя надежда на возвращение мамы убывала, словно рубанок одну за другой снимал с дерева тонкие стружки. Одинокий и неустроенный, я прятался в убогих норах, которыми изобиловали переулки Уайтчепела. Бывало, что ночевал у кого-то на крыльце или в старинных убежищах, что

были устроены в некоторых церквях для католических священников, скрывавшихся от расправы в период правления королевы Елизаветы. Духовники часами сидели в этих подземных каморках, порой до самой темноты.

Иногда меня находили знакомые, иногда — нет. Когда мамини друзья давали мне кров и еду, я принимал их доброту бездумно, как свойственно детям.

Однажды наступил день, когда я в гостях потянулся за вторым ломтем хлеба, и выражение лица миссис Телл, хозяйки дома, вдруг изменилось. Я отдернул руку, словно коснулся огненной печи.

На следующий день мне повезло украсть свежую буханку. Я принес ее миссис Телл, у которой на попечении было четверо детей, а потом, за ужином, с трудом совладал с собой, чтобы не спросить, почему ушла моя мама. Сдерживал свой страх при мысли, что был для нее слишком большой обузой, подавлял беспокойство: вдруг она лежит где-то мертвая или больная... Попытка не тешить себя надеждой, что когда-нибудь мне не придется лгать и воровать ради еды. Глушил тоску и неуверенность, загоняя их внутрь куском аккуратно поделенной на шестерых буханки.

— Майкл...

Подняв голову, я взглянул на Белинду и тут же уловил краем глаза движение сбоку. Обернулся: кто посмел без спросу нарушить наше уединение?

Никого там не было — всего лишь мое собственное отражение в высоком зеркале с золоченой рамой. Кто этот джентльмен, стоящий между двух стульев с парчовой обивкой на малиновом турецком ковре? Я едва признал себя в выходном пальто, белой рубашке и жилете с блестящими пуговицами.

Как далеко в прошлом остался тот мальчишка из Уайтчепела...

— Колин потерял тебя, а ты потерял свою маму — но это немного разные вещи, — вздохнула Бел.

— Он уже лишился отца и старшего брата, — тяжело уронил я. — Есть предел тем утратам, которые мы можем выдержать. А Колин ведь был всего лишь ребенком...

Белинда нахмурилась.

— Потому он и говорил со мной в таком тоне. — Руки мои бессильно повисли вдоль тела, словно к ним прицепили гири. — Бог

свидетель, я не собирался причинять мальчишке боль. Но все можно поправить. Маккейб сказал, что ему от меня нужно. Предложу обмен.

— Какой обмен?

— Ну как же — отпустить Колина, — пожал плечами я.

— Если Колин сам желает, чтобы его отпустили, — скептически хмыкнула Белинда.

— Не совсем же он тупица. Найду ему приличную работу, какую-нибудь должность, устрою подальше от Уайтчепела. Начнет жизнь сначала. — Я шумно выдохнул. — Знаю, тебе кажется, что я снова играю в Персея, могучего и неуязвимого спасителя.

— Только Колин — вовсе не Андромеда, прикованная цепями к скале, — улыбнулась Бел, вспомнив наш старый спор.

— Зато он прикован к Маккейбу, а тот ни за что просто так не отпустит работающего на него человека.

— Это точно...

— Вот и получается, что я должен помочь, тем более что ничем не рискую. — Я помолчал. — Не смогу жить с чувством, что чего-то не сделал, а потом случилась беда. Колин — последний из сыновей ма Дойл.

— А если он стыдится принимать твою помощь?

— Стыдится? — вздрогнул я.

— Возможно, он видит, что ты его презираешь.

— Не презираю, а беспокоюсь! — Я запустил руку в волосы. — Колин — один из немногих людей в этом мире, кого я люблю.

— Он-то об этом догадывается?

— Господи, Белинда! Ну а как же? Я дам ему шанс изменить свою судьбу — что же тут постыдного?

— Колин может считать иначе, — вздохнула Бел.

— Значит, надо удвоить ставку на черное? Если Колин увлекается азартными играми, то должен понимать, что это глупо.

— Я-то тебя понимаю, — заявила Белинда, намекая, что спорить нужно вовсе не с ней. — И все же, Майкл, я слышу в твоем тоне если не презрение, то уж точно пренебрежение, — наставительно добавила она. — Чувство стыда — нелегкая ноша, особенно если Колин в глубине души знает, что неправ. Если ты будешь говорить с ним в таком духе, как сейчас, мальчик к тебе не прислушается.

— Раз так — заставлю Маккейба вышвырнуть его вон, и вся недолга, — заупрямился я.

— Майкл...

Белинда тревожно оглянулась на дверь. В холле уже гудели голоса беседующих гостей, слышался смех.

— Тебе пора, — сказал я. — Или, скорее, пора мне.

— Но, Майкл...

— Бел, я правда хотел остаться. Однако...

— Всего пару часиков!

Как объяснить ей, чего я опасаюсь? Как объяснить, что любая лишняя секунда, проведенная Колином на кривой дорожке, все больше осложняет его спасение?

Белинда поникла, и я возненавидел себя за то, что разочаровал любимую.

— Прости...

— Все знаю, — вздохнула Бел и прикусила губу. — Тебе нужно разыскать Колина. И все же прошу тебя на несколько минут задержаться. Я сегодня пригласила лорда Бейнс-Хилла — специально для тебя.

— Лорда Бейнс-Хилла... — эхом повторил я.

— Как раз об этом и хотела сказать, когда ты пришел. — Она поправила ожерелье. — Лорд с супругой появятся с минуты на минуту. Не сомневаюсь, что встреча будет полезна вам обоим.

Белинда была права. Короткий разговор с инициатором переговоров о самоуправлении Ирландии может оказаться решающим.

— Я предполагала, что вы начнете со светской беседы, и все же лорд наверняка поймет, если ты перейдешь прямо к делу. В конце концов, он хочет того же, чего и ты, — остановить насилие.

— Да, конечно. Спасибо, Бел.

Она кивнула, и я взял ее за руку.

— Бел, следующий раз обязательно останусь, обещаю.

— Не обещай, — вздохнула она, мягко высвободив руку. — Пусть сначала кончится эта история.

Поделом мне, грустно подумал я.

— Договорились.

Снова открылась входная дверь, снова зазвучали приветствия.

— Как только лорд появится — отправлю его к тебе. — Она сделала шаг к двери и остановилась, взявшись за ручку. — Когда будешь говорить с Колином, не забывай: ты и сам совершал ошибки. Возможно, тогда до него дойдет, что лучше признать свои промахи, чем, как ты выражаешься, удвоить ставку. И ничего позорного тут нет.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, и наконец Белинда тревожно моргнула.

— Будь осторожен, хорошо? Берегись Маккейба. Он убивал людей, Майкл. Он опасен.

— Знаю, — кивнул я.

Частенько обдумываю советы, которые дает Белинда, и прихожу к выводу, что в них есть здоровое зерно.

В течение тех десяти минут, что пришлось ждать лорда, я мерил шагами комнату, взвешивая доводы любимой. Вспомнил те времена, когда стыд заставлял меня принимать ошибочные решения, когда я упрямо делал за первым неверным шагом второй, сам от себя скрывая свои просчеты. Боялся, что подвергнусь насмешкам. Как же мне убедить Колина, что способность признавать промахи, вовремя вылезти из грязи на твердую дорожку — отличительный знак здравомыслящего человека? Неважно, что в этом случае о тебе подумают окружающие.

Наконец дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился лорд Бейнс-Хилл — мужчина лет сорока пяти, узколицый и узкоплечий, с редяющими волосами, внимательным взглядом и располагающей улыбкой.

— Мистер Корраван, — приветствовал он меня вежливым кивком.

— Приятно познакомиться, лорд Бейнс-Хилл.

Мы внимательно изучали друг друга, и на секунду между нами повисла неловкая тишина.

— Я понимаю, что обстоятельства нашей встречи необычны...

— Это далеко не самое странное знакомство. Бывало всякое, — отмахнулся лорд. — Мисс Гейл сказала, что вы хотите переговорить со мной по важному вопросу.

— Она сказала, кто я?

— Сообщила, что вы друзья, не более того.

— Я — старший инспектор Скотланд-Ярда, но пока исполняю обязанности суперинтенданта речной полиции.

— А, стало быть, вы занимаетесь расследованием крушения «Принцессы Алисы»... — помрачнел лорд.

— Совершенно верно. — Я задумался, с чего начать. — Лорд Бейнс-Хилл, мне известно, что вы озабочены случаями насилия, в которых винят ирландцев. Знаю, что ведутся тайные дискуссии по поводу самоуправления Ирландии.

— От кого вы это слышали? — слегка напрягся лорд.

— Не от мисс Гейл, — успокоил его я, поняв, что стояло за этим вопросом. — От человека, которому я доверяю.

— Ничего не утаишь в этом городе, — удрученно покачал головой Бейнс-Хилл.

— Если следствие докажет, что ИРБ причастно к катастрофе, это повлияет на результат ваших переговоров.

Лорд покачался на каблуках.

— А вы привыкли брать быка за рога, не так ли?

После секундного колебания я повторил слова, которые несколько дней назад сказал Белинде:

— Я обеспокоен. Восстановление самоуправления Ирландии способно изменить многое, и мне не хотелось бы видеть, как эта идея рассеется, словно дым.

— Я и сам переживаю, — смягчился Бейнс-Хилл. — Не буду скрывать: слухи уже повлияли на решимость некоторых членов нашей группы. — Заложив руки за спину, он прошелся по кабинету. — Сложность в том, что на носу выборы.

— И члены парламента, симпатизирующие автономии Ирландии, лишатся голосов выборщиков, если станет известно о том, что за крушением судна стоят ирландцы.

— Именно поэтому мы делаем все, чтобы сохранить переговоры в тайне. Не хочется, чтобы они ухудшили политические перспективы участников нашего кружка.

— Понимаю. Однако я знаю такие факты о случившейся катастрофе, которые не известны газетам. Например, мне не удалось найти ни единого доказательства злоупотребления крепкими напитками на борту «Замка Байуэлл». Также ничто не говорит о том, что лоцман углевоза является членом Братства.

— Газеты настаивают, что его имя числится в списках ИРБ, — склонил голову к плечу лорд, — хотя боюсь, что пресса лишь мусолит сенсационные слухи, чтобы продать больше экземпляров.

Мы встретились взглядами.

— Осмелюсь спросить: вы ведь ирландец? Не в том ли причина вашего скепсиса относительно версии «руки Братства»?

— Причина моего скепсиса в том, что мы до сих пор не можем найти лоцмана с «Замка», — возразил я. — Капитан отзывался о нем положительно, и у мистера Конвея прекрасный послужной список. Он двадцать лет водит суда по Темзе, и проявил себя прекрасно.

Лорд задумался.

— Считаете, что катастрофа — несчастный случай?

— Не знаю, — признался я. — Не хочу никого винить, включая Конвея и Братство, пока нам не станет известно больше. — Бейнс-Хилл одобритительно кивнул. — Поэтому попросил бы вас...

— Не выносить поспешных суждений, — закончил за меня он. — Не прерывать переговоров, пока не наступит ясность.

— ...И не верить тому, что читаете в прессе.

— Что ж, учту ваш совет. Спасибо, мистер Корраван. — Лорд слегка улыбнулся. — Хотел попросить вас об одолжении: не могли бы вы тотчас сообщить мне, если выяснятся новые факты? Видите ли, тема довольно деликатная, поэтому совершенно на первый взгляд незначительные новости могут повлиять на итоги наших дискуссий.

— Постараюсь, — пообещал я.

Лорд поблагодарил меня кивком и предложил:

— Вернемся к гостям?

— Не могу остаться: есть срочные дела.

— Ну, тогда хорошего вам вечера. Приятно было познакомиться.

Он протянул мне руку, и я крепко ее пожал.

— Мне тоже приятно, лорд.

Он вышел из кабинета. Я чувствовал, что этот человек действительно заботится об интересах державы. Лорд Бейнс-Хилл казался человеком знающим, разумным и, похоже, был настроен поразмыслить над тем, что я ему сообщил. Одним словом, он мне понравился. Впрочем, подобный исход следовало предполагать: Белинда с глупцами дружбу не водит. Замечательно, что страной управляют и такие люди. Я вздохнул с облегчением.

Глава 18

Вернувшись домой, я переоделся и снова вышел на улицу.

Итак, где же искать Маккейба?

Самый простой способ — выйти на О’Хагана. Я направился к «Лодочнику», рассчитывая, что старый черт играет там в карты. Пересек Милфорд-стрит — совсем недалеко от Бетс-элли, где мне на голову накинули капюшон, и приостановился. Вдруг удастся пройти по своим собственным следам?

Добравшись до угла, откуда меня повели к Маккейбу, я замер на месте с закрытыми глазами, припоминая. Потом сделал тридцать шагов прямо, повернул направо, после — налево. Дальше ориентировался уже по уличным ароматам. Наконец, побродив по переулкам, вышел в тупичок, где ощутил едкий металлический запах, и нашел дверь, к которой вели наклонные ступеньки. Толкнув ее, перешагнул порог.

В отличие от того раза, зал был полон народа. Ни одного свободного стола. Несколько человек бросили на меня взгляды, правда без особого интереса, и я двинулся к бармену.

— Мне нужен Джеймс Маккейб. Он просил меня быть на связи, и я принес ему кое-какие новости.

— Как вас зовут? — поднял брови бармен.

— Корраван, — ответил я и, словно по наитию, добавил: — Скажите ему — Микки Корраван.

Если моя догадка верна, главарь «Каменщиков» не просто так обронил мое детское имя, так что поймет, почему я так представился.

— Возьму пока кружку эля, — сказал я и развернул один из барных табуретов вполоборота к залу.

Через десять минут рядом возник один из парней, что прошлый раз вел меня к Маккейбу.

— Пойдем со мной.

Я положил на стойку монету, кивнул бармену в знак благодарности и проследовал за парнем к двери в глубине зала. Посередине лестничного пролета висел фонарь, так что света было достаточно, и я разглядел еще одну дверь. Парень постучался

условным стуком, щелкнула металлическая задвижка, и передо мной предстала почти пустая комната. Видимо, раньше здесь был номер, однако теперь стояли лишь ломберный стол и шесть штук стульев. Помещение освещалось несколькими лампами.

На одном из стульев восседал Маккейб.

— Ты не должен был сюда приходить, — прищурившись, бросил он.

— Нужно поговорить. Наедине, — покосился я на трех человек за столом.

Маккейб почти незаметно, но раздраженно мотнул головой, и все трое вышли, плотно прикрыв за собой дверь. Где-то щелкнул еще один замок; видимо, троица переместилась в другую комнату — прямо за стенкой. Ну, с этим ничего не поделаешь. Буду говорить потише.

Расстегнув пальто, я уселся, упершись локтями в колени.

— Человек, застреленный в садах Святой Марии, — один из ваших? Уже четвертый?

Маккейб неторопливо кивнул. Его холодный взгляд заставил меня замереть на полуслове — так останавливается лодка, когда натянется якорный канат. Со времени моего прошлого визита что-то произошло. Доброжелательности в глазах главаря «Каменщиков» как не бывало, и я гадал, чем заслужил такое отношение. Впрочем, все поправимо.

Сброшу один из козырей.

Я набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

— Ярд не убивает «каменщиков». Я говорил с одним человеком, которому доверяю, и он сообщил, что в Уайтчепел за последние два месяца поступило большое количество огнестрельного оружия. Похоже, стволы везут от оружейников из Бирмингема.

— Я тебе сам об этом рассказывал.

— Ярд обнаружил на вокзале ящик с пистолетами. Его прятали под коробками с джином. — Я помолчал. — Оружие предназначалось вам?

Маккейб по-прежнему неспешно облизал губы и втянул их внутрь.

— Вряд ли я признался бы в этом полицейскому, а? Но нет, не мне.

— Кто же его покупает? Кто распределяет по нужным рукам?

— Понятия не имею, — с ничего не выражающим взглядом ответил он.

Похоже, главарь «Каменщиков» стремительно терял ко мне интерес, а я терял возможность договориться.

— Вы читали газеты? Там пишут, что ирландцы бьются между собой. Считаете, что это правда?

Маккейб пожал плечами.

Пора было разыграть последнюю карту.

— Вы имеете отношение к крушению «Принцессы Алисы»?

Мне наконец удалось привлечь его внимание, да и как иначе... Глаза Маккейба сверкнули, и он с презрительным шипением выпустил воздух из легких.

— Оскорбительно задавать мне подобные вопросы! У меня есть друг, который потерял в тот вечер сестру и племянницу. Мы не убиваем женщин и детей за здорово живешь. Какой нам в этом прок?

Странно, но я ему поверил.

— Думаете, это дело рук ИРБ?

— Может быть, — прищурился он. — Хотя старик Тимми с заявлениями не выступал. А если это они — зачем упускать такую возможность?

Выходит, Маккейб знает Луби достаточно близко, раз называет его «Тимми» и выдвигает подобные предположения. Я сделал мысленную закладку.

— Что ж, справедливо. Я хотел бы поговорить о Колине Дойле.

Главарь «Каменщиков» вскинул брови.

— Вы должны его отпустить, — продолжил я.

Прошло несколько томительных секунд. Судя по всему, Маккейб просчитывал варианты. Затем вскинул голову и одарил меня презрительным взглядом.

— Я никого не отпускаю.

— Разве нельзя сделать исключение? Колин не дурак. Он будет молчать, потому что знает: иначе ему не жить.

Лицо моего собеседника приобрело лукавое выражение.

— Ты просишь немало. Что он сделал, чтобы заслужить такую любовь?

Я постарался ответить так, чтобы Маккейб понял с первого раза.

— Я — должник ма Дойл. А Колин — ее единственный оставшийся в живых сын, поэтому я сделаю для нее все что угодно. Каким бы бандитом вы ни были, Маккейб, вы должны понимать, что такое верность. Все-таки в вас больше настоящего, чем гнили.

Он пожевал губами, словно пытался подавить улыбку.

— Почему ты думаешь, что Колин рвется от меня уйти? Я даю ему возможность заработать на жизнь.

— Может, пока и не рвется, но вы мне поможете его убедить. — Наклонившись над столом, я понизил голос: — Но, если после ухода с его головы упадет хоть один волос — и мне все равно, по чьей вине, — я от вашей шайки камня на камне не оставляю. До тех пор, пока Колин будет жив и здоров, я готов помогать вам в поисках убийцы ваших людей и Ярда на вас натравливать не стану.

Последовало долгое молчание, и наконец Маккейб скривился в натужной ухмылке.

— Договорились. Колина я отпущу и трогать его не стану.

Сил на этот разговор я потратил немало, потому и удивился, насколько легко удалось выбить из Маккейба согласие. Еще раз обдумал его слова — нет ли подвоха?

— И ваши люди тоже должны оставить его в покое, — осторожно добавил я.

— Хорошо!

Улыбка с его лица исчезла, и он нетерпеливо поднял руку, пресекая дальнейшие вопросы. Я слегка расслабился, осознав, что у Маккейба в шайке сотни людей и потеря одного человека, собирающего выручку, для него почти ничего не значит. Вряд ли Колин увяз по уши, раз главарь «Каменщиков» решил отпустить его без особых возражений.

— Но я попрошу кое-что взамен, — заявил Маккейб.

Кто бы сомневался...

— Ты дашь мне знать, если окажется, что моих людей убивает Финн Райли.

Он трижды стукнул по столешнице.

— Райли откололся? Вы уверены?

В глазах Маккейба сверкнул опасный огонек.

— Неужто он настолько глуп? — поразился я. — Наверняка ведь знает, чем рискует, бросая вам вызов.

— Райли смел, потому что кто-то стоит за его спиной.

— Тот, кто снабжает его оружием, — пробормотал я.

— И деньгами, — добавил главарь «Каменщиков». — Я бы дорого дал, чтобы узнать, кто это такой.

Что уж говорить обо мне...

— Отлично, — кивнул я. — Кто из погибших — ваш племянник?

О'Фаррелл?

Маккейба передернуло.

— О'Фаррелл — мой кузен. Газеты всё путают. — Он тяжело вздохнул. — Ты — умный человек.

— С глупцом вы не стали бы иметь дело, не так ли?

Маккейб привычным жестом перевернул кисть ладонью вверх, признавая мою правоту.

Где-то далеко пробили церковные колокола, и он встал.

— Пора прощаться, мистер Корраван. Мне вскоре нужно быть в другом месте.

Глава 19

Вышел я с мозгами набекрень. Удалось разжиться кое-какими важными сведениями и заручиться обещанием Маккейба относительно Колина, однако в целом ход беседы меня расстроил.

Вчера мы достигли своего рода джентльменского соглашения, и у нас образовалось нечто наподобие осторожного временного союза. Сегодня же Маккейб вел себя так, словно вновь перестал мне доверять. Впрочем, не исключено, что голова у него была забита другими делами.

Я на ходу воспроизвел наш разговор — секунду за секундой, реплику за репликой. Похоже, главарь «Каменщиков» обеспокоен не только предательством Райли. Возможно, тот переманил на свою сторону нескольких членов банды? Или, наоборот, переманили его?

Господи боже мой, неужели Колин сколачивает свою шайку?

Я тут же отмахнулся от этой версии. Нет у Колина ни влияния, ни денег, ни опыта. Все-таки все дело в Райли.

Мне вспомнилась кривая ухмылка Маккейба в ответ на мою просьбу отпустить Колина. Что это было? Нетерпение? Может, насмешка? Или ему все равно?

Не удавалось отделаться от ощущения, что лукавый ирландец пошел на уступку слишком легко. Почему?

Я запнулся на полушаге.

Потому что Колин уже от него ушел...

Иных вариантов просто нет.

Если банда Маккейба раскололась и Райли отделился, а Колин — вместе с ним...

Меня охватили страх и гнев. Тысяча чертей! Будь оно все проклято!

Где сейчас можно найти Колина? Наверняка у Пинтона. Я развернулся на месте и побежал.

Добравшись до игорного дома, остановился, восстанавливая дыхание, и направился к двери. Подошел к парням, стоявшим на страже у лестницы на второй этаж. Один из них поднял руку.

— Сегодня его здесь нет.

— Действительно нет или нет для меня?

— Его действительно нет, шеф.

Парень врал. В его глазах светилась хитрая искорка — видать, потешался, как ловко меня провел. Плевать: его лицо сказало мне все, что нужно. Я вышел на улицу и притаился в тени за углом, благодаря богу, что несущиеся по небу тучи вроде бы не обещали дождя.

В своем укрытии я провел два часа, обдумывая предстоящий разговор. Наконец Колин возник в дверях и двинулся вдоль домов, ступая в лужицы слабенького света, падавшего из окон и от одинокого газового фонаря. Мне захотелось схватить его немедленно — настолько я был зол и расстроен. Сдержав первый порыв, я незаметно следовал сзади, постоянно проверяя: не увязался кто ли за нами?

Наконец решившись, ускорил шаг, беззвучно приблизился к мальчишке и толкнул его к стене. Колин тут же от нее отскочил и выбросил левую руку в стремительном ударе, целясь мне в подбородок. Выручил давно закрепившийся рефлекс: я увернулся и, схватив парня за плечи, снова прижал к кирпичной кладке.

— Какого черта ты делаешь, Колин? Ты что же, откололся от «Каменщиков»? Решил предать Маккейба?

Он прожег меня взглядом и разразился шквалом проклятий. Пришлось прикрикнуть:

— А ну-ка заткнись!

Мы оба тяжело дышали. Я глянул ему в глаза. Колин в знак протеста передернул плечами, и до моих ушей донеслось приглушенное металлическое бряканье — что-то ударилось о стену. Лицо мальчишки застыло, и я, ни секунды не медля, провел рукой по его боку. Так и есть — пистолет...

Мы на миг замерли.

— Колин... — хрипло выдавил я. — Где ты это взял?

Он молча смотрел на меня.

— Маккейб сказал, что от шайки откололось несколько человек, и я предполагаю, что ты ушел с ними.

В его глазах плеснулся гнев.

— Тебе какая разница? Господи, Микки, да отцепись ты от меня!

Выходит, моя догадка верна... Колин, считай, признался. Не зря Маккейб сегодня надо мной глумился, когда я просил отпустить мальчишку... Да и черт с ним!

— Проклятье, Колин, я не могу тебя бросить! Не могу допустить, чтобы ма потеряла тебя, такого молодого и глупого! — Похоже, упоминание о ма привело Колина в замешательство. — Сейчас я заберу у тебя пистолет и отпущу. Только попробуй сбежать — отволоку в Уоппинг, брошу в камеру и, если потребуется, предъявлю обвинение. Для меня самое главное — чтобы ты был в безопасности.

— Ладно, — прорычал он и выругался сквозь стиснутые зубы.

Я медленно снял с его плеча левую руку, сунул ее под пальто и вытащил из внутреннего кармана пистолет. Сунув его за пазуху, отступил на шаг.

Требовалось удостовериться, что именно Райли сманил Колина от Маккейба, а еще больше хотелось пробить стену непонимания, что между нами выросла. Если бы только он ко мне прислушался, если бы ответил на мои вопросы...

— Колин, когда мне пришлось бежать из Уайтчепела, я спасал свою жизнь. И все же ты прав. Я ни на секунду не обернулся назад. Не пытался представить, как мой побег отразится на Дойлах. Зато вспоминал всех вас каждый божий день, ужасно тосковал. Я был несчастен. Страшился... всего на свете, но в основном — голода, опасался, что меня убьют во сне еще до того, как я найду себе жилье. Боялся, что не смогу вернуться обратно.

У меня сел голос, и я долго откашливался. Колин недоверчиво скривился.

— Это не значит, что я за вас не беспокоился — просто не знал, каково вам приходится. — Слова полились из меня бурным потоком: — Когда ты молод, о таких вещах просто не задумываешься, а я ведь был моложе, чем ты сейчас, Колин. Бежать из Уайтчепела, отвести от вас угрозу — вот и все, что мне могло тогда прийти в голову. И в этом моя вина, теперь-то я вижу...

Колин засопел и отвернулся в сторону, а я продолжил:

— Знаю, что тебе не рассказывали о причинах моего побега. Во всяком случае, сразу точно не рассказали. Ты долго считал, что Микки просто сорвался с места и о вас забыл. Я вернулся, как только миновала опасность — когда О'Хаган признался, что подозревал меня напрасно.

Колин продолжал молчать, и я чувствовал, что обязан заполнить словами ту пустоту, что между нами возникла.

— Неужели это ничего не значит? Зато теперь я здесь и пытаюсь удержать тебя от смертельной ошибки. Некоторые ошибки исправить невозможно, если заходишь слишком далеко... — Я заговорил медленнее: — Пока ты еще можешь все изменить. Еще не слишком поздно. Позволь мне помочь тебе, Колин.

Он метнул на меня сердитый взгляд.

— Сначала швыряешь о стенку, потом говоришь, что следует делать...

— Что ж, справедливо, — признал я и поднял руки. — Прости, что приложил тебя.

— Вы с Пэтом никогда не брали меня в расчет, оставляли сидеть дома с Элси. Но, черт возьми, я больше не ребенок!

Неужели его нынешняя строптивость берет начало в детских обидах? У меня перед глазами вдруг всплыл образ сидящих на ступеньках близнецов. Элси с куклой, а Колин с набором шариков, которые я выстроил перед ним ровной линией. И мы с Пэтом, осторожно пробирающиеся между них, уходящие по своим делам.

— Ты больше не ребенок, это правда. Именно поэтому то, чем ты занимаешься и с кем, имеет значение. Все это повлияет на твою дальнейшую жизнь. Я говорил с Маккейбом, и он обещал тебя отпустить. Я могу увезти тебя туда, где нынешней твоей компании делать нечего.

Колин продолжал смотреть недоверчиво.

— Сам говоришь, что я не ребенок, а обращаешься со мной так, будто у меня нет права слова! — обиженно пробурчал он. — Кто ты такой, чтобы решать с Маккейбом мою судьбу, не спросив моего согласия?

— Колин...

— Я не просто вырос. Я занимаюсь важными делами! Меня уважают. Ты просто ничего обо мне не знаешь!

Я стиснул зубы.

— Да, ты снова прав. Ты вырос, а раз так — веди себя соответственно! Будь честен, не мечись из одной шайки в другую. — Он открыл рот, готовясь заспорить, однако я повысил голос: — И не надо лгать ма, что не можешь работать в порту, потому что всю работу разобрали русские и поляки. Дело-то все в том, что ты устроил там поножовщину, человек из-за тебя попал в госпиталь! Не надо

заставлять лгать других людей — как того парня в игорном зале, который наплел мне, что тебя там нет!

Колин раздраженно взъерошил волосы.

— И это ты говоришь мне о честности? Ты ведь ирландец из Уайтчепела, Микки. Не забыл? Строишь из себя крутого полицейского, действуешь так, словно мы тебе в подметки не годимся, а сам крутишь шуры-муры с надменной леди из Вест-Энда...

— Не припутывай ее сюда, Колин.

Мальчишка услышал звучащий в моем голосе металл и понял, что хватил через край.

— Слушаюсь, сэр, — фыркнул он.

Во мне закипел гнев. Сколько можно!

— Кто откололся от Маккейба? На кого ты теперь работаешь? Скажи мне, Колин.

Полтора десятка лет назад мальчишка сделал бы все, о чем мы с Пэтом только могли его попросить. Теперь же он всего лишь покачал головой, и пробить эту стену мне не удавалось, хоть тресни.

— На Финна Райли?

Колин напрягся и вздернул подбородок.

— Тебе Элси сказала? Господи, ничего ей нельзя доверить.

Я отвел взгляд, пытаюсь скрыть пронзившую меня мысль. Элси? Она-то какое имеет ко всему этому отношение? Мне вспомнился ее рассказ о ссоре с Колином. Похоже, Финн Райли был тем самым дружком, которого мальчишка сватал сестре. Я снова глянул ему в глаза.

— Нет, не Элси.

— Это не то, что ты думаешь! — взорвался Колин и тут же захлопнул рот.

Я молчал. Ждал продолжения, надеясь, что наконец пойму, что происходит у него в голове. Не дождавшись, спросил:

— Почему ты ушел от Маккейба?

Он отвел глаза и пожал плечами.

— А что я у него делал? Переносил деньги из одного места в другое. Большого ума не надо.

Так вот что стояло за его уходом? Потребность в осознании собственной значимости? Похоже, именно на этом и сыграл Райли. Интересно, какой он? Наверное, на несколько лет старше, уверенный в

себе, дерзкий, вообразивший, что способен справиться с самим главарем «Каменщиков». Именно человек подобного склада, выделивший Колина из окружающей Маккейба толпы, заставил бы его почувствовать себя избранным. Особенным...

— Что Финн тебе наобещал?

— Треть от добычи.

Треть? Стало быть, у Райли есть напарник.

— Сам подумай, Колин. Вряд ли партнер Райли захочет делиться. Он наверняка найдет способ вынудить его в тебе засомневаться.

— Нет, Финн мне доверяет, — вздернул подбородок Колин.

— С чего бы?

Мальчишка уставился на меня, но промолчал.

Я встревожился еще больше. Что такого сделал Колин, чтобы настолько быстро завоевать доверие Райли? Ладно, с этим пока подождем.

Я изучил его упрямое лицо. Глаза Колина воинственно сверкали. Копия брата... Пэт все думал, что ему по силам завоевать мир. Другое дело, что при этом он рассчитывал на мою поддержку. Колин же друзей выбирал необдуманно.

— Колин, дай мне тебя вытащить.

Я говорил тихо, но настойчиво, сознавая, что в моем голосе звучат умоляющие нотки. Мальчишка явно изнывал от нетерпения, и все же я не умолкал:

— Ни Райли, ни Маккейб тебя не найдут. У меня есть друзья в Ламбете, и не только, — тебе помогут.

Он снова покачал головой, разметав черные волосы.

— Я знаю, что делаю, Микки. Вот посмотришь.

Говорил он уверенно и твердо, хотя и взволнованно.

Я вспомнил тот день, когда Колин принес домой купленную в подарок ма Дойл безделушку. Как сияли тогда его глаза! Он клялся, что вещь серебряная, а у меня не хватило духу сказать, что это самая обычная железка.

Луна выползла из-за тучи, и в ее свете мы отчетливо видели лица друг друга. Колин больше не злился: казалось, он преисполнился терпения и готов ждать столько, сколько нужно — пока я не выговорюсь. Мой гнев тоже прошел, осталось лишь острое сожаление. Колин не передумает; слишком далеко мы с ним разошлись, и я уже не

имел на него такого влияния, как когда-то. Мне не суждено заставить его осознать, что он встал на кривую дорожку.

— Будь хотя бы осторожен, хорошо?

Больше мне ничего в голову не пришло.

Колин рассмеялся почти искренне — смущенно и, может быть, немного снисходительно.

— Со мной все в порядке, говорю тебе. Иди, Микки, возвращайся к своей службе.

Он отклеился от стены, развернув руки ладонями наружу, словно пытался показать, что не собирается причинять мне вреда, а потом развернулся и ушел. Еще миг — и улица опустела.

Проводив мальчишку взглядом, я долго стоял, ощущая, как беспокойство за его судьбу тяжелым грузом давит мне на плечи. Оставалось надеяться, что Колин не ошибается. Он был настолько убежден в доверии Райли, что едва не убедил и меня. Как знать? Возможно, он и вправду настолько близок к своему новому другу, что чувствует себя защищенным от предательства — ведь власть в новых бандах переходит из рук в руки так же легко, как волна накатывает на берег.

Однако какое отношение ко всему этому имеет Элси? Почему Колин считает, что она в разговоре со мной могла упомянуть Райли?

Ма последний раз обмолвилась, что у Элси немало ухажеров. Я зажмурился, припоминая нашу беседу на кухне. Звучало ли тогда имя Финна Райли? Не факт. Впрочем, не исключено.

Открыв глаза, я уставился на сумрачную улицу. Не этот ли козырь держит в рукаве Колин? Но как повернутся события, когда Райли поймет, что Элси предпочитает Имана? С другой стороны, возможно, Финн уже знает, что девушка выбрала другого, и для него это никакого значения не имеет. Возможно, он действительно ценит Колина.

Я вышел из-под мигающего света газового фонаря и направился домой, ощущая в кармане тяжесть пистолета.

Смысла продолжать спор с Колином не было. Раньше он меня почитал, однако те времена прошли. Во всяком случае, я сделал все, чтобы Маккейб оставил его в покое, и тот знал, что мои угрозы — не пустой звук.

Пожалуй, Колин прав. Пора возвращаться к службе.

Глава 20

Я лежал в кровати, прислушиваясь к стуку дождевых капель по оконному стеклу. Всего-то неделя прошла с того дня, как я проснулся с ощущением внутреннего благополучия, предвкушая традиционное воскресное чаепитие у Дойлов. В доме было тихо; отсутствие Гарри сегодня чувствовалось особенно остро. Должно быть, виной тому осознание, что я потерял Колина. С другой стороны, я действительно скучал по пареньку; мне не доставало его остроумных замечаний и внезапных озарений, да и просто обычной беседы о прочитанных им книгах. Я вернулся мыслями на несколько месяцев назад, в тот день, когда Гарри возмущался, что Теннисон, дескать, украл французскую историю об Элейн из Астолата для своей «Волшебницы Шалот». У парнишки было обостренное чувство справедливости, и я этой его чертой восхищался, как и некоторыми другими.

Откинув одеяло, я встал и выглянул на улицу. Вчера вечером ветер разогнал облака, однако теперь они вновь застилали небо тяжелой серой пеленой. Мой взгляд упал на дома на другой стороне дороги. Нашу улицу построили на отвоеванном у реки участке. Этот район Сохо стал развиваться после того, как часть Флит-ривер засыпали, чтобы проложить здесь железнодорожные пути. В глубине души мне нравилось думать, что где-то под землей течет скрытая водная артерия — молчаливая сводная сестра Темзы. Из дома напротив вышла женщина с пустой сумкой. Притворила дверь и раскрыла зонт — должно быть, направляется за покупками.

Я со вздохом отвернулся. Пора и мне собираться. Отобранный у Колина пистолет все еще лежал на умывальнике. Разрядив патронник, я взвесил оружие в руке и окинул его внимательным взглядом. Отличный «Уэбли» с черной рукояткой. Обращаться с пистолетами мне доводилось; впрочем, хорошо, что на службе они не требуются. Оружие я убрал под матрас, пулю — в ящик стола, оделся и сделал себе чашечку кофе. На улице уже накрапывал дождь, так что пришлось вернуться за зонтом.

Проходя через Уайтчепел, я ощутил, как с северного направления потянуло дымом. Ладно, Уоппинг подождет. Я пошел на запах и вскоре

добрался до перекрестка, где на углу еще тлео выгоревшее здание. Стены рухнули, засыпав улицу деревянной трухой. В лавочках по обе стороны дороги были разбиты окна. Вокруг уже собиралась толпа. Кто-то равнодушно наблюдал за происходящим, однако нашлись и добровольцы, помогавшие владельцам магазинчиков забивать окна досками.

— Когда это случилось? — спросил я у одного из зевак.

— Часа в два ночи, — сплюнул тот. — Налетело человек десять, все в черных капюшонах. Наглецы! Принесли с собой факелы и швырнули их в лавочку Пэдди. Этим-то повезло, — указал он на остальные здания, — отделались разбитыми стеклами.

— Кто-нибудь пострадал? — осведомился я, заранее опасаясь услышать ответ.

— Один человек погиб, еще двоих отвезли в госпиталь.

Развернувшись, я с тяжелым сердцем побрел обратно. Под навесом мясной лавки укрылся мальчишка-газетчик. Даже не глянув, что именно покупаю, я вручил ему монету и поймал кэб. Бедная лошадь, приходится работать под холодным ливнем... Впрочем, сегодня несчастна не только она.

Устроившись на сиденье, я развернул газету и прочел набранный жирными, кое-где уже расплывшимися от дождя буквами заголовок:

Ирландское республиканское братство виновно в
происшествиях в Ситтингборне и на Темзе!

Ожидаются новые акты террора!

Официальные лица с Уоппинг-стрит просят
устрашенных лондонцев оставаться дома!

Я не отрываясь смотрел на газетный лист, пока не почувствовал резь в глазах. Проморгавшись, глянул на название газеты. На этот раз не «Бикон» и не «Сентинел», от которых только и ждешь провокаций. У меня на коленях лежал вечерний номер «Ивнинг стар».

Что ж, дальше можно не читать. Хотя...

Одно из самых страшных за последние годы
происшествий на железной дороге случилось в субботу в
Ситтингборне, в какой-то сотне ярдов от вокзала.

Чудовищной силы толчок сбросил поезд с насыпи. Сотни израненных, окровавленных пассажиров бродили между обломков вагонов вдоль железнодорожных путей, крики и рыдания пострадавших женщин и детей потрясли до глубины души.

Расследование сразу позволило установить, что причиной катастрофы стал отсоединившийся от шпалы рельс. В дальнейшем стало очевидно, что на путях сработал маломощный заряд динамита, после чего поезд проехал по поврежденному участку. Также выяснилось, что стрелочник, ирландец по имени П. Макферсон, направил по главному пути товарный состав, в связи с чем пассажирскому поезду пришлось уйти на путь второстепенный, где и был заложен динамит. На месте крушения обнаружен флаг Ирландского республиканского братства с изображением солнечных лучей. Мистер Макферсон после происшествия исчез, и наша газета занимается изучением его связей с ИРБ.

На сегодняшний день у нас есть уверенность, что и крушение «Принцессы Алисы» вызвано действиями единственного человека — лоцмана «Замка Байуэлл» мистера Джона Конвея, также ирландца, заменившего основного лоцмана буквально в последнюю минуту. Уже имеется подтверждение, что его имя значится в книгах учета сочувствующих, которые ведет Братство. Мистер Шмидт, который должен был встать у штурвала, найден убитым за день до того, как «Замок Байуэлл» вышел из Миллуолла. В результате на борт попал мистер Конвей.

Каждый из нас с содроганием вспоминает хаос и боль, вызванные взрывами в тюрьме Клеркенуэлла и в театре Мэйфер. Тогда пострадали сотни лондонцев и даже члены королевской семьи. Являются ли инциденты в Ситтингборне и на Темзе первыми эпизодами новой серии атак, направленных против невинных лондонцев? Представители речной полиции рекомендуют гражданам оставаться дома и не подвергать себя риску!

Как обычно, репортеры опустили ряд важных фактов, а значение несущественных преувеличили. С одной стороны, некоторые грузовые составы в Ситтингборне действительно переводили на основной путь, и в этом не было ничего необычного; разумеется, пассажирский поезд стрелочник направил на запасную ветку.

Однако я впервые услышал, что стрелочник — ирландец. А потом эта фраза: «газета занимается изучением его связей с ИРБ»... Что это значит? Макферсон действительно связан с Братством? Или это лишь предположение репортера? И кто сообщил в редакцию о подобном факте?

Я бросил газету на сиденье и, упершись локтями в колени, погрузился в размышления.

Кто мог знать о подробностях происшествия больше, чем полиция? Только тот, кто его организовал.

Точно ли это ИРБ? И что это за чушь насчет «представителей речной полиции»? Слава богу, что в статье не позвучала моя фамилия, однако, прочитав в заголовке: «Официальные лица с Уоппинг-стрит», каждый сразу предположит, что речь обо мне. Я застонал. Черт, что же этот кэб так тащится?

Если Стайлз не напал на след Конвея, богом клянусь: глаз не сомкну, пока не найду лоцмана!

Доехав до Уоппинг-стрит, мы едва не столкнулись с отъезжающим от участка экипажем.

Бьюсь о заклад, Винсент уже здесь...

Перешагнув порог, я поприветствовал дежурного сержанта.

— Доброе утро, сэр! — отозвался тот, многозначительно мотнув головой в сторону моего кабинета.

— Винсент? — спросил я и сделал шаг вперед, не дожидаясь кивка.

— Вам сообщение, сэр. От мистера Стайлза.

Сержант протянул мне сложенный лист бумаги. Записку я развернул на ходу. Датирована вчерашним вечером...

Джон Конвей в госпитале Святой Терезы на Турбин-стрит. Поговорить не удалось — он спал под воздействием успокаивающих. Доктор говорит, что у него повреждения внутренних органов, но жить будет.

С.

Я сложил листок с долгим облегченным вздохом и, уже не первый раз, возблагодарил Господа за то, что Стайлз столь усерден. Госпиталь Святой Терезы был совсем маленьким, и принимали там обычно женщин и детей.

Открыв дверь, я остановился у порога. Винсент стоял у выходящего на Темзу окна точно так же, как обычно делал в своем собственном кабинете в Скотланд-Ярде, только мое окошко было не в пример грязнее. Вряд ли директору удалось что-то разглядеть сквозь мутное стекло.

— Здравствуйте, директор Винсент.

Он обернулся.

— А, Корраван! Ваши люди на реке?

— Да, все еще помогают поднимать со дна трупы, ну и опознание тоже на них.

— Что читаете? — спросил он, глянув на зажатую в моей руке газету.

— «Ивнинг стар».

— В «Стэндард» и в «Таймс» то же самое.

Судя по взгляду, директор был разозлен, однако держал себя в руках. Мы с ним оба понимали, что на прессу повлиять не можем. Просто надо делать свою работу, причем делать быстро.

Я бросил газету на стол и расстегнул пальто.

— Флаг наверняка подброшен, — заговорил Винсент. — Мы при осмотре ничего подобного не обнаружили. Удовлетворите мое любопытство, — сказал он, потеряв борт жилета, — что значат солнечные лучи для ИРБ? Ведь Ирландия — страна далеко не солнечная.

Странно... Вопрос совершенно не по делу.

— Это дань ирландскому мифу о Фианна, ордене храбрых воинов, совершивших множество подвигов. Они называли себя «Гэл Грейне» или «Скэл Грейне». И то, и другое переводится с гэльского как «солнечный луч».

— А, понятно... — рассеянно пробормотал директор и, помолчав, добавил: — «Стэндард» говорит, что мистер Луби выступит с заявлением.

Разумеется, я знал, что такая возможность существует, и все же мое сердце сбилось с ритма.

— То есть Братство примет на себя ответственность?

— На подобную вероятность всячески намекают.

Намекают, но не утверждают... Впрочем, надежда на иной исход едва теплилась.

— Корраван, я... я должен задать вам один вопрос.

Похоже, Винсент на что-то решился, хотя и выглядел несколько смущенно. Хм, так он просто тянул время...

Я настороженно кивнул.

— Зачем вы встречались с Джеймсом Маккейбом?

Я вздрогнул от удивления.

— Вы пустили за мной слежку?

Директор был явно разочарован. Видимо, рассчитывал на мое искреннее возмущение подобным предположением.

— Не я, — вздохнул он.

— Ротерли?

— Куотермен, причем без моего ведома. Конечно, он председатель комитета, а Ярд по-прежнему находится под наблюдением, так что извещать меня никто не обязан.

Куотермен, мой заклятый враг из наблюдательного комитета при парламенте... На самом деле я догадывался, что за решением о слежке стоял этот подхалим Ротерли. Ни тот, ни другой не желали видеть меня на посту исполняющего обязанности суперинтенданта речной полиции, однако Винсент настоял на своем. Во время последнего разговора с Ротерли я убедился, что тот хочет подвести меня под отказ в постоянной должности, и встречи с Маккейбом давали ему прекрасный аргумент.

— Вчера вечером он прислал мне сообщение о том, что вы с Маккейбом разговаривали не менее получаса. Потребовал объясниться. — Винсент сложил руки на груди. — Не желаю рассуждать о мотивах Куотермена, но признаюсь: мне и самому любопытно.

— К «Принцессе Алисе» наша встреча отношения не имеет. Это личное дело.

— К «Принцессе Алисе» сейчас имеет отношение абсолютно всё, — возразил директор. — Ирландский преступный мир — тем

более, до тех пор, пока с Братства не сняты подозрения в причастности к происшествию на Темзе.

Что ж, на месте Винсента я тоже заинтересовался бы. Он кое-что знал о моем прошлом, хотя откуда — я так до конца и не понял.

— Когда я остался один в Уайтчепеле, меня подобрала семья Дойлов: ма Дойл, Пэт — мой ровесник, а еще Колин и Элси, близняшки. Но те были гораздо младше. — Я откашлялся. — Колину сейчас девятнадцать, и, боюсь, он связался с бандой Маккейба. Пришлось идти на встречу с главарем «Каменщиков», просить его отпустить Колина.

Винсент ошутимо напрягся.

— Вы заключили с ним сделку?

— Ни в коем случае! Никаких уступок, которые позволили бы ему отвертеться от любого из расследований Ярда, — твердо возразил я. — Полагаю, Ротерли желает, чтобы меня отстранили от дела?

Винсент поднял руки.

— Я заявил, что этому не бывать. Но с Маккейбом видется больше не советую, Корраван. Во всяком случае, пока не кончится расследование. А если все же надумаете и Ротерли пронюхает...

— Понимаю, сэр.

— Что-нибудь еще вы с Маккейбом обсуждали?

— Погибло несколько его людей, и он желает убедиться, что Ярд к их смерти непричастен.

— Господи, с чего он вдруг подумал на Ярд? — округлил глаза Винсент.

— Одиннадцать лет назад, после Клерккенуэлла, два полисмена убили более десятка ирландцев. Некоторые из них принадлежали к «Каменщикам мыса».

По лицу директора пробежала тень; очевидно, об этой истории он никогда не слышал.

— Маккейб обеспокоен, поскольку против членов его банды используют огнестрельное оружие. Стайлз упоминал, что Ярд обнаружил пистолеты, которые тайно провозили в Лондон.

— Да, мы выявили один случай. — Винсент прикрыл глаза. — А сколько пропустили — одному Богу известно.

— Маккейб говорит, что «Каменщики» не имеют отношения к гибели «Принцессы Алисы». Его даже передернуло от отвращения,

когда я предположил подобную возможность.

— Вы ему верите?

Поколебавшись, я пожал плечами.

— У него на «Принцессе» были знакомые. Да и чего он добился бы, уничтожив судно? Его куда больше интересуют деньги, и внимание полиции «Каменщикам» ни к чему.

— Стало быть, вы считаете, что за преступлением стоит ИРБ?

— У меня нет такой уверенности. — Я передал Винсенту записку Стайлза и дождался, когда тот ознакомится с ее содержанием. — Собираюсь сегодня навестить Конвея, хотя и не думаю, что он виновен. Во-первых, если лоцман участник заговора, как он мог пострадать? Во-вторых, два разных члена экипажа «Принцессы» утверждают, что судно странным образом изменило курс. Очевидно, что ее маневры не имеют никакого отношения к лоцману «Замка Байуэлл»; поэтому меня интересует, не случилось ли чего внизу.

— Под судном?

Пришлось себе напомнить: Винсент — не речник.

— В подпалубном помещении, сэр. Конечно, «Принцесса Алиса» управляется штурвалом, однако у судов такого типа внизу имеется аварийный румпель, который используют при выходе из строя основного механизма.

— Полагаете, кто-то вмешался в управление?

— Если такой румпель вообще есть, то я хочу знать, кто мог получить к нему доступ.

— Хорошо, Корраван. — Директор с облегчением поднялся. — Благодарю вас. Кстати, завтра на кладбище Вулиджа состоятся похороны погибших. Церемония начнется в девять. Мы с Куотерменом и Ротерли будем присутствовать. Неплохо бы и вам тоже подойти.

После нашего разговора я возненавидел Куотермена и Ротерли пуще жизни, а похороны ненавидел еще больше, однако кивнул:

— Слушаюсь, сэр.

Глава 21

Госпиталь Святой Терезы на Турбин-стрит представлял собой ничем не примечательное кирпичное здание, втиснутое между двух точно таких же домов. Парадный вход находился на одну ступеньку ниже тротуара; пришлось пригнуться, чтобы не набить шишку о притолоку. Сидевшая за столом в маленьком холле молодая женщина окинула меня подозрительным взглядом.

— Чего вы хотите? Нам здесь неприятности не нужны. Если что, вызову полицию.

— Я и есть полиция. Инспектор Корраван к вашим услугам.

— А, вы из Ярда, — неуверенно пробормотала она.

Поправлять женщину я не стал.

— Мне бы повидать мистера Конвея. Он пострадал при крушении «Принцессы Алисы». У меня есть к нему вопросы.

— О... — распахнула она синие глаза. — Спрошу доктора, можно ли навещать больного.

Дежурная исчезла в коридоре, а я тем временем изучил висящие на стене документы в рамках. Первый — диплом, удостоверяющий, что доктор Мэри Элизабет Брэдфорд окончила Университет Эдинбурга. Второй свидетельствовал о том, что доктор Майкл Брэдфорд является членом Королевской коллегии хирургов. Видимо, отец Мэри, а госпиталь Святой Терезы — одно из немногих мест в Лондоне, куда она могла устроиться на службу по специальности. Белинда лично знала двух женщин-врачей, и обеим было позволено работать лишь в качестве акушерок.

— Мистер Корраван? Я — лечащий врач мистера Конвея.

Я обернулся и невольно опустил взгляд. Появившаяся в холле женщина макушкой едва доставала мне до груди. Выющиеся светло-каштановые волосы уложены в строгую прическу с узлом на затылке; поверх полосатой блузки с удобными, не мешающими работе рукавами — белый докторский фартук. Ее сложение показалось мне довольно хрупким для работы врача, однако спокойные карие глаза смотрели ясно и пытливо. Видимо, подобное спокойствие приходит с большим опытом.

— Здравствуйте, доктор Брэдфорд, — поприветствовал ее я, почтительно наклонив голову.

— Мне сказали, что вы хотите поговорить с мистером Конвеем.

— У меня всего несколько вопросов.

Доктор заколебалась, вынудив меня уточнить:

— Он еще жив?

— К счастью, да, — озабоченно сказала мисс Брэдфорд. — У него травма головы, повреждена гортань и было кровотечение из селезенки, однако операция прошла успешно. — Она скрестила руки на груди. — Ему сейчас нельзя нервничать. Один из больных неосмотрительно показал мистеру Конвею вчерашнюю газету, и я с трудом удержала его в постели.

— Газеты не располагают достоверными фактами, а я не собираюсь обсуждать с вашим пациентом слухи.

— Что ж, хорошо, — с облегчением произнесла она.

Мы прошли сквозь длинную узкую палату, в которой койки стояли через равные промежутки по обе стороны от центра, затем поднялись по лестнице. Наверху доктор остановилась, положив ладонь на ручку двери, и снова встревоженно глянула мне в глаза.

— Мистер Корраван, нашего больного никто не навещал, кроме одного из ваших коллег. Есть ли у него в Лондоне семья? Я спросила у мистера Конвея, можем ли мы кого-то известить о его местонахождении, но он лишь покачал головой.

— Не могу сказать точно, — признался я. — Если он что-то скажет по этому поводу, я вам передам.

Она кивнула, открыла дверь и указала на отгороженный занавесками закуток в дальнем конце палаты.

— Мистер Конвей — единственный пациент мужского пола, и мы сделали все возможное, чтобы изолировать его от остальных.

Она провела меня в угол и отдернула занавеску, приоткрыв вход в импровизированную комнатку. У пациента была ярко-рыжая шевелюра, густая и вьющаяся. В области виска волосы выбрили, чтобы наложить повязку. Сложение вроде бы среднее, насколько можно разглядеть под серым больничным одеялом. Лоцман бросил на меня взгляд, и я облегченно выдохнул. Больной неподвижно лежал на спине, но был в сознании.

— Мистер Конвей?

— Он самый, — хрипло пробормотал лоцман.

— Я — инспектор Корраван из речной полиции. Расследую причины крушения «Принцессы Алисы». Вы хорошо себя чувствуете?

— Пока не знаю. Доктор сказала, что у меня было внутреннее кровотечение, но, раз она меня постоянно проведывает, значит, Старый Гарри за мной еще не собирается. — В его глазах засветилось негодование. — Вот что хочу вам сказать: никто из нас не был пьян, я не таранил тот пароход и знаю, кого вам следует искать. Меня пытались убить!

Конвей осторожно коснулся горла.

Подобного выступления я не ожидал, но, во всяком случае, убедился, что больной не собирается играть в молчанку, и, придвинув стул к его койке, ответил:

— Мистер Конвей, я в своем расследовании не руководствуюсь сплетнями, которые печатают в газетах.

— Да уж надеюсь! — воскликнул он и, похоже, немного смягчился. — Прошу прощения, но очень тяжело читать, как тебя поливают грязью, а ты не можешь опровергнуть клевету.

Бог свидетель, я разделял его раздражение.

— Надо думать... Можете рассказать, что именно случилось в тот вечер? Я прибыл к месту катастрофы из Уоппинга, однако судно к тому моменту уже затонуло.

— Вы и не могли успеть. Все случилось в считанные минуты. — На лице Конвея появилась страдальческая гримаса. — Это было ужасно... Бедные люди!

Он сглотнул, пытаясь подавить кашель.

— Вы стояли у штурвала «Замка Байуэлл»?

— Да.

— И прибыли на борт в качестве подменного лоцмана в самую последнюю секунду...

— Их человек не приехал, а я как раз сидел в конторе начальника порта. Тогда еще подумал, как им повезло. — Конвей добавил почти шепотом: — Эти полчаса оказались самыми несчастливymi в моей жизни.

— Капитан сказал, что у вас были недоразумения с оплатой.

— Да, верно. Обычно я получаю расчет по понедельникам. Но в этот раз мне сказали, что реестр куда-то пропал, поэтому с оплатой

придется подождать. Я приехал во вторник и засел в конторе в ожидании кассира.

И все же Конвей оказался на борту «Замка Байуэлл» по странному стечению обстоятельств... В душе у меня снова зашевелились подозрения.

— Такое уже случалось?

— Нет, никогда, — озадаченно сказал лоцман. — Разве это имеет какое-то значение?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Что происходило непосредственно перед крушением и сразу после него? Кто в этот момент был рядом с вами?

Конвей дрожащей рукой натянул одеяло до подбородка.

— Я стоял у штурвала. Капитан был от меня шагах в пяти, вперёдсмотрящий — на носу.

— Знаете его фамилию?

— Точно сказать не могу. Вроде бы его называли Диком.

— Это он пытался вас убить?

— Нет-нет. — Пальцы лоцмана раздраженно потербели одеяло. — Тот человек появился позднее.

— Хорошо. Где в этот момент находилось судно?

— Очень близко к южному берегу, но не вплотную. — Конвей поднял руку и снова уронил ее на грудь. — Если вы знаете Темзу, то помните, что там есть отмели, которые меняют рельеф в зависимости от уровня воды. Недавние дожди нанесли в реку грязи к западу от Трипкок-пойнт, так что мы шли в сотне ярдов от оконечности мыса. — Он помолчал. — Я раньше работал лоцманом на металлургическом заводе Мантеля, и по Темзе хожу уже двадцать один год. Много раз видел, как малые суда в местах типа Трипкок-пойнт прижимаются к берегу.

— Где еще они так же обходят течение?

— Ну, ниже по реке таких ловушек можно насчитать с полдюжины, например у причалов Бесселя или у Шропли-пойнт. Выше по течению есть еще Пристань девяти вязов и Лесная биржа.

Кивнув, я жестом предложил ему продолжать.

— Я об этом помнил, потому и крикнул вперёдсмотрящему, чтобы он не сводил глаз с фарватера.

— Было уже совсем темно?

— Ну, луна скрылась за облаками, но мы видели судовые огни буксира и баржи, шедших неподалеку, и углевозов, швартующихся у газового завода. Когда приблизились к мысу, впередсмотрящий крикнул, что впереди по курсу судно, и предложил дать лево руля. Потом начал путаться — то право, то лево... Капитан тут же к нему подскочил и приказал: «Лево руля, парень! Они меняют курс!» Я переложил штурвал, но было уже поздно.

— Значит, «Принцесса Алиса» сменила курс... — задумчиво повторил я.

— Да. Просто взяла и повернулась к нам правым бортом.

— Что произошло после столкновения?

— Капитан приказал свободным членам экипажа спускаться на воду все, что было под рукой, — спасательные шлюпки и буи. Мы надеялись, что сумеем спасти пассажиров «Принцессы», пока те еще держатся на воде. Капитан жал на гудок не переставая, чтобы привлечь внимание проходящих мимо судов, и многие пришли на помощь.

— Мистер Гаррисон утверждает, что скомандовал «полный назад».

— Да-да, нам же надо было остановиться. Но он тут же дал отбой, потому что один из людей с «Принцессы» поднялся на борт и крикнул капитану: «Командуйте „стоп-машина“, иначе зарубите людей винтами!»

— Они вступили в спор?

— Да нет, — махнул рукой Конвей. — Кричали, иначе друг друга было не слышать. Потом капитан отдал приказ «стоп-машина» и бросился на корму.

Рассказ лоцмана не совсем совпадал с показаниями Гаррисона, который, по его словам, сразу побежал на корму, но, с другой стороны, не слишком им противоречил. Я сделал пометку в блокноте и решил сменить тему.

— Вы ведь ирландец, если я не ошибаюсь?

— Ну да, — криво усмехнулся он. — А вы?

Кивнув, я спросил:

— Ваша семья в Ирландии или здесь?

Конвей поник.

— Боюсь, о семье говорить не приходится.

— У вас есть кто-то из родных в Лондоне?

— Я живу один, — сказал лоцман, не отрывая взгляд от одеяла.

— Вы были женаты?

Он коротко кивнул. Выходит, я догадался правильно: памятные вещички он при побеге ни за что не оставил бы.

— Вы как-то связаны с ИРБ?

— Я их идеи не поддерживаю, — пробормотал Конвей, глянув мне в глаза. — Больше не поддерживаю...

У меня екнуло сердце.

— Значит, когда-то вы их разделяли?

— Не буду прикидываться — я знаю, к чему вы ведете, — вздохнул лоцман. — Признаюсь, у меня есть друзья в Братстве. Я посещал некоторые их собрания. — Помолчав, он добавил: — Даже ставил подпись напротив своей фамилии.

Я с трудом скрыл охвативший меня ужас.

— Сколько раз вы ходили на собрания?

— Два или три раза. А потом перестал.

— Почему?

Его руки беспокойно задвигались по одеялу.

— Ирландии нужна автономия. Мы должны сами управлять своей судьбой, но не за счет жизней невинных людей. В любом случае, все эти взрывы лишь ожесточают англичан, заставляют их закусить удила. По-моему, это результат их многолетних войн с французами, в которых они все-таки одержали победу. Вы родились в Ирландии или уже здесь? — прищурился он.

— В Ирландии, хотя ровным счетом ничего об этих временах не помню. Родители перебрались сюда в сорок седьмом из графства Арма.

Конвей кивнул.

— А мы переехали в Ливерпуль в сорок восьмом. Нас у родителей было четверо. Двоих похоронили, и мать убедилась: надо уезжать. И отца убедила. — Он слабо улыбнулся. — Господи, мама была вдвое меньше папы, но в ту ночь, когда мы потеряли Молли, толкнула его в грудь и заявила, что уезжает, а он пусть как хочет. Когда она начинала говорить таким тоном, отец всегда ее слушался. И мы тоже.

Не знаю, что разглядел Конвей в моих глазах, но его черты смягчились.

— Влипли вы в это дело, да?

— Газеты сообщают, что на месте железнодорожной катастрофы найден динамит и флаг Братства, — вздохнул я. — А тут еще вы у штурвала «Замка Байуэлл». Знаете, сколько желающих найти связь между этими событиями?

— Разве на «Принцессе» тоже обнаружили взрывчатку и флаг? — удивленно моргнул лоцман.

— Пока нет. Корабль еще не подняли со дна.

Конвей тихо хмыкнул.

— Теперь расскажите, кто на вас напал.

Мы встретились взглядами.

— Я стоял у штурвала, капитан и впередсмотрящий убежали на корму, так что вокруг никого не было. В этот миг кто-то подкрался сзади, набросил мне на шею веревку и дернул на себя. — Он отодвинул ворот больничной рубахи и показал длинную красную отметину. — Я не ожидал нападения и не сразу среагировал. Так или иначе, я умею не терять головы, поэтому ударил ногой назад и угодил нападавшему в колено. Тот ослабил хватку, и я швырнул в него первое, что попало под руку, но тут же получил удар в живот. У меня в кармане был нож; я сделал выпад и, по-моему, поранил ему руку. Он врезал мне снова — так, что зазвенело в ушах, а я опять ткнул ножом. Не знаю, куда попал, но этот человек взвизгнул и сшиб меня на палубу. Больше ничего не помню.

— Как выглядел ваш противник?

— Кудрявый, волосы светлые, в кепи.

По описанию таинственный незнакомец походил на того, что напал на Эйрса, и я уточнил:

— Насколько светлые?

— Почти белые, — ответил Конвей. — Лет двадцати или двадцати пяти. Пониже вас, но сложение крепкое.

У меня по спине пробежали мурашки. Два блондина атакуют рулевых — бывают ли такие совпадения? Или это один и тот же человек? Но как ему удалось столь быстро перебраться с одного судна на другое? Напал на Эйрса, потом бросился в воду и по канату взобрался на борт «Замка Байуэлл»? Невозможно...

— Не смотрите на меня так! Может, я и не все помню, однако с ума еще не сошел! — с негодованием заявил Конвей. — Мне не померещилось!

Не успел я объяснить, что верю его рассказу, как занавеску отдернули в сторону, и перед нами возникла медицинская сестра.

— Простите, но пациентов беспокоить нельзя, а вас в палате очень хорошо слышно, — неодобрительно произнесла она.

— Да-да, конечно. — Я положил руку на плечо Конвея. — Я вам верю, не переживайте. Все выяснится.

Откинув край одеяла, лоцман схватил меня за предплечье.

— Я не сделал ничего предосудительного, — твердо и искренне сказал он. — «Принцесса» просто не должна была там появиться, а уж резко менять курс, да еще в такой темноте — тем более.

— Согласен с вами, мистер Конвей, — кивнул я, и он отпустил мою руку.

— Мистер Корраван, — тронула меня за локоть сестра. — Я должна попросить вас удалиться. Пациентам пора принять лекарства и поспать.

— Надеюсь, вы быстро поправитесь, — обратился я к Конвею. — Спасибо вам большое.

Проводив меня до лестничной площадки, сестра попрощалась и исчезла.

Я вышел из госпиталя, размышляя над словами лоцмана. Как неудачно, что он засветился на собраниях Братства! В противном случае подозрение с него снять было бы гораздо проще. Однако что сделано — того не воротишь. На самом деле это пятно на его биографии не изменило моего предчувствия: лоцман не являлся участником заговора. Вне всяких сомнений, меня обвинят в том, что я благоволю Конвею как соотечественнику, но у меня возникла неприятная догадка, что лоцман стал пешкой в чужой игре.

Глава 22

Прошло несколько дней с последнего моего посещения места катастрофы, и я снова направился к газовому заводу Бэктона. Оказавшись на южном берегу, встал и осмотрелся. День, слава богу, выдался довольно теплый. Небо заволокло, однако дождя ничто не предвещало. Под ливнем поднимать фрагменты затонувшего судна было бы не в пример сложнее, и сегодня работа шла бойко. Наблюдал за процессом не только я: дюжина предприимчивых лодочников возила любопытствующих к месту действия. Зеваки вытягивали шеи и что-то показывали друг другу со странной смесью ужаса и возбуждения.

Господи сохрани... Не хватало еще, чтобы несчастье превратилось в зрелище, за которое люди готовы платить деньги.

Начался отлив, и над водой показался окрашенный в красный цвет верх кожуха гребного колеса. Трое мужчин потыкали его шестами, пытаясь убедиться в устойчивости конструкции.

Вскоре в реку спустили водолаза. Через некоторое время тот поднялся на поверхность, и я, усевшись в плашкоут, поплыл к суденышку, с которого руководили работами. Взобравшись на борт, столкнулся с мужчиной примерно моего возраста, и тот окинул меня усталым взглядом, явно собираясь отправить обратно на берег.

— Инспектор Корраван, — представился я. — Из речной полиции.

— А, вот как, — облегченно вздохнул мужчина. — Я — Вуд, из инспекции речных причалов. Думал, вы тоже из комитета.

— Ротерли здесь?

Вуд раздраженно поджал губы.

— Болтается тут вокруг, все поторапливает. В первую очередь, естественно, поднимали тела, так что мы приступили только вчера после обеда. Пока оцениваем фронт работ.

— Понятно. — Я осмотрел участок реки, на котором произошло крушение. — Что-то удалось выяснить?

— «Алиса» развалилась на три части, — начал Вуд. — Нос направлен вниз по течению, корма смотрит в другую сторону, а среднюю часть с котлами развернуло поперек. Крышу салона до сих

пор не нашли. По-моему, ее унесло отливом, — махнул он рукой в направлении Рейнхэма.

— Удастся ли поднять все фрагменты?

— Рано или поздно. Конечно, это сложнее, чем поднимать целое судно. Когда корпус расколот, подводить под него цепи приходится по нескольку часов. Очень неудачно, что «Принцесса» легла на дно на самой середине реки — другие суда то и дело норовят пройти прямо над ней.

— Не говоря уж об этом безобразии, — пробормотал я, указав на лодки с зеваками.

— Те еще дельцы! Берут по шиллингу с каждого желающего.

Я хмыкнул, и Вуд отвлекся, глянув на реку.

— Понимаю, что мы затрудняем судоходство, но ничего не поделаешь. Пришлось ждать отлива, чтобы начать заниматься передней частью.

— То есть вы приступили к работе в два часа ночи? — недоверчиво спросил я.

— Зажгли фонари, военные помогли сигнальными ракетами, — объяснил он, и я вспомнил, что военных действительно готовили к подобным ситуациям. — Подвели две цепи, но этого оказалось недостаточно. Добавили третью, а сейчас водолаз ковыряется с четвертой. Надеюсь, теперь вытащим, тем более что прилив еще не начался.

— Ждем, что скажет водолаз, — встрял в разговор еще один мужчина.

Через десять минут ныряльщик вскарабкался на борт и снял с себя защитные очки. Его грязное лицо выглядело печальным.

— Похоже, в давке не всем удалось выбраться из салонов. Дверцы зажало давлением воды, и трупы стоят там, словно бутылки в ящике.

У меня внутри все перевернулось. Значит, извлекли далеко не все тела...

— Поднять нос сможем? — спросил Вуд.

Водолаз кивнул.

— Четвертую цепь я закрепил. Только надо поспешить, сделать все до прилива.

Мы перевели взгляд на реку. К месту крушения приближалась «Метида». Судовой оркестр прервал развеселую мелодию и заиграл

что-то траурное. Раздался скрип подъемного крана, цепи натянулись, и крановщик предпринял осторожную попытку поднять фрагмент судна. Цепи провисли, затем вновь зазвенели, как струна, и Вуд крикнул:

— Пошла!

Передняя часть парохода появилась над водой и, погрузившись выше ватерлинии, медленно поплыла к южному берегу. Наконец нос «Принцессы» вытащила на мелководье, и мы устали на покореженный мостик, искривившиеся поручни и расколотую трубу. На поверхность всплыло мертвое тело, и Вуд махнул рукой одной из служебных лодок. Гребцы налегли на весла, и суденышко подошло к трупу. Один из мужчин медленно подгребал, удерживая лодку на месте, второй же подцепил распухшее тело большим металлическим багром и перевалил его через планшир. Подплыв к берегу, они перегрузили покойника на ручную тележку. Крепкий мужчина покати ее вверх по берегу, где ждала открытая повозка вроде тех, что используют для перевозки сена. Кто-то из работников приподнял край белой материи, под которым лежало еще несколько тел, и втиснул туда нового утопленника.

— Куда вы их отправляете? — поинтересовался я.

— В ангары газового завода. Нам разрешили продолжать их использовать, так что родственникам погибших не придется ездить в разные места.

Уж не Винсент ли распорядился?..

— Кто-нибудь может сказать, был ли на «Принцессе» аварийный румпель? А если был — исправен ли он?

— Наверное, сможем выяснить только к концу дня, — вздохнул Вуд. — Под среднюю часть цепи подведем часов через десять — двенадцать. Прилив сейчас против нас.

— Да, понимаю. Работенка не приведи господь, но вы справляетесь здорово.

— Сможете сделать мне одолжение и упомянуть об этом в своем рапорте?

Кивнув, я вновь забрался в плашкоут и, глянув на берег, заметил старшего стюарда Бонси. Тот стоял у воды с непокрытой головой. Он-то мне и нужен. Я торопливо заработал веслами, быстро причалил и начал пробираться сквозь толпу.

— Мистер Бонси!

Стюард повернул ко мне небритое осунувшееся лицо и пробормотал:

— Это худшая неделя в моей жизни...

— Мне очень жаль.

Бонси ничего не ответил, продолжая наблюдать за процессом извлечения судна со дна реки, и я прервал молчание:

— Вы говорили, что забрались на борт «Замка» по канату?

— Именно так, — кисло сказал он. — Забрался.

— Какое впечатление у вас сложилось о капитане и лоцмане углевоза? И о впередсмотрящем?

— Ну, капитан непрерывно жал на гудок и раздавал приказы. Не паниковал. Лоцман тоже был хладнокровен, а вот впередсмотрящий орал во все горло от ужаса.

— Никто из них не показался вам выпившим?

— Это вы в газетах прочли? — фыркнул Бонси. — Я бы не сказал. Эти трое — нет. — Он помолчал. — Хотя один из членов экипажа точно был пьян. По-моему, кочегар, судя по испачканным углем рукам. Я побежал помочь спустить шлюпку, а он лишь смеялся.

— Смеялся? — повторил я.

Вероятно, это и был Перселл.

— Ну, не знаю. Напевал, хихикал — что-то в этом роде. Еще этот человек несколько раз споткнулся, и я решил было, что он пострадал. Даже подошел к нему, уловил запах спиртного и тут же отобрал у него канат для спуска шлюпки.

— Мистер Эйрс утверждает, что румпель на «Принцессе» был неисправен, двигался самопроизвольно. У вас не сложилось такого впечатления?

Бонси возмущенно выпрямился.

— Так вы намерены винить в крушении «Принцессу Алису»? Вы ошибаетесь, точно вам говорю! Мы каждую неделю проводим тщательный осмотр судна, а двигатель и румпель проверяем каждый вечер. Я ведь рассказывал: «Замок Байуэлл» двигался вниз по течению с недопустимой скоростью!

— Мы пока собираем факты, Бонси, — резко ответил я. — На «Принцессе» есть аварийный румпель в подпалубном помещении?

— Разумеется, — отрезал он. — На случай, если штурвал выйдет из строя.

— Кто мог перед крушением оказаться внизу? Кто знал о существовании второго румпеля и умел им пользоваться?

Бони задумался и наконец нехотя сказал:

— Том Робсон, Джейкоб Суини и Нед Уилкинс. Все они ходят на «Принцессе» уже несколько лет. Хорошие матросы, опытные и надежные.

Люди меняются, подумал я, и могут годами скрывать свои истинные намерения.

— Видели ли вы кого-то из этих троих с момента катастрофы?

— Тома и Джейкоба встретил пару дней назад, — с ноткой озабоченности пробормотал Бонси. — Оба были на палубе, когда произошло столкновение. Том возился со спасательными буями, а Джейкоб помогал спускать шлюпки.

— Что насчет третьего матроса?

— Нед был внизу. — Бонси выглядел озадаченным. — А что, о нем никто не слышал? Плавать он умеет.

— Пока не знаю. Мы пытаемся разыскать всех выживших членов команды, но кто-то мог угодить в госпиталь, а кто-то, возможно, уверен, что о его спасении известно со слов товарищей.

И все же Нед Уилкинс мог прочесть в газетах, что ему следует явиться в полицию. Почему он этого не сделал? Тоже пострадал, как и Конвей?

— Не знаете, где можно найти этого Уилкинса?

— Не знаю, но слышал, что его мать живет здесь, в Лондоне.

— В судовом журнале записаны имена и адреса членов экипажа?

Бонси мрачно глянул на реку.

— Журнал утонул вместе с судном. Можете обратиться в Лигу по охране труда. Наверняка Нед зарегистрирован в их реестрах.

— Как он выглядит?

— Лет двадцать пять, крепкий. Синеглазый, светлые волосы.

Я отвернулся в сторону, пытаюсь скрыть блеск в глазах. Блондинов в Лондоне немало. А вот блондинов с доступом к аварийному румпелю...

Мы еще постояли, наблюдая за сложным процессом перемещения носа судна к берегу. Корпус бедного кораблика был покрыт илом; вместо разбитых деревянных бортов торчали острые зубья обломков с запутавшейся в них тиной. Потребовалось два крана, чтобы вытащить

на берег первый фрагмент парохода. Пройдет немало времени, пока с него снимут цепи и подведут их под среднюю часть.

Появился Ротерли — перебрался из плашкоута на служебное судно. Его высокая костлявая фигура возникала то у одного борта, то у другого, и я посочувствовал Вуду. Даже с берега было понятно, что глава комитета лезет с непрошенными советами и путается под ногами.

Я попрощался с Бонси, оставив его нести свою печальную вахту.

Глава 23

Следующий день газеты назвали «похоронным понедельником». Церемония должна была состояться на кладбище Вулиджа.

Похороны я не любил. Хотя кто их любит? Я всегда нервничал, пытаюсь изловчиться так, чтобы не испытывать боли в ногах от своих лучших и весьма жестких ботинок. Впрочем, понятно, почему директор попросил меня явиться.

Скромно устроившись за группой мужчин в темных пальто, я разглядел в толпе Винсента и нескольких парламентариев, стоявших с подавленными и мрачными — как положено — лицами. Ротерли терся подле Куотермена. Пока шла траурная служба, никто из них не удостоил меня взглядом, хотя о моем присутствии наверняка было известно. Наконец прозвучала последняя молитва, и я с облегченным вздохом ретировался. За воротами кладбища стояли два десятка полисменов в форме столичной полиции. Каждый с дубинкой. Подойдя ближе, я понял, в чем тут дело.

На другой стороне улицы собралась разъяренная толпа. Человек пятьдесят, а может, и больше. Многие держали в руках разорванные в клочья ирландские флаги. Четверо протестующих, наряженные обезьянами, намотали на себя оранжево-бело-зеленые полотнища, словно подгузники. Некоторые пели, но слова я разобрал с трудом — настолько нестройно звучал хор. «Ирландские свиньи из грязного хлева!» — вот что они скандировали, и с каждым разом все громче и энергичнее.

Развернувшись, я двинулся в другом направлении. Лучше пройти лишние полмили в проклятых неудобных ботинках, чем влипнуть в историю.

— Корраван! — окликнули меня сзади.

Ротерли...

Я нехотя обернулся. Помахивая тростью с набалдашником из слоновой кости, председатель комитета по крушениям приблизился ко мне и кивком указал на бушующую толпу.

— Надеюсь, вы заметили, что происходит?

— Разумеется.

Его глаза под лохматыми седыми бровями загорелись сердитым блеском.

— А будет еще хуже! Вы должны арестовать этого человека, Конвея. Понимаю, что вам это не по нутру, и поверьте: комитет знает почему. Конвей убил сотни людей — и неважно, намеренно или нет.

— Откуда вам знать? — возразил я. — Вы ведь с ним лично не говорили.

— А вы? — тут же спросил Ротерли.

Я промолчал. Лгать не хотелось, и, черт возьми, в спор вступать не следовало.

— Защищая его, вы препятствуете правосудию!

Я продолжал хранить молчание.

Ротерли склонился ко мне, вытянув шею больше обычного.

— На кону безопасность Лондона и его экономика! Я уж не говорю о репутации нашей столицы как колыбели культуры и незыблемых правил! А вы отказываетесь поступать как должно, потому что стремитесь выгородить своего соотечественника.

И на это обвинение я отвечать не стал.

Ротерли гневно выпрямился и ударил тростью в землю.

— Полагаю, в каком-то смысле вас нельзя винить, учитывая ваше воспитание. Восемнадцать лет воровства и кулачных боев так просто не вычеркнешь, сколько ни старайся. В глубине души вы все равно остаетесь алчным уличным мальчишкой, не испытывающим уважения к закону. Выразусь яснее: если хотя бы еще один человек погибнет из-за того, что вы до сих пор позволяете Конвею гулять на воле, вы предстанете перед судом вместе, уверяю вас! Мы не позволим вам и дальше сеять хаос в Лондоне!

Он резко развернулся и зашагал прочь.

Я знал, что за человек Ротерли, и на его мнение обо мне плевал с высокой колокольни. Знал, что Конвей никакого хаоса сеять не собирался. И все же прозвучавшие в мой адрес слова выбили меня из колеи, и я побрел в Уоппинг, с мрачным удовлетворением представляя себе сцены унижения и позора председателя комитета. Только бы дожидаться, когда его предвзятость будет доказана в суде, на парламентских слушаниях и в газетах...

К тому моменту, когда я добрался до своего кабинета, мысленный образ Ротерли уже уменьшился до размеров дождевого червя, так что

можно было спокойно просмотреть составленные Стайлзом списки. Первый содержал фамилии погибших с южного берега; во второй колонке инспектор проставлял даты, когда именно тело извлекли из реки. Точно такой же перечень Стайлз подготовил по северному берегу. Также ему удалось выписать фамилии членов экипажа обоих судов, которые он добывал из разных источников.

Я вышел из кабинета.

— Эндриус, принесите последнюю прессу, где есть списки погибших и выживших в крушении.

Сержант быстро вернулся с парой газет.

— Какую желаете, сэр? «Таймс»? — поднял он правую руку. — Или «Рекорд»? — Вверх пошла левая рука.

— Обе, — сказал я и поблагодарил подчиненного.

Я внимательно просматривал первую колонку опубликованных в «Таймс» фамилий спасенных, пытаюсь обнаружить среди них Неда Уилкинса с «Принцессы», когда в дверь постучал Стайлз. На его лице лежала печать усталости; кончик носа покраснел от холода. Взгляд инспектора был мрачен.

— Что еще случилось? — спросил я, подавив вздох.

Стайлз шагнул через порог, и с ним в кабинет вполз тяжелый сырой дух реки. Инспектор преувеличенно осторожно прикрыл дверь, щелкнув язычком замка. Похоже, тянул время, не желая меня расстраивать.

— Только что подняли корму, — наконец начал он.

— Что там? Еще тела?

— Это ужасно, — кивнул Стайлз.

— Я вчера туда заезжал.

— К сожалению, это еще не все, — печально продолжил он. — Я нашел динамит, Корраван.

Я похолодел.

— Целый ящик. — Стайлз очертил рукой квадрат два на два фута и около фута высотой. — Он лежал под водой, но не разглядеть шашки было невозможно.

Шансов на то, что катастрофа стала следствием трагической случайности, не осталось. Ящик взрывчатки позволит газетам связать ее с Ирландским республиканским братством. У меня вырвалось проклятие.

— Вот именно, — вздохнул инспектор.

— Репортеры присутствовали?

— Вроде бы нет. К счастью, работа велась в ночное время, так что посторонних там не было.

Я с облегчением откинулся на спинку стула.

— Хорошо, что динамит нашли вы...

— Нашел — потому что искал. — Инспектор вытер нос платком. — Мистер Вуд понимает, что болтать о находке не следует, а больше я никому о ней не сообщал.

— Надеюсь, Ротерли к тому моменту уже ушел?

— Задолго до того, — кивнул Стайлз.

Хоть здесь повезло...

— Вы уверены, что взрыва не было?

— Ящик лежал под скамейкой. Никаких повреждений на нем я не обнаружил.

У меня на миг перехватило дыхание.

— Выходит, динамит на судно пронесли в качестве запасного варианта. Не столкнись «Принцесса» с «Замокком Байуэлл», заговорщики устроили бы взрыв. Так или иначе, похоже, кто-то твердо вознамерился пустить «Принцессу Алису» на дно.

Стайлз вздохнул, словно готовясь снять камень с души.

— Если честно, Корраван... Мне с самого начала казалось, что встреча «Принцессы» с углевозом — трагическое совпадение. «Замок» выбился из графика на несколько часов из-за инцидента с баржей и поисков лоцмана. Динамит — средство куда более надежное.

— На реке около десятка мест, где эти два судна могли столкнуться с тем же исходом, — напомнил я. — «Принцесса» ведь на обратном пути держалась в основном под южным берегом.

— Вы правы, — согласился Стайлз.

— Я ваши сомнения понимаю. Спрашиваете, почему бы просто не использовать взрывчатку? Динамит — визитная карточка Братства. Так зачем же рассчитывать на волю случая, пытаться подставить «Принцессу» под нос «Замка»?

— Я думал об этом, — медленно проговорил Стайлз. — Возможно, ИРБ пытается доказать, что способно превратить в оружие все что угодно, даже углевоз.

Я кивнул. Организация такого рода крушения могла содержать пугающее послание, если Братство и вправду вынашивало подобный замысел.

— Кроме того, — добавил инспектор, — динамит довольно часто не срабатывает. Вспомните прошлогодний случай на вокзале «Виктория».

Да, в тот раз террористов подвел часовой механизм, и заряд не взорвался. В таком деле немало важных мелочей: может отсоединиться запальный шнур, может отсыреть динамит...

Стайлз задумчиво провел рукой по волосам.

— Вдруг все-таки на борту «Принцессы» находился конкретный человек, которого Братство желало уничтожить? Например, на ней плыли два парламентария с семьями, несколько банкиров и предпринимателей.

— Если хочешь с кем-то покончить, есть способы полегче, чем потопить целый корабль, — возразил я.

— Целью могла быть группа людей. С «Принцессой» возвращались домой члены Армии спасения и несколько полицейских. А потом, мы еще не всех опознали.

Похоже, настало время поделиться подозрениями, которые возникли у меня во время разговора с Конвеем.

— Стайлз, я сомневаюсь, что Братство причастно к железнодорожной катастрофе и крушению судна. — Заметив его удивление, я поднял руку. — Знаю, что почти ни у кого, кроме ИРБ, нет легкого доступа к динамиту. Но тут ведь все дело в деньгах и нужных связях. Получить взрывчатку из той же Америки могла и другая группа.

— Могла, — допустил Стайлз.

— Я разговаривал с Джоном Конвеем. Кстати, спасибо, что вы его нашли.

— Господи боже, — смутился инспектор. — Я был настолько озадачен динамитом, что о лоцмане совсем забыл. Он пришел в сознание? Все ли с ним в порядке?

— Похоже, Конвея мучают боли, однако доктор сказала, что рассчитывает на его выздоровление.

Стайлз с облегчением выдохнул.

— Что он вам рассказал?

— Конвей — не последователь ИРБ, Стайлз. Он посещал некоторые собрания Братства, однако больше не разделяет его воззрений.

— Вы ему поверили? — склонил голову к плечу инспектор.

— Поверил, — кивнул я. — По словам лоцмана, в момент столкновения судов его пытался убить какой-то светловолосый парень.

— Примерно то же говорил и Эйрс! — вытаращился на меня Стайлз. — И на него напал блондин.

— Между прочим, об этих событиях газеты не писали. Во всяком случае, я подобных упоминаний не заметил. Одним из трех членов экипажа «Принцессы», которые имели доступ к аварийному румпелю, был некто Нед Уилкинс. Кстати, блондин. Бонси сообщил, что из этой троицы только Уилкинс находился внизу во время крушения. — Я помолчал. — О нем пока ни слуху ни духу, однако Бонси утверждает, что Уилкинс умеет плавать и вряд ли утонул.

Взгляд Стайлза метнулся к документам и газетам на моем столе.

— Вы пытаетесь найти его фамилию в списках?

— Именно, — кивнул я. — Вот думаю, не мог ли Нед пронести на борт динамит? Не исключено, что он и есть тот самый светловолосый парень, который хотел убить Эйрса. И Конвея...

Стайлз расстегнул пальто.

— Вполне возможно, что он направил судно на гибельный курс. С другой стороны, он мог спуститься вниз, чтобы исправить поломку аварийного румпеля.

— Все может быть, — признал я. — Прежде чем начать поиски Уилкинса по всему городу, хотелось бы убедиться, что он не числится погибшим. Пока я его фамилии не нашел, но ведь в газетах перечислены далеко не все. Где ваши последние списки?

— Боюсь, они тоже не отличаются полнотой — слишком много тел еще не опознано. — Стайлз поднял несколько бумаг со своего стола. — Кстати, насчет того мертвеца в Саутворке, Шмидта... Наверное, это уже не слишком важно, но, похоже, он изменял жене, пока та еще была жива. Тесть отзывается о Шмидте плохо.

Я хмыкнул. Вот и объяснение, почему обручальное колечко покойного лоцмана выглядело неношеным.

Стайлз устроился напротив меня, открыл одну из своих тетрадок и сосредоточился на первой странице, а я продолжил изучать колонки

фамилий в «Таймс».

Два часа подряд в моем кабинете стояла мертвая тишина, прерываемая лишь шелестом страниц. Газетный шрифт был мелким; приходилось напрягать зрение. Несколько раз я останавливался, отводил глаза и, проморгавшись, снова приступал к чтению.

Через некоторое время Стайлз вдруг вздохнул, и я тут же глянул в его сторону.

— Есть доктор Уилкенс, через «е», — сообщил он и повел пальцем по строчке. — Ах, нет. Это женщина.

Наконец мы закончили, так и не обнаружив нужного нам имени.

— Хотите, я схожу в Лигу по охране труда? — предложил инспектор.

— Не стоит. Прогулка мне не повредит. — Я встал и натянул пальто. Первый же шаг дался с болью. Чертовы ботинки! — Только сперва надо переобуться.

Лига по охране труда находилась на третьем этаже одного из бывших складов на улочке недалеко от доков Святой Катерины. Вот только в каком именно? Я спросил у одного прохожего, у другого, однако те только разводили руками. Наконец наткнулся на мальчишку-посыльного, который уже дважды пробегал мимо меня с сосредоточенным взглядом. Сунув ему шиллинг, я повторил вопрос. Мальчик услужливо указал на дверь с наглухо забитым окошком.

— Вот сюда, а дальше наверх, — подсказал он, и я поднялся на самый верхний этаж.

Нашел кабинет, справа от которого висела табличка: «ЛЮТ».

Открыв дверь, я обнаружил внутри двух клерков в оптических очках, изучающих разбросанные на столах документы.

— Добрый день! Я — инспектор Корраван из речной полиции.

Тот из клерков, что помоложе, оторвался от бумаг, и я обратил внимание на его мощные плечи. Пустой левый рукав рубашки был пришпилен булавкой.

— Микки?..

Парень снял очки. Знакомое лицо... Не он ли толкал тележки в доках пятнадцать лет назад?

— Фрэнсис... — пробормотал я. — Фрэнсис Мертон!

— Неужто помнишь? — улыбнулся клерк.

— Конечно! Ты работал в порту.

— Как и вы с Пэтом. С Пэтом я дружил.

Моя улыбка померкла, и я скользнул взглядом по его пустому рукаву.

— Как потерял руку? Несчастный случай?

— Да, на подъемном кране оборвалась цепь — так я здесь и очутился. Теперь пытаюсь добиться безопасности труда.

— Доки всегда были местом опасным. Только успевай поглядывать.

— С тех пор ничего не изменилось! — нахмурившись, резко бросил Фрэнсис. Я кивнул, и он снова просветлел. — Так, значит, ты теперь в Уоппинге?

— Да, вот расследую причины гибели «Принцессы Алисы».

— А у нас что забыл?

— Разыскиваю Неда Уилкинса. Он состоял в команде «Принцессы», но в списках выживших его нет. Конечно, списки не полные, так что решил раздобыть у вас его адрес.

Фрэнсис поднялся и, вытащив из полки грессбух, положил его передо мной. Провел пальцем по одной из страниц и повернул книгу ко мне.

— Вот человек, который тебе нужен.

Вытащив блокнот, я занес в него адрес, проставленный напротив имени Эдварда Уилкинса:

Дав-стрит, 36, Ламбет. Проживает у Мэри Уилкинс.

Интересно, жена или мать?

— Спасибо, Фрэнсис. Ты меня здорово выручил.

— Предполагал ли ты когда-нибудь, что станешь полицейским? — усмехнулся он, убирая грессбух обратно. — Помню, как ты повздорил с констеблем, а то и с двумя в пабе после работы...

— Серьезно? — хмыкнул я. — Ну, мы ведь тогда были молодыми и глупыми.

— Удачи тебе, Микки, — снова улыбнулся Фрэнсис.

Уже попрощавшись, я остановился у двери.

— Еще один вопрос: меня интересует лоцман Джон Конвей. Что-то сможешь о нем сказать? Нет ли о нем записей в твоих книгах?

Фрэнсис достал другой гроссбук, и на его лбу залегла морщина.

— Его лицензию приостанавливали в апреле прошлого года. Корабль, который он вел, сел на мель в районе Гудвин-сэндз. Тогда еще была метель.

— Вряд ли его могли за это отстранить, — возразил я. Учитывая дурную славу Гудвин-сэндз, за подобные происшествия лоцманов обычно наказывали штрафом, но не более того. — В тех местах и в ясную погоду небезопасно.

— Нет, сам по себе инцидент тут все-таки ни при чем, — с сожалением сказал Фрэнсис. — Дело в том, что его лицензия распространялась на другую часть фарватера, а Гудвин-сэндз находится в добрых семидесяти милях от Грейвзенда, где истекали полномочия Конвея.

У меня екнуло сердце. Для восстановления лицензии надлежало уплатить немаленький штраф. Конвею угрожала потеря средств к существованию. Мог ли кто-то предложить ему за деньги поступиться принципами?

— Ничего, что я тебе об этом рассказал? — забеспокоился Фрэнсис. — У Конвея не будет неприятностей? В остальном у него совершенно чистый послужной список, можно сказать, даже образцовый. Лучше, чем у многих. Двадцать лет на реке...

— Не переживай. Ему это боком не выйдет.

Я снова поблагодарил парня и вышел на лестницу.

Придется вновь повидать мистера Конвея, однако сперва следует отыскать Неда Уилкинса.

На Дав-стрит в Ламбете я не появлялся лет десять, но улочку помнил хорошо. В одном ее конце находилась маленькая церковь, в другом — театр, где выступали молодые женщины, наряд которых состоял из перьев, а больше на них практически ничего и не было. Таких улиц в Лондоне хватает, однако контраст между храмом и подобным заведением всегда заставлял меня изумленно качать головой. Мостовая узенькая — пожалуй, кэб протиснется здесь с трудом, но вроде бы Дав-стрит стала опрятнее, чем мне помнилось. За бульжным покрытием дороги ухаживают, мусора нет, в отличие от многих улиц в бедных районах. У дверей домов подметают, окна целы. Десять лет назад, когда я патрулировал Ламбет, все было иначе.

Мой кэб остановился у дома номер тридцать шесть, и я постучался.

Мне открыла полная женщина лет сорока пяти. Брюнетка, но уже изрядно поседевшая.

— Миссис Уилкинс?

— Она самая. — Не отпуская дверь, женщина окинула меня настороженным взглядом. — Хотите снять комнату? До завтра у меня занято.

Я покачал головой и представился:

— Инспектор Корраван из речной полиции.

— Полицейский? — презрительно сплюнула она.

Ее глаза наполнились гневом и отвращением, рука, придерживающая дверь, напряглась, однако я давным-давно научился не обращать внимания на недовольные реплики. Старался сохранять спокойствие и получить то, за чем пришел.

— Я ищу вашего сына, Неда, то есть Эдварда.

— Его здесь нет, — отрезала женщина.

— Видели ли вы его со дня крушения «Принцессы Алисы»?

— Нет. — Она вызывающе подняла голову. — Нед здесь не живет.

— Наверняка он передал вам весточку, — настаивал я.

Миссис Уилкинс молча поджала губы.

Значит, ты его не видела, не получала от него известий и ни капли не переживаешь? Вслух я о своих подозрениях говорить не стал, хотя они все усиливались. Никаких признаков беспокойства в глазах женщины я не заметил. Либо она была самой бессердечной матерью в Лондоне, либо точно знала, что сын жив и здоров, а мне лгала без зазрения совести.

Что ж, и в этом нет ничего необычного.

— Где я могу его найти?

— Не знаю, — буркнула она.

Судя по всему, предположениями эта дама со мной не поделится. Не знаю — и все тут. Придется вычислить местонахождение Неда самому.

— Могу я попросить у вас стакан воды? С утра не выдалось ни единой спокойной минутки...

Миссис Уилкинс с негодованием выпучила глаза и попыталась захлопнуть дверь, однако я остановил ее умоляющим жестом.

— Прошу вас...

Неохотно сняв ладонь с ручки, она направилась в глубь дома, и я вошел внутрь. В кухне зашумела вода, а я заглянул в маленькую, заставленную мебелью гостиную. Ни одной фотографии — ни на стенах, ни на каминной полке.

Только на столе стоял фотопортрет в кожаной рамке. Три молодых человека, все трое светловолосые. Двоим — лет по восемнадцать, третий несколькими годами младше. Я взял снимок и внимательно его изучил. В гостиную вернулась миссис Уилкинс с крошечной чашечкой и сердито сунула мне ее в руку. На поверхности воды собралась пена. Неужели плевков...

— Как похожи, — заметил я, поставив чашку на столик. — Крепкие ребята.

Хозяйка потянулась за фотографией, однако я отстранился и спросил:

— Который из них Нед?

Она скрипнула зубами, скрестила руки на груди и указала слева направо движением подбородка:

— Дэйвид, Кристофер, Нед. — Прищурившись, добавила: — Если надумаете искать остальных, то Дэйвид уехал из Лондона, а Кристофер умер.

— Мне очень жаль, мэм.

Миссис Уилкинс окинула меня тяжелым взглядом, и складки в углах ее рта углубились, заставив меня задуматься: не имеет ли полиция отношения к смерти Кристофера?

— Если увидите Неда, попросите его зайти на Уоппинг-стрит. Мы должны получить от него показания.

— Скажу, если увижу, — напряглась хозяйка и снова протянула руку за снимком.

— Верну его вашему сыну, когда он появится в участке, — бросил я, спрятав фотографию в карман.

Миссис Уилкинс то ли заворчала, то ли тихо зарычала.

— Вы можете забрать что угодно, а я не имею права и слова сказать, так ведь? Все вы одним миром мазаны.

Я попрощался, дивясь ее желчности. Чем ей, интересно, насолила полиция? Конечно, полицейские тоже люди и порой совершают ошибки...

Закрывая за собой дверь, я заметил, как хозяйка обводит взглядом комнату. Должно быть, высматривает, что еще утащил у нее незванный гость. Можно подумать, в дом пробрался воришка...

Глава 24

Джон Конвей выглядел лучше, чем вчера, хотя все еще был бледен, да и повязку с головы пока не сняли. Тем не менее на сей раз он сидел, опираясь на полосатые подушки. Больной, неподвижно лежащий на спине, внушает куда меньше оптимизма.

Я вытащил из кармана фотографию братьев Уилкинсов.

— Вы вчера рассказывали, как на вас напали и попытались сбросить за борт. Узнаете этого человека? — спросил я, указав на Неда.

Конвей прищурился.

— Похож. Но все же это не он. У того лицо более полное. — Внимательно изучив снимок, он указал дрожащим пальцем на второго брата. — Вот этот. По-моему, он.

Дэйвид Уилкинс...

У меня перехватило дыхание.

Получается, что Нед был на одном судне, а Дэйвид — на другом? Миссис Уилкинс сказала, что Дэйвид уехал из Лондона. Я проклял себя за то, что не спросил, когда именно, не уличил ее во лжи.

— Вы уверены?

— Вполне. Я хорошо разглядел его при свете луны. Пусть всего на секунду, и все же это не тот, другой. Кто он?

— Его зовут Дэйвид Уилкинс. Никогда не видели его раньше?

Конвей покачал головой.

— Я ведь на «Замок Байуэлл» попал впервые.

Придется спросить его о приостановке лицензии — хотя бы для того, чтобы отчитаться перед Винсентом.

— Можете рассказать, как вы очутились в прошлом году у Гудвин-сэндз, да еще и в метель?

— О... — Конвей возмущенно поморщился. — А что мне оставалось делать? Лоцман, который должен был сменить меня в Грейвзенде, на борт не прибыл. Мы прождали целый час, но там надолго вставать на якорь нельзя. С каждой минутой течение все усиливалось, и наконец капитан меня уговорил. Я остался у штурвала. Как я мог бросить судно без лоцмана?

— На вас наложили штраф?

— Наложили, но не слишком большой, ведь это был первый промах в моей биографии. — Он пожал плечами. — Честно говоря, сегодня я поступил бы точно так же.

— И не только вы. — Я положил руку ему на плечо и ободряюще улыбнулся. — Рад, что вам лучше. Что говорит доктор?

— Горло еще саднит, да и плечо побаливает, — ответил лоцман. — Но мисс Брэдфорд сказала, что меня скоро выпишут.

Мне подобная перспектива совсем не понравилась. Похоже, к его попаданию на борт «Замка Байуэлл» привела целая цепочка заранее подстроенных событий. Допустим, Конвей оказался невольным сообщником и свое предназначение выполнил, и все же братья Уилкинсы решили его устранить. В конце концов, он был еще и свидетелем.

— Что такое? — подозрительно уставился на меня лоцман. — Почему вы так смотрите? Доктор сказала вам что-то другое?

Наводить на него страх я не собирался. Какой смысл?

— Нет-нет. Просто беспокоюсь за ваше здоровье. Вам не следует выписываться до полного выздоровления.

— Понятно. — Конвей заворочался на подушках. — Что вам известно об этом Уилкинсе? Вы знаете, где он?

— Пока нет, — признался я. — Как только разыщем — обязательно вам сообщу.

— Надеюсь, что разыщете, — нахмурился он. — Хотелось бы потолковать с этим негодяем. Что это он такое надумал? Зачем на меня напал?

Мы распрощались, и я нашел доктора.

— Похоже, наш больной идет на поправку?

— Да-да, никаких признаков кровотечения мы не больше не выявили, лихорадки нет, осложнений тоже. — Мисс Брэдфорд улыбнулась. — Он выздоровеет.

Я облегченно выдохнул.

— Слава богу! Но... не могли бы вы отложить на некоторое время выписку? Подержать его еще несколько дней?

— Если нам потребуется свободная койка — то ничего не выйдет, — серьезно ответила врач. — Мы ведь маленький госпиталь, мистер Корраван.

— Тогда сделайте одолжение, сообщите мне загодя о дате выписки. Я должен обеспечить безопасность мистера Конвея.

— Понимаю, — пробормотала она, окинув меня долгим взглядом, и, покрутив стетоскоп, добавила: — Куда прислать сообщение?

— В участок речной полиции, с пометкой «срочно».

Поблагодарив ее, я вышел на улицу.

Порыв ветра приподнял мою шляпу; пришлось нахлобучить ее на уши. Придется искать след братьев Уилкинсов. Задача представлялась нелегкой, и я мрачно поплелся в Уоппинг под пронизывающим ветром. Дело к дождю...

Пересекая Доул-стрит, подошел к охрипшему мальчишке-газетчику. Вручил ему монету, и тот, не тратя лишних слов, кивнул и сунул мне газету.

Стоило ли надеяться, что новости о крушении «Принцессы Алисы» исчезнут с первых полос?

Разумеется, этого не случилось. Мой взгляд сразу наткнулся на жирный заголовок.

На борту «Принцессы Алисы» обнаружен динамит!

Проклятье! Быстро сработано... Но где «Обсервер» раздобыла подобные сведения?

Ни Стайлз, ни Вуд не стали бы рассказывать репортерам о находке — тут и думать нечего.

Тогда кто же? Человек, который пронес взрывчатку на борт... Судя по всему, братья Уилкинсы преследовали свои цели и воспользовались газетой, чтобы распространить слухи. Только как им удалось убедить редактора принять на веру слова простого речника?

Стайлз уже сидел за столом, углубившись в свои записи. Я остановился у него за спиной, однако он настолько погрузился в документы, что даже не заметил моего присутствия.

— Стайлз!

Инспектор вскинул голову.

— Пойдемте-ка со мной.

Он поднялся и проследовал в мой кабинет. Я развернул на столе газету, и лицо Стайлза покрылось мертвенной бледностью.

— Вы же знаете, что я никогда... — пробормотал он, подняв на меня взгляд.

— Разумеется, нет. Предполагаю, что и мистер Вуд не стал бы болтать. А вот Нед Уилкинс мог. Кстати, он действовал не один.

Я вытащил из кармана фотографию.

— Это Нед. А вот это — Дэйвид, который, судя по словам Конвея, напал на него на борту «Замка».

В глазах Стайлза засветилось понимание.

— На каждом судне по брату...

Я кратко пересказал инспектору разговор с лоцманом и изложил свои выводы.

— Один из Уилкинсов и снабдил газетчиков информацией о динамите.

Стайлз медленно уселся, оперся локтем о подлокотник и потер подбородок.

— Полагаете, что братья Уилкинсы — члены Братства, обозлившиеся на Конвея за то, что тот покинул их ряды?

— Не исключено, — согласился я. — Либо они не желали допустить заявления Конвея о том, что тот не имеет к НРБ никакого отношения, потому что сами работают на другую группу. И, возможно, эта самая группа пытается подвести Братство под монастырь. Неслучайно они использовали динамит.

Стайлз помолчал, взвешивая в уме обе возможности, а я добавил:

— Интересно, нет ли у них сообщника в «Обсервере»?

— Отличный шанс нагнать страху, — кивнул инспектор.

— До тех пор, пока мы не разыщем хотя бы одного из братьев и не поймем, зачем им все это нужно, улики будут указывать на кого угодно, кроме них.

— Где они могут скрываться?

— Мне сообщили адрес Неда, — ответил я, снимая пальто. — Он живет у матери, а та заявляет, что не видела его со дня крушения. Вот только не похоже, что миссис Уилкинс переживает.

— Точно знает, что сын жив! — вскинул брови Стайлз.

— Она произвела на меня странное впечатление. Очень желчная, и мой визит ее явно привел в ярость. Сперва я решил, что имею дело с враждебным отношением к полиции.

— Ну, многие лондонцы до сих пор настороженно посматривают на детективов в штатском.

— Скорее, причина в том, что я — ирландец.

— Очень может быть, если ее сыновья — члены антиирландского сообщества, — признал Стайлз.

— Миссис Уилкинс утверждает, что Дэйвид покинул Лондон, но почему бы вам не попробовать его разыскать? А я тем временем попытаюсь подкараулить Неда. Напротив дома Уилкинсов есть подходящие для наблюдения комнаты. Когда-нибудь он заявится к матери? Или пришлет посыльного, например...

— А я обращусь в Лигу по охране труда, уточню адрес Дэйвида.

— Спросите там Фрэнсиса Мертона. Скажете, что от меня. — Я убавил огонек в лампе. — Кстати, Конвей сообщил, что ударил Дэйвида ножом, так что тот может быть ранен. Все легче будет его установить.

Инспектор с готовностью поднялся.

— Да, Стайлз... Нигде упоминайте, что мы взялись за эту линию расследования. Пусть думают, что мы изучаем версию причастности ИРБ.

Я словно наяву слышал, как Куотермен и Ротерли сыплют обвинениями, что Корраван-де пытается увести следствие в сторону от ирландского следа.

— Договорились, — кивнул инспектор и вышел из кабинета.

Глава 25

Побродив по улицам и тупичкам вокруг дома миссис Уилкинс, я пришел к выводу, что черного выхода в ее жилище нет. Единственное окно, смотревшее на задний двор, находилось на втором этаже; водосточной трубы рядом не было, стало быть, и сбежать этим путем непросто. Фасад выходил на несколько лавочек и пабов на другой стороне улицы. Я насчитал четыре заведения, из окон которых открывался хороший обзор, табличек «Сдается внаем» не заметил и все же навел справки. Везде получил ответ, что свободных комнат не имеется, однако парнишка из москательной лавки с готовностью сообщил, что в соседнем пабе есть два номера на втором этаже. Вроде бы там нередко остаются на ночлег набравшиеся по уши гуляки.

В пабе было занято всего несколько столов. Служанка, выметавшая из очага прогоревшие угли, прищурилась на меня, не выпуская из рук щетку и совок.

— Извините, — заговорил я, — но мне сказали, что у вас есть комнаты.

— Ну да, — ответила девушка и вновь вернулась к своему занятию.

В воздухе повисло облачко пепла. Сбросив в ведро последние куски угля, служанка разогнулась и вытерла руки о передник, в котором, похоже, выполняла тут самые разные обязанности. Например, разливала вино, если я правильно определил происхождение пятен.

— Есть две комнаты, обе свободны. Три шиллинга, — наконец сообщила она.

Я сразу согласился, и меня провели наверх. С лестницы служанка повернула направо и уже взялась за ручку двери, однако я ее остановил:

— Нельзя ли занять другой номер — тот, что выходит на восточную сторону?

— Но этот больше, и кровать здесь получше.

— Мне нравится, когда с утра в окно заглядывает солнце, — объяснил я.

Служанка недоверчиво нахмурилась.

— Простите, сэръ, но вы не похожи на человека, который любит наслаждаться солнышком.

Я хмыкнул и полез в карман.

— Оплачу за неделю вперед, с условием, что еду будут приносить мне в комнату. Это возможно?

— Ну да, — кивнула девушка и протянула руку. — В стоимость войдут завтрак и ужин.

— Кофе?

— Не держим, — помотала головой она и горделиво выпрямилась. — Зато чай у нас самый что ни на есть настоящий.

— Ну и прекрасно.

— Убираюсь я с утра, — сказала служанка и закрыла за собой дверь.

Комнатка оказалась маленькая, с низким потолком, и почти пустая, хотя и вполне чистая. Вдоль одной стены стояла узкая кровать, вдоль другой — умывальник с задвинутым под него синим ночным горшком, выщербленный белый кувшин и металлический тазик. Несколько вбитых в стену гвоздей служили вешалкой, а поверх окна шел карниз в виде железного прута. Занавеска, правда, с него свисала только одна, и я приспособил вместо нее простыню, оставив лишь маленькую щелку. Дом миссис Уилкинс отсюда был как на ладони. Сняв пальто, я повесил его на гвоздь, задумался, стоит ли попросить служанку принести стул, но решил, что обойдусь кроватью. Придвинул ее к окну и занял пост.

Далеко не все знают, что в основном работа полиции сводится к ожиданию. Сидишь и терпишь, пока крыса не высунет нос из норки, подергивая носом — нет ли поблизости крысолова? Опыт подсказывал, что тебя сколько угодно могут принимать за приклеившегося к окошку идиота, но подобный метод обычно срабатывал.

Остаток дня я провел, наблюдая за интересующим меня домом, однако там все замерло. Девушка принесла ужин и удивленно глянула на кровать у окна и свисавшую с карниза ослепительно-белую в наступившей темноте простыню.

— Солнышко, говорите? — пробормотала она и, не дождавшись ответа, предложила: — Зажечь вам лампу?

— Благодарю, я сам. А вот от стула не отказался бы. И еще: сможете прислать ко мне посыльного?

— Хорошо.

Вскоре в комнате появился раскрасневшийся от недавней пробежки долговязый мальчик лет тринадцати, и я вручил ему записку.

— Отнесешь в участок речной полиции, передашь сержанту Тренту.

Парнишка бросил любопытный взгляд на сложенный пополам листок. Если прочтет — не страшно: в записке не было ничего, кроме адреса и моих инициалов. Покидать пост не хотелось, однако я нуждался в нескольких часах сна и смене одежды.

Через час прибыл Трент с посланием от Стайлза:

По адресу, который мне дали в Лиге, Д. уже не живет, зато я узнал, куда он переехал. Снял комнату через улицу; правда, Д. уже несколько дней никто не видел. Обнадеживает, что комнату он оплатил вперед.

С.

Оставив сержанта у окна, я направился домой, отключился на шесть часов, затем вернулся на Дав-стрит. Трент лишь покачал головой:

— Пока все тихо, сэр.

Отчитавшись, он быстро ушел, всем своим видом выражая сомнение.

В три часа пополудни я встал, потянулся и сделал несколько наклонов, разминая спину. Вновь занял свой наблюдательный пост. Господи, неужели эта женщина вообще не выходит из дома?

Конечно, надо было бы вернуться в участок, однако меня удерживали на месте инстинкты полицейского и свойственное мне упрямство.

Пробило пять. На улице все еще было шумно: туда-сюда сновали экипажи и пешеходы. Начало смеркаться, когда я услышал шаги на лестнице. В дверь постучались. Решив, что пришла служанка, я крикнул:

— Войдите.

На пороге появился Стайлз.

— Здравствуйте, Корраван, — прошептал он.

Даже в тусклом свете из окна я разглядел на его лице удовлетворенное выражение. Инспектор улыбался.

Вряд ли стоило ожидать его прихода, если бы он не обнаружил Дэйвида, и мое сердце екнуло.

— Брат Неда появился дома?

Стайлз расстегнул пальто.

— Да, и почти сразу ушел. На ходу прихрамывал, но голыми руками этого парня не возьмешь. Я последовал за ним, держась на почтительном расстоянии, и все же потерял. Уилкинс зашел в типографию на Патерностер-роу, да так оттуда и не вышел. Видимо, выскользнул через черный ход.

Я чихнул и, извинившись, вытер нос.

— Полагаете, обнаружил слежку?

— Не думаю, — отозвался инспектор. — Можем мы рискнуть и зажечь лампу?

Задернув импровизированную занавеску до упора, я предложил:

— Давайте останемся у окна.

Стайлз присел на корточки и вытащил из кармана листок с отпечатанным на нем текстом.

— Нашел в типографии. Дэйвид забрал оттуда целую пачку, вероятно, будет раздавать на улицах.

Ага, листовка. Я развернул бумажку и прочел вслух:

— «Защитим наш национальный дух. Лекция доктора Квентина Атвелла».

На самой середине странички красовался портрет лектора. Выступление было запланировано на сегодняшний вечер. Восемь тридцать, Букер-стрит, десять.

— Кто такой этот Квентин Атвелл? — глянул я на Стайлза.

— Понятия не имею, но прочтите то, что написано внизу.

Я и без его подсказки уже сосредоточился на тексте, набранном мелким шрифтом:

Спонсор мероприятия — «Лига стюардов».

С заколотившимся сердцем я развернул листовку к Стайлзу и указал на загадочное название.

— Что-нибудь о них слышали? — спросил он.

Я нахмурился, копаясь в памяти.

— Возможно, название и слышал, но довольно давно. А вот чем они дышат — не знаю.

— Скорее всего, Нед и Дэйвид — члены этой группы. — Стайлз уселся на пол, подогнув под себя полу пальто. — Значит, НРБ тут ни при чем...

— Отлично, что вы сообразили заглянуть в типографию, — заметил я и с кривой усмешкой вернул инспектору листовку. — Не хотите ли посетить лекцию, юноша? Займитесь своим образованием.

— Почему нет, — улыбнулся он в ответ и вытащил из-под пальто пакет с бутылкой эля и мясным пирогом. — Вот, решил, что вам не помешает немного подкрепиться.

Стайлз предложил остаться со мной, однако я, поблагодарив, его отослал и задул лампу. Затем занял свой наблюдательный пост и с аппетитом закусил еще теплым пирогом, утолил жажду элем и провел перед окном еще несколько часов. По небу плыли облака, почти все соседние пабы закрылись, однако луна давала достаточно света, так что в основном улица просматривалась хорошо. Внизу все еще сновали кэбы, пешеходы и велосипедисты. В конце концов движение прекратилось, пробило одиннадцать, потом половину двенадцатого ночи. Хотелось подремать, но я усилием воли отогнал сон.

В десять минут первого на улице появилась молодая женщина с фонарем в руке, однако почти сразу огонек в нем погас. Задуло ветром или закончилось масло? Не похоже: женщина ничуть не обеспокоилась и не замедлила шаг.

В следующий миг она подошла к двери дома миссис Уилкинс. Я прильнул лицом к стеклу и напряг зрение так, что заболели глаза. Женщина постучалась, подождала и стукнула в дверь снова. Ей открыли. В прихожей показался силуэт дородной дамы в пышных юбках — без сомнения, хозяйка дома. Девушка нырнула в дверной проем, и я перевел дух. Вероятно, возлюбленная Неда или Дэйвида прибежала с сообщением. Не отрывая взгляда от крыльца, я сорвал пальто с гвоздя и сунул руки в рукава. Подождал до половины первого; свет в окнах домика пропал, будто его обитатели легли спать.

Проклятье... Ведь все говорило за то, что девушка — связная. Насколько я понимал, дочерей у миссис Уилкинс не было. Неужели посланница осталась на ночь?

Прошло еще четверть часа; ни света, ни движения...

А затем из дома выскользнула темная фигурка. Луна, моя верная помощница, вышла из-за облака как раз вовремя, осветив силуэт в темном плаще. Фонарь девушка зажигать не стала, и лунный свет бросал голубые блики на его металлический корпус.

Я в мгновение ока слетел по лестнице и выскочил в заднюю дверь. Бесшумно пробежал по переулку, выходящему на Дав-стрит, и пристроился за женщиной. Держался я на значительном расстоянии, надеясь, что она петлять не станет и приведет меня прямо к Неду.

По пути мы трижды свернули, однако женщина слежки не опасалась. Во всяком случае, она ни разу не попыталась внезапно пойти в противоположном направлении и ни разу не обернулась. Шла вперед, опустив голову и помахивая незажженным фонарем, пока не добралась до нужного ей дома. Внутри было темно, однако, закрыв за собой дверь, женщина зажгла свечу, и в щель между ставнями, пробился тонкий желтоватый лучик света. Переместилась на второй этаж, где на окнах висели занавески, и я четко разглядел второй силуэт. Нед? Притянув к себе девушку, мужчина ее поцеловал.

Испытывая чувство мрачного удовлетворения, я укрылся в узком проходе между двумя зданиями. С места не сойду, пока мужчина не выйдет из дома.

Ночь была долгой и холодной. Луна зашла за тучи, и в предрассветный час, когда стало уж совсем зябко, я взмолился о теплой постели и горячей еде. Наконец появилось солнце, и я отошел подальше от входа в дом. На глаза подозреваемому показываться никак нельзя, иначе все усилия окажутся тщетными.

Не прошло и двадцати минут, как на крыльцо выскользнул рыхлый парень, и я, покинув свое укрытие, направился за ним. Подозреваемый надел кепи, однако я разглядел его светлые волосы. Подобно своему брату, Нед был быстр и ловок — моментально завернул за угол, и мне пришлось прибавить шагу. Вскоре он запрыгнул в кэб, и я бешено замахал руками, подзывая следующий экипаж.

— Следуйте за тем кэбом, — приказал я кэбмену. — И постарайтесь, чтобы нас не заметили.

— Будет сделано, шеф!

Держа разумную дистанцию, мы ехали за экипажем Неда несколько миль. Пересекли Темзу по Саутворкскому мосту и направились в восточную часть города, мимо Лондонских доков и доков Святой Катерины. В самом конце Шадуэллского бассейна преследуемый нами кэб замедлил движение, а потом и остановился у одного из складов. Нед прыгнул с подножки. Я тоже выскочил наружу, жестом приказал кэбмену ждать и побежал в конец переулка, откуда удобно было следить за складом. Уилкинс подошел к задней двери и сунул руку в карман. В солнечном свете сверкнул ключ, послышался щелчок замка, и парень исчез внутри.

У входа висела блестящая кованая табличка: «Завод металлообработки Хоутона».

Я сразу вспомнил, что это имя упоминал Том Флинн. Арчибальд Хоутон был состоятельным промышленником, членом парламента и кандидатом на пост лидера партии консерваторов.

У меня не сложилось впечатления, что Нед пробирается к складу тайком. Впрочем, наверняка блондин предполагал, что в столь ранний час посторонним поблизости делать нечего. Неужели ключ он получил от самого Хоутона? Или подделал?

— Мы возвращаемся, шеф? — подал голос кэбмен.

Я заколебался. Мощенная булыжником улочка между скрытым в тених уголком и входом в склад была совершенно пуста. Задрав голову вверх, я заметил движение в одном из окон. Вдруг Уилкинс меня увидит? И все-таки, что он здесь делает? Пожалуй, ничего хорошего для Хоутона... Или Нед на него работает? Уилкинс — речник, склад Хоутона стоит на реке. Возможно, блондин впутал промышленника в свои аферы?

— Оставайтесь здесь, но держитесь поодаль, — наконец решился я. — Ваше время будет оплачено.

Через пять минут подъехал еще один экипаж, из которого вышел темноволосый мужчина. Элегантная одежда, гордая осанка, трость с набалдашником из слоновой кости, литера «Х» на дверце экипажа. Явно пожаловал сам хозяин склада.

Хоутон отомкнул замок своим ключом и прошел внутрь.

Час и вправду ранний — стало быть, они договорились о тайной встрече?

Вот дьявол! Что за общие дела могут быть у члена парламента с таким человеком, как Уилкинс?

Я наблюдал с оглушительно бьющимся сердцем, как в окне появился свет лампы, затем парочка переместилась на этаж выше. Прошло еще четверть часа, и мужчины, выйдя на улицу, сели в экипаж Хоутона.

Я опрометью кинулся к своему кэбу.

— Куда, шеф? — осведомился кэбмен.

— Пусть отъедут. Затем вперед.

— За ними?

— Нет. Поедем в редакцию «Фалкона» на Флит-стрит.

Мне отчаянно хотелось попасть домой и поспать хотя бы пару часиков, однако события начинали приобретать непредсказуемый поворот. Тут уж не до сна.

Глава 26

Том в редакцию еще не прибыл, так что я поднялся в его кабинет и решил обождать. Видимо, в какой-то момент мне вздумалось положить голову на стол, потому что через некоторое время меня потрясли за плечо, и я захлопал сонными глазами. Рядом стоял пропахший дымом Том Флинн.

— Корраван, что вы здесь делаете? Ведь еще и восьми нет!

— Почему от вас пахнет, как после пожара? — хрипло пробормотал я.

Том хмуро глянул на меня, как на последнего кретина.

— Я только что с шахты, а вы что подумали? Надо же дать новости в дневной выпуск.

Я вяло потер виски, отгоняя сонную одурь. Уставился на Тома, у которого под глазами залегли черные тени, и уточнил:

— С какой именно?

— С шахты Принца Уэльского, которая в Аберкарне.

Я промолчал, и Том бросил на меня недоуменный взгляд.

— Как же, вчера после обеда там произошел мощный взрыв.

— Даже не представляю, о чем вы, — помотал головой я.

— Под землей находилось не меньше трех сотен шахтеров, когда загудела паровая сирена, которую используют в чрезвычайных ситуациях. Однако подъемный механизм заклинило, и клеть смогли опустить только на триста ярдов. Удалось вытащить несколько человек. Каменотес Джон Харрис полез в шахту по тросам и спас еще пятерых, но сам задохнулся в дыму. Никогда в жизни не видел столь отчаянного поступка...

— Сколько погибло?

— Двести пятьдесят душ. К трем утра наверх подняли всего лишь двенадцать тел.

— Господи Иисусе... — выдохнул я. — У них есть хоть какие-то шансы?

— Огонь охватил всю шахту и пробился вниз через четыре или пять шурфов, так что бедные парни сгорели заживо.

Я представил себе ревущий океан огня, и по коже у меня побежали мурашки. Как, должно быть, страдали несчастные в последние секунды перед смертью...

— Динамит? — мрачно спросил я.

— Пока неизвестно. Не исключено, хотя возможно, что причиной взрыва газа стала керосиновая лампа. — Том снял пальто и повесил его на крючок. — Похоже на логическое продолжение катастроф в Ситтингборне и на Темзе, вы не находите?

У меня не нашлось веских причин для возражения, и Том пристально посмотрел мне в глаза.

— Что же заставило вас задремать на моем столе, если вы пришли не по поводу шахты?

Я откинулся на спинку стула и спрятал в карманы дрожащие от ужаса и усталости руки.

— Что вам известно о Хоутоне?

— Об Арчибальде Хоутоне, члене парламента?

— И крупном промышленнике, — добавил я. — Вы говорили, что его рассматривают как одного из преемников Дизраэли. Это так и есть?

— Вроде бы с последнего нашего разговора ничего не изменилось. А что? — встревожился Том, тяжело опустившись на стул.

Я совсем пал духом.

— Есть сведения, что на борт «Принцессы Алисы» пронесли динамит. Сегодня своими глазами видел, как подозреваемый рано утром вошел в принадлежащий Хоутону склад. Этого человека зовут Нед Уилкинс. Они с Хоутоном встретились внутри, потом вместе вышли и сели в его экипаж.

— Это Уилкинс — один из пассажиров «Принцессы»? — ошеломленно посмотрел на меня Том.

— Нет, член команды и, насколько мне известно, единственный человек, у которого была возможность манипулировать штурвалом так, чтобы судно развернулось поперек реки.

— И подставить его под нос «Замка»... — Том тихо присвистнул. — Но если Уилкинс речник, то их встреча с Хоутоном не обязательно имеет противозаконный характер.

Я запустил руки в волосы.

— Его брат Дэйвид был на борту «Замка Байуэлл», и оба Уилкинса принадлежат к некоей «Лиге стюардов». — Том изменился в лице, и я тут же спросил: — Вы что-то о ней знаете?

— Несколько лет о них не слышал, — сложив руки на груди, сказал репортер. — Думал, «Лиги» уже давно нет.

— Что она из себя представляет?

— Небольшая группа фанатиков, ратующих за «блестящую изоляцию».

— Это еще что такое?

— Политическая доктрина, зародившаяся в двадцатых годах нашего века, — объяснил Том. — Наш тогдашний министр иностранных дел, Каннинг, был сторонником добрососедских отношений с иными странами и выступал против «назойливого вмешательства в их внутренние дела». Это одно из самых знаменитых его выражений. — Том скорчил гримасу. — На протяжении десятилетий популярность его идей то растет, то ослабевает, что в основном зависит от политики правящей партии. Так вот, «Лига стюардов» является консервативным движением, которое в шестидесятых годах взяло на вооружение концепцию «блестящей изоляции». После войны, когда прусские солдаты оседлали Ла-Манш, ежеминутно угрожая нам вторжением, поддержка этой доктрины снизилась. И неудивительно: у нас вновь появились любители совать нос в политику других государств.

Том криво усмехнулся.

— Стало быть, «Лига» до сих пор существует, хотя не исключаю, что ее цели изменились. Во всяком случае, какой-то научный деятель, Квентин Атвелл, читает лекции по защите нашего национального духа — что бы это ни значило — от имени этой самой «Лиги». — Я нетерпеливо заерзал на стуле. — Так что вы можете рассказать о Хоутоне?

— Лично я с ним никогда не общался. Знаю то, что известно всем. Родился в Ланкашире, учился в Итоне и Тринити-колледже. Какое-то время провел в Индии, а первую речь в парламенте произнес в пятьдесят втором, посвятив ее пошлинам на чай.

— Ему-то какое дело до чая?

— Его компания поставляет жестяную тару для чайных листьев, — пояснил Том. — Хоутон — сторонник свободной торговли

с определенными ограничениями и стратегического использования тарифов и субсидий на благо Англии. Он горячо поддерживал некоторые инициативы, выдвинутые правительством Дизраэли, — например, законы об общественном здравоохранении и образовании в семьдесят пятом и семьдесят шестом годах.

— А что насчет фабричного закона и закона о правах рабочих?

— Как вы догадываетесь, Хоутон голосовал против. В основном ссылаясь на то, что потребуются проинспектировать слишком много маленьких фабрик, а это не слишком рационально. В то же время недавно он построил небольшой новый заводик в Лондоне, поскольку на старом условия труда оставляли желать лучшего. Паршивое освещение, плохая вентиляция, антисанитария и так далее. Фабрику в Бирмингеме он тоже модернизировал.

— В Бирмингеме? Так он еще и оружейник?

— Ну, самим оружием он не занимается, производит патроны и обоймы для винтовок. — Мы уставились друг на друга. — Это не преступление, Корраван.

— Знаю, — нахмурился я. — А как Хоутон настроен по отношению к ирландцам?

Том уперся локтями в стол и машинально потер искалеченный указательный палец.

— В крайностях не замечен. На нескольких последних голосованиях по ирландским вопросам вообще отсутствовал.

— Для него это обычное дело?

— Члены парламента частенько не являются на заседания, которые не представляют особого интереса для них и для их избирателей.

Хм. Либо особый интерес имеется, только раскрывать карты он не хочет...

— Семья у него есть?

— Жена умерла несколько лет назад.

— Что с ней случилось?

Между бровей Тома пролегла вертикальная морщинка.

— Не помню. Я ведь говорил — мы лично не знакомы. Несчастье произошло примерно в то время, когда Гладстон подал в отставку с поста премьер-министра, а уже через два дня вернулся, поскольку консерваторы не смогли сформировать правительство. Хоутон тогда

появился в палате общин с черной повязкой на рукаве, и представители обеих партий выражали ему соболезнования. По-моему, это было весной семьдесят третьего.

Стало быть, возвращение Гладстона заставило скорбящего Хоутона вновь приступить к исполнению своих парламентских обязанностей — возможно, даже раньше, чем ему того хотелось. Наверняка он был раздражен подобной необходимостью. Впрочем, сопоставить его тогдашние чувства с концепцией «блестящей изоляции» я не мог.

— Одним словом, — подвел итог Том, — Хоутон куда больше заинтересован в своих заводах и фабриках, чем в международных делах. Поэтому не думаю, что он как-то связан с «Лигой стюардов», если предположить, что она более-менее придерживается своих первоначальных взглядов.

— Он-то, может, и не связан, — возразил я, — зато один из Уилкинсов точно является членом «Лиги», а второй знаком с Хоутоном, так что...

— Вы сейчас пытаетесь пристроить вагоны к своему паровозу, — пожал плечами Том.

Я состроил гримасу, дав ему понять, что помню комментарий, который он как-то отпустил: мол, мы с ним оба пытаемся формировать составы в нужном нам порядке.

— Я могу разузнать насчет Хоутона, если вы считаете, что его фигура важна. Правда, сегодня не получится, — добавил он.

— Да, конечно. Шахта... Еще один вопрос, и я от вас отстану. Что вы можете сказать о предприятиях Хоутона?

Том потербил прядь волос над ухом.

— Основное из них — фабрика металлообработки, основанная еще в начале века его дедом. Там производят все, начиная от кастрюль и сковородок до балок и мостовых конструкций. Продукция поставляется по всей Англии.

— Прибыльное дело, — заметил я.

— Еще какое!

— Ну что ж, тогда буду прощаться. — Я встал, хрустнув позвоночником, и застегнул пальто. — Да, насчет этого несчастья на шахте... Полагаете, газеты и в этом случае возложат вину на Братство?

— Никаких убедительных доказательств нет. Кто-то может запустить слух, однако шахтеры, с которыми я разговаривал, не подозревают диверсии. Да и динамита там не нашли. — Том печально покачал головой. — Похоже на несчастный случай. Так бывает...

— Если газеты начнут писать, что причиной взрыва мог стать динамит, можете ли вы заявить, что это далеко не факт? Что ирландцы совсем не обязательно причастны к катастрофе — во всяком случае, пока руководство шахты не будет знать виновного наверняка.

— Я буду писать правду, Корраван, — нахмурился Том, — впрочем, как и всегда.

— Я имею в виду оперативность. Общество должно узнать истину до того, как пойдут лживые слухи. Вы ведь знаете, какая сейчас обстановка. Наверняка слышали о протестах у кладбища в этот понедельник...

— Слышал, — скривился от отвращения репортер. — И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: переговоры о самоуправлении забуксовали. Парламентарии хотят получить твердую уверенность, что НРБ не стоит за последними двумя катастрофами, после чего дискуссии возобновятся. Какой смысл запускать в парламенте процедуру голосования за автономию Ирландии, если предложение наверняка не наберет голосов?

У меня сжалось сердце.

— Печально... Кстати, я склоняюсь к тому, что Братство тут ни при чем.

Том покатал карандаш между пальцев.

— Я наведу справки насчет Хоутона.

Выйдя из его кабинета, я спустился по черной лестнице и вышел на улицу. Солнце уже выглядывало над крышами домов, но ни одного кэба поблизости не было.

Я отправился домой пешком, спотыкаясь на каждом шагу, словно выпил лишнего. Устал, чертовски устал... Самый короткий путь лежал по маленьким улочкам, извиляющимся в северо-западном направлении. Лишь добравшись до широкой, залитой солнцем Шафтсбери-авеню, находившейся в нескольких минутах ходьбы от дома, я углядел одинокий кэб и тут же его подождал. Выдернув

страничку из блокнота, написал записку и вручил ее с парой шиллингов кэбмену.

— Отвезете в участок речной полиции.

— Слушаюсь, шеф!

Прикрикнув на лошадь, он развернул экипаж и тронулся в восточном направлении. Я продолжил свой путь, пересек еще две улицы и, едва перешагнув порог дома, рухнул в кровать.

Глава 27

Из глубокого тяжелого сна меня вырвал стук в дверь. Не в силах подняться, я начал вновь погружаться в дрему, и вдруг замок тихонько щелкнул. Заскрипели дверные петли, и я в мгновение ока выпрыгнул из кровати. Схватившись за дубинку, в одном нижнем белье беззвучно прокрался босиком на площадку над лестницей.

— Майкл? — послышался снизу голос Белинды.

Я перевел дух, разжал руку, и дубинка глухо ударилась о пол.

— Майкл... — повторила дрожащим от страха голосом Белинда.

— Я здесь, Бел. Только что проснулся. Сколько времени?

— Почти одиннадцать.

Выходит, я проспал два часа.

Белинда появилась у нижней ступеньки и глянула на меня из-под изогнутых полей модной синей шляпы. В руке она держала плотно набитую сумку.

— Сержант сказал, что ты придешь на службу позже, но у меня срочное дело. Приведи себя в порядок, а я пока приготовлю кофе.

Вернувшись в комнату, я плеснул в лицо пригоршню воды, сменил нижнее белье и достал свежую наглаженную рубашку. Заправляя ее на ходу в брюки, спустился на нижний этаж.

Сумка стояла на стуле, а середину стола занимала небольшая стопка газет.

— Что это значит? — осведомился я.

— Подожди минутку. — Она налила кофе и быстро чмокнула меня в щеку. — Сейчас кое-что покажу.

Я остановился у стола, а Белинда начала одну за другой разворачивать газеты, раскладывая их на столе.

Мой взгляд упал на «Сассекс пост», «Стэндард», «Кент обсервер» и «Ивнинг стар». Газет в Англии издавалось бесчисленное множество — более тысячи, но эти были самыми известными и читаемыми.

— Читал прессу? — повернулась ко мне Бел. — Я имею в виду новости о «Принцессе Алисе».

— Иногда просматриваю, только на это нужно время, — фыркнул я, глотнул кофе и рассеянно начал застегивать пуговицы на рукавах. —

А если бы его было в избытке — что тут читать? Половина газет публикует ложь, а достоверные факты я и без них знаю.

Белинда бросила на меня взволнованный взгляд.

— То-то и оно, Майкл. Где-то ложь, где-то полуправда, однако я вижу удивительную последовательность. Я бы даже сказала — кем-то заданную. Материалы в разных изданиях прекрасно сочетаются друг с другом. Легковерный читатель обязательно примет эти выдумки за чистую монету.

В ее голосе звучала такая уверенность, что у меня на секунду перехватило дыхание. У Бел не раз случались озарения, направлявшие мое расследование в совершенно новом направлении. Приблизившись к столу, я глянул через ее плечо на разложенную в определенном порядке прессу.

— Ну, показывай, что тебе бросилось в глаза.

— Вот, смотри.

Она поставила галочку на полях главной полосы «Сассекс пост» и указала на заголовок:

Безжалостная банда совершает серию нападений!

— По-моему, эта статья выделяется даже на фоне других, — сказала Бел, но я уже вчитывался в газетные строки. — Нет, давай вслух, вот отсюда.

Я повиновался.

Оценивая недавние события, мы сталкиваемся с очевидным фактом: жестокая группа радикалов пытается посеять в обществе ужас и поставить под угрозу безопасность лондонцев и жителей пригородов. Первым в череде катастроф стало крушение поезда в Ситтингборне, и причиной его послужили не ржавые рельсы, а динамит. Заряд заложили таким образом, чтобы взрыв нарушил целостность железнодорожных путей прямо перед проходом состава. Как правило, динамит попадает в Англию через фениев — могущественную и богатую американскую ветвь Ирландского республиканского братства. Затем последовало несчастье с «Принцессой Алисой»: тяжелый углевоз «Замок

Байуэлл», у штурвала которого стоял ирландец, варварски расправился с несколькими сотнями мужчин, женщин и маленьких детей. Кто может поручиться, что атаки не продолжатся?

Я поднял глаза на Бел.

— Вот еще. — Она сдвинула газету в сторону, открыв «Кент обсервер», и снова поставила галочку напротив заголовка:

В серии катастроф виновны ирландцы!

— Вслух, Майкл, — приказала она.

Я снова подчинился. Всего несколько строк, и до меня дошло: сходство выражений и намеков нельзя не заметить. Бел, увидев в моих глазах понимание, немного расслабилась, а я быстро просмотрел еще две статьи — в «Стэндард» и «Ивнинг стар».

— Видишь? — воскликнула она. — Одни и те же слова, похожие фразы и порядок изложения. И ведь нигде открыто не утверждается, что катастрофы подстроило ИРБ, зато везде пишут о несчастьях в Ситтингборне и на Темзе, обязательно присутствует упоминание динамита и Братства. И каждая статья завершается выводом, что следует ждать новых атак. — Белинда закусила губу. — Вся история подается в совершенно определенном свете, так что правда тонет в многочисленных намеках.

— Не знаешь, кто владеет этими газетами? Нет ли здесь очевидной связи?

— Владелец «Обсервер» — Кларенс Томлинсон, остальных не знаю. А вот Том Флинн наверняка скажет, что общего у этих изданий.

Я потянулся за кофе, но был так неловок, что едва не сшиб чашку со стола. Белинда ловко ее поймала и вложила мне в руку, а я тем временем попытался привести в порядок свои мысли.

Вряд ли это работа братьев Уилкинсов. В то же время не исключено, что вдохновитель подобной кампании имеет отношение к таинственной «Лиге стюардов». Наверняка он — человек могущественный.

Уж не Хоутон ли? Член парламента вполне мог дружить с редакторами серьезных изданий.

Значит, Нед Уилкинс — вероятно, вместе с братом — совершал акты террора, а газеты делали все, чтобы усилить резонанс.

— Вся эта галиматья призвана повлиять на обычного лондонца, Майкл, — перебила ход моих рассуждений Белинда. — А кроме того, на членов парламента и влиятельных политиков. Тот, кто писал подобные статьи, рассчитывал создать в обществе определенное мнение.

— Эти выпуски не от разных дней? Возможно, одни напечатали, другие подхватили?

— Мне это тоже приходило в голову, — сказала Бел, раскладывая газеты так, чтобы были видны даты их выхода. — Но два из этих изданий — вечерние, день один и тот же. Спланировано все тщательно.

Она примолкла в ожидании моего ответа.

— И эти замыслы претворил в жизнь человек, который может подсунуть редактору историю и заставить ее напечатать.

— Человек, слову которого доверяют, — добавила Бел. — Это всё солидные газеты.

— Бесспорно. — Я уселся и начал быстро соображать, чему немало помогли кофе и уверенность любимой. — Сколько же газет ты прочла, прежде чем обнаружила совпадения?

— Меньше, чем ты думаешь. Точно не двадцать, и не в один день. Сам знаешь, в Лондоне несколько сотен подобных изданий.

— Значит, эта писанина могла выйти еще как минимум в паре десятков редакций.

— Эти четыре наиболее показательны, но я принесла и другие, — сообщила Белинда, потянувшись к сумке. — В них тоже полощут ирландцев, только намеки на ИРБ не столь явные.

Вытащив еще пачку, она передала ее мне. Я разложил прессу на столе и уже через несколько минут обнаружил часто повторяющиеся выражения, которыми клеймили не только Братство, но и «Каменщиков мыса», а также всех ирландцев без разбора. «Жестокие варвары» — в шести газетах, «клановая обособленность и природная дикость» — в четырех, «существа низшего порядка, более всего подверженные пагубному влиянию алкоголя» — в трех.

Я вспомнил слова капитана Гаррисона по поводу статьи в «Биконе», где говорилось, что ирландцы склонны к пьянству. Кстати,

«Бикона» среди собранной Белиндой прессы не было. Помимо всего прочего, три газеты дали краткую ретроспективу взрывов в Эдинбурге, а статьи о катастрофах в Ситтингборне и на Темзе были помещены рядом. О случайном совпадении говорить не приходилось.

Ошеломленно откинувшись на стуле, я уставился на Белинду.

— Понимаю, Майкл. Это ужасно, — вздохнула она.

— Дело в том, что все они не просто вводят читателя в заблуждение по поводу недавних происшествий, Бел. Здесь всех ирландцев чешут под одну гребенку, не делая различий между обычными людьми, «Каменщиками» и членами Братства.

— Похоже, что так, — пробормотала Белинда, бросив взгляд на газеты, и наклонилась, упершись локтями в стол. — Здесь действует кто-то очень умный. Сочиняет выдумки и тут же их распространяет. Ты ведь знаешь, кто это? Как минимум догадываешься? — округлила она глаза, заметив мою гримасу.

— Я считаю, что динамит на «Принцессу» подложил Нед Уилкинс. Вчера видел, как он вошел в склад, принадлежащий Хоутону. Так что со вчерашнего дня пытаюсь сообразить: чего хотел добиться член английского парламента, организовав катастрофы и нагнав на людей страху.

— Арчибальд Хоутон? — недоверчиво переспросила Белинда. — Господи, Майкл... Хоутон — и такие преступления? Ты строишь версию лишь на том, что видел его в компании Уилкинса?

— А как же вот это? — махнул я рукой на стопку газет. — Именно такой человек мог всучить прессе подобную историю, которую приняли без лишних вопросов.

— Конечно, у него есть политический вес, но... повлиять на такое количество газет, распространить выдумку по всему Лондону? — в замешательстве пробормотала Белинда. — Да еще и устроить катастрофы? Не многовато ли для одного человека?

— Мы выявили одну группу под названием «Лига стюардов», — ответил я, отхлебнув кофе. — Том рассказал, что они проповедовали изоляционизм, являются противниками союзов с другими странами. Не знаю, каковы их цели сегодня. Прошлым вечером они проводили собрание, и Стайлз собирался его посетить.

— Ты говорил об этом деле с Томом?

— Виделся с ним сегодня с утра. Хотел задать несколько вопросов о Хоутоне. Том только что вернулся из Уэльса.

— Он освещает происшествие на шахте?

— Да, и говорит, что никаких признаков динамита не обнаружено, хотя слухи все равно могут пойти.

— Вот и еще одна сложность, — заметила Белинда. — Когда газеты пишут, что новые атаки неизбежны, и они на самом деле происходят, подобные прогнозы лишь укрепляют авторитет прессы.

Я крепко потер лицо.

— Действительно, писаки выглядят дальновидными и, по крайней мере, более сведущими, чем полиция.

— Потому что они и провоцируют катаклизмы! — Белинда вскинула голову. — А тот, кто снабжает газеты подобными историями, — настоящий трус! Заметь, нигде нет упоминания, кто является автором статей.

Я слабо улыбнулся и положил ладонь ей на щеку, и она прижала ее сверху своей рукой. Далеко не в первый раз ум и здравый смысл Белинды давали мне повод возблагодарить бога за такую помощницу.

Внезапный стук в дверь заставил нас подскочить от неожиданности. Бел вопросительно вскинула брови, и я пошел открывать. На пороге стоял Стайлз с книгой под мышкой и пачкой газет в руке.

— Что происходит? — вздохнул я. — Сегодня все несут мне свежую прессу!

— О чем вы? — покачал головой инспектор и продолжил, не дожидаясь ответа: — Простите, но дело не терпит отлагательства.

— У меня в гостях Белинда, — пояснил я.

Они со Стайлзом познакомились несколько месяцев назад, когда Бел угрожали во время расследования убийств на реке.

— О, неужели! — с видимой небрежностью воскликнул инспектор, хотя появившийся откуда ни возьмись румянец выдал его смущение.

— Она пришла совсем недавно и тоже принесла газеты, — успокоил его я.

— А, вот как... — расслабился он и проследовал за мной в гостиную. — Здравствуйте, мисс Гейл!

— Добрый день, мистер Стайлз! — тепло улыбнулась Белинда. — Как приятно вас видеть!

Пока инспектор раздевался, я пустился в объяснения:

— Бел только что показала мне несколько статей из разных газет, которые едва ли не дословно повторяют друг друга. Одни и те же слова и выражения, и каждое из них бросает тень подозрения в причастности к последним событиям на Братство.

— Знаете, «Лига стюардов» пугает меня гораздо больше, чем ИРБ, — ответил Стайлз, повесив на крючок пальто и шляпу, и обернулся к Белинде. — Мы лишь на днях узнали об этой группе, и я вчера посетил их собрание.

— Майкл рассказывал, — кивнула Бел.

— Том Флинн сообщил, что изначально «Лига стюардов» проповедовала изоляционизм, — добавил я: — Причем полагал, что «Лига» давно приказала долго жить. Так что вы там слышали, Стайлз?

Инспектор помрачнел.

— До того, как пойти на лекцию, я решил что-нибудь выяснить о самом лекторе. Зашел в книжную лавку и вот что там обнаружил.

Он протянул мне книгу, и я прочел вытисненное на корешке название: «Высшие и низшие расы».

— А теперь откройте ее.

Я перевернул несколько страниц и нашел полное название: «Высшие и низшие расы на особом примере ирландского и кельтского отребья в собрании лекций выдающегося чистокровного представителя английского народа доктора Квентина Атвелла». Прочитав его вслух, я почувствовал, как мой голос дрожит от гнева.

— Этот человек называет себя доктором и исследователем человечества, — перебил меня Стайлз, — и он не меньшая гадина, чем Нокс и Беддоу. Между прочим, когда я зашел к своему знакомому книготорговцу и спросил, нет ли у него работ Атвелла, тот выглядел до крайности возмущенным. Сказал, что никогда в жизни не позволит себе разместить злобную галиматью этого человека на своих полках.

— Молодец! — воскликнула Белинда. — Как хорошо, что кто-то выступает против подобных взглядов!

— Я объяснил, зачем мне требуются книги Атвелла, и хозяин направил меня в другую книжную лавочку. Там этот труд и нашли где-

то в задней комнате.

Я передал томик Белинде. Пусть тоже глянет.

— В таком же духе проходила и лекция?

Стайлз кивнул.

— Атвелл начал с национального английского характера и достоинства, затем заявил, что животные, в отличие от человека, аморальны. Сравнил их с ирландцами и кельтами, которых, по его мнению, имеет смысл рассматривать как диких зверей. Например, сопоставил периодичность наступления беременности у ирландской женщины с аналогичными показателями у крыс. Утверждал, что разницы почти никакой.

— Сравнил с крысами, значит... — тихо повторил я, и инспектор виновато опустил вниз уголки рта. — Продолжайте, Стайлз. Это очень занятно.

— Так вот, беременность женщины длится девять месяцев, и обычная ирландка может забеременеть уже через два месяца после родов. У крыс те же показатели равняются девяти и двум неделям соответственно.

— Откуда он взял такие данные о крысах, да и об ирландских женщинах? — недоверчиво уставился я на инспектора.

Тот только развел руками.

— Бог его знает! Полагаю, что это чистой воды выдумка. В завершение Атвелл сказал, что природа сама найдет решение, ибо, с его слов, «ирландцы, учитывая присущую им порочность, сами поубивают друг друга — следует лишь дать им в руки оружие». Потом он еще разглагольствовал о неполноценности ирландцев, обращая внимание собравшихся на форму их челюстей и окружность головы. Нес какую-то чушь насчет «индекса идиотии» и «измерительной шкалы ущербности».

— Напоминает френологию, — вставила Белинда.

— Уже после собрания я вспомнил одну статью, которую читал на прошлой неделе, — кивнув, продолжил Стайлз и развернул принесенный с собой экземпляр «Дейли джорнал». — Вот послушайте.

Открыв страницу с письмами читателей, он прочел вслух:

— «Все гениальные люди имеют маловыдающуюся нижнюю челюсть, тогда как жители Ирландии и Уэльса отличаются прогнатией

(выступанием нижней челюсти). Кельты по сути своей близки к кроманьонцам, а те, в свою очередь, тесно связаны с негроидами. У кельтов индекс пигментации кожи, предложенный доктором Джоном Беддоу, существенно отличается от того же показателя у англосаксов. Данное отличие подробно проанализировано в научном трактате мистера Беддоу „Расовые отличия“».

Белинда судорожно вздохнула.

— Между прочим, слово «пигментация» написано с ошибкой, — добавил Стайлз. — Эта статья подписана не Атвеллом, автор ее — некто доктор Б. Лоуэлл.

— Погодите-ка, — пробормотала Белинда, перебирая свою пачку газет.

Вытащив «Лондон таймс», также открыла раздел с письмами читателей и провела пальцем по строчкам.

— Ага, вот. Слушайте: «Научный трактат под названием „Расовые отличия“ (1862), написанный доктором Джоном Беддоу, обращает наше внимание на необратимые генетические дефекты и сбои, присущие ирландцам. Все гениальные люди имеют маловыдающуюся нижнюю челюсть, тогда как жители Ирландии и Уэльса отличаются прогнатией (выступанием нижней челюсти). Кельты по сути своей близки к кроманьонцам, а те, в свою очередь, в соответствии с выводами Беддоу, тесно связаны с негроидами. У кельтов индекс пигментации кожи, предложенный Беддоу, существенно отличается от того же показателя у англосаксов».

Белинда оторвала взгляд от газеты.

— Подписано неким мистером Джоном Полсоном.

— Либо оба читали трактат Беддоу, либо это один и тот же человек.

— Беддоу не является автором «Расовых отличий», — звенящим от напряжения голосом возразила Белинда. — Его написал доктор Роберт Нокс. А перу Беддоу принадлежит труд «Расы Британии». Какова, по-вашему, вероятность, что две разные газеты в один и тот же день перепутали название и автора книги? Я уж не говорю об ошибке в слове «пигментация».

— Наверняка Атвелл рассылает письма в редакции под разными именами, — предположил Стайлз.

Интересно, приложил ли руку Атвелл не только к письмам, но и к статьям? Или этим занимался другой человек?

— Стайлз, кто присутствовал на лекции? — спросил я. — Знакомые лица были?

— Дэйвид Уилкинс сидел в задних рядах. Я постарался не попадаться ему на глаза. Народа набралось полно, человек сто, все довольно прилично одетые. Много людей из Сити, банковских служащих и разных клерков. Все вели себя чинно, сидели словно в театре. Обычно такие лекции посещает всякий сброд, но здесь... Странно было это видеть.

— А ведь правда, — хмыкнул я, представив себе подобное собрание. — Владельцы газет или сами газеты там не упоминались?

— Нет, однако никогда не догадаетесь, кого доктор причислил к могущественным друзьям «Лиги». Несколько раз повторил его имя. Член парламента, между прочим, — сказал Стайлз с загадочным блеском в глазах.

— Арчибальд Хоутон? — вздохнул я.

— Так вы тоже там были? — ошеломленно спросил инспектор.

— На лекции не был, зато видел, как Нед Уилкинс сегодня утром вошел в здание нового склада Хоутона, причем воспользовался своим ключом. Потом они вышли вместе с хозяином склада и укатили в его экипаже. Хоутон приходил на собрание?

— Сомневаюсь, — пожал плечами Стайлз. — Если бы он почтил это сблище своим присутствием, Атвелл не преминул бы выделить его в толпе. Похоже, он совершенно очарован этим человеком. Но как вы поняли, что из склада вышел именно Хоутон?

— Наверняка он: — одет был как джентльмен, замок отомкнул собственным ключом и приехал в экипаже с литерой «Х» на дверце.

Инспектор изменился в лице. Мы погрузились в молчание. Я мерил шагами комнату, и кусочки головоломки медленно, со щелчком, словно весла в уключины, вставали на место. Наконец остановившись, я заговорил, аккуратно выбирая слова — все же дал обещание Тому...

— А вдруг главная цель «Лиги стюардов» — воспрепятствовать самоуправлению Ирландии? Что, если катастрофа в Ситтингборне и крушение «Принцессы Алисы» подстроены Хоутоном и «Лигой» специально, чтобы создать впечатление причастности ИРБ? Тут вам и

динамит, и подброшенный флаг Братства... Сделано все, чтобы Ирландия никогда не получила автономии!

Стайлз с Белиндой уставились на меня в полном шоке.

Я встал, положив руки на спинку стула. Голова была предельно ясной — то ли кофе подействовал, то ли наступило внезапное прозрение. Ни бывший напарник, ни Бел понятия не имели о тайных переговорах парламентариев, но я-то знал! Знал — и не сообразил, что противники подобных дискуссий начнут действовать немедленно, стоит им прослышать, что кто-то обсуждает самоуправление республики.

— Господи, как же я сразу не додумался...

— То есть они не только пишут грязные статейки о катастрофах, но еще и организуют их! — У Белинды сел голос. — Но ведь это чудовищно...

— Вот почему Тимоти Луби так и не выступил с заявлением, — заметил Стайлз. — Братство-то тут ни при чем!

— Так или иначе, газеты его успели оклеветать, — добавила Белинда.

В голове у меня загудело, а вот в комнате на некоторое время наступила тишина, которую наконец нарушила Бел:

— Что еще на совести «Лиги»? Каковы вообще их возможности?

— Возможно, взрыв на шахте, — начал загибать пальцы я. — Не исключено, что поставка оружия в Уайтчепел, взрыв насилия в квартале, убийство людей Маккейба. «Лига» идет на все, чтобы спровоцировать «Каменщиков» на возмездие.

— Что касается беспорядков в Уайтчепеле, похоже, «Лига» взяла за образец Эдинбург, — продолжила мою мысль Белинда. — Пытаются создать видимость, что в квартале орудует Братство.

Я замолчал, размышляя над мотивами Хоутона. Естественно, он управлял процессом, оставаясь в тени. Однако что его побудило воспротивиться самоуправлению Ирландии? Что заставило организовать столь масштабные акции, убить сотни людей?

Мой приятель Джеймс любил повторять, что убийц толкает на преступление один из четырех мотивов: страх, месть, алчность и страсть. Алчность я отмел сразу. Да, Хоутон — промышленник, но тут было нечто большее, чем опасения, что автономия Ирландии причинит вред его фабрикам и уменьшит прибыли. Страх перед ирландцами?

Маловероятно. Любовь также в мои расчеты не вписывалась, зато я точно знал, на что способны люди ради мести. Не сомневался, что месть может заполнить пустоту в душе, оставшуюся после утраты близкого человека. Любимого человека. Достаточно вспомнить убийства на реке.

А ведь Хоутон потерял жену... Интересно, как это случилось? И когда?

— Том говорил, что в тот период, когда Гладстон ушел с поста, а затем вернулся вновь, Хоутон носил траур по супруге, — заговорил я. — Это была весна семьдесят третьего. А какой месяц, кто помнит?

— Середина марта, — ответила Белинда. — Я как раз была в Озерном крае с теткой, там и прочитала о том, что Гладстон снова заступил на пост премьер-министра. Помню, как радовалась тетя.

— Взрыв в театре Мэйфер случился девятого числа, — без всякого выражения сказал я.

— Могла ли жена Хоутона погибнуть в тот день? — выдохнул Стайлз. — Если да, почему промолчали газеты?

— Скорее всего, об этом писали, только в заголовках речь шла в основном о принцессах королевского дома, — поправила его Бел. — Помните фотографию Елены и Беатрис, вцепившихся друг в друга на тротуаре? Подле них еще стояли три констебля. Королева Виктория тогда наградила полисменов медалями.

— Мне срочно надо увидеть Винсента, — бросил я Стайлзу, оттолкнувшись от стола. — Можете покамест кое-что для меня сделать?

— Встретиться с Арчибальдом Хоутоном? — догадался тот, и я кивнул.

— Пока у нас нет ни единой ниточки, позволяющей связать Хоутона или «Лигу стюардов» с «Принцессой Алисой», за исключением встречи нашего парламентария с Недом Уилкинсом. И та совсем тоненькая, кроме меня ее никто не разглядит. Винсент ни за что не разрешит нам взять Хоутона без веских доказательств. Даже письма в газеты мы можем связать с Хоутоном лишь косвенно, через Атвелла, который использовал псевдонимы. — Я повернулся к Белинде, понимая, что только она поможет мне встретиться с человеком, который сумеет использовать подобную улику: — Где я могу найти лорда Бейнс-Хилла?

— Во внутреннем храме, — ответила она, собирая газеты.

— Можешь их оставить? — попросил я. — Покажу статьи Винсенту. Эта писанина — серьезное доказательство согласованного плана. Другого у нас нет.

Мы встретились взглядами, и любимая улыбнулась.

Стайлз вышел в прихожую за пальто, а Белинда передала мне свое, чтобы я подсобил ей продеть руки в рукава.

— Бел, — прошептал я. — Прости, что не смог остаться в субботу, да и после мы почти не виделись...

— Не бери в голову, Майкл, — покачала головой она, положив ладонку мне на грудь. — Я ведь знаю, что у тебя за служба. Прошу, береги себя.

Я коснулся лицом ее лба, поцеловал в щеку и помог надеть пальто. В комнату заглянул Стайлз.

— Встречусь с Хоутоном — разумеется, если он меня примет, — потом поеду в Уоппинг.

— Мистер Стайлз, сможете составить мне компанию? — попросила Белинда.

— Конечно. — Инспектор открыл перед ней дверь. — Я поймаю кэб.

Они вышли, и я побежал наверх, одеваться. Добравшись до площадки над лестницей, остановился. После встреч с Винсентом и лордом Бейнс-Хиллом следует переговорить еще с одним человеком. Черт бы побрал Ротерли! Деваться некуда — придется просить Маккейба сделать мне одолжение.

Глава 28

Кэб довез меня до Флит-стрит, где из-за столкновения сразу трех экипажей возникла пробка, и я, расплатившись с кэбменом, добежал пешком до набережной Виктории, а там припустил в восточном направлении. Дождя не было, однако тучи висели прямо над головой, солнце скрылось без следа, и поверхность реки казалась длинной стальной полосой. Крепкие тудяги буксиры и переполненные пароходы бороздили акваторию; мачты кораблей втыкались в небеса. Добравшись до пешеходного моста Чаринг-Кросс, я поднялся по его низким каменным ступеням и дошел до двора, располагавшегося сразу за Уайтхолл-плейс.

Казалось, с тех пор как я последний раз ступал на мощеную дорожку под каменной аркой, прошло куда больше трех месяцев. После хорошего дождя булыжники здесь весело блестели, сегодня же они были грязными и унылыми.

Открыв дверь, я ощутил знакомые затхлые запахи старого здания.

Кивнув дежурному сержанту, прошел прямо к закрытому кабинету Винсента и постучался.

А вот здесь кое-что изменилось. На полу лежал новый ковер, пахло свежей краской. Странно, но вроде бы комната стала немного уже. Должно быть, такое впечатление создавала новая мебель из замечательного вишневого дерева, которую поставили вместо потрепанных книжных шкафов.

— Можно? — спросил я, заглянув в кабинет, и Винсент кивком пригласил меня войти.

Прикрыв дверь, я расстегнул пальто и лишь тогда заметил лихорадочный блеск в глазах директора. Похоже, тот температурил: на лбу выступила испарина, нос покраснел — видно, часто приходилось пользоваться платком.

— Вы нездоровы, сэр.

— Это все неважно. Скажите, что пришли с хорошими новостями.

— Так и есть. Кажется, мы вычислили, кто стоит за крушением «Принцессы Алисы». Это довольно сложная история, не согласующаяся с теми, что публикуют в газетах.

— То есть ИРБ тут ни при чем? — вскинул брови Винсент.

— Братство невиновно, и трагической случайностью тут тоже не пахнет.

Я рассказал, как мы установили, что Нед Уилкинс пронес на судно динамит, а затем воспользовался аварийным румпелем, и доложил о нападении братьев Уилкинсов на Эйрса и Конвея.

— Сперва я предположил, что братья — члены ИРБ, однако Стайлз, проследив за Дэйвидом до типографии, обнаружил вот эту листовку.

Вытащив из кармана смятое объявление о лекции, я передал его Винсенту. Тот нахмурился, вчитываясь, и наконец поднял на меня озадаченный взгляд.

— Стайлз вчера посетил это собрание, — продолжил я, — и битых два часа слушал бредни Атвелла о том, что ирландцы подобны крысам, что якобы подкрепляется научными наблюдениями. В зале было около ста человек — в основном клерки и банковские служащие. Работяг Стайлз там не заметил.

Директор чихнул, прикрыв лицо носовым платком.

— Что известно об этой «Лиге стюардов»? Они работают под научное общество?

— Похоже, их цель — пробудить в народе антиирландские настроения, подстроив все так, будто ирландцы представляют жизненную угрозу для Англии.

— Но зачем?

— Помимо всего прочего, они намерены предотвратить возможность восстановления самоуправления Ирландии в случае, если Гладстон станет премьер-министром.

В глазах Винсента забрезжило понимание.

— Кто руководит действиями «Лиги»? Радикалы из парламента? Промышленники, имеющие деловые интересы в Ирландии?

— Судя по всему, тут и то, и другое.

Директор поморщился, и я вспомнил, что он на короткой ноге со множеством парламентариев и деловых людей. Все-таки второй сын баронета... Кстати, и редакторов лондонских газет Винсент тоже должен знать — все же не зря служил корреспондентом «Дейли телеграф».

— К тому же этот человек имеет влияние на редакции, — добавил я и выложил на стол стопку из четырех газет, которые принесла Белинда. — В каждой из них напечатаны очень похожие истории. Более того, использованы одни и те же слова, выражения, задаются аналогичные риторические вопросы. Словом, читателя подталкивают к выводу, что в случившемся повинно не только Братство, но и все ирландцы скопом. Что скажете, сэр? — спросил я, наблюдая, как директор изучает каждую статью по отдельности.

Читал он медленно, возвращаясь то к одной заметке, то к другой, сравнивая формулировки. Покачивая головой, отложил газеты.

— Они явно перекликаются. Я знаю редактора «Ивнинг стар» и не могу поверить, что он сознательно перепечатывает материалы из других газет, понимая, что эти опусы разжигают ненависть и недоверие. Кто-то оказал на него давление.

— Мы догадываемся, кто этим занимается, сэр. Пока Стайлз сидел на лекции, я искал Неда Уилкинса, а когда нашел — проследил за ним. На улице только рассвело, когда он вошел в новый склад, принадлежащий члену парламента Арчибальду Хоутону. У Неда имелся собственный ключ от задней двери. Четверти часа не прошло, как...

Я остановился, заметив, что фамилия Хоутона произвела на Винсента эффект сродни оплеухе. В его глазах промелькнули неуверенность и возмущение, однако он быстро овладел собой. Сглотнув комок в горле, нервно потерев воротник и бесстрастно предложил:

— Продолжайте. Четверти часа не прошло...

— Приехал Хоутон, прошел внутрь, а потом они с Уилкинсом вместе уехали в экипаже с литерой «Х» на дверце. — Помолчав, я уточнил: — Так вы знаете Хоутона?

— Я учился в университете с его младшим братом Максвеллом.

Винсент поднялся и на нетвердых ногах подошел к окну. Глубоко вздохнул, тут же захлебнувшись приступом кашля, и снова прикрыл рот платком.

— Сэр, вы были у доктора?

— Да, был.

Он продолжал смотреть в окно. Здесь стекло было чистым, и из кабинета открывался отличный вид на Темзу.

— Жена Хоутона — одна из жертв взрыва в театре Мэйфер? — спросил я.

— Прекрасная была молодая женщина, — горько сказал Винсент. — Погибла вместе со своим так и не родившимся ребенком...

— Э-э-э... понятно, — выдавил я. Директор молчал, и я задал еще один вопрос: — Как считаете, способен он на организацию подобного заговора?

— Господи, надеюсь, что нет, — пробормотал он. — Я должен подумать, как с этим разобраться. Сможете оставить газеты?

Я кивнул и продолжил излагать свои выводы:

— Все думаю, насколько далеко запустила щупальца «Лига». Если они добрались не только до «Принцессы Алисы», но и до Ситтингборна, и до шахты, то...

— Наверняка они спровоцировали и беспорядки в Уайтчепеле, — закончил мою мысль Винсент. Я промолчал, и он заговорил снова: — Хоутон не только производит обоймы. Он еще и является членом совета директоров оружейного завода в Бирмингеме. Как и мой отец, — после долгой паузы добавил он.

— Какого именно завода?

— «Уэбли и сын».

Я замер. У Колина как раз был «Уэбли».

— А какую марку пистолетов обнаружили на вокзале в Ливерпуле?

Нагнувшись над столом, директор порылся в аккуратной стопке папок и, открыв одну, пробежал глазами по страничке. Судорожно вздохнул, подтверждая мои подозрения.

— Однозарядные «Уэбли»...

У него дернулся глаз. Похоже, Винсент не находил себе места от мысли, что люди, которых он знал, вовлечены в заговор.

— Я чертовски сожалею, сэр...

Он долго молчал, а затем тяжело опустился на стул и устало потер лоб.

— Что-нибудь еще, Корраван?

— Не знаете, может ли Хоутон быть связан с этими четырьмя газетами?

— Не могу вам сейчас ответить, однако попробую выяснить. Хоутона пока не трогайте. Еще не время.

— Слушаюсь, сэр.

Мы попрощались, и, закрывая дверь, я услышал, как у Винсента вырвался мучительный стон. По-моему, он даже выругался — впервые за те годы, что я его знал. Мысли мои неслись вскачь. Вероятно, Колин получил револьвер от Финна Райли, а тот, в свою очередь, от посредника или через целую цепочку подставных лиц, которым платил Хоутон. Доказательств у меня пока не было, однако шестое чувство кричало: «Это он!»

Поймав кэб на Уайтхолл-плейс, я направился в корпорацию барристеров. Рассчитавшись с кэбменом, зашагал к квадратному зданию из красного кирпича, во внутреннем дворе которого был высажен сад с еще зеленой травкой. Чуть дальше текла Темза. Последний раз я сюда наведывался к мистеру Гаверлингу, важному свидетелю по делу об убийствах на реке, и длинную череду черных дверей помнил хорошо. Каждая пронумерована, однако никаких табличек. Кто сидит внутри — непонятно. Пришлось уточнить у пробежавшего мимо посыльного:

— Мне нужен лорд Бейнс-Хилл, — сказал я, зажав между пальцев шиллинг. — Где его кабинет?

Мальчишка выхватил монету и, нырнув под арку, жестом предложил следовать за ним. Мы завернули за угол, и он указал мне на одно из окон второго этажа.

Ответив кивком на мою благодарность, посыльный тут же испарился. Я вошел в здание, поднялся по лестнице и толкнул дверь, сбоку от которой все же висела латунная табличка: «Лорд С. Л. Бейнс-Хилл». За дверью обнаружилась большая квадратная приемная, отделанная панелями из темного дерева. Множество полок с книгами, потертый ковер, несколько горящих ламп. Пахло здесь как в библиотеке у Белинды — старыми, бережно хранящимися томами в кожаных переплетах.

— Чем могу помочь, сэр? — глянул на меня сидящий за столом клерк.

— Скажите лорду Бейнс-Хиллу, что пришел инспектор Корраван. О встрече мы не договаривались, — добавил я, предупреждая вопрос, — однако он наверняка захочет меня видеть. Я по делу, в котором лорд чрезвычайно заинтересован.

Клерк отбросил со лба прядь темных волос и, сохраняя вежливую улыбку, скептически прищурился.

— Хорошо, сэр. Пожалуйста, присядьте. Я доложу о вас лорду.

Вернулся парень быстро, излучая всяческую готовность.

— Лорд просит вас зайти, сэр, — сообщил он и проводил меня к распахнутой двери, а затем аккуратно прикрыл ее за моей спиной.

Бейнс-Хилл встретил меня у рабочего стола, непроизвольно приняв ту же позу, что и человек в белом парике на портрете за его спиной.

Проследив за моим взглядом, он отошел в сторону, чтобы я мог хорошенько рассмотреть работу художника.

— Мой дед, тоже адвокат, — пояснил лорд.

Между нами на секунду повисло неловкое молчание, и Бейнс-Хилл вышел из-за стола.

— Чем могу служить, инспектор?

— Мне нужно было переговорить с вами конфиденциально, — начал я. — Вероятно, то, что вы услышите, вас очень заинтересует. Однако попрошу не раскрывать мое имя.

— Разумеется. Присаживайтесь, — указал он на нишу у окна и уселся сам, закинув ногу на ногу.

Я устроился рядом, и кожаное кресло жалобно скрипнуло под моим весом.

— Мы считаем, что крушение «Принцессы Алисы» организовала группа под названием «Лига стюардов».

— «Лига стюардов»? — недоверчиво глянул на меня лорд. — О господи...

— Вы о них слышали?

Бейнс-Хилл уперся локтями в подлокотники и задумчиво сложил пальцы домиком.

— Слышал, но очень давно. Еще до Франко-прусской войны. Не знал, что «Лига» до сих пор существует.

— Они теперь занимаются разжиганием ненависти к ирландцам. — Лорд удивленно распахнул глаза, и я продолжил: — Полагаем, что один из членов «Лиги» пронес динамит на борт «Принцессы Алисы», и, скорее всего, «Лига» устроила катастрофу в Ситтингборне. Более того, мы уверены, что эта группа размещает в разных газетах статьи, обвиняющие в последних событиях Ирландское

республиканское братство. Статьи написаны таким образом, что каждая из них усиливает воздействие другой, и создается впечатление, что в прессе публикуются проверенные и подтвержденные сведения.

— О каких газетах вы говорите? — настороженно осведомился лорд.

— «Кент обсервер», «Сассекс пост», «Стэндард» и «Ивнинг стар». Возможно, этим список не ограничивается.

— Что ж, у «Стэндард» и «Пост» один владелец — Кларенс Томлинсон, — нахмурился Бейнс-Хилл. — О других ничего сказать не могу.

Подобный факт еще не являлся доказательством причастности Томлинсона, однако тот владел еще двумя интересовавшими нас газетами, и совпадение переставало выглядеть случайным.

— К взрыву на шахте в Уэльсе тоже приложила руку «Лига стюардов»?

— Таких сведений у нас пока нет. Да и далековато от Лондона, — признал я. — И все же они вполне могут заставить прессу высказать такое предположение.

Лорд слегка наклонил узкую голову, переваривая услышанное.

— Вы решили сообщить мне о своих выводах, поскольку считаете, что заговор имеет целью сорвать наши переговоры?

— Можете ли вы придумать иную причину? — пожал плечами я. — Злой умысел ради злого умысла? По-моему, в настоящий момент более важного повода просто не существует.

Лорд неторопливо, явно скрывая душевное волнение, опустил руки на подлокотники кресла.

— О наших инициативах осведомлен очень узкий круг людей, — наконец заговорил он. — Нас всего восемь человек, надежнейшие из надежных. Невозможно даже предположить, кто проговорился. — Вокруг его глаз наметились тревожные морщинки. — Как о наших дискуссиях узнали вы, если не секрет? Не исключено, что это поможет понять, кто предатель.

Тома Флинна я сдать не мог и ответил вопросом на вопрос:

— Кто-то из членов вашей группы знаком с Арчибальдом Хоутоном?

Лорд тихо вздохнул и бросил на меня обеспокоенный взгляд:

— Вы уверены в его причастности?

— Вполне возможно, что Хоутон — один из лидеров преступного движения. Его жена и нерожденный ребенок погибли при взрыве в театре Мэйфер.

Лорд крепко потер лицо крупной рукой с синими прожилками вен и глянул мне в глаза:

— Два члена нашего кружка посещают тот же клуб, что и Хоутон. Вероятно, им даже не пришло в голову, что в его присутствии следует соблюдать осторожность. Воззрения Хоутона очень консервативны, и лет пятнадцать назад я сказал бы, что они полностью совпадают со взглядами «Лиги». Если он вступил в их ряды еще тогда, то не исключено, что сейчас мог задать «Лиге» новую цель.

— Расскажите подробнее, что в себя включает доктрина «блестящей изоляции», — попросил я.

— Эта теория о том, что Англии выгоднее замкнуться в национальных границах и не вмешиваться в дела иных стран. Однако любую теорию можно приспособить под разные задачи. Похоже, сегодня доктрина призвана укрепить идентичность английской нации, выведя за скобки ирландцев. — Лорд покачал головой. — Отвратительно, что политика правительства может подпасть под влияние «Лиги стюардов» и прессы. В любом случае спасибо, что открыли мне глаза, мистер Корраван. Мне бы еще знать, кто нас выдал... Меня это чрезвычайно беспокоит.

— Понимаю.

— Даже не могу передать, как печально бросать дело на полпути, но, похоже, сейчас не самое подходящее время для голосований по самоуправлению Ирландии. — В углах его рта залегли глубокие складки, и мы снова встретились взглядами. — Какое несчастье, мистер Корраван! Ведь, если так можно выразиться, впереди по курсу уже показалась земля...

— Потому-то они и засуетились, чтобы сменить курс.

— Надеюсь, вы понимаете, в чем тут дело. Не начини мы переговоры, пассажиры «Принцессы» остались бы в живых. — Он поднял руку, предупреждая мои возражения. — Я знаю, вина целиком и полностью на «Лиге стюардов». Эта катастрофа — непредсказуемое последствие наших попыток. И все же мне тяжело сознавать, что...

— Понимаю вас, — повторил я.

Бейнс-Хилл поднялся, подошел к окну и положил ладонь на раму, словно в поисках опоры. Я также встал, гадая, следует ли мне уйти.

Не оборачиваясь, лорд сказал:

— Чувство сожаления — худшее из того, что можно вообразить. — Я слушал молча, и лорд продолжил полным отчаяния голосом: — Мы с одним другом только на прошлой неделе вспоминали, о чем сожалеем в этой жизни. Вы еще слишком молоды, а мы прожили достаточно, чтобы осознать самые мелкие подробности наших ужасных промахов. У меня за плечами их великое множество, и ничего задним числом исправить нельзя. — Он обернулся. — Мой друг — записной остро слов, и каждый раз находит самый меткий ответ. Знаете, что он заявил?

Я покачал головой.

— Сказал, что негодяю от угрызений совести помогает избавиться один из трех способов: выпивка, гнев или месть. Однако порядочный человек способен лишь унести подобное чувство с собой в могилу. Боюсь, так случится и со мной. Это нелегкое бремя. — Лорд приложил ладонь к груди, словно ощущая физическую боль. — Оно разъедает душу.

Мы погрузились в молчание, и наконец Бейнс-Хилл вздохнул:

— Удачи вам, мистер Корраван.

— И вам, — эхом отозвался я.

Сожаление... — думал я, закрывая дверь, и чувствовал, как оно растет в моем сердце, поднимается, словно приливная волна, захлестывающая ботинки.

Глава 29

Пора было встретиться с Маккейбом. Иных вариантов найти Тимоти Луби не просматривалось.

Я зашел в паб, где до того дважды беседовал с главарем «Каменщиков», однако там его не было. Побрел в «Гусака и гусыню», рассчитывая увидеть О'Хагана, однако ни там, ни в «Лодочнике» его не обнаружил. Проклятье! Я остановился на улице, дрожа под холодным ветром. Черт возьми, как же мне искать Луби, если я даже не могу вычислить, где прячется Маккейб?

Скрепя сердце я признал, что идти мне, кроме как к Дойлам, некуда. Пусть Колин и не состоит больше в банде «Каменщиков мыса», он может знать кого-то, кто наведет меня на Маккейба или хотя бы передаст ему сообщение.

Подойдя к дому Дойлов, я уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, когда сверху раздался крик.

Элси!

Я застыл на месте, уцепившись за перила, и вспомнил, как за ней недавно ворвались в дом незнакомцы.

Однажды мы с Пэтом провели целый день, пытаюсь пройти по лестнице так, чтобы ни одна ступенька не скрипнула, чтобы ма не слышала, когда мы приходим и уходим. Тело само вспомнило те давние упражнения. На первую, шаткую ступеньку ногу следовало ставить ближе к левому краю. Вторую — пропустить. На третью шагнуть правее. Я бесшумно поднялся к двери, повернул ручку и ворвался в кухню с дубинкой в руке. Вторую, заранее сжав пальцы в кулак, отвел назад.

В кухне стояли трое, взяв ма и Элси в полукольцо. Тот, что поближе, обернулся ко мне, и я ткнул его дубинкой в живот. Незнакомец согнулся в три погибели, и я рубанул его ребром ладони по шее. Парень без чувств обрушился на пол, а его дружки подступили ко мне с двух сторон. Один что-то возмущенно крикнул и тут же получил удар подошвой ботинка в боковую часть колена, отлетел в сторону и с воем упал. Третьего я схватил за шиворот, но он отбросил меня в сторону. Падая, я выхватил нож, перекатился по полу и вскочил

на ноги. Одной рукой обхватил чужака, второй приставил лезвие к его горлу. Парень замер, а я бросил взгляд на ма.

— Они посмели вас тронуть?

— Нет, нет, — покачала головой она.

— Слышал с улицы твой крик, — обратился я к Элси, стоящей с кухонным ножом в руке.

Успела-таки схватить с полки...

— Просто испугалась, — тяжело дыша, объяснила девушка. — Вошла в комнату, а тут они.

— Эти парни искали Колина, — заговорила ма. — Но мы не знаем, где он болтается.

— Кто вы такие? — зарычал я в ухо своего пленника.

— Чертов ты недоумок, Корраван! Мы не собирались причинять им вреда. Отпусти!

Я обошел его спереди, продолжая держать нож у шеи, затем толкнул на стул. На его лицо упал свет лампы. Знакомая личность...

— Видел тебя с Маккейбом на прошлой неделе. Как тебя зовут?

— Киф, — пробормотал парень, уставившись на меня черными сверкающими глазами. — Мы ничего не замышляли против женщин, да и против Колина тоже. Просто Маккейб приказал его привести.

— Зачем?

— Для его же блага, — огрызнулся Киф.

Я медленно выпрямился и опустил нож.

— Что ты хочешь сказать?

— Слушай, мне Маккейб не докладывает, — сплюнул парень и глянул на валяющихся на полу дружков. — Поднимайтесь, живо!

Я перевел взгляд на ма.

— Когда ты последний раз видела Колина?

— Три дня назад. Забегал перекусить. А с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Ма стояла спокойно и говорила самым обычным тоном. Она всегда отличалась железной выдержкой и куда больше переживала за Колина, чем за себя.

— Маккейб хотел, чтобы мы обыскали дом, — перебил нас Киф. — Позволь нам это сделать, и мы уйдем.

Решив переговорить с ним с глазу на глаз, я предложил:

— Пошли вместе.

Поколебавшись, парень кивком приказал приятелям оставаться на кухне, и мы вышли. Быстро осмотрели три комнаты наверху, открыли два шкафа. Разумеется, Колина там не было, хотя одежда и прочие причиндалы оставались на месте.

Значит, мальчишка не в бегах. Где же он шляется уже три дня? В груди у меня защемило.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, я пропустил Кифа вперед. К его чести, подчиненный Маккейба вроде бы зла на меня за схватку не держал, понимая, что я просто защищал женщин. Мы вышли в торговый зал лавочки, и я поднял фонарь над головой. Как и следовало ожидать, никаких следов Колина не обнаружилось и здесь. В зале царила непривычная мертвая тишина; в дневное время здесь обычно толпились покупатели, было шумно и весело. Фонарь осветил стеклянные банки на полках за прилавком и отбрасывающие длинные тени деревянные бочонки.

Остановившись в центре помещения, мы повернулись лицом друг к другу.

— Так что ты имел в виду, когда сказал: «для его же блага»?

Киф с отвращением поджал губы.

— Кол смылся с Финном Райли. Только на самом деле поговаривают, что он — крот «Каменщиков», поэтому рано или поздно его прикончат. Вопрос времени. А Маккейб не хочет из-за этого с тобой ссориться.

Мое сердце сбилось с ритма.

— Отведи меня к Маккейбу. — Парень покачал головой, и я нетерпеливо добавил: — Если хочешь, накинь мне на глаза чертов капюшон. Мне нужно с ним поговорить.

— Умнее ничего не мог придумать? — хмыкнул Киф, ступив на лестницу. — Ему и так не понравилось, что ты прошлый раз ворвался без спросу.

— У меня есть сведения, которые его интересуют, — бросил я парню в спину.

Если я и покривил душой, то не слишком. Просто пока не имелось твердых доказательств, что оружие, из которого застрелили людей Маккейба, направлялось конкретно Хоутону, а затем Финну Райли. В любом случае предложить в обмен на жизнь Колина мне было больше нечего. Дам Маккейбу то, что есть, и буду надеяться, что не прогадаю.

Киф остановился на пару ступенек выше и обернулся.

— Он убьет тебя, если выяснит, что ты блефуешь.

— Я не блефую.

— Значит, убьет меня, если я приведу тебя в его логово, — покачал головой парень.

— Если не приведешь, я натравлю на него весь чертов Ярд! И скажу, что тебя предупреждал.

Киф пожевал губами и на секунду задумался, затем покорно пожал плечами.

— Ну, тогда это будет на твоей совести.

Мы поднялись наверх.

— Не волнуйся, ма, — сказал я, перешагнув порог кухни. — Мы все обсудим с Маккейбом.

Она едва заметно перекрестилась.

— Микки...

Услышав дрожь в ее голосе, я повернулся к троице.

— Подождите снаружи, у лестницы. Я спущусь через пару минут.

Парни переглянулись, затем Киф подтолкнул их к выходу и прикрыл за собой дверь.

Как только они вышли, лицо ма исказил страх.

— Микки... — прошептала она. — Колин и раньше порой не приходил ночевать, иногда даже пару ночей подряд, но...

Я притянул ее к себе. Голова ма едва доставала мне до груди, и меня пронзила мысль, что так было не всегда. Она вся трепетала, словно испуганная птичка.

— Маккейб хочет убить моего сына? — тихо спросила она.

Отстранившись, я глянул ей в глаза и мужественно выдержал ее взгляд.

— Я заключил с ним сделку, ма. Он не тронет Колина.

— Сделку... — эхом повторила она.

— Маккейб приказал привести моего брата? — вклинилась Элси. — Что это значит? Разве Колин не в его шайке?

— Уже нет, — после недолгого колебания ответил я.

— С кем же он связался?

Пришлось сказать правду.

— С Финном Райли.

Глаза Элси расширились; ма поднесла руку ко рту и тут же уронила.

— С Финном Райли? Зачем он это сделал?

— Наверное, его обуяло желание стать значительной фигурой, заработать больше денег, — пожал плечами я.

— Но этот Райли — просто предатель! — Элси судорожно вздохнула. — И Купер ни за что не примет Колина. Они всегда промышляли на пару с Финном.

Хм. Так вот кто распускает слухи, что Колин — крот Маккейба...

Элси приблизилась ко мне и положила ладонь на мою руку.

— Чем я могу помочь, Микки?

— Вернусь, как только смогу, — уклонился я от ответа, а глазами сказал: *Позаботься о матери...*

Девушка кивнула, и я повернулся к ма, которая страшно побледнела и все же не проронила ни слезинки.

— Мы его найдем, — хрипло проговорил я. — Клянусь, найдем!

Ма вздохнула. Я обнял своих женщин и на долю секунды крепко прижал их к груди. Затем закрыл за собой дверь и побежал вниз. Троица дожидалась меня у лестницы. Один из парней покуривал сигарету. Судя по аромату — французского производства. На ее кончике в крошечной тьме Уайтчепела мерцал красный огонек.

Глава 30

Повезли меня в кэбе, на этот раз не накинув капюшона. Что бы это значило? Видимо, одно из двух: либо мне удастся убедить Маккейба, что я принес стоящие сведения, либо я из его логова не выйду.

Мы доехали до заброшенного склада к северу от Лондонских доков и выбрались наружу. Киф ступил на сломанную лестницу и достал ключ, а двое его напарников встали со мной бок о бок. Дверь заскрипела, словно предвещая беду, и мы двинулись по длинному коридору, в конце которого висел фонарь. Киф четыре раза стукнул по филенке внутренней двери, затем распахнул ее, пропуская меня вперед.

— Ну, теперь твой ход, — пробормотал он, и я перешагнул порог.

Один из парней все еще придерживал меня за руку.

В углу пылал очаг, и в комнате, освещенной несколькими лампами, было тепло. Пахло здесь табачным дымом и потом, бедой и тревогой. Маккейб сидел за прямоугольным столом, и при виде неожиданного гостя в окружении троицы «каменщиков» его челюсть отвалилась.

— Какого черта? — тихо произнес он, переводя взгляд с одного подручного на другого. — Что, черт возьми, вам взбрело в голову? Где Колин?

Я выдернул руку из захвата сопровождающего.

— Это я их заставил. Забежал сегодня к Дойлам в поисках Колина — рассчитывал, что он подскажет, где можно с вами встретиться.

Отвернувшись, Маккейб сплюнул желтую от табака слюну прямо на грязный дощатый пол. Пытался выказать свое безразличие? Нет, тут скорее было презрение к своим помощникам, а может — ко мне. Или ко всем четверым. Уважал он лишь предельную честность, и я не собирался ничего скрывать. Однако пусть сперва сам докажет, что не водит меня за нос.

— Мне нужно поговорить с вами наедине, — заявил я и выложил на стол дубинку и нож.

Маккейб кивнул своим людям, и те вышли в коридор, а я встал, схватившись руками за спинку свободного стула.

— Вы меня обманули. Прошлый раз попросили оказать вам услугу в обмен на Колина, а сами уже знали, что он откололся вместе с Финном Райли.

Главарь «Каменщиков», не моргнув глазом, откинулся на спинку. Наклонившись вперед, я продолжил:

— Если Финн считает, что Колин — ваш крот, мальчишке конец.

— Как ты думаешь, почему я отправил за ним своих ребят? — Маккейб ткнул пальцем в мою сторону. — Сам ведь сказал, что, покуда Колин жив, ты оставишь меня в покое. Он не настолько важная фигура, чтобы ссориться из-за него с Ярдом.

— Я считаю, что слухи насчет него распускает Купер.

— Скорее всего, — глянул на меня главарь «Каменщиков» из-под нависших век.

— Вы клянетесь, что не знаете, где находится Колин?

Маккейб приложил к губам два сжатых вместе пальца, затем поднял их к небу. Я кивнул, понимая, что он призвал в свидетели Господа, и, выдвинув стул, уселся.

— Хочу попросить вас о двух одолжениях, но сперва готов рассказать, кто везет в Уайтчепел оружие и деньги и для чего.

Мы замолчали, изучая друг друга.

Из-за стены донеслись громкие голоса, зазвенели то ли бутылки, то ли стаканы, послышался кашель. Я не обращал внимания на посторонние звуки. Здесь и сейчас были только мы с Маккейбом. Похоже, он чувствовал то же самое. Между нами словно проложили невидимый мостик, и мы безмолвно говорили о том, что считалось в Уайтчепеле высшими ценностями. Таковых насчитывалось четыре — как тузов в колоде: информация, работа, еда, верность. Любовь к человеку, подобному Колину, который способен доставить сам себе больше неприятностей, чем любой недруг, давала противнику в руки сильный козырь, но сейчас об этом думать не приходилось. Я готов был открыть карты, если получу шанс найти Колина. Маккейбу соврать — раз плюнуть, но даже он признавал: покуда Колин с Финном Райли, он в опасности.

Главарь «Каменщиков» положил руки на стол и сплел пальцы; то же самое, подражая ему, сделал и я, после чего тихо заговорил:

— Когда-нибудь слышали о «Лиге стюардов»?

— Не приходилось.

— А об Арчибальде Хоутоне? — В его глазах мелькнул огонек, и я продолжил: — Хоутон — богатый и могущественный человек. Член парламента, промышленник. Владеет фабрикой металлообработки на Темзе и оружейным заводом в Бирмингеме, который производит обоймы для ружей. Знаете его?

— А как же, — покосился на меня Маккейб. — Только вчера ужинали с ним в клубе.

Я пропустил его остроу мимолетно мимо ушей.

— В парламенте есть группа политиков умеренного толка — ирландцев и англичан. Некоторое время назад они начали тайное обсуждение мирных способов восстановления автономии Ирландии, — рассказывал я, не отрывая взгляда от Маккейба. — Хоутон против, так что он собрал членов «Лиги», чтобы воспрепятствовать подобной возможности. Эти люди не приемлют самоуправления нашей республики, но не только. Они ненавидят ирландцев — всех до единого.

Я помолчал, затем заговорил снова:

— У Хоутона имеются влиятельные партнеры. Например, есть доктор, который несет всякую чушь о том, что ирландцы — низшая раса. Люди с обликом обезьяны, размножающиеся подобно крысам... Еще есть соратник, который заставляет газеты печатать лживые истории, например — обвиняющие ирландцев в гибели «Принцессы Алисы». Именно Хоутон закупает оружие и переправляет его в Уайтчепел, чтобы ирландцы убивали друг друга.

В комнате повисла тишина; Маккейб переваривал услышанное.

— Так их трое? — наконец без всякого выражения спросил он.

— В «Лиге» около сотни членов, но эти трое, насколько мне известно, вдохновители движения.

Главарь «Каменщиков» потер ладонью тыльную сторону другой руки и настороженно глянул мне в глаза.

— И они подстрекают Райли выступить против меня?

— Не против вас лично, — поправил его я. — Им все равно, кто выиграет эту войну — вы или Райли. Они всего лишь хотят, чтобы ирландцы уничтожили друг друга, намереваются представить нас неуправляемым сбродом, который следует держать в железной клетке.

Именно для этого Хоутон поставляет оружие Финну. Вы тут совершенно ни при чем.

— Так ты уверен насчет этого Хоутона?

— Его беременная жена погибла при взрыве в театре Мэйфер, — ответил я.

В глазах Маккейба засветилось понимание, и он, покачав головой, поднялся из-за стола и несколько раз обошел комнату. Встал, ухватившись за спинку стула, и поставил его на задние ножки.

— Есть еще кое-что, — добавил я. — Гибель «Принцессы Алисы» — не трагическая случайность. Ее подстроила «Лига стюардов».

— Имеются доказательства? — осведомился Маккейб.

— Мы установили двух виновников, братьев. Один был на «Принцессе», другой — на «Замке». Оба — члены экипажей.

На щеках главаря «Каменщиков» расцвели алые пятна.

— И это нас они называют варварами? Английские ублюдки! Значит, Хоутон все это организовал, а теперь держит нас за дураков?

— Не только вас, но и Райли, — напомнил я.

— Мы в разном положении, — возразил Маккейб, со стуком опустив стул. — Финн Райли забирает у них оружие и посмеивается надо мной в кулачок. А теперь, — буквально прошипел он, — я знаю почему.

Он долго смотрел на меня, а затем бросил, дернув подбородком:

— Чего ты от меня хочешь?

— Две услуги. Во-первых, нужно переговорить с Тимоти Луби, сказать, что ему следует дать письменное опровержение клеветнических наветов. Сможете помочь?

— Я-то смогу, — ответил Маккейб, — только никто ему уже не поверит.

— Не хочу просить, чтобы он сделал это во всеуслышание, пока мы не получим признания виновных и достаточного количества улик. Тогда его утверждения обретут вес. Скажите ему, что я знаю, то есть Скотланд-Ярд знает: он не связан с этими негодьями. Мы собираем доказательства. Возможно, нашими совместными усилиями переговоры о самоуправлении Ирландии возобновятся. Передадите?

Он медленно кивнул.

— Попросите Луби прислать весточку на Уоппинг-стрит, если он не возражает поговорить, и я буду готов с ним встретиться.

— Что-нибудь еще?

— Помогите разыскать Колина. — Мой голос вдруг сел. — Где Райли может его держать?

Маккейб сделал шаг назад, снова поставил стул на две ножки и побарабанил пальцами по перекладине его спинки.

— Колина нет уже три дня, — продолжил я. — Просто хочу увидеть его живым.

Главарь «Каменщиков» склонил голову к плечу и покосился на меня.

— Что заставляет тебя заботиться о человеке, который слова хорошего о тебе не скажет?

Его слова меня задели, однако я, сунув руки в карманы пальто, ответил:

— Это не имеет значения. Я — должник ма Дойл, и мне вовек с ней не расплатиться. Колин на самом деле хороший парень. — Мой голос окреп: — Как только его найду и удостоверюсь, что он в безопасности, начну поиски Райли, и, клянусь, он от меня никуда не денется. Если он виновен в убийствах ваших людей — а я думаю, что виновен, — его вздернут.

— Если осудят, — заметил Маккейб.

— Если кровь на его руках, я сделаю для этого все возможное.

Вероятно, мой тон убедил главаря «Каменщиков». Он медленно кивнул, и последний рубеж его обороны пал. В конце концов, мы желали одного и того же — что еще нужно?

— Где он живет?

Маккейб выпрямился, снова опустив стул на четыре ножки, и ответил:

— У его сестры дом на Малоун-стрит. Живет там с мужем. Мать — прямо за углом, на Ярроу. О других его родственниках я не слышал. Мои люди стояли и там, и там, но Райли у родных ни разу не появился.

— Где еще он может скрываться?

Маккейб покачал головой.

— В какие пабы ходит? Работал ли когда-нибудь в порту?

Главарь «Каменщиков» задумался.

— Знаешь паб «Полумесяц»?

Он запахнул пальто и застегнул три верхние пуговицы.

— Нет. Где это?

— На углу Глэмис и Редкасл, к югу от Кейбл-стрит. Раньше там была пекарня.

— Хотите отправить меня туда — не знаю куда? — Он глянул на меня с хитрым прищуром и ничего не ответил. — Маккейб, мне нужно ваше слово, что вы не убьете Финна Райли. Возможно, он станет важным свидетелем на суде против Хоутона и «Лиги стюардов».

— Не надо мне приказывать! — вздернул голову он.

— Если вы его убьете, я приду за вами, а мне этого не хочется.

Маккейб примирительно махнул рукой.

— У меня есть кое-какие дела. Наведаюсь в Ламбет и буду там до завтрашнего вечера. На это время Финн и весь Уайтчепел в твоём распоряжении.

Открыв дверь, он встал вполоборота, выпроваживая меня на улицу — сказывалась старая привычка не выпускать из вида возможного противника.

— До скорого.

Глава 31

Перекресток Глэмис и Редкасл находился в восточной части Уайтчепела, которую я знал не слишком хорошо. Район протянулся с северо-запада на юго-восток, и перекресток, как и многие другие в этом районе города, располагался под неправильным углом. Остановившись перед дверью паба, я испытал нечто странное: не ощущение близкой опасности и не чувство дежавю, но инстинктивную потребность сориентироваться. Сделав шаг назад, двинулся в южном направлении. Дойдя до пристани, повернулся спиной к реке и окинул взглядом теснившиеся у берега дома.

Луна бросала бледные лучи на два старых склада. Их боковые стены почти примыкали друг к другу, и с другой точки могло показаться, что это единое целое. Я присмотрелся внимательнее: на фасаде первого — никаких вывесок, а вот у двери второго имелась поблекшая табличка. Пришлось подойти ближе, и тогда блеклые буквы сложились в два слога: «Хоут...»

У меня заколотилось сердце. Конец слова безнадежно выцвел, но я готов был побиться о заклад, что старый склад, расположенный совсем рядом с пабом, — собственность Хоутона. Нет ли между ними подземного хода? Подобные туннели в зданиях у реки — дело обычное, особенно в тех, что строились в эпоху высоких налогов на чайный лист, которые делали торговлю невыгодной, и чай в основном возили контрабандой.

Заброшенный склад — как раз то место, где Райли мог бы держать в плену Колина. Обязательно надо его осмотреть... Я обошел здание вокруг, однако окна были заколочены досками, а дверь заперта на замок.

Вернувшись к пабу, я вошел внутрь. В длинном продолговатом помещении плавали клубы едкого дыма — за огнем в очаге никто не следил. Четверо мужчин лениво перекидывались в карты за втиснутым в скошенный угол столом. У противоположной стены проститутка висит как на вешалке платье — видно, знавала более сытные годы — гладила по голове мужчину, угрюмо уставившегося в кружку эля.

Бармен, молодой парень с сальными, свисающими на лицо патлами, пытался починить отскочившую ручку кастрюли, но, заметив мое приближение, поднял голову. Насторожился, быстро распознав в новом посетителе полицейского, но мне было наплевать.

— Я ищу Финна Райли. Он сегодня здесь?

— Нету его, — равнодушно ответил бармен, не отрывая от меня взгляда.

— Мне нужно попасть в старый склад Хоутона, — понизив голос, сказал я. — Есть здесь подземный ход?

Молодой человек покачался на каблуках и, окинув осторожным взглядом зал, пробормотал:

— Когда-то был.

Снова потянувшись за отверткой, добавил:

— Месяц назад здесь появились люди Хоутона и заложили проход кирпичом. Пройдите через кухню, потом вниз по ступенькам. Сами увидите.

Бармен явно не врал.

— Мне потребуются фонарь, — сказал я.

— Там и возьмете, — кивнул он на узкую дверь за спиной.

На кухне я обнаружил девушку, неторопливо чистящую картошку. Ее челюсти равномерно двигались; на лице было написано чувство вины. Наверняка жевала сырой картофель, а может, и очистки. Кожура, долго перевариваясь в желудке, дает даже большее ощущение сытости.

Улыбнувшись служанке, я снял с крючка фонарь и пошарил в кармане в поисках спичек.

— Спички там, сэр, — произнесла девушка, указав на полку.

Я поблагодарил ее, поджег фитиль и вышел через заднюю дверь в переулок. Еще раз обошел вокруг склада, протиснулся по узкому проходу между ним и соседним зданием, обогнул его сзади и снова вернулся к фасаду. Передо мной было три двери. К одной, железной, спускались каменные ступеньки; на петлях засовов висели два тяжелых замка. На двух других отсутствовали ручки, открывались они только изнутри, так что мои отмычки оказались бы здесь так же бессильны, как дробь против стены бастиона. Низко расположенные окна надежно забились досками. Ни единой щелки... Стены ровные, гладкие, ни пожарных лестниц, ни выбоин, куда можно поставить ногу. Непрístupность здания внушила мне тревогу. Сделав еще круг в

поисках водосточных труб, я обнаружил, что таковых было две, однако хозяева их сняли.

Возможно, использовали для нового склада Хоутона? Да нет, странно. Склад ведь пустой, зачем такие усилия?

Потому что здесь чертовски хорошее место для хранения оружия, подсказал мне внутренний голос.

Я в третий раз обошел здание и в лунном свете заметил блеск прорезанного в крыше наклонного окна. Вот и лазейка... Только как подняться наверх? По стене не заберешься, это я уже понял.

Соседний склад был в куда более плачевном состоянии. Перебежав к нему, я присмотрелся. Кирпичная кладка местами осыпалась, частично обвалилась — полно выемок, есть за что зацепиться. Вполне можно залезть наверх и перепрыгнуть на низкую крышу склада Хоутона. Дальше проникну внутрь через окно, вот только фонарь придется оставить внизу, иначе так недолго подпалить себе пальто. Я задул его и пристроил у стены.

Хорошо, что ночь сегодня лунная...

В юности, когда мне приходилось промышлять воровством, подобные препятствия я брал на раз, однако пять или шесть приобретенных с тех пор стоунов делали задачу не столь уж легкой. Совершив несколько попыток, я все же вскарабкался на высоту десяти — двенадцати футов. Достаточно высоко, чтобы, развернувшись в прыжке, приземлиться на крышу рядом с окном. Перепрыгнув, я упал, растянулся на животе и заскользил вниз по кровле. Попытался хоть за что-нибудь зацепиться и наконец ухватился за край металлической черепицы. Та застонала под моим весом, но выдержала. Подтянувшись вверх, я встал, вытащил из ботинка маленький нож и провел им вдоль паза под нижним средним стеклом в раме окна. Вынув его, просунул руку внутрь и, открыв замок, приподнял створку. Спрыгнув вниз, глухо ударился подошвами ног о пол и медленно двинулся вперед по пустым темным помещениям. В окно заглянула луна, позволив мне разглядеть наглухо запертую дверь пожарного выхода и лестницу в дальнем углу комнаты.

Пробираясь на ощупь, я спустился на первый этаж. Добравшись до низа, провел рукой по стене и обнаружил гвоздь, на котором раньше, должно быть, висел фонарь. Пробормотал себе под нос проклятие и ощупал противоположную стену. Здесь фонарь, к моему

облечению, по недосмотру оставили. Вытащив коробок спичек, я поджег фитиль. Быстрый осмотр помещения никаких результатов не дал, и я направился к подвалу. Четвертая ступенька угрожающе качнулась под моим весом, и дальше я держался как можно ближе к стене, цепляясь за перила и проверяя, куда ступает нога. В самом низу находилась запертая дверь. Вытащив из кармана набор отмычек, я выбрал две из них, которые обычно помогали в подобных случаях.

Согнувшись, вставил их в замочную скважину и начал тихонько проворачивать. Прошло не более двух минут, и замок тихо щелкнул. Слава богу... Я убрал отмычки, открыл дверь и шагнул внутрь.

Глава 32

В подвале пахло крысиным пометом и ржавым железом.

Возвышавшаяся в двадцати футах от входа кирпичная стена, в которой также имелась дверь, разделяла помещение надвое. В передней половине было пусто, только валялись на полу куски досок — видимо, от деревянных ящиков. В вентиляционной решетке, вмонтированной в потолок у внешней стены, тихо посвистывал ветер.

Я приблизился к двери, сбитой из вертикально поставленных досок, часть из которых успела основательно прогнить. Засов с той стороны, сквозь щели не видно ни зги. Я стукнул в дверь кулаком. Если кто-то стережет Колина, наверняка этот человек среагирует на шум.

Изнутри донесся слабый звук.

Не слишком похоже на человеческий голос...

Сдержав желание выкрикнуть имя Колина, я приложил ухо к трещине. Тишина... Не померещилось же мне?

Просунув между досок нож, я попытался поднять засов, но не преуспел — тот оказался тяжеловат. Деревянное полотно, хоть и гнилое, с одного удара не разбить. Придется поработать. Я обнаружил, что одна из досок отошла от дверной рамы, и выпилил из нее несколько кусков, после чего просунул пальцы в образовавшуюся дыру и дернул доску на себя. Снять засов через образовавшееся отверстие было уже несложно.

Дверь открылась, и я, схватив фонарь, обвел его лучом внутреннюю комнату.

Эта часть подвала оказалась больше, чем внешняя. Стены здесь отсырели, пол был грязным. Внутри стояли деревянные столбы и перегородки, разделяющие помещение на несколько отдельных отсеков для сортировки и хранения товаров.

— Колин! — крикнул я. — Ты здесь?

Мой голос гулким эхом отразился от кирпичных стен.

Тишина...

Я бросился к первому отсеку, затем к следующему.

Свет моего фонаря отбросил бесформенную тень на противоположную стену, и я, приглядевшись, понял, что передо мной скорчилась готескная фигура человека, привязанного к стулу и безвольно упершегося подбородком в грудь.

О господи...

Оставив фонарь на земляном полу, я склонился над пленником и приподнял его голову, которая вяло качнулась на шее. Отвел в сторону прижатую к животу руку; на рубашке расплылось большое темно-красное пятно.

— Колин... — хрипло прошептал я.

Опустился на колени, приложил пальцы к шее, затем к запястью юноши. Пульса не почувствовал, хотя кожа была еще теплой. Я уткнулся лбом ему в плечо, и мои глаза наполнились слезами. Осторожно потянул вверх рукав рубахи. Ох... Именно этого я и опасался. На предплечье темнели следы многочисленных ожогов. А его бедные пальцы... Три из них были сломаны. Колин продержался дольше, чем многие, прежде чем под пытками возвести на себя вину, которой не было.

Мое тело содрогнулось от рыдания, и я беззвучно поблагодарил Господа, что ма не видит жуткой сцены.

Перерезав ножом опутывавшие руки и ноги Колина веревки, я подхватил его обмякшее тело, не дав ему упасть на пол, и закрыл ему веки.

И вдруг они затрепетали под моим пальцем.

— Господи Иисусе... — выдохнул я и поспешно поднял юношу с холодного пола, одновременно срывая с себя пальто.

Пуговицы полетели во все стороны, и я, укутав Колина, неловко прижал его к себе и обнял обеими руками. Теперь он опирался спиной о мою грудь. Все лучше, чем холодный пол...

— Колин... — пробормотал я. — Это Микки. Колин, ты меня слышишь?

Его веки снова дернулись, но подняться не смогли, зато зашевелились губы.

И все же он открыл глаза, в глубине которых отразился тусклый огонек моего фонаря.

— Мне показалось, что ты умер, — прошептал я.

— Уже недолго осталось, — тихо выдохнул юноша.

Врать умирающим не в моих правилах, и я лишь крепче притянул его к себе. Колин издал невнятный звук, и на его губах запузырилась кровь.

— Кто это сделал? Люди Финна?

— Финн и Ку... — слабо кивнул он.

— Финн и кто, Колин?

— Купер...

— Финн и Купер, — повторил я.

Элси была права.

— Скажи ма, что я ее люблю, — заплетающимся языком проговорил Колин. — Ее и Элси...

Кровь теперь текла у него изо рта и из носа. В горле заклокотало. Я заерзал на полу, пытаюсь прижать его к себе как можно крепче.

— Микки...

Как ни тих был голос Колина, я расслышал в нем нотки сожаления. Неужели хочет извиниться?

— Т-с-с, — прошептал я и начал его укачивать. — Все хорошо. Я все знаю.

Не представляю, сколько мы так сидели в этой чертовой дыре, где со стен капала вода, а в круге света, отбрасываемого фонарем, сновали крысы. Может, пять минут. Может, десять.

Бывало, что по вечерам мы лежали с этим мальчиком в обнимку, а ма рассказывала нам свои истории о сказочных гигантах и трехглавом чудище, о феях и Джонни Фриле... Нередко ее сказки содержали пугающие подробности, однако Колин упрямо заявлял, что нисколько не боится, если видел, что мы с Пэтом спокойны. Ах, если бы он умел находить в себе мужество признаться в собственных страхах, если бы не стыдился своих слабостей — все кончилось бы совершенно иначе. Господь знает, что я говорю правду.

Колин вздохнул, словно хотел что-то сказать.

Но дыхание его в тот же миг оборвалось, и тело юноши вдруг легло на мою грудь мертвым грузом.

Я его обнял, и из моего горла вырвался душераздирающий крик, затем еще и еще. Каменный мешок отбросил вопль обратно, словно отзываясь на мое горе, и нежданные слезы закапали на щеки мальчишки, которого я так любил.

Наконец слезы иссякли, и холод подвала пробрал меня до костей. Заныла затекшая спина. Вдали прозвучал низкий скорбный гудок парохода, ударил церковный колокол, настойчиво напоминая, что жизнь идет, а время уходит.

Я нежно переложил Колина на пол, накинул пальто и взвалил тело на плечи. Вышел на улицу. В столь поздний час ни единого кэба поблизости, разумеется, не было. Пришлось пройти пешком почти фарлонг^[3] вверх по течению, пока впереди не показался новый склад с солидным пирсом и эллингом. Замок с него я сшиб дубинкой, отцепил плашкоут и спустил его на воду. Колина положил на дно в носу лодки. Сверху на землю смотрел месяц — бледный, тонкий и изогнутый, словно снятая с доски стружка. То выйдет, то вновь спрячется за облаками... В его слабом свете и отблесках от газового уличного фонаря я рассмотрел покрытое кровавыми потеками и синяками лицо юноши. И все же разметавшиеся по лбу темные кудри и утратившие жесткость губы напомнили мне того давнего мальчишку. Кем он мог стать?

Поздно фантазировать; оставалось лишь доставить тело сына в дом матери и надеяться на то, что удастся жить дальше, несмотря на чувство вины за те поступки, что я совершил годы назад и не сумел совершить сегодня.

Сев в лодку, я взялся за весла, ощущая себя злым духом подземелья, везущим домой безжизненное тело.

Движения на Темзе почти не было: впереди виднелись лишь корпуса нескольких буксиров и барж, державшихся посередине реки, где им помогало отливное течение. На берегах стояла тишина, так что скрип весел в уключинах разносился далеко. Вот и еще один труп в лодке; на этот раз не молодая невинная женщина, как прошлой весной, а юноша, который точно так же не заслуживал смерти.

В течение следующего часа я напрочь забыл о том, что являюсь полицейским. Плыть пришлось против течения — ну и ладно. Греб я так, словно сам дьявол укрепил мои силы. Весла выныривали из воды и снова погружались чуть ниже ее поверхности, разбивая лунную дорожку. Горели руки, ныла спина, однако я стиснул зубы. В дальнем темном уголке сердца рождались зловещие образы. Я желал видеть, как Финна Райли хладнокровно застрелят из того самого пистолета, который он использовал против Колина. Жаждал обнаружить его труп

в глухом переулке. Воображал, что перед смертью его пытали: Маккейб или кто-то другой — без разницы. Представлял, как чьи-то крепкие руки держат голову Райли под водой, как его тело дергается в конвульсиях, руки молят о пощаде, а потом безвольно опускаются. Все, конец. Он умер. Умер!

Проведенный наедине с рекой час слегка остудил мою ярость. Подплыв к пирсу Уоппинга, я опустил весла. Грудь тяжело вздымалась, ладони саднило. Лодка по инерции подошла к концу причала, и я, ухватившись за кнехт, уткнулся потным лицом в предплечье. Ветер с реки осушал пот на моей разгоряченной спине. Пришвартовав плашкоут, я загнал поглубже горе и гнев — пусть подождут — и зашагал по влажным доскам настила. Ледяная ручка двери приятно охладила мою ладонь, и я потянул дверь на себя — знакомое до боли движение, которое позволило мне более или менее овладеть собой.

Настенные часы показывали половину десятого. Глянув на меня, сержант Трент забеспокоился:

— С вами все в порядке, сэр? На вас кровь...

— Это не моя. В лодке лежит тело Колина Дойла. Возьмите носилки и занесите его в участок.

— О господи, Корраван... — сочувственно вздохнул сержант. — Мне так жаль...

Я молча кивнул.

Трент взял ключ от сарая, где мы хранили брезентовые носилки.

— Филипс! — окликнул он одного из полисменов и мотнул головой в сторону выхода.

Стайлз, не отрывая от меня взгляда, стоял у своего стола.

— Я нашел Колина. Его пытали люди Финна Райли, а потом оставили умирать в старом складе Хоутона.

— Боже, Корраван... — тяжело вздохнул инспектор. Его руки бесцельно задвигались, словно он пытался что-то сделать, чем-то меня утешить. — Соболезную...

Я развернулся к выходу, но Стайлз добавил:

— Элси Дойл в вашем кабинете.

— Что? — удивленно уставился на него я.

— Пришла несколько часов назад, настаивала, что дождется.

С моих губ сорвался хриплый стон, и Стайлз страдальчески сморщился.

— Чем я могу помочь?

— Найдите Райли. — Я говорил и сам не узнавал свой голос. С трудом выдавил: — Маккейб вроде бы пообещал его не трогать, и все же ему закон не писан.

— Выбросьте его из головы, — сказал инспектор. — Займитесь Элси и миссис Дойл, а я организую повальные обыски. Пойдем кругами...

— Начните с паба «Полумесяц», это около Шадуэллского бассейна.

— Разошлю его портрет по вокзалам и портам. Райли не уйдет. — Стайлз сделал паузу. — Хоутон его защищать не станет: для «Лиги» он теперь обуза.

«Лига»...

— Присмотритесь еще к Кларенсу Томлинсону. Он владеет «Обсервером», «Пост» и «Стэндард». Возможно, есть и другие газеты.

— Томлинсон... — эхом повторил Стайлз, и я кивнул.

— Отправьте еще сообщение Белинде, — попросил я, дав инспектору ее адрес. — Напишите, что произошло, скажите: я у Дойлов.

— Конечно, Корраван.

Остановившись у двери кабинета, я вздохнул столь глубоко, что легкие отозвались болью, и повернул ручку.

Элси, перебирая юбку, глянула на меня полными надежды глазами.

— Микки...

Слова застряли у меня в горле, и девушка поникла. Закрыв дверь, я протянул ей руку. Она без слов сжала ее так крепко, что ногти вонзились мне в кожу, и тихо застонала. Я опустился рядом на колени, и Элси уронила голову, закрыв лицо руками.

Наше молчание прервал стук в дверь.

Я резко дернул за ручку; на пороге стоял Стайлз с двумя чашками горячего чая, над которыми поднимался легкий ароматный пар. Как всегда, его доброта меня обезоружила. Почувствовав, как щипало глаза, я принял чашки из его рук.

— Спасибо, Стайлз.

Он бросил взгляд на неподвижную мертвенно-бледную Элси, так и не пролившую ни одной слезинки.

— Я поймаю вам кэб. Скажете, когда будете готовы.

Кивнув, я втиснул чашку в холодную ладонь девушки. Она продолжала сидеть без движения, лишь несколько раз отхлебнула чая. Я стоял, прислонившись к стене, и наконец тишину нарушил шепот Элси:

— Придется сообщить ма...

— Она наверняка захочет увидеть Колина, — отозвался я. — Могу привезти ее сюда. Все лучше, чем в морг...

Элси покачала головой, не поднимая глаз.

— Даже не знаю, Микки.

— О чем ты?

— Она точно так же ездила смотреть на тело Пэта, а потом слегла и много дней не вставала с кровати.

Я таких подробностей не знал.

— Его убил Райли? — глянула на меня девушка.

Кивнув, я увидел по ее глазам: Элси понимает, что это значит.

— Может быть, и не стоит ма приезжать? Я, как кровная родственница, подпишу все бумаги. — Ее грудь вздымалась и опадала; лоб пересекла тревожная морщинка. — Лучше ей просто знать, что Колин умер, не видеть, как он страдал, Микки.

Я положил руку девушке на локоть.

— Являться в участок ей не обязательно. Я приду попозже и останусь с вами, пока...

У меня сдавило горло. Пока что? Пока ма не успокоится? Пока не перестанет болеть ее сердце? В каждой из ее старинных ирландских историй злодея в конце убивали, сказочные красавицы одерживали победы, а зарытый в земле клад находили. И везде успех приходил с третьей попытки. Может, и нашим сердцам отпущено лишь три попытки преодолеть тяжелый удар? Элси права. После гибели Пэта и Фрэнсиса смерть Колина может непоправимо подкосить ма. Можно хоть всю ночь просидеть в кабинете, откладывая решающий момент, но все равно придется ей сказать...

Мы допили чай. Элси поставила чашку на стол, поднялась и неловко уткнулась лбом мне в грудь. Все ее тело содрогалось от

иссушающей боли, для которой не находилось слов. Она рыдала, и я, как когда-то в детстве, прижимал ее к себе.

Мы оба тогда были детьми...

Глава 33

Я поднялся по лестнице жилища Дойлов и достал ключ. Элси следовала за мной.

Ма открыла дверь еще до того, как я успел попасть в темноте в замочную скважину. В свете фонаря я разглядел ее глаза, расширившиеся и потемневшие от страха.

— Микки? Элси? — Она окинула нас взглядом. — Где Колин?

— Ма... — нежно сказал я.

Она тут же поникла и выронила фонарь, который упал бы на пол, не поймай я его за ручку. Другой рукой обнял ма за талию, и мы вместе перешагнули порог гостиной. Я помог ей сесть.

Словами эту ночь, когда мы втроем окунулись в пучину боли, описать невозможно. С улицы раздавался лай собак, грохот тележек и крики, которые мы столько раз слышали, сидя в этой комнате с Колином, и каждый из них теперь стегал нас, словно плетью. Но тишина была еще хуже. Элси машинально сделала чай, однако никто к нему даже не притронулся. Ма долго держала мою кисть в своих ладонях, пока у меня не онемели пальцы. Было уже далеко за полночь, когда она закрыла глаза.

— Элси, помоги мне добраться до постели.

Девушка бросила на меня вопросительный взгляд, и я кивнул. *Разумеется, останусь.* Устал чертовски и мог бы уснуть прямо на жестком деревянном стуле, положив голову на край стола, и все же нашел в себе силы переместиться на кушетку у догорающего камина.

Глаз я не сомкнул, пока в соседней комнате горела лампа. Элси помогла ма раздеться; донеслось шуршание покрывала и простыни, затем тихое дуновение — задули лампу у кровати. Вышла Элси и бросила мне одеяло.

— С ней все будет нормально, — сказал я, больше пытаюсь убедить себя.

Медленно кивнув, девушка ушла в свою спальню. Я слышал, как она готовилась ко сну. Вспомнил, как мы все лежали в кровати ма: я, Пэт, Колин и Элси. Внимали ей, плетущей кружева своих рассказов. Как же мне хотелось вернуться обратно в детство! В те дни, когда

О'Хаган еще не явился в порт со своими предложениями и не вышвырнул меня потом из боксерского клуба, когда я еще не помышлял о побеге. Когда я еще не задумывался о зарплате, увидев, как Элси зашивает единственной драгоценной иглой свою юбку. Как же получилось, что все пошло наперекосяк? Ведь намерения у меня были самые благие, почему же все так нескладно?

Проснулся я от звяканья металла о металл — Элси ставила чайник на плиту. В окошко просачивался тусклый свет; угли в камине давно остыли. Я заставил себя сесть, пошерудил кочергой в очаге и начал налаживать огонь.

Услышав, что я зашевелился, Элси возникла на пороге. Волосы она распустила, и рыжевато-золотистые кудри обрамляли ее бледное лицо. Я уж и забыл, когда она так делала — наверное, еще до моего побега из Уайтчепела. Сразу помолодела — уже и девятнадцати не дашь.

— Ма проснулась?

— Иди, побудь с ней, — кивнула Элси, — я сама разожгу. Как раз чай поспеет.

Заглянув в комнату ма, я обнаружил ее сидящей в постели с четками в руках. Длинная нить с коралловыми бусинами свисала на простыню. Не знал, что ма пользуется четками, и никогда не видел, чтобы она с ними молилась. Впрочем, сидела она молча, лишь перекатывала шарики между пальцев.

— Ма... — пробормотал я, присев на краешек кровати, и тронул ее за руку.

— Он не был плохим мальчиком, Микки.

— Нет, конечно нет, ма.

Я набрал воздуха, готовясь ответить на неизбежные вопросы. Где я нашел Колина? Как он умер? Сильно ли страдал? Говорил ли что-нибудь? Ответы я продумал заранее, однако ма о сыне ничего не спросила, а сделала то, чем отличалась всегда, — удивила меня.

— Помнишь ту первую ночь, когда ты у нас появился? Когда ты еще спас Пэта от избиения в глухом переулке?

Дождавшись моего кивка, она продолжила:

— Я тогда две недели спала с ножом под подушкой. Думала, зачем ты держишь при себе ножик? Что задумал?

— Так ты знала? — вскинул брови я.

— Разумеется. Пэт говорил, как ты отогнал от него тех негодяев, как приставил нож к горлу одного из парней и заставил убежать всю компанию. Он так тобой восхищался... Бог свидетель: я была тебе признательна за тот поступок, но... — Она покачала головой. — Твоя ярость меня пугала.

Я тихо выдохнул.

— Не догадывался, что ты меня боишься, ма. Ты ни разу не подала вида. Был так благодарен, что ты меня подобрала, и никогда не подумал бы причинить тебе вред.

— Теперь-то понимаю, — отозвалась ма, похлопав меня по руке. — Да и тогда быстро сообразила. Пэт впервые со дня смерти Фрэнсиса выглядел счастливым. А Колин и Элси... Ты был к ним добр, как к родным.

Я ничего не ответил.

— Ах, — вздохнула ма, поняв, о чем я молчу. — Возможно, Колин об этом не помнил, но так оно и было. Ты всегда с ними чем-нибудь делился, помогал... Колин ошибался, когда винил тебя в смерти Пэта.

У меня внутри все перевернулось. Вместо того, чтобы замкнуться в своем горе, она пыталась снять с моих плеч тяжелое бремя вины, бескорыстно обо мне заботилась. Даже не думал, что так может быть.

Я открыл рот, но ма повелительно подняла руку.

— Нет-нет, — продолжила она. — Сказать, что ты виноват в смерти Пэта, — то же самое, что заявить: разбуди я его в то утро на пять минут позже, весь день сложился бы иначе. Так говорить нельзя. Пэт был неосторожен, и Колин на него похож. Оба упрямые, как мулы. — В ее голосе зазвучала скорбная нотка. — Так что все это ерунда, Микки.

— Я согласен, ма. Знаешь, мне кажется... что просто обида Колина на меня приняла такую форму. Мы с Пэтом никогда не брали его в свою компанию, а могли бы.

— Вы с Пэтом и так многое для него сделали. — Она разгладила одеяло. — Ты ведь просил его порвать с Маккейбом.

— Просил, — признал я. — Другое дело, что не нашел нужных слов, чтобы убедить его: жизнь можно начать сначала, только надо уехать из Уайтчепела.

— Как ты можешь себя винить? Чувство вины — штука бесполезная. Люди обычно взваливают вину себе на плечи, потому что так легче, чем просто горевать.

— Легче?

— Вина дает ощущение, что ты можешь закрыть дыру в своем сердце. На самом деле так не бывает. — Она немного помолчала. — Этот колодец заполнить могут только слезы, Микки. Горе нужно пережить, хотя на какое-то время оно делает нас несчастными. Понимаешь меня? — спросила ма, склонив голову к плечу.

— Понимаю.

Она с облегчением откинулась на подушки. Конечно, ма права. Вина не устраняет боль. И все же я собирался найти Финна Райли, вытрясти из него показания против Хоутона, а затем предать их с Купером суду. Дыру в сердце это не закроет, и все равно я жаждал справедливости.

— Могу я уже планировать, как провести похороны? — спросила ма. — Надеялась, что получится предать сына земле через три дня.

Необходимости держать тело Колина в участке больше не было.

— Можешь, ма. Мне сходить к отцу Оуэнсу?

— Не надо, я сама. Разговор с ним меня утешит. — Она пощелкала четками. — Микки, ты презираешь Господа за то, что он допускает подобное?

— Бывает, — признался я. — А ты?

Ма замолчала, а когда заговорила, ее голос был задумчивым.

— Моя мать родила семерых детей. Я никогда тебе о ней не рассказывала?

— Нет.

— До меня родился один ребенок, но умер, так что я была старшей. Потом появилось еще четверо. Все погибли в первый же год жизни от разных болезней. Последним двоим мать даже не стала давать имена. Решила, что подумает об этом в их первый день рождения. Называла их просто «малыш».

Я прекрасно понимал, о чем она говорила.

— Потом родилась Эйлин.

— Мать Гарри...

— Ну да. Наверное, мама могла бы ожесточиться на судьбу, но ничего подобного не произошло. Я за ней наблюдала. Видела, как

каждая утрата, каждое испытание лишь укрепляли ее душу, учили тому, что пережить можно все. Сперва-то я этого не понимала, а потом стала замечать, как мама с каждым разом восставала и собиралась с силами.

Я слушал в почтительном молчании.

— Когда мать лежала при смерти, я спросила, считает ли она, что Бог был прав, посылая ей столько горестных испытаний. Знаешь, что она ответила?

Взяв ма за руку, я нежно сжал ее пальцы.

— Бог, по ее мнению, посылал ей не только горе, но и дары, под которыми она подразумевала меня и Эйлин. Так что всем нам очень повезло — ведь мы выжили. Я запомнила ее слова и с тех пор считаю, что любая кроха радости и любви — это Божья милость. — Ма вздохнула. — Но лукавить не буду: сегодня мое сердце разбито.

Ее глаза наполнились слезами, губы задрожали, и она отвернулась к окошку.

Проследив за ее взглядом, я который раз обратил внимание на фотографию покойного Фрэнсиса Дойла, что стояла на полочке у кровати. Да, у ма были дети и множество друзей, был я, и все же она много лет оставалась одинокой. Не имея возможности опереться на мужское плечо, занималась своей лавочкой, вела домашнее хозяйство и стойко переносила большие и маленькие горести, не говоря уж о смерти сыновей.

Ма закрыла глаза, и я вгляделся в ее доброе, измученное заботами лицо.

Подумывала ли она снова выйти замуж после смерти супруга? Что с ней будет, когда Элси уйдет из дома к будущему мужу? Наверное, ма после смерти Колина не слишком желает, чтобы дочь от нее отделялась. Интересно, какие соображения по этому поводу у Имана?

В кухне зажурчала льющаяся из чайника вода, и Элси вошла в спальню с чашкой чая на подносе.

— Доброе утро, любовь моя, — приветствовала ее ма, пристально, но ласково изучая лицо дочери. — Удалось тебе сегодня заснуть?

Я с облегчением подумал, что ошибался: неважно, сколько раз на ма сваливалось горе. Она не сломалась, не потеряла желания жить и

вновь собрала себя по кусочкам.

Глава 34

В участке речной полиции меня ждали Стайлз и Винсент. Оба выглядели измученными, а Винсент к тому же еще болел, хотя и шел на поправку. Тем не менее аккуратно сложенный носовой платок постоянно был у него наготове.

Часы показывали почти половину одиннадцатого, и я уже собрался извиниться за опоздание, однако при виде хмурых лиц Стайлза и директора на миг потерял дар речи.

— Райли мертв? — наконец выдавил я.

Оба покачали головами.

— О нем пока ничего не слышно, — сказал Стайлз. — Мы распространили листовки по всему городу с обеих сторон реки, добрались даже до доков «Вест-Индия». Охватили все — и вокзалы, и пристани, и даже пабы вдоль Флит-ривер — на случай, если Райли попытается сбежать через подземную канализацию. — Немного помолчав, он продолжил: — С братьями Уилкинсами — то же самое. Копии с их фотографии тоже разошлись по Лондону. Только что отправили сержанта за их матерью.

Наверняка мой визит к миссис Уилкинс побудил братьев удариться в бега. Бежали они вдвоем, а это куда легче, чем в одиночку. Будь мы в свое время вместе с Пэтом — явно ушли бы гораздо дальше Ламбета...

— Сорок инспекторов в штатском из Ярда и Уоппинга патрулируют улицы, а уж полисменов вообще не счесть, — добавил Винсент.

— Почему же у вас такие лица? Что случилось?

— Убит лорд Бейнс-Хилл, — вздохнул директор.

Меня словно окатило жаркой волной.

— Когда?

— Вчера вечером, около одиннадцати, на Гроув-Энд-роуд — там, где она пересекает Сент-Джонс-Вуд, — рассказал Винсент. — Они с супругой возвращались домой после представления в Сент-Джеймс. Перед перекрестком их экипаж притормозил, и на подножку запрыгнул мужчина, распахнул дверцу и выстрелил лорду в голову.

Только что мне было жарко, а теперь я похолодел и тихо выругался.

— Он был хорошим человеком... Что с женой?

— Леди Бейнс-Хилл забрызгало кровью, но она жива.

Хоутон приказал убить члена парламента в присутствии его супруги? Я содрогнулся. Похоже, он сошел с ума.

— Снова все обставили так, чтобы бросить тень на Братство?

— Нет, — взял слово Стайлз. — Они даже не пытались.

— Леди Бейнс-Хилл вне себя от горя, — проговорил Винсент. — Только и смогла сказать, что убийца был человеком черноволосым и белокожим. Лицо он прикрыл платком, однако перчаток не надел, так что она разглядела его руки.

— Господи ты боже мой, — пробормотал я. — На что еще способны эти люди?

— Мне отвратительна сама мысль о том, что Хоутон мог распорядиться совершить подобное зверство, — вздохнул директор. — Не представляю, как нам положить конец этому безумию...

— Пожалуй, пора дать в газеты сообщение, что переговоры о самоуправлении Ирландии прекращены, — предложил я. — Таким образом мы умерим активность членов «Лиги», хотя бы на какое-то время. Можно взять Хоутона, лишить их вдохновителя.

— Надолго мы их не остановим, — возразил Стайлз. — Хоутон ведь плел заговор не в одиночку, и свято место пусто не бывает.

— Да и доказательств для ареста у нас толком нет, — поддержал его Винсент и, заметив, что я готовлюсь возразить, поднял руку. — Подумайте сами, Корраван. Хоутон действовал чужими руками.

— Квентин Атвелл упоминал его на собрании последователей «Лиги» совершенно открыто, — задумался Стайлз.

— Быть членом какого-либо движения — не преступление, сами знаете, — констатировал директор. — И никого не волнует, насколько отвратительны их идеи.

— Да, знаю, — согласился я и глянул на инспектора. — Вам удалось с ним поговорить?

— Нет, — покачал головой тот. — Зато я убедился, что Кларенс Томлинсон тоже принадлежит к «Лиге стюардов» и входит в правление или напрямую владеет девятью газетами, в том числе «Ивнинг стар», «Обсервер», «Сассекс пост» и «Стэндард».

— Уже что-то, — приободрился я. — Что насчет «Сентинел» и «Бикон»? Именно они распространяли слухи о пьяной команде «Замка» и по милости Перселла едва не рассеяли сомнения в причастности ИРБ.

— Нет, там Томлинсон не фигурирует, — сказал Стайлз, сверившись со своими записями.

Стало быть, статьи этих двух газет — всего лишь отражение негативного отношения к ирландцам. «Лига» тут ни при чем...

— Хоутон общался и с Райли, и с Уилкинсами, — заметил Винсент, задумчиво покачавшись на каблуках. — Один — ирландец, двое других смертельно их ненавидят. Интересно, подозревали ли они?..

— О том, что Хоутон играл за обе стороны? — спросил Стайлз. — Братья Уилкинсы, вероятно, были в курсе, что «Лига» использует Райли втемную, а тот об этом и не догадывался.

— Нам всего лишь надо найти Райли, — вздохнул я. — Только он может связать Хоутона с поставками оружия в Лондон.

— Прошу прощения, — появился в дверях сержант Трент. — Мы нашли миссис Уилкинс. Не могу сказать, что она пошла с нами охотно.

— Ее определили в комнату для допросов? — уточнил Стайлз, и сержант кивнул.

— Пойду поговорю с ней, — заявил я, и мой коллега с директором обменялись взглядами.

— Хорошо, — согласился Винсент. — Стайлз, организуйте ей чашку чая или чего она захочет. Миссис Уилкинс не заговорщик — во всяком случае, это не доказано. А я пока перемолвлюсь с Корраваном.

— Слушаюсь.

Стайлз вышел, притворив за собой дверь.

Я ожидал, что Винсент попросит меня не срывать злость на женщине, которая, по всей видимости, непричастна к последним событиям. Правда, ей удалось воспитать двух озлобленных на весь мир сыновей...

Однако директор меня удивил. Приблизившись ко мне, он положил руку мне на локоть — сперва неуверенно, а затем я ощутил крепкое пожатие.

— Мне так жаль, Корраван... Я насчет Колина Дойла.

— Спасибо, сэр.

Он убрал ладонь, но взгляда не отвел.

— Хотел вам рассказать, что я в юности потерял двоюродного брата. Мы занимались конным спортом, и Эндрю заставил лошадь совершить прыжок. Она поскользнулась передними копытами в грязи, и брат сломал шею. — Винсент переступил, с ноги на ногу. — Я годами винил себя в смерти Эндрю, из-за чего отдалился от его семьи. Считал, что они меня ненавидят. Лишь много позже понял, что мое поведение причиняло им боль...

Директор мягко пытался оградить меня от неверных шагов, и я оценил его усилия, однако мысленно был уже в комнате для допросов. Тем не менее начальника я поблагодарил.

— Сэр, похоже, у меня есть выход на Луби. — Винсент вскинул брови, и я торопливо продолжил: — Братство не виновно в последних актах террора, однако Луби следует заявить об этом публично, иначе волна насилия, к которой приложила руку «Лига стюардов», покатится дальше.

— Но как?.. — начал директор, однако прервался на полуслове. — Нет, я не хочу об этом знать.

Подобного рода молчаливую сделку мы с ним уже заключали в прошлом году.

— Мы знаем, где сейчас может находиться Хоутон?

— Уехал на день к семье покойной жены в Хертфордшир.

— Откуда вы знаете? — напряженно спросил я.

— Я распорядился организовать за ним слежку, — бесстрастно ответил Винсент. — Не беспокойтесь, он от нас не уйдет.

— А что насчет Томлинсона?

— Утверждает, что не знал о сговоре газет, — поморщился директор, — и якобы понятия не имеет, откуда взялись эти басни. О «Лиге стюардов» тоже слыхом не слыхивал. Я и к нему приставил шпика. — Он вздохнул. — Опасаетесь, что Маккейб уже убил Райли?

— Нет, — пожал я плечами. — Он знает, что Райли нужен нам в качестве свидетеля против заговорщиков, хочет, чтобы они тоже за все заплатили. Не беспокойтесь. Я тоже не собираюсь его убивать.

— Нечасто встречаются люди с такой выдержкой, как у вас, Корраван.

— Это вы не видели, как я выгребал по Темзе с телом Колина в лодке...

— Вы неправы. За нас говорят не мысли и чувства, а поступки.

Я не признавался даже самому себе, что мотивы, побуждающие меня найти Райли, были далеки от благородных. Хотел глянуть ему в глаза и убедиться: подонок осознает, что наделал. Жаждал увидеть, как он наизнанку вывернется от ужаса, как у него перехватит дыхание. Пусть ощутит, что на ногах не может стоять от страха.

Войдя в комнату для допросов, я обнаружил сидящую у стола миссис Уилкинс в накинутом на плечи бесформенном сером пальто с черным пятном на рукаве. Чай был нетронут. Руки женщина сложила на ридикюле и сжала губы в упрямую линию, одарив меня холодным взглядом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Спасибо, что пришли.

— У меня не было выбора, — процедила миссис Уилкинс. — И фотографию вы мне возвращать не собираетесь, верно?

— Почему же? Вот только сначала найдем ваших сыновей.

Она презрительно фыркнула и, отвернувшись, уставилась в стену.

— Миссис Уилкинс, знаете ли вы, что ваши сыновья помогли злоумышленникам убить шесть сотен невинных людей? Шестьсот лондонцев — мужчин, женщин и детей, которых они обрекли на верную смерть?

— У вас нет никаких доказательств, — заявила она.

— Ничего подобного, — возразил я. — У нас имеются свидетели.

Мать Уилкинсов уставилась на меня, и у нее на миг отвисла челюсть. Миг слабости быстро прошел — в женщине вновь заговорила злость.

— Если вам известно, где они находятся, вас могут привлечь к суду как сообщницу. — Я сделал паузу. — Где скрываются Дэйвид с Недом, миссис Уилкинс?

— Я не знаю!

Откинувшись на спинку стула, я заметил:

— Они намеренно не сообщили вам, куда направляются. Рассчитывали, что вы не сможете навести полицию на их след. Допрашивай вас, не допрашивай — вы и впрямь ничего не знаете.

Миссис Уилкинс обожгла меня взглядом, но промолчала.

А вот губы ее шевелились, словно мать преступников едва сдерживала гневную тираду. Хотела что-то объяснить, в чем-то

покаяться? Нет, этого я не дождусь.

И все же пусть говорит — ее показания мне помогут.

— Миссис Уилкинс... — Я встал и прислонился спиной к стене — специально, чтобы дать ей больше пространства. Заговорил мягко, словно любопытствуя: — Почему вы так ненавидите ирландцев? Вы и ваши сыновья? — Я развел руками. — Знаю, что вы скажете: ирландцев слишком много, работы все меньше, с жильем и с пропитанием все хуже. Англичане бедствуют... Но ведь у вас чудесный дом, парни имеют достойную работу. Чем же провинились перед вашей семьей мои соотечественники?

Миссис Уилкинс сбросила маску. Ее глаза запылали гневом, в лицо бросилась кровь, и ее щеки приобрели неестественный цвет розового бутона.

— Да как вы смеете! — выплюнула она. Ее грудь ходила волнами, а слова лились неудержимым потоком: — Как вы смеете! Как! — Голос миссис Уилкинс сорвался на крик. — Мой младший сын, их брат! Моя кровинушка, мой замечательный Кристофер! Это вы, чудовища, сожгли его заживо! Бедняжка настолько обгорел, что я даже не смогла его узнать! Понимаете? Я, его собственная мать!

Третий парень с фотографии... Самый младший, тот, что в середине. Ну конечно...

Я сделал быстрые подсчеты. На снимке мальчику лет десять. Вряд ли несчастье произошло в Клеркенуэлле в шестьдесят седьмом.

— Взрыв в Мэйфере...

— Он был совсем ребенком! Маленьким мальчиком! — Миссис Уилкинс судорожно втягивала в себя воздух, как будто разжигая свой гнев. — Если все ирландцы — мужчины, женщины, дети — умрут, захлебнувшись в собственной крови, я буду только рада!

Она так крепко стиснула ридикюль, что побелели костяшки пальцев, и застучала им по коленкам.

— Зачем вы сюда пришли? Почему вы не остались в ваших богом забытых хижинах, где жили словно в хлеву, как и назначил вам Господь? Вы нам не нужны! Мы вас ненавидим! Мы вас презираем! — В уголках ее рта выступила пена. — Вы ведь всё прекрасно знали, однако сунулись в нашу страну с вашими заразными болезнями, вашими жадными ртами и жуткой вонью! Почему вам просто не уехать обратно?

Должен признаться, ответить я не смог. Мне нечего было противопоставить ее ненависти. Я молчал, и миссис Уилкинс, постепенно успокаиваясь, промокнула рот платком. Ее ярость вдруг прошла, и женщина встала.

Стоя у двери, она бросила на меня последний горький взгляд.

— Здесь их дом. Не ваш. Это Англия. Они здесь в безопасности, и вы никогда их не найдете.

Дверь с треском захлопнулась за ее спиной.

Я отпустил миссис Уилкинс, поскольку она напомнила мне одну важнейшую истину. Оказавшись в опасности, мы бежим домой.

Не в буквальном смысле — это понимала и мать Неда с Дэйвидом. Дом — это люди. Люди, которые будут о тебе заботиться, которые тебя спрячут и принесут еды, которые скажут, когда следует затаиться, а когда можно высунуть нос из норы.

Я задумался: был ли у Финна Райли человек, которому он доверял? И кто этот человек?

Глава 35

Выйдя из комнаты для допросов, я подошел к Стайлзу, расстелившему на столе большую карту Лондона, охватывающую огромную территорию от Серпентайн на западе до Собачьего острова на востоке. Завидев меня, он вопросительно приподнял бровь:

— Ну что, задала она вам жару?

— Слышно было? — расстроился я.

— Не только здесь. Наверное, и на том берегу реки.

Я хмыкнул.

— Покажите, какие районы мы уже прочесали.

Стайлз разделил Уайтчепел и Шадуэлл на десять частей, пометив каждый из них синим мелком. Как я и ожидал, поиск он вел методически. Конец его карандаша уткнулся в голубое пятно на карте — доки Святой Катерины.

— На всякий случай отрядили сюда несколько человек. И в каждом из отмеченных районов работают наши люди — кругами прочесывают их, начиная с левого нижнего угла.

— Народ молчит? Ни слухов, ни сплетен, пусть даже самых абсурдных?

Инспектор покачал головой, и я принял решение.

— Все же думаю, что Райли где-то поблизости, в Уайтчепеле. Он ведь тут вырос, так что может перемещаться из одного укрытия в другое.

— Понимаю, — огорченно вздохнул Стайлз. — В том-то и сложность. Райли может каждый раз возвращаться туда, откуда мы только что ушли. У нас не хватит людей, чтобы следовать его тактике. Впрочем, я поставил детективов в штатском у домов его сестры и матери.

Запахло кофейным ароматом — к нам шел сержант Трент с дымящейся чашкой. Держал он ее в вытянутой руке, кривясь от отвращения. Я с благодарностью принял кофе и выпил его несколькими глотками.

— Давайте-ка прогуляемся. Мне нужен свежий воздух.

— В город или к реке? — уточнил Стайлз.

— К реке.

Заглянув в свой кабинет, я захватил пальто и шляпу, и мы встретились у заднего выхода. Прошлись до конца пирса, поглядывая на спящие по Темзе суда. Небо сегодня было васильковым, с легким налетом белых облачков, и солнце, падая на воду, слепило глаза. Восточный ветер захлопал полами наших пальто.

— Помните прошлую осень, когда мы искали контрабандное оружие? — спросил инспектор. — Вы тогда еще посоветовали мне присмотреться к судам, сидящим в воде выше ватерлинии.

Я понимал, что натолкнуло его на эту мысль.

— Оружие — та самая улика, которая позволит нам связать Хоутона с Райли и убийствами в Уайтчепеле.

— Новый склад Хоутона — идеальное место для его хранения. Стоит на берегу, имеет изолированные помещения и так далее. Вот только обыскать его мы не можем, — уныло сказал Стайлз.

— Хоутон слишком осторожен, — пожал плечами я. — По-моему, у него есть посредник, может, даже два, которые и передают пистолеты по назначению. Если он и держал там оружие, то давно его изъял.

— Однако контроль он терять не захочет, ведь так? Возможно, у него есть еще дома в Лондоне, о которых мы не знаем.

— Верно. Но вряд ли такие дома записаны на его имя.

— Пожалуй, — согласился инспектор.

Развернувшись, мы вышли на набережную, соединявшую два соседних пирса.

— Полагаете, Райли еще жив?

— Не могу сказать. Впрочем, он хитер, как крыса.

— Где еще мы не искали? — пробормотал Стайлз, перешагнув через выгнувшуюся доску. — Прошлись частым гребнем по городу, и все напрасно.

Разумеется, Райли опасался Маккейба, и все же далеко он не уйдет, останется рядом с людьми, которых знает. Но как вычислить человека, который с ним знаком и в то же время не станет его защищать?

Зазвенели церковные колокола, на время перебив ход моих мыслей, однако при очередном гулком ударе я вдруг остановился.

Стайлз по инерции сделал еще несколько шагов и, заметив, что я отстал, вернулся, глубоко запустив руки в карманы, словно пытался

отыскать в них ответ.

— Что такое, Корраван?

— Церкви, — пробормотал я. — В некоторых храмах имеются тайные убежища, как и в старых домах католического сообщества. Например, в церкви Святого Патрика, куда ходят Дойлы, такая нора есть.

Я не стал рассказывать Стайлзу, что некогда сам прятался в подобном укрытии. Случались ночи, когда сразу несколько мальчишек ночевало в одном убежище, которое больше походило на узкий проход, чем на маленькую комнатку. Зато там было два выхода.

В глазах Стайлза засветилось понимание.

— Для римско-католических священников, во время правления Елизаветы Первой... Значит, следует искать храмы, построенные до Билля об эмансипации католиков.

— Эти норы обычно ведут в подземный ход, хотя многие из них сейчас, скорее всего, заложены. И все же Райли может прятаться в одной из тех, что сохранились. Ждет, когда мы прекратим поиски; потом выйдет и попытается сбежать.

— Вот дьявол! — присвистнул Стайлз. — Да ведь таких церквей в Лондоне десятки...

— В Уайтчепеле до начала девятнадцатого века их было совсем немного. Четыре, самое большее — пять. Ма наверняка знает, какую церковь посещает Райли.

Поймав кэб, мы направились в Уайтчепел и вылезли на Леман-стрит.

Стайлзу уже приходилось бывать у Дойлов. Он остановился на мостовой, наблюдая за моими маневрами. Сперва я заглянул в лавочку сквозь отремонтированное окно. Все было как всегда, если не считать Элси, стоящей за прилавком в черном траурном платье. Мы вошли. Люди вели себя тихо, разговаривали сочувственным шепотом.

Приблизившись к Элси, я тронул ее за руку.

— Ты ведь помнишь мистера Стайлза?

— Конечно, — кивнула она и поздоровалась.

— Как ма?

— Держится. Она наверху с миссис Рид. Все ее подружки забегают в лавочку, так что ма ни на секунду не остается одна.

Я вывел ее из-за прилавка и зашептал:

— О Райли что-нибудь известно? Кто-то его видел?

Девушка покачала головой, и в ее глазах сверкнул гнев.

— Все понимают, что он сделал. Он ведь не только убил Колина.

У многих на «Принцессе» плыли друзья или родственники. Если Райли где-нибудь покажется — он труп.

Разумеется, Маккейб шепнул пару слов нужным людям. Известия он умел распространять не хуже, чем газеты.

— Он мог бежать из Лондона, но...

— Куда ему бежать? Он, кроме своего района, ничего больше не знает, — сказала девушка.

— Тоже так думаю. Интересно, не может ли он скрываться в церкви, в убежище священника?

— Запросто! — расширила глаза Элси.

— Я могу поговорить с его семьей, но вдруг кто-то еще помнит, какую церковь он посещал?

— А если он вообще не ходил на службу?

— Ирландский мальчик, которого родители по воскресеньям не водят в храм?

— Ах, Микки, я не знаю... — девушка нахмурилась. — Мы-то обычно посещаем службы в церкви Святого Патрика, но Финна я там никогда не видела, так что на твоём месте начала бы с другой. Ма тоже вряд ли что подскажет. А вот миссис Рид — вполне. Спроси ее.

Оставив Стайлза в торговом зале, я поднялся на второй этаж и обнаружил на кухне женщин за чашечкой чая. Ма поднялась и прильнула ко мне, а я, склонившись, уперся подбородком ей в макушку. Улыбнулся миссис Рид: *здравствуйте, спасибо вам.*

Ма глянула мне в глаза.

— Нашли его?

Я покачал головой:

— Пока нет, но найдем обязательно. Копия его фотографии есть в каждом участке, на всех вокзалах и в доках. Его разыскивают сорок человек. Я тут подумал... А что, если он в убежище священника?

— Ты о Финне Райли? — встряла миссис Рид.

— Да, а вы знакомы с его семьей?

— Знаю его старшую сестру, Салли, — сказала она и добавила, повернувшись к ма: — Мэри, ты ведь помнишь Сару Макдонау? Ее

сын Патрик взял Салли замуж. Сто лет уж прошло, — вздохнула миссис Рид, потрянув седеющими кудряшками.

— Где проходила церемония?

— Ну как же, в храме Пресвятого Сердца Иисусова, за Спиталфилдз. Там еще служит отец О'Шай.

Один из старейших храмов города, пятнадцатый век или около того. И убежище священника там точно есть!

Я погладил ма по плечу и побежал вниз.

Глава 36

Мы добрались до нужной нам церкви, когда солнце уже склонялось к западу, а на улицы легли длинные тени. Храм был небольшим и строгим. Мне такие по душе — никаких тебе парящих контрфорсов, никакой безвкусной отделки. Единственным украшением служило большое витражное окно. Рядом стояли две новые, совершенно непривлекательные церкви, отделенные от старого храма узкими переулками. Я не заглядывал сюда несколько лет, однако помнил эти места прекрасно. Положив ладонь на ручку двери, осознал, что через главный вход не заходил никогда. Обычно пользовался боковой дверью у алтаря или тайным проходом, выходящим в маленький задний дворик.

— Стайлз, вы пойдете отсюда. Осмотритесь внутри — в убежище священника можно проникнуть либо через хоры, либо со двора. Туда я и отправлюсь. Слева от алтаря есть дверь на улицу.

— Мимо меня он не проскочит, — заверил инспектор, толкнул тяжелые двери и исчез в церкви.

Я же двинулся по узкому переулку на зады храма. Кислый запах рассола из находившейся неподалеку рыбной лавки всколыхнул мою память, и я приблизился к тщательно замаскированной дверце. Петли ее были умело скрыты в углу, где стены сходились буквой «V».

За несколько лет здесь ничего не изменилось, однако подвижная доска, за которой пряталось металлическое кольцо ручки, теперь была надежно прибита гвоздями. Вставив лезвие ножа в щель, я попытался раскатать доску, однако та не поддавалась.

Я вытащил нож и глянул себе под ноги. Если дверцей давно не пользовались, у ее порога намело бы на дюйм грязи и разного мусора, однако здесь было чисто.

Если Райли пробрался в убежище с этой стороны, то наверняка заперся изнутри. Я помнил место на хорах, куда открывался ход из узкого лаза. Однако Райли не мог не услышать, как дверь ковыряют ножом, поэтому, скорее всего, попытается бежать через главный вход или затаится, надеясь, что я уйду.

Мне вдруг стало жарко. Готов был биться об заклад, что Райли сидит внутри. Но как его оттуда выкурить?

Я вышел через арку обратно на улицу и окинул ее взглядом в поисках посыльного или кэба. Не преуспев, махнул выходявшему из паба молодому человеку.

— Найдите кого-нибудь, с кем можно передать записку, и пришлите его ко мне, хорошо? — Я сунул ему в руку монету. — Возьмете себе еще пинту за беспокойство.

Парень и без того уже нетвердо стоял на ногах, однако через пару минут ко мне подбежал долговязый мальчишка и застыл в ожидании.

Я быстро нацарапал записку дежурному сержанту с просьбой прибыть к храму и захватить с собой лом. Закончил послание словами: «Заплатите мальчику два шиллинга». Парнишка вихрем убежал.

Прошел час, на улице стало темно. Наконец под аркой появился Трент с ломом и большим фонарем. Я вполголоса объяснил, что Райли, вероятно, прячется внутри.

— Оставайтесь у выхода. Будьте готовы — он может сделать попытку прорваться отсюда.

Я указал ему на потайной вход, и сержант отсалютовал тяжелым ломом.

Снова обойдя церковь, я вошел через главную дверь. Внутри было темно; пришлось довольствоваться светом уличного газового фонаря, придававшим витражному окну зловещий красный оттенок. За одной из колонн шевельнулась неясная фигура, и послышался хриплый шепот:

— Корраван...

Стайлз! Понятно, почему он выбрал это место: отсюда просматривались и главный, и боковой входы, а также ведущая на хоры лестница.

Инспектор молча покачал головой. Стало быть, Финн не высовывал носа. Я тихо шепнул:

— Оставайтесь здесь. Сержант караулит во дворе, а я пойду на хоры.

Я бесшумно поднялся наверх, где по воскресеньям обычно толпились бедняки. Скрытая шторой задвижка поднялась без скрипа. Помолвившись, чтобы петли были хорошо смазаны, я толкнул дверцу и уставился в кромешную темноту, а затем сделал шаг вперед. Здесь

оказалось теплее, чем в церкви; пришлось поспешно притворить дверь, чтобы меня не выдал поток холодного воздуха. Во внешней стене прохода специально проделали щели, через которые днем в помещение попадало хоть немного света. Через несколько секунд глаза привыкли к темноте, и я бросил взгляд в глубину убежища.

В детстве все казалось куда легче — все-таки у подростка больше пространства для маневра. Ход постепенно сужался, и я пригнул голову, чтобы не набить шишку. Вскоре показалась ведущая вниз винтовая лестница. Я шагнул на первую ступеньку и, спускаясь, случайно зацепил каблуком металлическую опору.

Проклятье... Дальше я пошел совершенно беззвучно, надеясь, что Финн не расслышал тихий стук. Разумеется, надеялся напрасно — наверняка он меня ждал.

Оставался шанс удивить его выбором момента для нападения. Затаиться — и пусть Райли сделает первый ход. Сомневаться не приходилось: после нескольких дней, проведенных в норе, его нервы напряжены как струна.

Я застыл на месте и вроде бы даже уловил внизу сдавленное дыхание. Ждет...

Маленькая и тесная комнатка у самого выхода стояла у меня перед глазами: утопанный земляной пол, неровные каменные стены. Меньше, чем ринг, на котором мне приходилось боксировать. Здесь толком не развернется ни взрослый, ни ребенок.

Первые несколько ступенек каменные, прочные, а вот дальше лестница уже деревянная. Я медленно возобновил движение, стараясь держаться ближе к выгнутой внутренней стенке, на которую падал слабенький свет. Видимо, свечка стоит на полу в камерке, освещая самые нижние ступеньки.

Снизу грянул выстрел, и лишь по чистой случайности пуля, срикошетив, не ударила мне в голову.

Что ж, тут ничего не поделаешь. Остается молиться, что у подонка однозарядный «Уэбли». Я прыжком преодолел последние ступени и влетел прямо в Финна Райли — темную фигуру в мрачном свете свечи. Беспольный уже пистолет он уронил на пол и выхватил нож. Мы рухнули на пол. Финн упал на спину, я бросился на него сверху, однако в последний момент поскользнулся, и противник отшвырнул меня в

сторону. Я ударился плечом о стену, но тут же снова навалился на Райли.

Боролся он отчаянно, понимая, что поставлено на карту, однако серьезно уступал мне в росте и весе. Мой кулак в полутьме врезался ему в щеку, затем в нос. Финн еще успел полоснуть меня ножом по руке, но я ударил его кисть о каменную стену, и нож со звоном полетел на пол. Поставив колено ему на грудь, я выхватил из ботинка свой стилет. Лезвие блеснуло у горла Райли, и он зло уставился мне в глаза. Его лицо было в крови; один глаз заплыл.

В дверь ударили ломом, и снаружи раздался крик сержанта:

— Корраван! Корраван!

Мне было не до него. Я не мог оторвать взгляд от Райли, замершего подо мной с острием клинка у шеи.

— Хочешь убить меня? Давай! — прорычал он, стиснув зубы. — Все лучше, чем сидеть в вонючей норе и ждать Маккейба.

— Тебе повезло, что я его опередил. Он бы тебя изувечил и бросил здесь подыхать, как ты поступил с Колином! — гневно бросил я.

— Колин был предателем, человеком «Каменщиков»!

— Это ложь, проклятый ты придурок! Колин никогда не шпионил для Маккейба. Просто Купер не желал делиться своими барышами, вот и все!

— Но он признался! — возразил Райли.

— Ничего подобного!

— Признался! — повторил он, сердито сверкая глазами.

— Когда тебе ломают пальцы, признаешься в чем угодно!

— Он предупредил Маккейба, что мы придем по его душу, — презрительно бросил Финн.

Это могло быть правдой, и я замолчал. Лицо парня исказилось от ярости.

— Колин был всего лишь двуличным трусом!

Я гневно встряхнул Райли, ударив его головой о пол.

— За твоей спиной стоял Хоутон, иначе ты никогда не осмелился бы пойти против Маккейба! Знаешь, как называют таких, как ты? Марионетками, вот как.

— Никакая я не марионетка! Не знаю никакого Хоутона!

— Где же ты тогда брал оружие?

Я встряхнул его еще раз, уже сильнее.

— У одного парня по имени Морган. Джон Морган.

Морган... Так звали человека, который должен был забрать найденную Стайлзом на вокзале посылку с оружием.

— Он работает на Хоутона, богатого политика, пытающегося спровоцировать ирландцев на насилие. Он хочет доказать всей Англии, что мы — дикари! — Я покачал головой. — Ты просто глупец, Райли. Ты пешка в руках человека, который тобой на самом деле брезгует.

Похоже, до Райли начало доходить. Его лицо побагровело от стыда, и он на мгновение замер, а потом взорвался:

— Отвали от меня, гад!

— Когда это началось? — спросил я, надавив кончиком ножа на его горло. — Когда на тебя вышел Морган?

— Три месяца назад, — нехотя проворчал он.

— Кто он такой? Как он с тобой познакомился?

— Морган работает на одну газету, — угрюмо сказал Райли. — Встретились с ним как-то вечером в «Лодочнике».

Наверняка Финн после нескольких кружек эля бахвалился в пабе, как победил в какой-нибудь стычке или хвастался, что кого-то обокрал. Отличная кандидатура для Моргана!

— Что за газета?

— Не помню.

— «Обсервер»? «Ивнинг стар»? Или...

— Да, точно. «Стар», — дернул плечом Райли.

— Чего от тебя хотел Морган?

— Заявил, что знает одного человека, который хочет выкинуть Маккейба из Чепела. Сказал, что даст мне столько оружия, сколько потребуется, да еще и заплатит. А мне потом отошло бы все хозяйство старика.

— Маккейб никогда отсюда не уйдет, — недоверчиво усмехнулся я. — И ты прекрасно об этом знаешь!

— Если его люди боялись бы не сегодня, так завтра получить пулю в затылок — что ему оставалось бы делать? У любой верности есть предел, — сверкнул глазами Райли.

— Значит, ты пристрелил четверых, в том числе племянника Маккейба?

— Я должен был показать ему, что все серьезно, — фыркнул парень.

— Все оружие — марки «Уэбли»?

Он пожал плечами. Стало быть, «Уэбли»...

— Как ты его получал?

— Морган доставлял его в дом моей матери. — Повернув голову, Райли вытер окровавленный нос о плечо. — Я прятал оружие под лестницей. Но теперь там пусто.

Я слегка сдвинул колено, позволив ему вдохнуть.

— Ты убил лорда Бейнс-Хилла?

— Что?

— Его застрелили вчера вечером. Это сделал ты?

— Нет. Я же сидел в этой норе.

Схватив Райли за грудки, я встал сам и поднял его на ноги.

— Как ты меня нашел? — спросил он, снова вытерев нос рукавом рубахи.

— А ты как думаешь? Об этом убежище знает каждый мальчишка из Чепела. Ты забыл, что я тоже здесь вырос. Где Купер?

Парень плюнул под ноги, и я снова его хорошенько встряхнул.

Сверху в убежище просочился холодный воздух и раздался голос Стайлза:

— Корраван! Вы там живы?

— Да, я взял Райли!

Ботинки инспектора застучали по ступенькам. Спустившись в каморку, он облегченно вздохнул.

— Никак не мог найти дверку на хорах — уж очень хорошо замаскирована.

Стайлз открыл дверь на улицу, и внутрь ворвался Трент с покрасневшимся лицом и занесенным вверх ломом. Осмотревшись, он опустил инструмент и фонарь на пол.

— Я слышал выстрел, а потом наступила тишина. Решил, что не дам ему уйти. У вас кровь, сэр, — заметил сержант, бросив взгляд на мою руку.

— Ничего страшного.

Стайлз вытащил наручники и замкнул их на запястьях Райли, после чего мы вышли в пустой задний двор. В воздухе висел сырой

туман, и все же промозглый холод приятно освежил меня после пребывания в душной норе.

Инспектор взялся за цепочку наручников, а я сдал бандита за предплечье.

— Ты сказал, что Морган готов был дать столько оружия, сколько потребуется. Где оно сейчас хранится?

Парень ответил мне угрюмым взглядом, но не сказал ни слова.

Я пожал плечами. Пусть думает, что это заботит меня в последнюю очередь.

— Тебе придется ответить за преступления Моргана и Хоутона. Вопрос в другом: хочешь ли ты, чтобы их вздернули вместе с тобой, или позволишь им остаться безнаказанными? Ведь Хоутон богат и умен, а ты беден и глуп. — Я сделал паузу. — Ты ради него рисковал жизнью, а вот он и пальцем не шевельнет, чтобы тебя спасти.

Глаза Финна забегали.

— Оружие в сарае за частным домом на Роупмейкерз-элли, — пробормотал он. — Морган случайно проговорился.

— Дом принадлежит Хоутону?

— Не знаю.

— Доставьте его в Уоппинг, — повернулся я к сержанту. — Возьмите закрытый кэб. Фонарь мы заберем.

— Слушаюсь, сэр.

Трент перехватил у Стайлза цепочку наручников и повел Райли за угол.

— Давайте-ка сделаем перевязку, — сказал инспектор, указав на мою рану. — Это дело минутное.

Как я ни бодрился, но рука неприятно пульсировала. Пришлось позволить Стайлзу отвести меня в ближайший паб, где служанка, не устояв перед его обаянием, с улыбкой принесла тазик с водой и почти чистую тряпицу.

— Девушка говорит, что мы можем воспользоваться кладовой, — кивнул Стайлз на дверь в углу.

Мы прошли в узкую комнатку с единственным окном. С балок на потолке свисали пучки сушеных трав, вдоль стен стояли мешки с картошкой, на грубых полках — банки с крупами. Сбросив мешок с одного из бочонков, я уселся.

— Помогите мне снять рубашку, Стайлз.

Инспектор расстегнул пуговицы и высвободил пораненную руку из пропитавшегося кровью рукава.

— Финн говорит, что Колин был кротом Маккейба, — рассказал я. — Вроде бы он в этом признался.

Стайлз разорвал тряпку надвое и сложил одну из половинок прямоугольником. Смочив его водой, приложил к порезу, который оказался глубже, чем я думал.

— Вы в это верите?

Я замолчал, размышляя, и Стайлз меня не торопил. Через несколько минут кровотечение прекратилось, и он свернул вторую половину тряпки в длинную узкую полоску.

— Райли с Купером вытащили из Колина то, что хотели вытащить, — наконец сказал я. — Они его так просто не оставили бы, и признание Колина — не обязательно правда.

— Конечно, — согласился инспектор и начал накладывать повязку.

Я молча следил, как он связывает концы импровизированного бинта. Надо бы восстановить в памяти каждую минуту, проведенную с Колином за последние несколько недель, переосмыслить его поведение с учетом возможности, о которой сказал Райли. Однако для подобного анализа требуется время и спокойная обстановка. Займусь этим позже.

Захватив оставленный сержантом фонарь, мы со Стайлзом добрались до Роупмейкерз-элли.

За домом номер четыре, который выглядел необитаемым, обнаружился сарай с забитыми досками оконными проемами. На двери — надежный замок. Снова пригодились мои отмычки. Через пару минут мы проникли внутрь. Разбегаясь, зашуршали лапками крысы. Стайлз поднял фонарь над головой, хотя и без того было очевидно, что в сарае пусто. Тем не менее мы разглядели на полу свежие щепки — видимо, отколовшиеся от тяжелых ящиков. Оружие здесь все же держали.

— Проклятье... — пробормотал я.

— Наверняка Хоутон уже покинул Лондон, — вздохнул Стайлз.

— Он может быть в Хертфордшире, — возразил я. — Во всяком случае, сегодня с утра отправился туда навестить семью покойной жены.

— Как ее звали?

— Не знаю.

Понятно, что имел в виду инспектор. Хоутон вполне мог записать дом на девичью фамилию супруги, чтобы замести следы.

— Надо раздобыть перечень принадлежащих Хоутону объектов — тех, с которых он платит налоги. И то же самое по покойной жене, если на ней что-нибудь числится, — предложил я.

Так или иначе, государственный архив на Ченсери-лейн наверняка уже закрылся — придется подождать до завтра.

Мы вышли на улицу, и я плотно закрыл дверь.

В Ярде мы обнаружили Винсента. Выглядел он все еще нездоровым. Я доложил о задержании Финна Райли и рассказал, что мы попытаемся выйти на след человека по имени Морган, работающего на «Ивнинг стар». Добавил, что наши гипотезы о поставках оружия подтвердились. Винсент принял к сведению наш доклад, не задав ни единого вопроса, а затем с подавленным видом сообщил имя покойной супруги Хоутона: Доротея, урожденная Хенли.

Глава 37

С утра мы со Стайлзом первым делом наведались в государственный архив, и клерк нашел все интересующие нас документы буквально в течение часа. В Лондоне проживали сотни Хоутонов, однако на миссис Доротею Х. Хоутон был записан лишь один объект — маленький домик в Клерккенуэлле по адресу: Роуз-мьюз, тридцать один. Перешел он к ней по завещанию тринадцатого января семьдесят четвертого года. Когда я объяснил, что женщина к этому дню была уже десять месяцев как похоронена, клерк лишь пожал плечами. До тех пор, пока право собственности не подвергается сомнению, а налоги уплачиваются своевременно — а так оно, с его слов, и было, — никому и дела нет до того, что человек записывает дом на имя жены. Живой или покойной — неважно.

Когда мы добрались до Роуз-мьюз, небо заволокло тяжелыми тучами и начался холодный дождь. С собой мы прихватили троих сержантов. Дом мог охраняться, и я не собирался дать противнику ни единого шанса. Кроме того, нам в любом случае потребовалась бы физическая сила для вывоза ящиков с оружием, если наша догадка была верна.

Дом оказался довольно скромным. Два этажа, дверь выходит прямо на тротуар. Ни крыльца, ни ступенек. Окна были целыми, краска на двери не облупилась: за порядком здесь явно следили, хотя в доме давно никто не жил. Мы на всякий случай постучались, а потом я открыл отмычкой подвальную дверцу.

Внутри было темно, пахло сыростью и плесенью. Впереди виднелась еще одна дверь со стеклянным окошком. Стайлз вытащил спичку и чиркнул о стену. От резкого запаха серы у меня защипало в носу. Заметив висящую на крючке лампу, я передал ее Стайлзу, а сам осмотрел полки в противоположном конце подвала. Ничего, кроме пыли, старой шляпной коробки и сломанного ящика, в которых обычно доставляют продукты... Инспектор зажег лампу, и мы прошли в следующее помещение.

В комнате, прежде использовавшейся в качестве кухоньки, стояли три крепких деревянных ящика, каждый высотой мне по пояс. Крышки

их были прибиты гвоздями.

Сержант Трент пнул один из них ногой, однако тот не подался ни на дюйм.

— Тяжелый, зараза!

На полочке мы нашли еще один фонарь, так что света для изучения содержимого было достаточно. Трент взялся за лом.

— Сейчас откроем, — пропыхтел он, всунув раздвоенный конец инструмента под верхнюю кромку ящика, поднажал и со скрежетом гвоздей сорвал крышку.

Мы скинули ее на пол вместе с мешковиной, уложенной поверх груза. Внутри, в свете поднятой Стайлзом лампы, заблестели десять пистолетов, размещенных в два ряда по пять штук. Я сделал быстрые подсчеты: как минимум пятьдесят пистолетов в одном ящике; значит, всего здесь хранится порядка ста пятидесяти стволов. Вполне хватит для того, чтобы устроить хаос не только в Лондоне, но и во всей Англии.

— Вот вам и пожалуйста... — пробормотал Трент. — Проклятье!

— Я раздобуду телегу, — вызвался один из сержантов.

— Лучше две, — посоветовал Трент. — Для одной лошади будет тяжело.

Через полчаса перед домом стояли две телеги. Всемером — с помощью двух возниц — мы погрузили оружие и отвезли его во внутренний двор Скотланд-Ярда.

Мы с сержантами остались караулить груз, а Стайлз прошел внутрь и вскоре вернулся с Винсентом, который в спешке даже не застегнул пальто, и ветер, продувавший дворик, захлопал его лапами. Сорванную крышку ящика мы прибавить не стали, и я, приподняв ее, продемонстрировал содержимое директору.

Тот глубоко вздохнул, немедленно закашлялся и все же выдавил, прижав ко рту платок:

— Стайлз, распорядитесь, чтобы оружие сложили на складе.

— Слушаюсь, сэр!

Инспектор побежал в глубину двора, а я быстро рассказал Винсенту историю нашей находки.

Кивнув, он сказал:

— Мистер Хоутон у меня в кабинете.

Я онемел от удивления. Директор приказал доставить Хоутона в Ярд, не имея доказательств в виде оружия?

Винсент запахнул пальто на груди, однако в кабинет не торопился.

— Я решил, что так будет лучше. А теперь, когда у нас есть улики, мы его уже не отпустим. Вчера вечером мне поступило сообщение, что наш шпик потерял Томлинсона. Тот сел на пароход, отплывающий в Америку, но это не страшно. У нас есть друзья в конторе Пинкертона, так что в порту его встретят — я сегодня утром протелеграфировал в Америку. Томлинсона отправят обратно в Англию на допрос.

— Значит, он наведет нас на след Моргана, если мы его к тому времени не вычислим, — обрадовался я.

— Разумеется. Кстати, вчера ночью на берегу было найдено тело Макферсона.

Я в недоумении посмотрел на директора.

— Ну, ирландца, которого винили в крушении поезда, — напомнил тот. — Того, кто перевел грузовой состав на основной путь.

— Выходит, у нас еще одно убийство? — Я посмотрел вслед отъезжающим телегам. — Кстати, улик для того, чтобы прижать Хоутона, предостаточно.

— Нет, Корраван, — решительно перебил меня директор. — Вы останетесь в стороне. Хоутон свое истинное лицо покажет лишь в разговоре со мной, с глазу на глаз. У нас пока нет доказательств, что он распорядился убить лорда Бейнс-Хилла, и я намерен их тотчас получить.

— Но... вам потребуется свидетель, — возразил я. — Может, перевести его в комнату для допросов, а я буду слушать ваш разговор из соседнего помещения?

— В этом нет необходимости. Месяц назад я установил у себя камеру для прослушки. Она скрыта за новыми шкафами. Подсмотрел нечто подобное в штаб-квартире шефа парижской полиции.

— А! Вот почему мне прошлый раз показалось, будто ваш кабинет стал уже...

Винсент удивленно покачал головой.

— Поражен, что вы обратили внимание на шесть недостающих дюймов. Место под камеру я выделил за буфетом.

Мы направились к задней двери.

Внутри было тепло, и я с удовольствием расстегнулся.

— А где вход в камеру?

— В следующей комнате, — указал директор в сторону коридора, снова протер нос и убрал платок в карман.

Судя по встревоженному лицу, предстоящей беседы он серьезно опасался.

— Мне очень жаль, сэр. Знаю, что он ваш друг, — пробормотал я.

— Я ведь его толком и не знаю — какой же он друг?

Сжав губы, Винсент повернулся к своему кабинету, а я зашел в соседнее помещение и проскользнул в камеру прослушки. Пространство было узким и все же не слишком тесным. Винсент открыл дверь кабинета, затем закрыл ее за собой — все звуки до меня доносились очень отчетливо.

— Это какая-то ошибка, Говард, — начал Хоутон. — Причем непростительная! Почему меня притащили сюда, словно я какой-то преступник? Ваш отец был бы потрясен.

— Я тоже так думаю, — спокойно ответил директор, однако я услышал в его голосе ироническую нотку.

— Никто из нас так и не понял ваш эксцентричный поступок. Сын баронета — директор полиции! Зачем вам это нужно? Ваше место — в родовом доме, рядом с женой. — Хоутон сделал паузу и сухо добавил: — Глядишь, тогда она и не наставляла бы вам рога.

У меня перехватило дыхание — так стало обидно за Винсента. Однако я быстро сообразил: наверняка он догадывался, что подобные откровения последуют, и все же провел меня в камеру прослушки. В этот миг я еще больше оценил его человеческие качества.

— Мне хотелось бы поговорить с вами о некоторых подробностях взрыва в театре Мэйфер, — сказал директор.

— Какого дьявола вам приспичило вновь напомнить мне об этом страшном событии? — резко бросил Хоутон.

Я прикусил губу. Винсент не собирался подходить к делу исподволь, практически сразу перейдя к мотивам парламентария.

— Ваша супруга в тот день была в театре одна?

— Нет, — отрезал Хоутон. — Ей составила компанию подруга, миссис Робсон.

— Именно для нее вы покупали второй билет?

В кабинете повисло долгое молчание.

— Мы намеревались идти вместе, — наконец пробормотал Хоутон. — Потом я вспомнил об одном собрании, которое нельзя было пропустить. Я знал, что вскоре Доротее будет сложно появляться в свете в... ее положении, поэтому настоял, чтобы она посетила театр без меня.

Его голос упал до трагического шепота.

— Вы не можете винить себя в том, что случилось, — возразил Винсент.

— Разумеется, нет! — повысил голос Хоутон. — Не я заложил в театр бомбы, не я собирался убить мирных зрителей. Это были проклятые ирландцы! Подобной развязки следовало ожидать. Бездушные безбожники, не ценящие чужую жизнь, такие же гнилые внутри, как их чертов картофель! — Тяжело выдохнув, он пренебрежительно продолжил: — О, я знаю о тех докладах, что вы составляли для Королевского института по безопасности, защищая этих существ. Списал их тогда на вашу молодость и неопытность. Вы не учли национальные особенности ирландцев. Сам Господь жалел, что создал эту нацию. Наслал на них голод, как в свое время поразил чумой фараонов и египтян. Год за годом он наказывал их за порочность и распутство и все же ничему не научил. Они неспособны учиться! Вместо того, чтобы остаться в том месте, что для них предназначено, ирландцы хлынули в Ливерпуль подобно саранче.

Тон Хоутона был полон отвращения.

— Да, не заполони они Лондон, ваша супруга осталась бы в живых, а ребенку было бы уже три года, — поддакнул Винсент. — Ужасная трагедия!

Послышался невнятный звук — то ли фыркание, то ли кашель.

— Они не такие, как мы, Говард. — Скрипнул стул: видимо, Хоутон наклонился к Винсенту. — Если мы не сможем их обуздать, они разрушат Англию. Будут плодиться и размножаться, высасывать из страны тот дух, что делает нас англичанами. Ирландцы уничтожат нас без всякой причины и без всякого сожаления.

Казалось, он сам не заметил грустной иронии своего последнего обвинения.

— Однако именно вы без всякой причины убили сотни невинных людей, — заметил Винсент. — Вы поступили точно так же, как и те, к

кому питаете ненависть. Наверняка вы способны провести параллель между «Принцессой Алисой» и театром Мэйфер.

— Да как вы смеете? — вскинулся Хоутон.

— Как смею я? — Винсент с трудом сдерживал гнев. — Уничтожение сотен людей, которых вы даже не знали, — жестокий, бессердечный поступок. Но убийство лорда Бейнс-Хилла вообще не поддается разумению. Как вы могли это сделать, Арчибальд? Убить вашего товарища, парламентария... Вы бывали в его доме, ели за его столом. Он был нашим другом!

— Когда-то был! Бейнс-Хилл взял сторону ирландцев, после этого о дружбе не могло быть и речи.

— И вы решили, что он вообще не должен жить... А как же Марджори? Побойтесь бога, Арчибальд! Убить его в присутствии жены...

— Зато ее я пощадил! — взорвался Хоутон.

Господи... Кто мог подумать, что убийца так легко признается в своих грехах?

Во рту у меня пересохло. Я медленно, стараясь не производить шума, выдохнул. Винсент не прошел ни одной из стадий работы в полиции, сразу попав наверх, однако такому искусству подвести преступника к признанию позавидовал бы любой инспектор.

— Да, пощадил, — вздохнул директор.

В кабинете вновь воцарилась тишина, затем послышался шорох разворачиваемой бумаги.

— Объясните, как ваши взгляды и убеждения «Лиги стюардов» стыкуются с теорией «блестящей изоляции»?

Хоутон сделал паузу. Вероятно, не ожидал, что Винсент предъявит ему листовку.

— По-моему, все вполне очевидно. Мы изолированы, потому что мы — единственные в своем роде в силу нашего превосходства. Именно англичане исторически господствовали над любыми странами и континентами, потому что наш образ жизни — единственно верный. Наша экономика сильнее, флот и армия лучше обучены, а способ управления гораздо совершеннее. В глубине души весь остальной мир это понимает. В противном случае он не подчинялся бы нашей воле. Направлять каждую единицу большой империи — наш долг и наше право.

Боже милостивый... Похоже, не только пресса умеет разворачивать истории в нужном ей направлении.

— Кто помогал вам размещать публикации в газетах? Томлинсон? — спросил Винсент.

— За действия другого человека я никакой ответственности не несу, — хмыкнул Хоутон.

— Мы сейчас занимаемся его возвращением из Америки. Люди Пинкертон ждут его на пристани Нью-Йорка.

Снова последовало молчание, затем раздался вздох.

— Арчибальд, мне не доставляет удовольствия предъявлять вам обвинения, — заговорил Винсент. — Однако оснований у нас достаточно, есть свидетели, имеются улики. Их хватит для того, чтобы суд признал вас виновным и привлек к ответственности.

— Ошибаетесь! Прямых доказательств против меня нет. А если вы попытаетесь обвинить меня, пользуясь косвенными уликами, то будете выглядеть на суде нелепо. Я сделаю все, чтобы вас сместили с этой должности!

Заскрипел стул, зашуршали полы пальто — видимо, Хоутон поднялся из-за стола.

— Вы знаете, что у меня есть такие возможности. Да и репутация Скотланд-Ярда еще не восстановилась настолько, чтобы он вышел сухим из воды. Нового скандала Ярду не пережить.

— Арчибальд, — мягко сказал Винсент, — вам ли не знать, что я слышу человеком благоразумным? Разве стал бы я рисковать репутацией Ярда после тех усилий, что предпринял в прошлом году?

Хоутон шумно выдохнул сквозь зубы.

— Вы об этом пожалеете.

— Я жалею лишь о том, что вы оказались не тем человеком, за которого я вас принимал.

— Я свяжусь с моим поверенным, Ричардом Лоуэллом из Королевского суда.

— Боюсь, что домой вы уже не вернетесь. После того, что я услышал, точно нет.

В кабинете раздался лающий смех.

— Вы отлично понимаете, что не сможете предъявить нашу сегодняшнюю беседу в качестве доказательства. Ваше слово против моего — вот и все, что у вас есть.

Винсент поднялся и подошел к двери.

— Сержант! Проведите мистера Хоутона в одну из комнат для допросов и побудьте с ним.

Зашаркали шаги, послышался удар тростью о ножку стула, и дверь закрылась. Я продолжал стоять в камере прослушки. В кабинете стало тихо. Мне вовсе необязательно было видеть лицо шефа, чтобы понять его чувства после подобного разговора.

— Вы все слышали, Корраван? — наконец донесся до меня усталый подавленный голос Винсента.

Находясь мы с ним в одной комнате, я постарался бы выразить сочувствие соответствующим жестом — а там уже дело директора, обращать на него внимание или нет. Пришлось подать голос из шкафа:

— Слышал, сэр.

— Составьте отчет, пока беседа еще свежа у вас в памяти.

— Слушаюсь, сэр.

Выйдя в коридор, я встретил Стайлза, торопившегося ко мне с таким выражением, будто с плеч у него свалился тяжелый груз.

— Братьев Уилкинсов арестовали! Они под стражей, через час придут на Юстон. Сработали-таки наши объявления и листовки! Сержант железнодорожной полиции обнаружил их в поезде, отходящем из Манчестера, протелеграфировал на следующую станцию, и там их уже ждали.

Часа мне как раз будет довольно, чтобы подготовить запись разговора между Винсентом и Хоутоном.

— При задержании никто не пострадал?

— Нет, хотя пришлось устроить за Уилкинсами настоящую погоню. При попытке бежать они сбили с ног дюжину пассажиров да еще столкнули на пути тележку с багажом. — Стайлз слегка помрачнел. — Один из братьев выхватил пистолет, но, к счастью, его выстрел попал в молоко.

— Слава богу, — пробормотал я, представив себе сцену погони на забитом толпами людей перроне. — Этот сержант заслуживает награды.

— Я узнал его имя. Мне встретить поезд, Корраван?

— Да, и возьмите с собой констебля. Могу я воспользоваться вашим столом, пока вы отлучитесь? Мне потребуются бумага и чернила.

— Конечно. Письменные принадлежности в верхнем ящике.

Прошло несколько лет с тех пор, как я сидел в общем помещении Ярда, составляя отчет. Разговор шефа с Хоутоном я помнил прекрасно и зафиксировал его слово в слово. Промокнув три исписанных листа, оставил их просохнуть. Тем временем написал записку доктору Брэдфорд с сообщением, что Конвея можно спокойно отпускать домой. Немного подумав, разорвал листок и бросил клочки в корзину для бумаг. Конвею нужно рассказать, почему его имя пытались смешать с грязью; лоцман точно заслужил первым услышать правду. Только бы выбрать поскорее свободную минутку...

Я убрал бумагу и чернила в ящик стола и расслабился, ожидая возвращения инспектора с арестованными Уилкинсами.

Ждать пришлось недолго.

Хоутон сидел в одной комнате для допросов; братьев поместили в другую, приставив к ним констебля, а я покамест дал почитать Стайлзу свой отчет. Он быстро просмотрел признание Хоутона и поднял на меня взгляд:

— Все это мы более-менее знали и так, правда?

— Вы правы, — ответил я. — Не затруднит ли вас допросить Уилкинсов?

Инспектор посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Я чертовски устал, Стайлз. Собственно, сейчас в основном и вправду требуется подтверждение того, что нам известно.

— Хорошо, — согласился он.

— И мы не знаем наверняка, братья ли убили Шмидта.

— Да, действительно, первое убийство...

То, с которого и началось большое расследование, хотя тогда мы не подозревали, куда все вывернет.

— Я вернусь примерно через час. Надо кое-кого повидать.

Перешагнув порог госпиталя, я спросил доктора Брэдфорд. Через минуту она появилась из своего кабинета и глянула на меня с нескрываемым облегчением.

— Мистер Конвей еще здесь? — осведомился я.

— Слава богу, что вы наконец пришли, — скорчила рожицу она. — Уж и не знала, как его удерживать. Все ли завершилось благополучно?

— Да, опасности больше нет. Он все в той же палате?

— Конечно.

Она махнула рукой в сторону лестницы, и я двинулся вверх.

Конвей сидел в постели с открытой книгой на коленях. Меня он приветствовал с некоторым удивлением.

— Как, инспектор, снова вы? Что привело вас обратно?

— Пришел сообщить, что наше расследование завершено и вы можете спокойно вернуться домой.

Лоцман пристально посмотрел мне в глаза.

— Знаете, мне не очень-то понравилось, что меня держат здесь чуть ли не насильно.

— Мы только что арестовали братьев Уилкинсов.

— А, вот как?

Он откинулся на подушки.

— Хотел рассказать вам всю историю. — Я немного помолчал. — Кстати, должен признаться: мне пришлось проникнуть в ваш дом.

Конвей поперхнулся, однако возмущаться не стал.

— Ну, значит, так было нужно. Мне скрывать нечего.

— Мы вас не подозревали. Во всяком случае, я точно не подозревал.

Я пустился в объяснения, начав с убийства лоцмана Шмидта.

Конвей слушал внимательно, то восхищаясь, то начиная хмуриться. В самом конце рассказа он похлопал меня по руке.

— Не думайте, я понимаю, что вы для меня сделали. Наверное, первый раз в жизни я благодарен Богу за то, что родился ирландцем.

— В любом случае вы ни в чем не виновны, — добавил я и стал собираться. — Вынужден попросить вас пока не покидать Лондон, поскольку через месяц состоится судебное дознание. Вам придется появиться на процессе.

— Я буду в вашем распоряжении.

— Удачи вам, мистер Конвей.

— И вам, сэр.

Он решительно откинул больничное одеяло.

— Сестра! Где моя одежда?

В общем помещении Ярда почти никого не было, даже в кабинете Винсента свет не горел.

И все же Стайлз сидел за своим рабочим столом. Склонив голову, делал какие-то записи. Услышав мои шаги, он оторвал взгляд от документов.

— Я все рассказал Конвею.

— А! Наверняка у него полегчало на душе.

Потянув к себе стул, я уселся.

— Он и вправду обрадовался.

— Я сообщил Уилкинсам, что Хоутон во всем признался, — сказал Стайлз, отложив ручку. — Объяснил, что они могут избежать виселицы, если дадут показания на своего сообщника. В итоге братья запереться не стали. Как и следовало ожидать, они до последней запятой придерживались указаний Хоутона.

— И в Ситтингборне?

— Да, — кивнул инспектор. — Однако шахта — не их рук дело. Их следующая акция должна была состояться в Сент-Джеймс-холл уже через неделю.

Знаменитый концертный зал вмещал сотни зрителей, и я с облегчением выдохнул.

— Во всяком случае, это преступление нам удалось предотвратить.

— Шмидта действительно убили Уилкинсы, — закончил свой рассказ инспектор. — Сделали это выше по течению реки, как вы и предполагали, а потом привезли его тело на лодке к лестнице в Саутворке около двух ночи, во время отлива. Убийство было совершено для того, чтобы газеты смогли сделать вывод: появление Конвея на борту «Замка» подстроено.

— Они не объяснили, почему от трупа пахло джином?

— Это вышло случайно. Братья арендовали лодку, а там под банкой лежала бутылка. В пути она разбилась, и пальто Шмидта промокло.

— Что ж, понятно. Есть еще что-то достойное внимания? — спросил я, указав на исписанные Стайлзом листы бумаги.

Губы инспектора тронула легкая улыбка:

— Ничего важного. Вам нужно поехать домой отдохнуть. Я уже почти закончил.

Хлопнув ладонями по коленкам, я заставил себя встать.

— Ах да, чуть не забыл, — спохватился Стайлз. — Вот, принесли из Уоппинга уже после того, как вы ушли.

Он передал мне запечатанное письмо. Вскрыв его, я прочел:

Я готов заявить публично, что Братство не имеет отношения к любой из недавних акций. Буду ждать Вашего знака. Разместите объявление в «Фалконе».

Т. Луби

Я выдохнул и протянул записку инспектору.

Конец террору... Во всяком случае, на какое-то время.

Глава 38

Добравшись до Дойлов, я поднялся по лестнице. На двери висел траурный венок, и его ленточки развевались на вечернем ветру.

Должно быть, Элси услышала мои шаги — дверь открылась еще до того, как я постучался.

Обняв ее, я глянул на ма, сидящую у стола с чашкой чая. Глаза у нее были красными, но сухими; рука комкала платочек. Слабо улыбнувшись, она воскликнула:

— О, Микки! Проходи, проходи. Выпей со мной чаю.

Я выдвинул стул, пытаюсь не попасть вновь на сломанный, однако, похоже, их поменяли местами. Качающаяся ножка словно подчеркивала все неудачи Колина, говорила о его неверных решениях и неспособности исправить то, что так легко было переиначить. Чертовски пожалев, что снова на нем сижу, я впился взглядом в ма.

Дышала она редко и тяжело, но, встретившись со мной глазами, расслабилась.

— У нас все нормально, Микки.

— Давайте-ка я почию стул. Дело минутное.

— Не сейчас. Как-нибудь в другой раз, — мягко остановила меня она.

— Ну, как скажешь.

Потянувшись через стол, ма нежно сжала мою руку.

Так она и горевала — тихо и с достоинством, не напоказ.

В окно упал слабый рассеянный луч солнца, и мы разом обернулись, словно кто-то вдруг вошел в комнату.

Но нет, дверь была по-прежнему закрыта.

Элси налила чай и поставила передо мной чашку с блюдцем.

— Говорят, ты нашел Финна в церкви, в убежище священника, как и предполагал? — спросила она.

Я невольно усмехнулся: ничего в Чепеле не утаишь.

— Да, Элси. Мы погрузили его в закрытый кэб и уже в темноте перевезли в Уоппинг.

Девушка поежилась.

— Он тебе все выложил?

— Как только понял, что это единственный способ спасти свою шкуру, рассказал достаточно, чтобы мы могли предъявить обвинение Хоутону. И не только ему.

— Что с ними будет?

— Сгниют на каторге или будут болтаться на виселице.

— Даже член парламента? — удивилась ма.

— Вполне возможно. — Помолчав, я добавил: — Его жена погибла в Мэйфере. Она тогда была в положении.

— Ах... — грустно вздохнула ма.

— И все равно у него не было права, — сверкнув глазами, пробормотала Элси. — Заставить сотни людей заплатить за то, чего они не делали...

— Да, конечно.

За столом повисла тишина, затем опять заговорила Элси:

— К нам приходил Джеймс Маккейб. — Она кивнула на дверь. — Это он принес венок.

— Серьезно? — откинулся я на стуле.

— Еще передал денег — объяснил, что задолжал Колину, — добавила ма.

— Задолжал Колину... — недоверчиво пробормотал я.

Ма и Элси обменялись взглядами.

— Он заявил, что Колин был ему предан, — объяснила девушка.

— Маккейб упоминал, что сделал Колина своим кротом в шайке Райли?

Вопрос прозвучал довольно грубо, и ма поморщилась. Они с дочерью вновь переглянулись, и Элси ответила:

— Он сказал, что Колин сам предложил.

— Что это ему взбрело в голову?

Интерес мой не был праздным. Мне действительно хотелось понять мотивы Колина.

— Маккейб говорит, что когда-то спас ему жизнь, — вставила ма.

— Спас жизнь? Как это вышло?

— Колин ввязался в какую-то драку в доках, — взяла слово Элси, предупредив меня быстрым взглядом. Я вспомнил, что ма об этом случае не знает, поэтому молча кивнул. — Пырнул ножом одного парня из банды Шейпли. Маккейб переговорил с главарем и убедил

оставить брата в покое. Вроде как пообещал, что больше ни одного человека из той банды «Каменщики» не тронут.

Значит, Маккейб и впрямь спас Колина от мести Шейпли. И Колин с тех пор был ему благодарен и верен. Звучало логично. С той минуты, когда Райли мне заявил, что Колин — крот, я долго размышлял над его решением. И все равно, даже учитывая слова Элси, продолжал считать, что за его поступком крылось нечто большее, чем преданность, — независимо от того, согласился ли он на роль разведчика или предложил сам. Обладая общей с Маккейбом тайной, Колин чувствовал себя серьезной фигурой. Для него это значило больше, чем приглашение Райли присоединиться к его шайке.

Как жаль, что Колин не ощущал, насколько он важен для своей семьи... Почему он об этом не думал? Почему не видел, что мы трое его любим и ценим?

Я тяжело вздохнул.

Элси поднялась и, вытащив из полки сложенное в несколько раз письмо, положила его на стол.

— Маккейб просил передать тебе записку.

Еще пару дней назад я развернул бы ее немедленно, рассчитывая найти ответы на свои вопросы. Однако сейчас решил, что и так знаю, о чем написал Маккейб: он, мол, сделал все, чтобы защитить Колина, смерть юноши — не его вина и сделку со мной он не нарушил. Ничего мне теперь от главаря «Каменщиков» нужно не было. Пусть держится от меня подальше, пусть забьется обратно в свою нору, где сидел до того, как началась эта история. Я положил письмо в карман. Посмотрю на досуге.

— Что будет с Маккейбом? — спросила ма.

Я покачал головой.

— Ни к крушению «Принцессы Алисы», ни к насилию в Уайтчепеле «Каменщики» отношения не имеют. Пока Маккейб занимается своими делишками и не становится на пути Ярда или Уоппинга, у нас нет особых поводов его преследовать.

— Что за мир... — прошептала ма. — Мир, в котором преступления Маккейба считаются «делишками»...

Мы поболтали еще некоторое время. За окном раздавался то грохот, то крики, то какой-то стук, однако шум действовал мне на нервы гораздо меньше, чем несколько дней назад. Наконец солнце

зашло, и Элси зажгла лампу. В дверь трижды постучали, и я, поднявшись, впустил молодого Имана. Из кармана его пальто выглядывал молоток; в руках он держал сумку и накрытое сверху блюдо. Похоже, принес продукты для ужина.

Парень поздоровался с Элси, затем с ма. Мне кивнул и нерешительно произнес:

— Привет!

— Зови меня «Микки», — предложил я и, забрав у него сумку, пожал руку.

Хотелось показать Иману, что я понимаю причины, побудившие его зайти сегодня к Дойлам: во-первых, порядочность, во-вторых, любовь. Он снова благодарно кивнул.

Поставив сумку на стол, я обнял на прощание ма, поцеловал в щеку Элси и пообещал, что в воскресенье обязательно загляну на чай. Выйдя на улицу, остановился на ступеньках, прислушиваясь: подопрет ли Элси стулом дверь?

Она даже и не подумала.

Я втянул в себя воздух, пропитанный ароматами лука и хмеля, доносившимися из ирландского паба через дорогу, и спустился с лестницы. Нижняя ступенька больше не качалась. Я нагнулся, подергал ее рукой и обнаружил утопленные в дерево блестящие шляпки трех гвоздей.

Мне на секунду стало грустно, однако печаль сменилась облегчением. Иман — хороший парень.

Глава 39

Я направился к Белинде. Еще не постучавшись, уже понял, что дома ее нет. Ни в одном окне свет не горел, на стук в итоге никто не отозвался, и я, решив поехать домой, устало забрался в кэб.

Дома было холодно, однако я, даже не сняв пальто, упал в любимое кресло, не разжигая камин. Устал... Вытянув руки на подлокотниках, запрокинул голову и смежил веки.

Наверное, меня сморило, потому что открыл глаза я уже в полной темноте. В дверном замке повернулся ключ, и прозвучал голос Белинды:

— Интересно, куда он делся?

— Я зажгу лампу, — вызвался Гарри.

Я слышал, как на пол в прихожей тяжело опустились два чемодана, затем чиркнула спичка и скрипнуло стекло лампы.

Пугать их не хотелось, но делать было нечего.

— Я здесь!

Лампа загорелась, и на пороге гостиной появилась Белинда. В одной руке она держала сумку с выглядывающей из нее буханкой хлеба, другую невольно прижала к горлу, уставившись на меня распахнутыми от удивления глазами.

— Что ты тут делаешь в темноте? Ты не болен?

— Только что вернулся, — ответил я, поднимаясь из кресла. Мышцы спины и ног тут же запротестовали. — Заходил к тебе, но дома никого не было.

— Да, я на сегодня дала слугам выходной. А с тобой мы, видимо, разминулись на несколько минут. Гарри решил по пути заглянуть в госпиталь. У тебя все закончилось?

Я кивнул. Объяснять пока не было сил. Бел все поняла и, положив руку мне на грудь, промолвила:

— Я рада, Майкл.

Подошел Гарри. Он словно еще подросток, хотя прошло всего-то три недели.

— Мисс Гейл рассказала мне о Колине, — неловко пробормотал он. — Так жаль...

— Ты ведь не слишком хорошо его знал? — спросил я.

Гарри заколебался.

— Я у Дойлов прожил всего несколько дней после того, как переехал в Лондон. Колин дома почти не появлялся. Наверное, был занят на работе, — поспешно добавил он, словно пытаюсь оправдать двоюродного брата.

Я благодарно улыбнулся, оценив его такт.

— Как тетя Мэри и Элси? — поинтересовался он.

— Скорбят, но они справятся.

— Ты уже ужинал? — уточнила Белинда.

Я покачал головой, и она, поставив сумку на стол, вытащила хлеб.

— Мы с Гарри тоже не перекусывали. Сейчас заварю чайку.

— А я пока разведу огонь, — вставил Гарри. — Только отнесу чемоданы наверх.

Его ботинки затопали по лестнице, а я прошел за Белиндой на кухню.

— Как получилось, что вы прибыли вместе?

— Гарри сперва заехал ко мне, — объяснила Бел, поставив чайник на плиту. — Я забыла у сестры кое-какие вещи, вот и попросила Гарри их захватить.

— А, понятно.

Бел разобрала сумку и обернулась ко мне.

— Ты правда хорошо себя чувствуешь?

— Просто устал и проголодался, — сглотнул слюнки я. — Сейчас поем и приду в себя.

Она обхватила меня рукой за плечи и приложила ладошку к моей щеке. Я тоже ее обнял и крепко поцеловал. Тупая боль в сердце, преследовавшая меня последние две недели, начала стихать. Через некоторое время Белинда вывернулась из моих объятий и глянула мне в глаза.

— Я так тревожилась за тебя из-за Колина... — прошептала она. — А тут еще эти новости о лорде Бейнс-Хилле! А его жена, бедняжка... Какое отвратительное преступление! Ты уже знаешь, кто его убил?

— Хоутон, причем собственноручно.

— Господи Иисусе... — Бел содрогнулась. — Откуда в этом человеке столько злобы?

— Он фанатик. Ненависть в его душе кипела годами. — Вспомнив, что Бел не знает подробностей, я добавил: — Его жена в день смерти была в положении.

Бел только ахнула.

Сверху в гостиную спустился Гарри и начал выгребать из очага старую золу. Привычные звуки успокаивали. Я снова поцеловал Белинду и притянул ее к себе.

Любимая тепло задышала мне в ухо.

— Ну, иди, поговори с ним. Наверняка он хочет рассказать тебе о поездке, но будет молчать, пока сам не спросишь.

Я вернулся в гостиную и уселся в кресло.

— Как Эдинбург? Оно стоило того?

Повесив кочергу на крючок, Гарри устроился в кресле напротив. Откинул волосы с глаз и изучил меня внимательным взглядом, словно определяя, действительно ли мне интересно.

— Поездка была потрясающая! — пылко воскликнул он. — Самые прекрасные три недели в моей жизни!

— Да что ты? — Я откинулся на спинку кресла. — Чем там занимался?

— Мне позволили наблюдать за всеми операциями, — начал Гарри, светясь от воодушевления. — Хирурги начинали прямо с утра, каждый день в восемь часов, и мне разрешали сидеть в амфитеатре до самого вечера. Заканчивали в половине седьмого. Никто против моего присутствия не возражал. Там девять врачей, работают они посменно, но за тремя я следил особенно — эти были самыми аккуратными, с научным подходом. Ни один из их пациентов не заразился инфекцией, ни один не умер после вмешательства. Я видел операции на легких, на сердце и на конечностях. Даже на аппендиксе!

— Звучит интересно, — поддакнул я, стараясь добавить в голос энтузиазма.

— Нет, правда, блестящие хирурги! Вчера доктор Финли оперировал женщину с опухолью — вот здесь, на шее. — Гарри хлопнул себя по затылку. — У нее уже начался тремор, бедняжка стала терять зрение. Мистер Финли убрал опухоль, и когда пациентка очнулась от хлороформа, ее зрение полностью восстановилось! И тремор прошел!

— Замечательно, — признал я. — Когда будешь готов поступать? Что говорит Джеймс?

Гарри слегка остыл.

— Через полтора года, — философски вздохнул он. — Младше студентов не берут. Но доктор Эверетт сказал, что даст мне до поступления столько знаний, сколько сможет. Кроме того, я привез домой несколько учебников, которые выдают на первом курсе — для них мне понадобился целый чемодан.

Вошла Белинда с подносом, на котором были разложены хлеб, сыр и ветчина. Каждому из нас она налила по чашке чая.

— Мисс Гейл мне немного рассказывала о последних событиях, — вновь заговорил Гарри. — О «Принцессе Алисе» и прочем. О том, как «Лига» пыталась все свалить на ирландцев. — Он отломил кусок хлеба и щедро намазал его маслом. — В госпитале был человек, который отказался от операции у доктора Макуинна из-за его ирландской фамилии. Вот ведь глупость! Родился-то доктор в Ливерпуле. Один из лучших хирургов в Эдинбурге, кстати. — Гарри скорчил рожицу. — Слава богу, что у папы фамилия была английская, а я сам родился в Лидсе!

Да, Гарри повезло, что, будучи наполовину ирландцем, он выглядел до последнего грамма англичанином. В ближайшем будущем это способно ему помочь...

Белинда свернулась калачиком в одном из кресел, укрывшись шалью.

— Как думаешь, переговоры о самоуправлении Ирландии теперь продолжатся? Ведь люди поймут, что ИРБ не участвовало ни в железнодорожной катастрофе, ни в крушении «Принцессы Алисы». Это была бы замечательная дань памяти лорда Бейнс-Хилла.

— Не исключено. — Взяв кочергу, я подгреб угли к середине очага. — Надеюсь, газеты сделают все, что в их силах, чтобы донести до людей правду.

— Прессу читают далеко не все, — вздохнул Гарри. — И не всегда правильно понимают.

— Согласен, — признал я.

— Прикроют ли «Лигу стюардов»? — спросила Белинда.

— Вряд ли, — ответил я. — В основном ее члены не связаны ни с катастрофами, ни с гибелью Бейнс-Хилла.

— Разве это нормально? — нахмурился Гарри. — Ведь они баламутили общественное мнение.

— Это еще не преступление. Однако полиция впредь будет внимательно следить за их движениями, а это уже результат.

Теплая еда, огонь в камине и приятная беседа убаюкали меня, и я едва не уснул. Ощувив на плече руку Белинды, сонно прищурился.

— Тебе пора ложиться, — сказала она. — А я поеду, мой экипаж ждет у дверей.

— Где Гарри? — огляделся я.

— Наверху, у себя.

Я кряхтя вылез из кресла и помог Белинде накинуть пальто.

— Забегу к тебе завтра, милая, как только проснусь.

Она глянула на меня, и ее губы сложились в улыбку. Любовь, которой в таких случаях светится ее взгляд, каждый раз сражает меня наповал. Воспользовавшись тем, что Гарри застрял наверху, я сжал ладонями прелестное лицо Бел и пылко поцеловал на прощание. Оторвался от нее не сразу, рассчитывая поцелуем передать все то, что не прозвучало на словах: благодарность и восхищение. А еще сожаление о том, что из-за усталости не смог сегодня составить Белинде приятную компанию.

В конце концов я разжал объятия, и лицо Белинды осветилось нежностью.

— Постарайся немного отдохнуть, — прошептала она.

Я кивнул, открыл дверь и проводил ее до экипажа. Еще на секунду задержал тонкие пальчики в своей руке, зная, что после ее ухода душу заполнит холодная пустота. Терпеть не мог минуту расставания.

Вернувшись в дом, я тяжело потащился в свою спальню. Гарри с фонарем в руках поджидал меня на площадке над лестницей, и я пожелал ему спокойной ночи.

— Пойдешь к Дойлам на воскресное чаепитие? — поинтересовался он.

Положив ладонь на ручку двери, я обернулся. И все-таки он подрос за время поездки. Хотя, с другой стороны, я скорее сравнивал его нынешнего с тем мальчиком, который год назад появился в моем доме. Память — штука обманчивая.

— Вообще собираюсь.

— Возьмешь меня с собой?

— Уверен, что ма с Элси будут в восторге. Только я на твоём месте не стал бы слишком распространяться о хирургии. Об опухолях и прочем.

Гарри усмехнулся и сразу посерьёзшел.

— Ты не смог бы удержать меня от поездки в Эдинбург.

Я нахмурился, не совсем понимая, что он пытается сказать.

— С чего бы мне вдруг чинить тебе препятствия?

— Ну, ты и не чинил, — ответил Гарри. — Да если бы и захотел... Я все равно съездил бы. — Он виновато улыбнулся. — Просто подумал о Колине.

На этот раз до меня дошел его намек. Гарри хотел снять с моих плеч часть вины, что я пытался на себя взвалить.

— Тетя Мэри говорит то же самое. И все же, стоило мне построить разговор с Колином иначе... Не могу об этом не думать.

— Понимаю, но... — Он сглотнул комок в горле. — Хочу, чтобы ты знал: ты сделал мне много добра. Забрал у тети Мэри, привел в госпиталь в первый же день... А я вел себя как неблагодарная свинья, дулся, но ты был ко мне по-прежнему добр. Добрее, чем я заслуживал.

У меня в груди что-то всколыхнулось, и я пробормотал:

— Хорошо, что ты у меня есть, Гарри.

Открыв дверь спальни, я с удивлением осознал, что внутри непривычно тепло. От очага в углу исходили теплые волны. Значит, Гарри разжег камин не только у себя, но и в моей комнате.

Обернувшись, я поблагодарил юношу:

— Спасибо тебе.

— Спокойной ночи, — кивнул он.

Из Гарри получится хороший доктор. Внимательный, заботливый. Надо ему об этом сказать.

Наши двери закрылись одновременно.

Догорающие угли бросали золотистые отсветы по углам комнаты; я выглянул в окно. Посмотрел в один конец длинной улицы, в другой. Дюжина перекрестков, газовые фонари, возвышающиеся через равные интервалы... Один из кусочков большой лондонской паутины. По брусчатке прогрохотал громоздкий экипаж и завернул за угол. Длинная череда домов через дорогу: часть освещена, в других свет уже

потушили. За одним из занавешенных окон двигалась серая женская тень с зажженной лампой в руке. Перешла из комнаты в комнату.

В эту минуту я ощутил, насколько крепка моя связь с каждым жителем огромного города. С каждым обитателем Лондона и всей Англии, всего мира, с теми, кто страдал и боролся, терял и учился на своих ошибках. Жизнь — штука простая и сложная: мы горюем по умершим и выметаем золу из каминов, заключаем сделки и ставим на плиту чайник, прощаем серьезные промахи и благодарим людей за добрые поступки.

За стеной чихнул Гарри. *Будь здоров, дружище.* Он чихнул снова, а затем я услышал шорох ножа, разрезающего книжные страницы. Наверное, мальчик зачитается далеко за полночь.

Подумав о книжках, я вдруг вспомнил о записке, что передал мне Маккейб, и напрягся. Прочту завтра...

Раздевшись, накинул ночную рубаху и забрался в постель. Простыни были ледяными, хотя комнату камин прогрел. Закрыв глаза, я уже через пару минут приподнялся в кровати.

Не смогу уснуть, пока не увижу, что же написал Маккейб.

Босиком сбежал по лестнице в полной темноте и вытащил послание из кармана пальто. Зажег в комнате лампу и открыл письмо, содержащее лишь две строки:

Ты меня не обманул. Я — твой должник. Дед рассказал мне, что случилось с твоей матерью.

Записка задрожала в моей руке, и я прочитал расплывающиеся перед глазами слова еще раз, а затем еще. Меня пробрала дрожь, словно пришлось окунуться в Темзу посреди зимы.

Господи ты боже мой... Я дышал мелко и часто, хватая ртом воздух. Неужели спустя столько лет...

Наконец первый шок прошел, и я начал думать. Почему бы Маккейбу и не располагать сведениями о моей матери? В шестидесятых дед его был богатым и влиятельным человеком в Уайтчепеле и наверняка передал внуку немало секретов. Однако что же такого совершила моя мать, коли старик Маккейб знал о ее судьбе? Кем она была?

На меня накатила волна гнева: зачем Маккейб хранил от меня эту тайну черт знает сколько времени? Не понимал, как много для меня значит знание об участии мамы?

Гнев быстро сменился неуверенностью. А хочу ли я знать? Если мать до сих пор жива — безусловно. А если она умерла ужасной смертью? Я тяжело сглотнул и уставился в потолок. Похоже, тоненькая трещинка за последнее время расползлась вширь.

Положив письмо на подоконник, я задул лампу и остался стоять у окна. Почти везде свет уже потушили. Мое окно тоже кому-то сейчас кажется лишь темным прямоугольником. Кому-то, кто тоже встревожен и смотрит на ночную улицу, понимая, что сегодня ночью ему не уснуть.

Что бы Маккейб ни поведал о моей матери, его рассказ принесет мне лишь новую боль.

Я забрался в кровать и опустил голову на скрещенные руки, чувствуя, как в груди вновь рождается тяжесть. Лорд Бейнс-Хилл считал, что сожаление — худшее из чувств, однако мысли о маме таили в себе нечто большее: горе и отчаяние, которые однажды меня едва не сломили.

Мне вспомнилось, как ма Дойл говорила, что каждое новое горе лишь укрепляло душу ее матери.

Я знал, что она сказала бы сейчас.

Подняв голову, сделал глубокий вдох, затем еще один.

Что за невыносимая тяжесть... Кусочки себя, которые мне предстоит собрать.

Они никогда не растворялись в суете повседневной жизни. Отчаяние, охватившее меня после потери мамы, горе, испытанное после смерти Пэта и Колина, сожаление при мысли о том, что чего-то не знал, стыд за собственные ошибки, боль за страдания, причиненные любимым людям... Все это были острые осколки. Тронешь — порежешься. Каждый из них застрял в моем сердце. Если собрать их воедино, они послужат маяком, который не даст мне сесть на риф и позволит остаться на плаву во время следующего шторма.

Ведь эти кусочки и есть я.

Я положил ладонь на сердце, словно осколки души были осязаемой субстанцией, которую можно удержать на месте.

Не дай мне их потерять... Я молился отчаянно, как никогда в жизни. Осколки — мой честно заработанный жизненный опыт. Мой, и ничей больше.

Они мне еще пригодятся, и скорее рано, чем поздно...

Примечания автора

Создавая произведения об исторических загадках, я нередко обращаюсь к темам, которые актуальны и на сегодняшний день. Сюжет первой книги из серии «Расследование инспектора Корравана» — «Вниз по темной реке» — навеян статьей на темы расовых отличий, закона и несправедливости в Соединенных Штатах. Что касается новой книги, «Под скорбной луной», я исследовала вопрос антиирландских настроений в обществе и преследований, которым подвергались ирландцы в Лондоне в семидесятых годах XIX века, и многое узнала об искажении правды и манипуляциях общественным сознанием в прессе, что заметно перекликается с событиями наших дней.

Наверное, подобно многим авторам, я привношу в книги и собственные переживания. Как-то вечером, когда «Под скорбной луной» была уже наполовину написана, а я все еще работала над линией личных взглядов Майкла Корравана, мы с мужем разговаривали о разных ошибках и промахах, совершенных в прошлом. Мужу моему свойственно проникать в самую суть вещей, и он едко заметил: «Иногда удивляюсь, как мы живем с грузом тех глупостей, которые когда-то наделали». Нам обоим за пятьдесят; вероятно, самое время оглянуться назад, оценить свои поступки и — порой — испытать сожаление.

По закону парных случаев, так вышло, что на той же неделе я еще дважды вернулась к этой теме. Оба раза пришлось выслушать друзей, которые рассказывали о тех угрызениях совести, что испытывают, вспоминая о своих ошибках или ситуациях, в которых могли повести себя иначе. И тогда я подумала: «Ведь это серьезнейший вопрос!» Действительно, как мы живем с чувством сожаления? Как мы выносим это бремя?

Или — что более важно — можно ли с этим что-то сделать? Этот вопрос стал одним из ключевых в новой книге.

Во всех своих романах я беру за основу реальное событие или какой-то оттенок взаимоотношений в викторианской Англии. Трагическую историю крушения на Темзе я обнаружила еще в то

время, когда погрузилась в изучение реалий для «Вниз по темной реке». Работала тогда над созданием биографии Майкла Корравана, для чего много читала о Лондонских доках, Уайтчепеле и столичной полиции, и в какой-то момент наткнулась на происшествие с «Принцессой Алисой». Естественно, я начала исследовать этот случай и нашла увлекательный материал, касающийся не только самой катастрофы, но и ее последствий. Оказывается, именно по следам гибели этого парохода правила навигации на реке изменили и регламентировали, что имело большое значение для речной полиции, расположенной в Уоппинге.

Как я и описала в романе, крушение произошло во вторник, третьего сентября 1878 года, и стало ужасной трагедией для Лондона. В итоге было установлено, что катастрофа стала следствием несчастного случая. Признаков диверсии или вины экипажей «Принцессы» и «Замка Байуэлл» полиция не выявила, так что преступление, совершенное Хоутоном и его «Лигой стюардов», является плодом моей фантазии. Некоторые персонажи выписаны с реальных людей, например — капитаны Гаррисон и Гринстед (утонувший вместе со своей «Принцессой»), а также Бонси и Перселл. Иные члены экипажей вымышлены.

Хотя взрывы в Эдинбурге и театре Мэйфер я выдумала, злодеяние в Клеркенуэлле в 1867 году — событие историческое. Бомбу там действительно заложило Ирландское республиканское братство, в результате чего погибло двенадцать человек и еще сто двадцать были ранены. Некоторые историки называют тот случай первым актом международного терроризма. К 1880 году ИРБ организовало свои ячейки во всех крупных городах Англии и начало последовательную кампанию террористических акций, пытаясь восстановить самоуправление своей республики. Как я и упоминала, Братство имело тесные связи с фениями в Америке. Те поставляли своим собратьям в Англию оружие и динамит, а также обучали членов Братства с ними обращаться. Прототипом моего Тимоти Луби стал исторический персонаж — Томас Кларк Луби (1822–1901), ирландский революционер и журналист, один из основателей ИРБ в пятидесятых годах XIX века.

Вымысел и фактический материал в романе часто пересекаются. Как и в предыдущем романе, Говард Винсент — реальная

историческая фигура, хотя все диалоги, в которых он участвует, — исключительно мое творчество. Кармашки для дубинок у полисменов появились лишь в 1887 году, однако я сместила это событие на десять лет раньше — для Корравана такой кармашек оказался удобен. На самом деле в те годы дубинки носили на поясе, в специальном зажимном механизме. Чай — традиционный напиток англичан, но лондонцы употребляли и кофе, поэтому им увлекается инспектор Корраван. «Лига стюардов» — мое изобретение, а вот концепция «блестящей изоляции» действительно развивалась в двадцатых годах XIX века и периодически возрождалась после. Пришлось изменить некоторые подробности крушения поезда в Ситтингборне, хотя произошло оно именно в указанную в романе дату, непосредственно перед гибелью «Принцессы Алисы». Взрыв на шахте Принца Уэльского случился в Аберкарне 11 сентября 1878 года; в результате погибли двести шестьдесят восемь человек и бесчисленное множество пострадало. Хирургов и в те времена обязывали производить исследование тел, так что уже в семидесятых годах делались трепанации черепа. На тот момент, когда в составе полиции были выделены отдельные подразделения, таковых оказалось семнадцать (обозначенных литерами от «А» до «S», хотя несколько букв намеренно пропустили). Позже образовали еще несколько подразделений, а в 1869-м они были реорганизованы по окружному принципу. Так, округ «I» стал включать отделения «G», «H», «K» и «N» (Финсбери, Уайтчепел, Степни и Ислингтон), а также речную полицию. В Лондоне действительно издавались сотни газет, однако не все из перечисленных в книге существовали в действительности.

Для тех, кто интересуется историей, я хотела бы привести ссылки на ресурсы, с которыми сверялась и из которых почерпнула историческую основу романа. Если в книге допущены ошибки, они исключительно на моей совести. Итак, я пользовалась блестящей и чрезвычайно важной книгой Х. Шпреер-Макова «Зарождение детективного дела: сыщики в период викторианской и эдвардианской Англии». Помогли мне также: «Крушение „Принцессы Алисы“» Джоан Лок, «Динамит: история предательства и заговора: терроризм в викторианской и эдвардианской Англии» Саймона Уэбба, «Женщины в белых халатах: как первые женщины-врачи изменили мир медицины» Оливии Кэмпбелл. Я вновь обращалась к таким источникам, как:

«Добрые старые деньки: преступления, убийства и погромы в викторианском Лондоне» Джильды О'Нейл, изобилующей фактическим материалом из старых выпусков «Таймс» и иных изданий, «Медицинские улики совершенного преступления», «Корнхилл» № 7 (март 1863): 338–318, «Занятость и нищета в Лондоне» Генри Мейхью, «Темза: биография» Питера Экройда, «Водостоки: в поисках прошлого на берегах Темзы» Лары Мэйклем, «С отливом вниз по реке» Чарльза Диккенса, опубликовано в «Домашнем чтении» (1853), «Город восторга и ужаса: рассказы о сексуальном насилии в Лондоне в конце Викторианской эпохи, проституция и викторианское общество; женщины, классовое общество и государство» Джудит Р. Валковиц. Меня выручили: «Банды Лондона: Элис Даймонд и „Сорок слонов“» Брайана Макдональда, а также «Официальная энциклопедия Скотланд-Ярда» под редакцией Мартина Фидоу и Кейт Скиннер.

Приношу глубочайшую благодарность Мелиссе Рехтер, Мэдлин Рэтл и всей команде «Crooked Lane Books», которые полюбили Майкла Корравана и помогли мне создать эту дилогию. Особое спасибо Майклу Бироу за огромную помощь в редактировании обеих книг из серии «Расследование инспектора Корравана». Я признательна Приянке Кришман, моему первому редактору, которая приняла риски сотрудничества с начинающим автором, Джошу Гетцлеру и всем остальным в «HG Literary» за неослабевающую поддержку на протяжении многих лет.

Одним из несомненных (хотя и не самых явных) бонусов для автора является возможность встречаться с людьми по всему миру, которые любят книги не меньше меня. Я бесконечно благодарна всем, кто давал теплые отзывы на мои предыдущие книги «A Lady in the Smoke», «A Dangerous Diet» и «A Trace of Deceit» и «Вниз по темной реке». Среди них — бесчисленные читатели и авторы (и не только детективщики), издатели, книготорговцы, книжные клубы, библиотечные работники, блогеры и букстаграммеры, критики, организаторы и участники конференций, а также члены профессиональных сообществ (в частности, «Мистические писатели Америки» и «Сестры-детективщицы»). Особое спасибо Барбаре Петерс и всей команде «Poisoned Rep Bookstore» из старого Скотсдейла. Там мой литературный дом.

Также благодарю Филипа Пэйна и К. Т. Тирни из галереи «Антикус» за потрясающую поддержку. Признательна всем, кто обеспечивал организацию мероприятий в поддержку моих книг: книжным клубам, владельцам подкастов, блогерам, организаторам литературных туров и авторских мероприятий. Это Фред Андерсон, Натали Атри, Эми Бруно, Жюль Катанья, Мария Сефератти, Пегги Чемберлен, Донна Кляйнман, Эва Элдридж, Аманда Гузен, Дж. П. Готтлибу, Нэнси Гаггедал, Нэнси Гутфройнд, Джули Хенрикус, Джон Хода, Николетт Леммон, Ванесса Лилли, Джесс Монтоммери, Либби Паттерсон, Филлис Пэйн, Рибел Райс, Долорес Салиц, Лори Стипп, Сюзан Ван Кирк и Маршал Зеринг, а также великолепный книжный фестиваль «Тусон».

Спасибо блогерам, которые принимали меня со всей душой; особенно я признательна Дэйне Линтон, Мелиссе Макаревич и Синди Л. Спир за продвижение моих книг. Выражаю также благодарность моим коллегам, авторам, которые выступали в поддержку новой серии, — Шэннон Бейкер, Сюзанне Колкинс, Донис Кейси, Анне Ли Хьюбер, Сюзан Элиа Макнил, Лауре Джо Роуланд, Чарльзу Тодду и Габриэлю Валджану.

Как и каждая моя книга, «Под скорбной луной» к концу приобрела несколько иные очертания, чем вначале. Большой вклад в развитие сюжета внесли отклики моих первых читателей и экспертов, с которыми я постоянно консультировалась. Огромная благодарность тем, кто читал первые наброски романа: Кейт-Финк Чизман, Мэйм Кадд, Джулиан Дуглас («Сестра-ведьма» № 1), Мэрайе Фредерикс («Сестра-ведьма» № 2), Эдвину Хиллу, Сири Джеймс, Барри Миллиган, Тине Майлс, Энн Морган и Стефани Пинтофф.

Особое спасибо моему веб-дизайнеру Аманде Стефанссон за создание чудесного сайта и за помощь по его навигации. От всей души благодарю моих сестер — Кристин Гриффин и Дженнифер Лутенс, а также мою мать, Дотти Лутенс, и свекровь, Нэнси Одден, за любовь и поддержку.

И наконец, как всегда, я признательна моему мужу Джорджу, дочери Джулии, первому моему читателю, и сыну Кайлу, а еще моему старенькому биглю — Розе, моей музе, дремавшей в рабочем кресле. Вы — прилив, который несет мой ялик по течению.

Вопросы для обсуждения в книжном клубе

1. Столкновение деревянного пассажирского парохода «Принцесса Алиса» с обшитым металлом корпусом углевоза «Замок Байуэлл» является своего рода метафорой, описывающей сосуществование двух различных аспектов или стилей жизни, характерных для викторианского Лондона: с одной стороны — удовольствия, с другой — работа, аграрная экономика против промышленной, нарядная толпа на палубе прогулочного парохода против безликих трудяг из экипажа. Как, по вашему мнению, противопоставляются в романе эти и иные антитезы, присутствующие в книге?

2. К середине XIX века Лондон стал оживленным городом с развитой промышленностью. Реалии времени внушали людям боязнь превратиться в безликие винтики в колесе жизни. Личности пассажиров «Принцессы Алисы» неизвестны (ведь перечня нет), и тела, извлеченные из Темзы, остаются безымянными до тех пор, пока их не опознают члены семей. Точно таким же образом погибший человек на ступенях лестницы у Темзы не имеет имени, пока его личность не установят Корраван и Стайлз. Помимо чисто практического аспекта, имеет ли процесс установления имен и фамилий символическое значение в более широком контексте романа?

3. В настоящей книге газеты играют значительную роль, как и в предыдущем моем романе. В двадцатых годах XVIII века в Лондоне издавалось лишь двенадцать газет, да еще двадцать четыре — в провинциях. В начале следующего века в Лондоне было уже пятьдесят две редакции и сотня в регионах. В 1846 году, когда Чарльз Диккенс стал редактором «Дейли ньюс», в Лондоне насчитывалось уже триста пятьдесят пять изданий. Умер он в 1870 году, когда издавалось более тысячи газет. Подобная экспансия отчасти стала результатом отмены налога на газеты в середине века, а отчасти — итогом повышения уровня грамотности. Как работают газеты в описанном в романе временном промежутке? Какую роль они играют для общества, для полиции? Видите ли вы сходство с миром СМИ сегодняшнего дня?

4. Белинда Гейл является писательницей, женщиной финансово независимой, для своего времени — исключением, хотя традиция женщин-литераторов восходит еще к первым десятилетиям XVII века, когда начала работать Афра Бен. Белинда ведет насыщенную жизнь, в которой есть место не только Корравану: семья, друзья, творчество и различные социальные связи. Какие личные черты героини играют роль в ее взаимоотношениях с Майклом? Как по-вашему, в каких главах она бросает Корравану вызов? Помогает это ему или мешает?

5. Письмо, которое Том Флинн цитирует в шестой главе, и в самом деле написано Бенджамином Дизраэли под псевдонимом. Вот более полная выдержка:

Ирландцы ненавидят наш порядок, нашу цивилизацию и развивающуюся промышленность, а также религию. Это дикая безрассудная раса, ленивая, неуверенная и суеверная. Никакой симпатии к английскому укладу жизни они не испытывают. Их идеал человеческого счастья — клановые распри, замешанные на грубом идолопоклонстве. Вся их история — замкнутый круг фанатических эксцессов и кровопролития.

Знали ли вы, что в Англии царили настолько яростные антиирландские настроения? Каким образом расизм сегодняшнего дня опирается на подобные штампы и дезинформацию?

6. С Гарри Лишем читатель знакомится в романе «Вниз по темной реке». Гарри — парнишка, который приехал в Лондон, пытаясь устроиться после смерти отца. Во второй книге он появляется нечасто, однако ясно, что он нашел свое место под крылышком доктора Эверетта и стремится изучать медицину. Если вы читали первый роман серии, как, по-вашему, изменился Гарри? Какие сходства и различия проявляются в настоящей книге между Гарри и Корраваном, которые позволяют юноше успокоить душевные волнения инспектора в последней главе (причем именно такие слова и требуются Корравану)? Считаете ли вы, что Гарри, Колин и Корраван оттеняют достоинства и недостатки друг друга? Если да, то как? Если нет, то почему?

7. В конце романа Корравану становится известно: есть шанс выяснить, что произошло с его матерью, пропавшей, когда он был еще

ребенком. Ее исчезновение повлияло на психику главного героя. Например, в романе «Вниз по темной реке» он признает, что «исчезновения людей волнуют меня даже больше, чем убийства». Однако это не единственное событие, которое определило дальнейшую жизнь Корравана. Годы, проведенные у Дойлов, стали для него альтернативой отношениям, закончившимся одиночеством и неуверенностью. Как свидетельствуют об этом сцены разговоров с Элси, ма Дойл и даже с Колином? Считаете ли вы, что неуверенность, порожденная отсутствием данных о пропавших после крушения «Принцессы Алисы» людях, лишь усиливает тревожность Корравана?

8. Во втором романе предыдущей серии (*A Trace of Deceit*, 2019) моя героиня, Аннабель Роу, изучая историю своего брата, понимает: вероятно, все воспоминания из их общего детства пропитаны обманом; память по природе своей — вещь хрупкая и ненадежная. Воспоминания Корравана о годах, проведенных в семье Дойлов, также не отличаются точностью. Почему он не помнит Колина таким, как описывает его Элси, пока та не напоминает Корравану подробности? Есть ли у него эмоциональный заслон, не дающий полностью восстановить в памяти те дни? Возможно, его память хранит лишь то, что он понимал в свои девятнадцать? Как меняется наша память, когда мы взрослеем и находим новые способы интерпретации событий прошлого? В какой степени Колин является помехой для воспоминаний Корравана?

9. В качестве второго эпиграфа к роману я выбрала цитату Дизраэли: «Юность — грубая ошибка: зрелость — борьба; старость — сожаление». Корраван далеко не стар, однако в конце книги он приходит к выводу, что сожаление имеет практическую ценность: воспоминания, пронизанные сожалением, могут стать путеводным маяком. Согласны ли вы с этим утверждением?

10. На страницах книги мы вместе с Корраваном «читаем» газеты и обнаруживаем в них смесь правды и лжи. Заставляет ли этот факт сочувствовать Корравану, пытающемуся раскрыть дело? В каком месте романа такое сочувствие проявляется у вас наиболее сильно, а в каком — наименее?

НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
МАЙКЛА КОРРАВАНА
НА АТМОСФЕРНЫХ УЛИЦАХ
ЛОНДОНА XIX ВЕКА

1878 ГОД. КРУШЕНИЕ НА ТЕМЗЕ ПАССАЖИРСКОГО ПАРОВОЗА
«ПРИНЦЕССА АЛИСА» ПОВЕРГАЕТ В ШОК ВСЮ АНГЛИЮ.
КОГДА КАТАСТРОФУ СВЯЗЫВАЮТ С ИРЛАНДСКИМ
РЕСПУБЛИКАНСКИМ БРАТСТВОМ, ИНСПЕКТОР МАЙКЛ
КОРРАВАН ПРИСТУПАЕТ К ПОИСКАМ ПРАВДЫ.

Если вы ищете медленную загадку
с великолепным развитием персонажей,
интригующим сюжетом и связью
с историческими событиями, настоятельно
рекомендуем приобрести эту книгу.

LITERARY QUICKSAND

Одден так ловко сплетает английскую
и ирландскую историю с частной историей
детектива Корравана, что читатели
будут перелистывать страницы
до поздней ночи.

Сьюзен Элиа МакНил,
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-370-05306-1

9 785370 053061

METAMORPHOSES

БММ

БОЛЬШЕ ЧЕМ КНИЖНЫЙ
www.bmm.ru

notes

Примечания

1

Звездобой — вор, аккуратно выбивающий маленький участок окна с тем, чтобы открыть его изнутри. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

«Молли Магуайр» — тайное общество, состоявшее из ирландских по происхождению шахтеров, работавших на угольных шахтах.

3

Фарлонг — мера длины, примерно 200 метров.